НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА
МИХАИЛ САВЕЛИЧЕВ
ЛАБИРИНТ ДЛЯ МИНОТАВРА
Что нужно, чтобы стать богом?

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Бог безумен, ибо сотворен по образу и подобию человека, чей мозг неудачным экспериментом обращен в сингулярность. Но демиург не обсуждает порученное ему богом дело, он строит новый Эдем для нового человечества. Вот только человек, возомнивший себя богом, и его демиург, считающий себя человеком, не могут творить из ничего. И последний в Солнечной системе знаток старинной научной фантастики готов предложить самозваному Творцу то, что тот жаждет получить.

- Михаил Савеличев
  - ○
  - ○
  - ○ Книга I. Явление Корнелия
    - ■ 1. Великая Мать
    - ■ 2. Падающие звезды
    - ■ 3. Контрольный звонок
    - ■ 4. По ту сторону
  - ○ Книга II. Ткач восстания
    - ■ 1. Прибытие
    - ■ 2. Доктор Панглос
    - ■ 3. Примарка
    - ■ 4. Брут
    - ■ 5. Боец
    - ■ 6. Красное кольцо
    - ■ 7. Фабрика
    - ■ 8. Огневик
  - ○ Книга III. Феодоровский процесс
    - ■ 1. Санаториум
    - ■ 2. Восстановление
    - ■ 3. Вергилий
    - ■ 4. Судилище
    - ■ 5. Вердикт
    - ■ 6. В свои разрушенные тела…
    - ■ 7. Саломея
    - ■ 8. По следу
    - ■ 9. Возвращение памяти
    - ■ 10. Ночной визит
    - ■ 11. Нить
    - ■ 12. Четвертый отсек
    - ■ 13. Харон обратно не перевозит
  - ○ Книга IV. Лапута

- 1. Тритон
- 2. Возвращение Минотавра
- 3. Сумасшедший робот
- 4. Допрос
- 5. Исход
- 6. Клайменоли
- 7. Наблюдатель
- 8. Чудовище
- 9. Одиночная вахта
- 10. Первопроходец
- 11. Битва
- 12. Падение с небес

○ Книга V. Венера
- 1. Падший
- 2. Диалоги
- 3. Пленение сталков
- 4. Оракул
- 5. Пророчество
- 6. Адажио Ди Минор
- 7. Рождение Нити
- 8. Визит примара
- 9. Путь к Тахмасибу

○ Книга VI. Океан Манеева
- 1. Собрание
- 2. Корабль
- 3. Быков
- 4. Хребет Космонавта
- 5. Ключ
- 6. Мина
- 7. Червоточина
- 8. Встреча
- 9. Берег

○ Книга VII. Червоточина мироздания
- 1. Гнев Юпитера
- 2. Атлантида
- 3. Отпрыски звезд
- 4. Мать
- 5. Миф о Минотавре
- 6. Восход Юпитера
- 7. Карлик Нос
- 8. Теогенезис
- 9. Фронтир
- 10. Свидетель

○ Книга VIII. Люцифер

- 1. Терра сингулярность
- 2. Бурение
- 3. Сверхновая
- 4. Червоточина-в-голове
- 5. Исчезновение
- 6. Коатликуэ
- 7. Игра
- 8. Сон
- 9. Пытка
- 10. Каннибал
- 11. Побег
- 12. Восхищение Европы
- 13. Бог

○ Книга IX. Благовесть
- 1. Через миллиард лет после конца света
- 2. Новое тело
- 3. Задание
- 4. Вечерний джаз в четыре руки
- 5. Смерть-цивилизация
- 6. И опять Корнелий
- 7. Спор с Брутом
- 8. Вспышка
- 9. Благая весть
- 10. Пленники
- 11. Зеркало
- 12. Ленты
- 13. Слой Юрковского – Крутикова
- 14. Тяготение
- 15. Прямоточник

○ Книга X. Вода Большого канала
- 1. Большой канал
- 2. Лик Юпитера
- 3. Калейдоскоп
- 4. Воспламенение
- 5. Янус
- 6. Комиссар
- 7. Превращение

○ Эпилог. Поверхностное натяжение
- 1. Пробуждение Януса
- 2. Феномен
- 3. Вид на М-сингулярность
- 4. Шут
- 5. Мостик
- 6. Изображения не лгут

- 7. Откровение

Михаил Савеличев
Лабиринт для Минотавра

Ветхозаветный киберпанк

(Автор благодарит Сергея Шикарева за придуманный им жанр – «ветхозаветный киберпанк», в котором и написан данный роман.)

На Венере, ах, на Венере
Нету смерти терпкой и душной,
Если умирают на Венере –
Превращаются в пар воздушный.

Н. Гумилев

…И сотворил человек бога по образу и подобию своему.

Теогенезис

Книга I. Явление Корнелия

1. Великая Мать

Отсюда, с обрыва, находка выглядела огромным медным куполом, покрытым разводами патины. Казалось, кто-то укрыл в глубинах почвы колоссальный шар, хотя, насколько знала Пасифия, формой предмет больше походил на асимметричный эллипс с заостренным концом. Но в чем заключалось его содержание, а тем более суть, никто, конечно же, пока не ведал. Находка вызвала прилив любопытствующих и создала море неудобств как для ведущих раскопки, так и для обитателей поселка, привыкших к размеренной жизни их тихой заводи. Жалобы и взывания к совести результатов не возымели. Случился естественный отлив интереса к находке, усугубленный тем, что ультразвуковое сканирование обнаружило – артефакт, или как его называли сами археологи – «анклав», имеет столь чудовищные размеры, что пришлось бы смыть значительную часть леса и ликвидировать близлежащие поселки, чтобы поднять его на поверхность земли. Никто, естественно, на подобные материальные и моральные траты идти не собирался, раскоп законсервировали, а встревоженных жителей окрестных поселков успокоили, заверив, что никакое переселение им не грозит.

Постояв на обрыве еще немного, Пасифия вернулась в лес. Погода выдалась подходящей для прогулки – моросило, между деревьев плавали облака тумана, под ногами разливались лужи, и Пасифия в них с удовольствием наступала. Она пожалела, что взяла зонт, – светило утонуло в низких плотных облаках до самого вечера, когда ветер с побережья разорвет их в клочья, открывая небо настежь. Зонт цеплялся за кусты, ветви и лианы, повисшие сытыми червями, и Пасифия пыталась поудобнее пристроить его то на плече, то под мышкой, а то и просто волочить за собой, пока все же не нашла для него нужное положение. Можно использовать его как опорную палку! Зонт если и не помогал, то, по крайней мере, не мешал впитывать прелести послеобеденной прогулки. Когда изогнутая рукоять удобно слилась с держащими ее пальцами, Пасифия ощутила себя не то бывалым мореходом, не то бодрящейся старухой, утекшей от чрезмерной, на ее вкус, опеки медперсонала Санаториума, дабы доказать неведомо кому, будто она еще ого-го-го!

Телониуса на вас не хватает, подумала Пасифия, вот ему никогда не удавалось примириться с несовершенством окружающего мира, из-за чего и отправился на свою жуткую Венеру превратить непригодное для существования пекло в приятную для жизни и работы заводь, и как знать, – успокоится

он на этом или возьмется за преображение иных планетоидов? Как называют подобных ему? Демиургами?

Пасифия не заметила, как далеко позади остались утоптанные дорожки и ухоженные участки леса, почва раскиселилась, поглощая ступни до щиколоток, а затем выше и выше, подбираясь до икр, а справа и слева зеленели не лужи, а самые что ни на есть озерца и болотца. Но протянутые по чащобе паучьи нити – за одну из них Пасифия тут же ухватилась – не позволяли заблудиться. Разве что забрести в совершенно непроходимые места. Затем путь преградила чащоба упавших и покрытых длинными водорослями мха стволов, и Пасифии волей-неволей пришлось остановиться – на этот раз она превзошла саму себя, кажется, все-таки потеряла дорогу. Вокруг с треском шмыгали стрекозы, порхали бабочки всех размеров и расцветок. На ближайшем стволе пристроился скорпион умопомрачительных размеров, из тех, что называют «минотаврами», угрожающе задрав хвост с жалом и выставив в сторону Пасифии клешни. На хвосте проступила желтоватая капля яда.

Пока Пасифия раздумывала – не ткнуть ли скорпиона зонтиком, должен ведь тот сгодиться на что-то еще, кроме как служить посохом заплутавшего странника, – внезапный резкий звук прорезал тишину и покой чащобы, скорпиона словно водой смыло, а Пасифию окутал вихрь вспуганных бабочек. Она отмахнулась от глупых чешуекрылых, однако ощутила знакомый зуд между пальцами. Когда мельтешение понемногу рассеялось, Пасифия огляделась по сторонам в поисках источника незнакомого звука и столь знакомого зуда.

Кто-то в поселке клялся, будто видел в здешних чащобах странную личность, выводящую рулады на самодельном древесном органе. Если честно, Пасифии очень хотелось в подобное поверить, на одной из прогулок встретить таинственного музыканта и насладиться давно неслышимыми ею переливами воды и шумом древесных соков, резонирующих под пальцами и палочками органиста, но сколько она не совершила выходов в лес, а встретиться с загадочным органистом не удавалось. Но сейчас ей почудилось, что чувствует знакомые волны ноктюрна «Благовест», однако это оказалось всего лишь капелью очередного приступа дождя из низких туч. Впрочем, по тем же слухам выходило, будто органист выводит рулады не в одиночестве, что выглядело бы весьма романтично, а в компании громадного первопроходческого робота, охраняющего хозяина не только от норовящих наползти скорпионов и прочей нечисти, но и от нескромных взглядов и ушных отверстий. Однако в последнее верилось совсем с трудом, как и в то, будто у лесного

музыканта напрочь отсутствует голова, а вместо нее зияет черная бездна, но это совершенно ему не мешает играть.

– Так-так-так, – сказала Пасифия, впервые за время пребывания в лесу нарушив молчание. – И что бы это значило? – Едва ли рядом мог находиться некто, ею незамеченный, готовый дать ей, Пасифии, страннице с зонтом, необходимые пояснения.

Как ни удивительно, но ответ Пасифия получила сразу – сквозь непролазный на вид бурелом протекла и встала перед ней во весь огромный рост Великая Мать. Пришлось попятиться, уступая ей место, хотя места имелось в избытке, но Пасифии меньше всего хотелось находиться в такой близости от выплывшей из глубин леса фигуры. Великая Мать была как Великая Мать – вчетверо превосходя по росту Пасифию, которую никто не решался назвать существом хрупким, и вчетверо – по ширине, хотя опять же никто не осмелился укорить Пасифию в излишней стройности. В остальном Мать выглядела не ахти, что не удивительно. Если учесть скудную населенность здешних мест, издревле отведенных под сугубо служебные нужды обитателей, в массе своей предпочитающих и более теплый, и более влажный климат экваториальной зоны. Нет, все положенное у Великой Матери наличествовало: могучие складки в подобающих местах, татуировки и шрамы замысловатыми узорами разбегались по коже. Но в остальном она своею неухоженностью вызывала у Пасифии неуместное сочувствие, пожалевшей о забытом походном косметическом инструменте, хотя когда она собиралась, ее взгляд омыл коробку из темного дерева и накатила мысль – а не взять ли ее с собой на прогулку. Поколебавшись, выбрала зонт, это казалось и прагматичнее, и не столь экстравагантно как тащить в лес набор гребешков, ножниц и пилок.

Вот здесь и сейчас они бы ей не помешали, а помогли привести хоть в какой-то приличный вид Великую Мать, она разглядывала Пасифию круглыми выпученными глазами, по цвету неотличимыми от яда на жале скорпиона. Расчесать обильно сдобренные зеленоватой присыпкой моховых спор свалявшиеся волны волос, в них застряли сучки, кора дерева, разноцветные личинки каких-то насекомых, подпилить и подстричь ногти, выковыряв из-под них темно-зеленую кайму грязи. Да мало ли что еще! У Пасифии ладони зачесались от несвойственной ей жажды косметологической деятельности, но Великая Мать, поняв, что встреченное ею существо находится здесь случайно, а отнюдь не для того, ради чего она, Мать, выплыла из чащобы, стремительно вытянула руки, обхватила Пасифию за плечи и осторожно отставила в сторону, будто чашку,

стоящую не на месте, и пошла дальше, издавая урчание.

От прикосновения ладоней Великой Матери Пасифия чуть не вскрикнула – настолько они показались горячими. А когда огромная фигура скрылась за деревьями, не нашла лучшего, чем направиться за ней. Учитывая ее гипостазис, легко можно было догадаться, зачем она появилась в такой близости от поселка. Следуя отпечаткам ступней Великой Матери, Пасифия перебирала по памяти соседей, которым мог потребоваться визит гостьи из леса. Когда уже решила, что это несомненно должна быть Астея, чей животик в последние недели весьма округлился, хотя вблизи не наблюдалось ни единого соискателя отцовства будущего потомства ввиду склочности виновницы грядущего торжества, она вдруг вышла на илистый берег озерца.

На первый взгляд, озерцо как озерцо – бесчисленно их разлито вокруг поселка, и еще больше там, куда не ступала нога даже весьма праздного странника. Подернутая островками ряски поверхность, легкий дымок, в нем клубилась вездесущая мошкара, а глубина такая, что вода казалась черной. Однако к берегу вело несколько тропинок, отнюдь не звериных, а самых что ни на есть разумных существ, в густой, жирной почве имелись отпечатки ног. Голых ног. Великая Мать уверенно ступила на одну из тропинок, замерла, будто колеблясь – идти / не идти, полуобернулась и посмотрела на Пасифию. Руки ее слегка приподнялись и сделали весьма прозрачные жесты, приглашая преследовательницу стать провожатой, то есть обойти Великую Мать и первой погрузиться в родовые воды.

– Нет-нет, что вы, – прошептала Пасифия, – я для подобного чересчур стара, Великая Мать.

Величественная фигура вряд ли расслышала ее слова за шумом леса, но поняла жесты, кивнула и продолжила путь. Тут бы Пасифии, утолившей жажду любопытства, тоже окунуться в собственные дела, кои явно не находились в глубинах родового озера, а терпеливо поджидали в поселке. Но она, будучи существом, которое никогда не удовлетворится первым глотком, а немедленно сделает второй, все же ступила на скользкую дорожку и, опираясь на ручку зонта, медленно-медленно, чуть ли не на цыпочках пошла к заросшему камышом берегу.

Когда кончики пальцев ног, перепачканные глиной, коснулись горячей воды, Пасифия вытянула шею и долго-долго смотрела туда, где свершалось таинство. Обнаженные тела, словно налитые светом, просвечивали сквозь толщу вод, а приповерхностный слой кишел отпрысками. Великая Мать погрузилась в озерцо по пояс и производила непонятные пассы, будто разгоняя мошкару, а один из отпрысков ткнулся в ноги

Пасифии, застрял на мелководье, и ей пришлось наклониться, чтобы осторожно столкнуть его обратно.

Разглядеть лица покоящихся в озере не удалось, хотя она готова была поклясться – среди них ни единого знакомого, ибо женская половина поселения вряд ли привержена подобной архаике.

«Возвращенцы», – решила Пасифия и невольно посмотрела вверх, будто надеясь разглядеть за плотным пологом леса небо. Словно дожидаясь только ее взгляда, полог на мгновение разошелся по шву, обнажив черную с золотыми блестками подкладку, и нечто мелькнуло над верхушками деревьев, похожее на огромную медузу с округлым куполом тела и пятью толстыми отростками. Посмотрев ей вслед и решив, что дивное создание направилось как раз к поселку, Пасифия, досыта нахлебавшись небольшим приключением, двинулась прочь от озера.

2. Падающие звезды

Пасифия сидела на веранде, пила чай с вареньем из ламинарий и считала падающие звезды.

Сегодня их оказалось особенно много. Она сбилась на четвертой четверке, вновь принялась считать и опять сбилась. Огненные линии прочерчивали сумеречное небо, сгущаясь там, где располагался один из крупнейших космопортов.

В остальном вечер ничем не отличался от подобных вечеров, когда она возвращалась, принимала душ, натягивала домашнее одеяние и садилась в седалище-качалку у столика. Там, благодаря заботам домашнего кибера, уже пыхтел самовар, а над блюдцем с вареньем с тяжелым гудением барражировала пчела.

Светило делало вид, что клонится к закату, обитатели поселка делали вид, будто ему верили, поэтому утопающие в зелени домики погружались в предночную дрему, когда ложиться спать вроде еще рано, а продолжать вести активную жизнь вроде и поздно.

Пасифия зачерпывала ложечкой варенье, делала мелкие глоточки питья, кивала редким прохожим. Возможно, необычный вид вкушающей вечерний покой Пасифии и стал причиной того, что один из проходящих на приветственный кивок столь же приветственно кивнул, но не пошел и дальше по своим делам, а остановился и принялся разглядывать ее с откровенным удовольствием. Во рту он держал самый обычный леденец на палочке – круглый, полосатый, их обожают отпрыски, и, судя по тому, с каким удовольствием причмокивал, то и он не чурался этого лакомства. Прохожий извлек леденец изо рта, с преувеличенным вниманием осмотрел его слоистую округлость и лишь затем произнес, как бы между прочим:

– Прекрасно выглядите, Пасифия.

Пасифия только теперь признала Корнелия, жившего на другой стороне. Поначалу он показался ей совершенным незнакомцем. Удивиться она не успела, память услужливо вынесла на поверхность – Корнелий появлялся наездами, но, кажется, здесь Пасифия колебалась, их так и не представили друг другу. Скорее всего нет. Разве что обменивались кивками при случайных встречах.

– И вам здравствуйте, Корнелий. – Пасифия зачерпнула ложечкой варенье и отогнала пчелу. – Хотите пить?

Вопрос вежливости, не более. На такой обычно принято отговариваться морем домашних дел, требующих неотложного внимания. Но Корнелий, к удивлению Пасифии, не отказался, и

вот он опускается в плетеное седалище, в нем устраивается, закидывает ногу на ногу и, в свою очередь, вопросительно смотрит на Пасифию, слегка улыбаясь. Только теперь она сообразила – что не так на ее гостеприимном столе. Пришлось подняться и сходить на кухню за чашкой, блюдцем и ложечкой для гостя. Коробку, которую держал под мышкой Корнелий, пристроил на краю стола, так, чтобы не мешала угощаться.

Когда его обеспечили всем необходимым для расслабленного времяпрепровождения, а именно – питьем из заварочной емкости, кипятком из самовара и вареньем из банки, пришло время приятной беседы. Пасифия неожиданно для себя самой рассказала Корнелию о прогулке на археологический раскоп и увиденной собственными глазами загадочной находке.

Однако история, похоже, не слишком заинтересовала гостя, он лишь вежливо кивал, прихлебывая из чашки и зачерпывая ложечкой варенье, поглощал он его удивительным способом – подносил ложечку ко рту, макал в нее палец и тщательно его облизывал.

– Иногда мне кажется, весь этот мир – огромный анклав, где кишат головастики и воображают себя людьми, – пробормотал он. Но поскольку Пасифия не поняла, что гость имел в виду, а также учитывая, что сказанное, скорее всего, никому конкретно не предназначалось, она сочла за благо перевести разговор на самого Корнелия.

– Чем занимаюсь? – не слишком вежливо переспросил Корнелий, будто Пасифия чересчур витиевато задала вопрос, так что потребовалось дополнительное уточнение. – Видите ли, Пасифия, у меня изрядно занятий в вашем мире. Можно сказать без излишнего преувеличения, приходится заниматься всем, что встретится на пути или попадется под руку. Этакий мастер на все… гм… руки и прочая, прочая… Но, если добираться до сути, а именно суть вас, судя по всему, интересует, то я – гончар по братству. И как гончар по братству, обязан примеривать на себя тысячи лиц, чтобы лучше… гм… скажем шершаво, лучше исполнять возложенные на себя обязанности.

Словно в подтверждение слов гостя по улице прошествовал гипостазис, похожий на нелепую кривую башню, собранную из первых попавшихся под руку кухонных принадлежностей и приборов, причем вершину его увенчивала кипящая емкость, издававшая длинные пронзительные свистки. Гипостазис произвел на Корнелия необычное воздействие – гончар съежился в седалище, подобрал ноги, напрягся, точно в любое мгновение готовый выпрямиться пружиной, скакнуть через перила и смыться.

– Гипостазис чепухи, – не удержалась от ядовитого укола Пасифия. – Он вам хорошо известен, гончар?

Однако гость полностью приплыл в себя, вновь перетек в расслабленную позу и сообщил как ни в чем не бывало:

– Пустил семью пожить. Из этих, знаете ли, возвращенцев… Милая семейная пара и тройка шумных отпрысков, по которым интернат плачет.

– Неужели? – подняла брови Пасифия. – Они и сюда доплыли?

– О да! – Корнелий хлопнул ладонями по коленям. – Поток нарастает с каждым днем, сами видите – какая сегодня активность. – Он кивнул на зарево от падающих звезд. – К вам приходил наш любезный Панкрат с просьбой дать временную пристань?

Пасифия зачерпнула варенье, отработанным плавным движением отогнала пчелу. Запила кисловатую сладость крошечным глоточком питья.

– Во-первых, я живу здесь с сыном, – веско сказала Пасифия со всеми полагающимися жестами, словно Корнелий, взяв на себя обязанности старосты, примеривался к ее заводи на предмет стеснения парочкой семей возвращенцев. – Во-вторых, насколько я извещена по Информаторию, возводятся новые обиталища для таких, как они. Почему бы возвращенцам, вместо летаргии в захолустье, не уплыть на ударные стройки? К тому же…

– Они уплывают, – торопливо вставил Корнелий, видя, что поток аргументов со стороны Пасифии далеко не исчерпан. – Но, уважаемая Пасифия, вы не очень их жалуете?

– Мой сын на Венере, – несколько раздраженно сказала Пасифия. – И возвращаться не собирается. По крайней мере, пока не выполнит свою работу.

Известие об этом оказало на Корнелия столь же непонятное воздействие, как и скрывшийся из виду гипостазис, – он сел прямо, воззрился на Пасифию с нескрываемым изумлением, несколько раз открыл и закрыл безгубый рот, и даже его коробка оказалась подхвачена со стола и прижата к груди, словно он собрался немедленно, не попрощавшись, дать с веранды деру. Однако самое удивительное произошло с физиономией, по которой волнами прокатились маски, подтверждая шутку про тысячу лиц. Вот он крепко сбитый молодец, затем молодая, но жутко тощая женская особа, а затем и вовсе отпрыск с копной густых волос. Но необычное действо продлилось еле уловимое мгновение, и Пасифия убедила себя, что это на нее наплыло некое помутнение, став причиной столь причудливого метаморфоза.

– Обмениваетесь с ним сообщениями? – Корнелий все так же сидел в своеобычной позе, прихлебывая и вкушая. А заодно отгоняя пчелу.

Пасифия помахала рукой:

– У меня есть волнофон. Вот по нему он и звонит. – Поколебалась, но не без гордости уточнила: – Каждый день звонит, и я полностью в курсе его дел.

– Но ведь это, наверное, неудобно? Задержка волны… Сколько приходится ждать ответа? – И вновь Пасифию окатило ощущение, будто столь невинный вопрос имеет скрытую глубину, весьма для Корнелия важную. Ощущение не из приятных, словно потеря дна под ногами. Она жалела, что столь неосмотрительно допустила на порог пристанища весьма подозрительную личность.

– Никаких задержек нет, – отрезала Пасифия.

– Ах ну да… Конечно же. – Корнелий зачерпнул еще варенья, но не отправил в рот, а стал наблюдать, как над ложкой барражирует пчела.

Когда Пасифия решила, что Корнелий испил запас бесцеремонных вопросов, он вдруг сказал:

– Я слышал краем уха, будто вы, Пасифия, были весьма известной пианисткой.

От этих слов ей захотелось выпроводить гостя если не шваброй, то холодным указанием – пора и честь знать, уже поздно, а ей, Пасифии, рано вставать. Причем Корнелий должен сразу осознать – причиной столь холодного тона являлись не усталость (что, впрочем, отчасти правда), не предстоящий ранний подъем (тоже правда, ибо Пасифия та еще лежебока), а последняя фраза. Корнелий нароком или ненароком оборвал тонкие ниточки взаимной симпатии, успевшие протянуться между ними, и на будущее ему лучше миновать ее пристанище без жестов дружбы и добрососедства.

Закипая гневом, Пасифия уперлась кулаками в колени, собираясь подняться, но Корнелий окатил еще более вопиющей неучтивостью:

– Сам я не особый любитель, знаете ли, но с удовольствием послушал бы что-нибудь в вашем исполнении. Рояль у вас, наверное, имеется?

Пожалуй, только практика личностной интроспекции заставила Пасифию остаться сидеть и в ходе экспресс-анализа вынесенных за скобки впечатлений выявить в них нечто, что ей совершенно не понравилось их чужеродностью и неадекватностью. Корнелий ее провоцировал, но поддаться и выдать ожидаемую им реакцию – верх непрофессионализма даже

для такого весьма посредственного феноменолога, каковым Пасифия себя считала.

Она порылась в кармане, выложила на стол кисет и принялась набивать глиняную трубочку. Что еще может служить хорошим дополнением к питью с вареньем из ламинарий, теплому вечеру, плавно перетекающему в не менее теплую ночь, да еще к собеседнику, столь ловко оказавшемуся здесь. Пасифия не сомневалась в неслучайности возникшего между ними знакомства.

– Рояль у меня имеется, Корнелий, но я давно не играю. Лучше послушаем вечернюю тишину, если не возражаете.

Гость усмехнулся и кивнул.

Тогда и Пасифия, в отместку за бесцеремонность гостя, потянулась к коробке, которую Корнелий принес с собой и вроде бы совершенно о ней забыл, постучала по ней ложкой и поинтересовалась:

– Что там такое?

Корнелий покосился выпуклым глазом, лениво сморгнул и ответил вполне, как показалось Пасифии, серьезно:

– Люди. Там у меня целый мир людей, Пасифия.

При этом он возложил на коробку ладонь, чтобы чересчур любопытная Пасифия не приподняла крышку и не заглянула внутрь.

3. Контрольный звонок

Ночью Пасифию разбудил звонок. Волнофон находился внизу, где она устроила временно лишенного пристанища Корнелия. Пришлось накинуть на плечи паутинную шаль и спуститься из спальни по отчаянно скрипучей лестнице. Волнофон продолжал булькать, но Корнелий ничего не слышал, весь закутавшись в одеяло и еще зачем-то положив вторую подушку на голову. Его таинственная коробка лежала на столике, и Пасифия, подхваченная внезапным приливом любопытства, отклонилась от первоначального маршрута, справедливо рассудив, что звонящий должен понимать – кому, куда, а главное – когда звонит, а потому может подождать, и с усмешкой обнаружила, что в коробке некогда распространенная биомеханическая игрушка «Лабиринт Минотавра». Такой забавлялся маленький Телониус во время выступлений Пасифии. Она приподняла тяжелую крышку, сняв с нее кругло-слоистый леденец – гость, видимо, припас его на утро, – и заглянула внутрь, с невероятной высоты увидев далеко внизу запутанные коридоры лабиринта, по ним двигались фигурки, преследуемые Минотавром. Судя по всему, Корнелий остановил игру в наиболее безнадежной позиции, когда следовало кем-то пожертвовать, скормить чудовищу, рожденному от связи бога и простой смертной, и тем спасти остальных.

Словно ощутив близость чересчур любопытной хозяйки, Корнелий завозился под одеялом и подушкой. Пасифия торопливо прикрыла крышку и на цыпочках пробежала к волнофону.

Она подняла тяжелый аппарат и перетащила в комнату, где стоял зачехленный рояль. Именно на него водрузила волнофон, уселась на вращающееся седалище и ткнула в отверстие приема.

– Я вас не вижу, – сказала Пасифия в молочную пелену экрана.

– Прости, постоянно забываю. – Пелена рассеялась, и выплыло знакомое изображение. – Здравствуй, мама.

Телониус.

Пасифия смотрела на его иссохшее лицо, ввалившиеся щеки. Ей хотелось притронуться к нему даже сквозь экран, но она сдержалась. Лишь плотнее закуталась в шаль. Экран был слегка поврежден – неуклюжая Пасифия сама уронила прибор, но так и не починила, благо волнофон работал как ни в чем не бывало, разве что трещина змеилась по изображению Телониуса.

– Здравствуй, сынок.

– Опять я не вовремя, – сказал озабоченно Телониус. – У вас ведь глубокая ночь?

– Это не важно. Важно, что ты позвонил.

– Контрольный звонок, мама. Как всегда.

– Да, контрольный звонок, – кивнула Пасифия. – Каждый день, в крайнем случае, каждые два дня где бы ты ни был…

– …ты должен отыскать волнофон и позвонить маме, – продолжил с улыбкой Телониус. – Можно даже ничего не рассказывать, просто сказать, что с тобой все в порядке…

– Маме этого вполне достаточно, – завершила Пасифия фразу, которую твердила сыну с тех самых пор, когда он переехал в интернат. И с тех самых пор Телониус никогда не пропускал контрольных звонков. Где бы он ни был – здесь или там. – Как дела на Венере?

Телониус помолчал, посмотрел куда-то в сторону, будто рядом находился кто-то еще, при ком он не желал говорить, но все же сказал со вздохом:

– Скорее всего, проект закроют… Нас уже попросили подготовить предложения по консервации терраформовочных фабрик… Меня известили, что призван ткач восстания…

– Но почему?! – вырвалось у Пасифии. Превратить Венеру из адского пекла в райскую заводь – дело всей жизни Телониуса. Сколько он вложил в его разработку, а затем убедил скептиков, что это – не беспочвенная фантастика, а вполне реальный проект. И вот.

Телониус опять посмотрел в сторону, ощупал карманы куртки с шевроном демиурга и достал карточку.

– Вот, сделано несколько дней назад. – Поднес карточку к экрану.

Мгновенный отпечаток – мутный, расплывчатый. Кажется, стена, на ней размашистая надпись: «Главное – на Земле».

– Главное – на Земле? – непонимающе произнесла Пасифия. – Где это?

– Выжжено лазерным резаком на стене терраформовочной фабрики в районе Голоконды. – Телониус убрал карточку в нагрудный карман. – За последнюю ротацию из проекта утекли сотни работников. Улетают обратно. Под благовидными предлогами, а чаще без них. Хотел бы я создать не пригодное для жизни пристанище, а более послушное общество.

– Не знаю, что и сказать. – Пасифия провела рукой по влажной ткани, покрывающей рояль. От долгого простоя инструмент подтекал. Ей на какое-то мгновение вдруг стало радостно. От того, что проект закроют и Телониус вернется к ней. Сколько он там? Но так и не нашел времени прилететь. А потом

Пасифии стало стыдно за подобные мысли.

– Этим охвачено все, – пожал плечами Телониус. – Почему возвращенчество должно миновать нас? Даже Брут меня предал, а ведь был самым первым… самым верным… я сотворил его собственными руками, и вот все, чего касаюсь, обретает несовершенство, отягощенность… Что на это возразить? – Он хлопнул по карману, там лежал отпечаток.

– Но ведь это не так, – сказала Пасифия. – Здесь – водоем, но нельзя всю жизнь прожить в пруду.

– Ах, мама, – засмеялся Телониус. – Кстати, ты откуда со мной говоришь? – Он попытался заглянуть ей за спину.

– Из музыкальной. – Пасифия подвинула волнофон, чтобы Телониусу стал виден краешек рояля. – Редко сюда захожу, но сегодня как-то так получилось… – Про Корнелия не хотелось говорить.

Они помолчали, разглядывая друг друга.

– Что там у тебя? – в свою очередь спросила Пасифия, чтобы скрасить неловкость умолчания о незваном госте. – Какие-то рога…

Телониус оглянулся, потянулся и продемонстрировал жутковатого вида маску:

– Всего лишь шлем от скафандра высшей защиты для выхода на поверхность Венеры.

– Ужасно, – поежилась Пасифия.

Телониус усмехнулся.

– Сыграешь мне? – вдруг попросил он. Пасифия сжала пальцы, сминая ткань, укрывшую рояль.

– Но…

– Давно не слышал живой музыки, – сказал Телониус. – У нас бездонная аудиотека, но все на лентах. Сплошь музыкальные консервы.

Пасифия откинула крышку, провела ладонями по клавишам. Сколько она не играла? Неужели с тех самых пор? С тех самых пор, когда…

– Я, наверное, разучилась, – попыталась отговориться.

– Мама, это как плавать, разучиться невозможно.

– Ну, спасибо за сравнение. – Пасифия улыбнулась. Тронула клавиши.

– Ты была гениальной пианисткой, – тихо сказал Телониус. – Я слушал записи…

– Это было так давно, что кажется… кажется неправдой. – Пасифии невыносимо захотелось курить, но Телониус не одобрял ее привычки. – Гениальная пианистка закончилась, остался посредственный феноменолог.

Телониус потер ладонью щеку. Этот жест она помнила с того времени, когда он был еще совсем маленький и даже не ходил в садок.

Пасифия не выдержала. Достала из вазы спрятанную пачку, чиркнула спичкой.

– Мама, – сказал Телониус, и ей показалось, что он устроит ей очередной сыновий выговор. О вреде курения. Но он сказал другое:

– Надо завершать сеанс, мама.

– Понимаю, у тебя много дел. – Пасифия мимодумно нажала черную клавишу. Отдернула руку, будто обожглась. Но Телониус услышал.

– Тебе надо попробовать. Вдруг получится?

Волнофон продолжал работать на мертвом канале, отбрасывая неяркий свет на клавиши. Глаза привыкли к скудному освещению. Пасифия сжимала и разжимала пальцы, внимательно их разглядывая.

Руки.

Пальцы.

Величайший инструмент превращения мира идеального в мир физический. Сколько времени потребовалось эволюции создать столь великолепный инструмент, без него разум прозябал бы в мире бестелесных идей. Мысль – руки. Идеи – пальцы. И вот рябь на поверхности разума обретает плоть и вес. И звук.

Но горе, если тончайшая связь нарушена.

Связь между душой и пальцами называется талантом.

Она двигала руками, но подушечки пальцев даже не касались клавиш, скользили над ними. Нет, не из-за спящего Корнелия. Вернее, не только. Громкий храп незваного гостя намекал, что столь крепко спящего не разбудят звуки музыки. К тому же можно запереть дверь и включить волнопоглотитель.

Пасифия боялась. Боялась, что не удержится, сделает еще попытку, обреченную на неудачу. Попытку войти в озеро жизни дважды. И это надолго, очень надолго выбросит из привычного русла дел и забот.

Тебе надо попробовать…

Что она играла тогда? Обычный репертуар… и свой любимый ноктюрн, которым всегда завершала выступление, – «Благовест», как никогда уместнее прозвучавший именно там и тогда…

Ах, Телониус, ты даже не знаешь, о чем просишь. И не понимаешь – каково лишиться всего, что до краев наполняло жизнь. И дело не в овациях залов, не в хвалебных статьях критиков, вообще – ни в чем внешнем. А в жизни. В ощущении себя живущей полной жизнью.

Венус-порт. Она была там, когда идея терраформовки Венеры еще только прокладывала себе русло. Станция стремительно расширялась, раздувались новые купола, не поспевая за наводнявшими ее энтузиастами. Каким-то чудом Пасифии и ее импресарио удалось получить номер в общежитии. Он, глядя на окружающую тесноту, шутил, что добровольцы варятся в венерианском котле до состояния готовности. Вечером Пасифия играла для этих молодых, веселых, восторженных.

Именно тогда она и обрела Телониуса…

Импресарио торопил, говорил, что их ждут везде и повсюду, но Пасифия видела глаза и лица тех, кто приходил на концерты, где не хватало на всех седалищ, поэтому большинство устраивалось на полу или теснилось у стен. Музыка – тоже океан, необъятная вселенная, в которой обилие неосвоенных и неоткрытых островов и материков. Поэтому Пасифия столь остро переживала свое родство со строителями будущих венерианских пристанищ.

Ее тогда разбудил стук в дверь, и она подумала, что заняла чье-то место и сейчас придется потесниться, впустив в крохотную подсобку, полученную невероятными ухищрениями импресарио, еще пару-тройку венерианцев. Пасифия, проклиная все на свете, в особенности – тесноту, все же отворила дверь, хотя все в ней противилось этому. На пороге возвышалась под потолок Она… держа в руках сверток, который молча опустила к ногам Пасифии и столь же медленно и величественно удалилась, как умеют делать лишь гипостазисы… Конечно, потом импресарио с пеной у рта пытался убедить Пасифию, что никаких таких гипостазисов здесь быть не может, а все это проделки примаров… Маэстро уговаривал оставить подкидыша на Венере, но Пасифия всегда понимала – при ее сумасшедшем режиме гастролей она никогда не найдет достаточно времени лечь в горячие источники и самой произвести отпрысков. Сейчас или никогда. И выбрала то, что выбрала. К чести импресарио, он быстро смирился с неизбежным и даже выпросил где-то по случаю няньку для Телониуса – огромного робота-первопроходца, давно списанного из экспедиционного имущества. Но сохранившаяся точность движений позволила ему управляться с непоседливым отпрыском…

Закрыв крышку рояля, Пасифия встала, плотнее укуталась в паутинную шаль и шагнула через порог.

Привычный мир исчез.

4. По ту сторону

Она плыла в пустоте и темноте. Свернувшись будто эмбрион в утробе матери. Может, так оно и есть? Может, она – всего лишь зародыш? И предстоит пройти долгий путь превращений, пробежать миллиарды ступеней эволюции, чтобы стать ревущим, пачкающим младенцем?

Нет. Не так. Зародыши не умеют думать. Не могут осознавать себя. Они – заготовки личности, но не сами личности.

Я – это я. Я присутствую в этой пустоте и темноте. Осознаю себя. Осознаю свою телесность. Я даже знаю, как выгляжу. Там, где нет пустоты и темноты.

Я – женская особь. Взрослая. Умная.

Последнее слово – лишнее. К телесности не имеет отношения. Капля лести самой себе. К чему? Перед кем? Ведь вокруг – никого и ничего.

Хочется свернуться еще туже. Но тело не дает. Отнюдь не здоровых пропорций. С излишками. Склонное к полноте.

Дышать? Но ведь дышу. Хотя и чувствую в этом странность. Будто с каждым вздохом вбираю не воздух. Что-то иное. Более плотное.

Жидкость! Да, точно. Перенасыщенную кислородом жидкость.

Никуда без воды. Даже эмбрион плавает в воде. Океанической воде. В воде первоокеана. Из него начинаем свою жизнь. В нем выходим из нашей космической колыбели.

Так где же я?

И где была до этого?

Нет, не смерть. Это точно не смерть. Стучит сердце. Работают легкие. Чувствую тело. Руки. Пальцы. Мои пальцы.

В пустоте возникает легкая волна. Что, если открыть глаза?

Пустота имеет цвет. Багровый.

Есть верх. Есть низ. Мне надо вверх. Уверена в этом. Приходится расцепить пальцы, распрямить тело и сделать несколько движений, нарушив равновесие.

Я плыву. Вверх. Плыву и дышу. Дышу и плыву. Ужасно долго и скучно.

И выплываю. Вырываюсь на поверхность. И не понимаю. И начинаю задыхаться. Откашливаюсь.

Волны. Море. Океан.

Багровый. Вязкий.

Как кровь.

Мир двухцветен. Верх – черный. Низ – красный. Чтобы

оставаться на границе между цветами, приходится изо всех сил грести. Похоже на воду. Но только похоже. Волны. Возносят, опускают. Когда Пасифия оказывается на гребне, она пытается высмотреть берег. И ей кажется, она видит темную полоску. Туда и надо плыть.

Вот только дышать воздухом трудно. Есть выход – вновь погрузиться с головой и набрать в легкие жидкость. Но она не хочет этого делать. В том, что она дышит воздухом, а не жидкостью, – хоть какой-то крошечный шажок… вот только к чему? И от чего?

Толика самостоятельности.

Трудно. Очень трудно. Но сделать его нужно самому. Без посторонней помощи. Как когда-то маленький Телониус… Кто такой, этот Телониус? Мысль накатила, оставила имя и вновь отступила. Без объяснений.

Пасифия плыла. Загребала густую жидкость. Широко разевала рот, вгоняя в легкие скудный, разреженный воздух.

Дыши! Дыши! Глубже!

И когда казалось, что она никогда не доплывет до берега, колени касаются твердого. Руки нащупывают твердь. Она встает. Делает шаг, другой. Голова кружится. Но Пасифия идет. К берегу.

Темнота только кажется непроницаемой. Легкое свечение пропитывает все вокруг. Недостаточно, чтобы увидеть даль, но вполне – близкие плоские слоистые камни.

Вязкая жидкость океана последний раз пытается удержать, а потом с чавканьем отпускает.

Пустынный берег. Черные камни. Еле слышный шорох волн. Вплетается посторонний звук. Нечто трескается. Пасифия добредает до большого камня и тяжело опускается на плоскую поверхность. Смотрит туда, откуда вышла. И ничего не понимает.

Похоже на кадры, наложенные друг на друга. Будто кто-то голографировал ее, а потом спроецировал. Вот она плывет. Вот встает. Вот идет. Десятки, сотни фигур. Овеществленные время и движение. Словно она покрыта сотнями пленок, и с каждым движением они слетали с нее и застывали. Точные копии. Которые разрушаются. Трескаются. Кренятся. Рассыпаются.

Где я?

Кто я?

Почему я?

Сидя, ответов не добыть. Вставать не хочется, усталость уговаривает остаться, но Пасифия пересиливает себя. Когда рушится последняя копия, она поднимается и делает шаг, затем другой, оглядывается. И опять видит застывшие фигуры самой себя. Этого не избежать. Надо привыкнуть. Даже забавно. И

зеркала не надо – шаг вперед, поворот, и вот смотришь на себя, какой была мгновение назад. Можешь даже ткнуть, субстанция еще не застыла, не стала хрупкой. Пальцы погружаются в вязкую жидкость.

А затем – невероятное. Смещение, и вот ты внутри предстоящего мгновения и смотришь на себя, которая пытается тебя потрогать. А если повторить? Повернуться к предыдущей фигуре и опять коснуться ее? И вновь – смещение. И ты еще на мгновение назад.

Пасифия смотрит на свои отражения, но возвращаться к камню – там застыла одна из ее фигур – не желает. Делает шаг вбок. Двигается в другую сторону. Время ветвится. Ряд отражений раздваивается. И вновь можно вернуться к развилке, и опять изменить путь.

Только ли направление? Или – время? Мир, в котором время пространственноподобно? Тогда каково здесь пространство? Времяподобно?

Пасифия смотрит на небо, но оно непроницаемо черно. Это не тучи. Это – тьма. Тьма кромешная. Крышка. И ни огонька. Ни звездочки, ни спутника. Металлическое небо, словно Пасифия внутри кастрюли. Приглядись и увидишь медные заклепки. Анклав. Единственная мера времени, доступная здесь, – накат красных волн на темный берег. Но что если и это – видимость? Всего лишь бесконечный цикл? Пасифия пытается следить за волнами, уловить мгновение, когда их рисунок повторится, но ничего не получается. Чересчур одинаково. Не запомнить.

Тогда – идти дальше. Не обращая внимания на преследующие копии. Даже удобно. Если заблудится, их можно использовать для возвращения в исходную точку.

Вот и время. Каждый шаг приближает к чему-то. Нечто вспыхивает на фоне черноты. Искры. Пасифия поднимает голову и шагает.

Вспышка.

Еще шаг.

Еще вспышка.

Так, теперь остановиться, прикрыть веки и попытаться рассмотреть то, что отпечаталось в памяти. Картинка в ней. Нужно только дотянуться.

Конечно! Звезда! Сверхновая! Вспышка, осветившая и ослепившая! Хочется зажмуриться и одновременно впитать каждый квант драгоценной энергии погибшего светила.

А если двигаться быстрее? Например, бежать? Глупость. Но вдруг сработает? Вот и подходящее место. Словно кто-то протоптал дорожку. Словно здесь совершали пробежки, задрав

лицо к черноте, чтобы в ней проступили сверкающие огни.

Пасифия несколько раз вдыхает. До чего разрежен воздух. И бежит. Точнее, переставляет налитые свинцом ноги. Воздух обретает упругость воды, затем – твердость камня. Пасифия силится удержать бег. Дыхание разрывает грудь. Становится жарко. И тут же – холодно как в бездне. Казалось бы, подобное невозможно, но ей одновременно жарко и холодно.

Усилия стоят того. Как на фотопластинке проступают пятнышки звездного неба.

Сначала негатив.

Черное на сером.

Затем в одно мгновение – резкая перемена.

Выверт.

Вспышка.

Чужое небо. Совершенно чужое небо.

Небо Ван Гога.

Пасифия не знает, кто такой этот Ван Гог. Но убеждена – его небо.

Крупные диски звезд, вокруг них завихряются световые спирали, расходясь лохматыми концами и сливаясь в межзвездной пустоте потоками искр всех цветов и оттенков.

На такое можно смотреть бесконечно.

Небо – живое!

И близкое!

Протяни руку, и пальцы погрузятся в потоки красок.

Пасифия спотыкается и летит на землю. И только тогда понимает, что камень преткновения спас ее. Иначе – удушье. Она словно вырвалась из петли. Будто кто-то все же повернул вентиль баллона. Воздуха в нем мало, очень мало. Но это лучше, чем ничего. Гораздо лучше.

Встать. И идти. И смотреть. Ко всему привыкаешь.

Что дальше? Нужна цель.

Где она?

Пасифия замирает и видит, как продолжает идти. Несколько Пасифий отслаиваются от нее, будто надуваются мыльные пузыри, дрожат, но продолжают шагать, в свою очередь множась на все новые и новые Пасифии, которые расходятся в стороны, перебирая варианты направления. Некоторые ответвления быстро гаснут, лопаются, исчезают, другие длятся гораздо дольше, скрываясь в запутанных лабиринтах слоистых камней. Она будто в коробке игры у Корнелия… А кто такой – Корнелий? Близкий? Или безмерно далекий? Откуда-то из-за края мира? Что за непонятные мысли…

Неуверенный шаг, но ничего страшного не происходит – она

сливается с впереди стоящей фигурой самой себя. Словно лопнул мыльный пузырь. Даже брызг нет. Сзади? Сзади как и раньше – прошлое отвердевает. Оказывается прочнее грядущего.

Путеводная нить ее мыльных пузырей – вот по этому пути она пойдет. Или пошла? Детерминированность или свобода? Хочется испить свободы, Пасифия пытается сделать шаг в сторону, свернуть в боковой проход, но не получается. Курс задан.

Она, будущая, выбрала из целого ряда попыток, блужданий именно его. И не ей, настоящей, оспаривать выбор ее, будущей.

Взбирается на гребень, изредка оборачиваясь, чтобы еще раз увидеть все тот же океан до самого горизонта, багровый океан, из которого вышла.

Над океаном действо.

От черного сгустка спускается сотканная невидимым ткачом тончайшая нить, поначалу еле заметная, но затем все четче прорисовываясь, напитываясь грубой материальности, сворачиваясь в клубки, вновь распрямляясь, делая очередной рывок к поверхности океана. Между ними невидимая преграда, нечто препятствует черному сгустку забрасывать нить все глубже и глубже, сопротивляется, отталкивает, но раз за разом уступает, и нить ниспадает ниже, ниже. Пасифия различает, что это скорее туго скрученный вихрь, причудливо изгибающийся смерч, червоточина, пронзающая мир и жадно тянущаяся к океану. И жидкость ощущает ее приближение, в глубине возникает тусклое багровое свечение, мельтешение огоньков, похожих на крошечные коконы, эти коконы поднимаются навстречу червоточине, танцуют, толкают друг друга, словно борются за право оказаться первыми на поверхности. А затем смерч касается океана, один из коконов делает рывок и проникает внутрь черноты, становится еле видимым, толчками продвигаясь выше и выше, к черному сгустку. Но в вихре возникают спазмы, он дергается из стороны в сторону, извивается, будто проглоченный кокон ядовит и его надо немедля исторгнуть обратно, изблевать. И в конце концов это удается – с громким хлюпаньем светящийся кокон падает на берег, неподалеку от Пасифии.

Она не движется, ждет, но от нее отделяются полупрозрачные фигуры, которые расходятся в стороны, затем по искривленным траекториям, будто их притягивает тяготеющий центр, сливаются воедино у бледного кокона, уплотняются. Пасифия внезапно обнаруживает себя там, рядом с ним, протяни руку и дотронешься до рыхлой поверхности. И рука послушно сгребает бледную субстанцию, которая громко чавкает, и Пасифия с брезгливостью отбрасывает ее в сторону. Внутри кокона что-то есть. Плотное, темное. Пасифия руками рвет кокон, разбрасывает в стороны

рыхлые, сочащиеся противной жижей куски и видит то, что должна увидеть.

Ты ведь знаешь, что ему предстоит сделать, некто шепчет ей, он не только твой, он мой, мой, мой демиург, но Пасифия не желает слышать голос отовсюду и ниоткуда, она отмахивается, отгоняет его, надоедливую пчелу. Нет у него никакой задачи, никакой цели, предназначения, кроме того, чтобы принадлежать только ей и только ей…

Свернувшееся в позе эмбриона темное существо. Пасифия осторожно касается его гладкой головы, нежно гладит, пытаясь разбудить, но чтобы пробуждение наступило как можно мягче, постепенно уступая уют сна напору бодрствования. Могучее, мускулистое, словно вырезанное из дерева тело вздрагивает, по нему будто пробегает электричество, по каждому мускулу, сочленению, глаза открываются, встречаются взглядом с Пасифией.

– Ма… ма-ма? – с усилием произносит существо, и вместе с клокочущими звуками исторгает потоки темно-багровой жидкости. И вместе с исторжением с ним происходит жуткий метаморфоз, тело разбухает, наливается силой, но самое жуткое творится с головой. Из нее тянутся, вытягиваются рога, а лицо обретает столь уродливые черты, что только глаза матери могут разглядеть в выпученных, налитых кровью буркалах остатки тех искр, которые принадлежали ее сыну.

Книга II. Ткач восстания

1. Прибытие

Внешняя гидравлика оказалась отключена, и когда перепонка люка лопнула, Ариадна получила болезненный толчок в спину. Внутреннее давление почти вышибло из шлюпа, и если бы кто-то не подхватил, лежать ей на поёлах, как выкинутой на берег рыбке.

С головы сдернули дыхательную маску и бесцеремонно сунули в водоприемник, на сленге космоплавателей величаемый «блевотницей». А как иначе назвать мучительный и физиологически неприятный процесс избавления легких, а заодно и желудка от перенасыщенной жидкости, которой дышишь во время перелета?

– Спа-си-бо… – ухитрилась проговорить Ариадна между приступами рвоты. Она не видела своего добровольного помощника, так как головой торчала в видавшей виды «блевотнице», ее вряд ли кто чистил или дезинфицировал в последнее время. Когда-то блестящий раструб покрывали ржавые потеки, а из сливного отверстия воняло так, что еще больше выворачивало наизнанку.

– С вами всё в порядке? – Голос снаружи обретал в раструбе гулкость.

– Да… да, спасибо. – Она сплюнула остатки красноватой дыхательной жидкости и выпрямилась.

Меньше всего Ариадна ожидала обнаружить себя в центре внимания сотен глаз.

– Кто это? – невольно вырвалось у нее.

– Пожалуйста, прошу вас… – тихий, жалкий голос, осторожные касания. – Шлюп… Нам нужен шлюп…

– Дезертиры, – с презрением сказало огромное черное существо.

И тот, кто хватал Ариадну за локоть, не дожидаясь, пока она освободится от управляющих нитей шлюпа и стащит с головы командный шлем, съежился, отступил на шаг. Однако как и прежде протягивал в горестной мольбе руки.

Ариадна наконец-то содрала шлем, пучки нитей истончились, пожелтели. От разрыва связи со шлюпом тело зудело.

– Вы не вправе их обвинять. – Ариадна смотала управляющие нити в клубок и вложила его в молящие руки. – Посадите в шлюп женщин и отпрысков… Но прежде сгрузите гипостазис восстания, он в трюме…

– Да-да, конечно, – забормотал страждущий. – Женщин и детей… гипостазис…

– Воды вам должно хватить, – только и успела сказать в спину уходившего Ариадна и подумала, что, может, именно предвидение этого и заставило ее предпринять рискованный маневр гравитационного разгона в экзосфере светила, максимально сберегая жидкость.

Огромное черное существо с отвращением смотрело, как получивший управляющий клубок побрел по залу, где на полу сидели бывшие работники. Подчиняясь его безмолвным знакам, поднимались женщины, подзывали отпрысков. Никто не решался нарушать безмолвие, разбавляемое лишь гулом атмосферных двигателей. Даже экраны непрерывной трансляции работали с отключенным звуком, по ним ползли черные помехи, и казалось, что вещавший с них не имеет головы, на ее месте зияла чернота.

– Демиург террафомовки Венеры Телониус. – Черный гигант повернулся к Ариадне. – Но вы это знаете.

Сопровождавший его охранный робот, превосходивший демиурга высотой и шириной, шевельнул верхней парой конечностей, и Ариадне почудилось, будто это он говорит с нею.

– Ткач восстания Ариадна, – в тон ответила она. У нее текло по языку добавить, что и Телониус это знает – кто еще мог прибыть на шлюпе с орбитальной базы вне расписания, да еще так просто распорядиться кораблем. – Сколько здесь работников?

Телониус процедил:

– Здесь нет работников. Только возвращенцы. И какая разница – сколько? Все они – лишние.

– Когда возвращенцев направляли сюда на работу, вы не считали их ни лишними, ни обузой, – заметила Ариадна в широченную спину Телониуса, двигаясь вслед к выходу из зала.

– Они знали ценность этой работы – миллиардам таких же, как они, понадобится новое пристанище.

Идти пришлось медленно, переступая через пожитки, вытянутые ноги, а то и через скрюченные неудобным сном фигуры. Некоторые из ожидавших облачены в скафандры, чьи колпаки свешивались на спину сморщенными масками, похожими на праздничные личины смеха и печали – у кого как. При этом системы индивидуальной вентиляции работали на полную мощность, разгоняя духоту не только под оболочкой, но и вблизи, облегчая участь ожидающих.

– Послушайте, Телониус, а нельзя задействовать дополнительные воздуховоды? Дайте взрослым и отпрыскам продышаться.

– Правильно! Мы будем жаловаться! Всем нужен свежий воздух! Сколько можно терпеть! – немедленно раздались голоса в поддержку Ариадны. Несмотря на показное равнодушие

возвращенцев, она плавала в центре их внимания.

– Не говорите чепухи! – перекрыл жалобные голоса чей-то рык, и Ариадна было подумала, что это Телониус, но наткнулась на бешеный взгляд возвращенца, стоящего у самого выхода в форме администрации проекта. Шевроны неряшливо спороты, поэтому определить его бывшее звание оказалось невозможно. – Энергии хватает лишь на минимальную жизнедеятельность Лапуты! Если утекаем, не будем наливать проблем остающимся!

– Кто он? – спросила Ариадна.

Телониус оскалился:

– Брут. Мой бывший заместитель.

Брут. Брут. Что-то знакомое…

– Дедал Лапуты? – вспомнила Ариадна. И изумилась. – Значит, и он тоже…

– Тоже, – отрезал Телониус.

– Мы в аду! – Истошный крик перекрыл разноголосицу, и словно волна прокатилась по возвращенцам. Они вскидывали опущенные головы, привставали, пытаясь разглядеть – кто кричал.

Ариадна тоже не сразу заметила ее – тонкая тень возникла над сидящими.

– Вы не понимаете?! Мы – умерли! Нет никакого возвращения! Нет Феодоровского процесса! Мы в царстве мертвых! Отсюда нет возврата… нет…

Женщину потянули вниз, но она кричала и отбивалась. Ариадна увидела, что ее кисти заменяли примитивные протезы. К бьющейся в истерике женщине подбежал работник в комбинезоне медицинской службы, на ходу стягивая рюкзак с большой красной змеей.

– В аду, – пожал плечами Телониус. – Никто не поручал мне создавать на Венере ад, мне поручили создать рай.

– Кто она? – спросила Ариадна.

– Нерис, – сказал Телониус. – Саломея Нерис.

– Та самая? – не поверила своим ушам Ариадна и еще раз посмотрела туда, где уже толпились отлетающие, скрывая женщину с протезами. – Художница?

– Бывшая, – мрачно уточнил Телониус. – Вы ведь знаете, у возвращенцев…

– Да, – прервала его Ариадна. – Знаю.

И поежилась. Ей почудилось, будто она догадалась почему у Саломеи столь грубые протезы.

– Сколько всего воскрешенных среди участников проекта? – спросила Ариадна Телониуса.

– Все, – ответил он. Помолчал и добавил: – Венера

предназначена для них. Но вы слышали – они убедили себя, что попали в ад, и готовы на все, только утечь. Им плевать на остальных. Главное, возвратились они! Впрочем… Возвращенцы и есть возвращенцы.

– Вы так говорите, будто против Феодоровского процесса…

– Да, – рубанул Телониус. – Мы ничего не понимаем в том, что происходит. Почему возвращаются те, кто умер. Лишь придумываем удобные гипотезы.

– Мы достигли такого уровня психотехнологического развития, которое инициировало Феодоровский процесс… – начала было Ариадна, но Телониус раздраженно отмахнулся.

– Оставьте сказки для легковерных! И возвращенцев. Что одно и то же…

2. Доктор Панглос

Когда Ариадна вслед за Телониусом сошла с подъемника, ей на мгновение показалось, что она неведомым чудом очутилась дома. Перед ней холмистая равнина, густо поросшая травой, кустарниками и деревьями, нитями вились тропинки. В буйстве зелени таились жилища, по внешнему виду неотличимые от европейских. Иллюзия настолько полная, что Ариадна невольно ухватилась за перила, качнувшись от прилива ностальгии. Только в такие мгновения понимаешь – как же долго отлучена от родных озер.

Но иллюзия растворяется. Взгляд невольно отыскивает то, что ее порождает и выдает. Зеленый остров отделен желтоватым куполом от бешеной атмосферы Венеры. Надутая кислородно-азотной смесью оболочка небесного острова обеспечивала ему великолепную плавучесть в тяжелой углекислой атмосфере. За пределами оболочки виднелся кольцевой пандус со вздутиями и отверстиями многочисленных ангаров. Оттуда выскальзывали причудливые тени венерианских самолетов. Машины всплывали над платформой и отвесно ныряли с такой скоростью, будто ничто не держало их в атмосфере и вскоре им предстояло разбиться о пока еще мертвую поверхность планеты. Ариадна видела Лапуту со стороны во время ее поиска в атмосфере Венеры и маневра по стыковке, больше похожего на полет в лабиринте. Приходилось менять высоту и направление движения, подстраиваясь под суперротационные турбулентности. Обитаемый остров походил на анклав, их используют в биологических лабораториях.

Все обслуживающие механизмы, двигатели, лаборатории, фабрики, стыковочные узлы, стартовые площадки орбитальных кораблей утоплены под поверхностью. Ариадна предполагала, что там же, среди механизмов, располагались каюты персонала, ведь никаких пристанищ не хватит вместить тысячи и тысячи душ, обитающих на атмосферном острове. Пожив наверху, вряд ли кто захочет вновь нырять в царство пыхтящих кондиционеров, тяжкого гула двигателей Лапуты, вздохов пневмоэкспрессов, бульканья в водопроводных трубах и прочего техногенного шума, неотличимого от какофонии орбитальных пристанищ.

В толще окружающей зелени она разглядела работников, бредущих по тропинкам почему-то рывками, и Ариадне показалось, будто к ним прикреплены нити, а сами они марионетки, только внешне похожие на разумных существ. Она замедлила шаг, чтобы внимательнее их рассмотреть, но Телониус

лишь бросил непонятное:

– Клайменоли! Мы здесь обходимся без гипостазисов.

Ариадна еле поспевала за ним. Охранный робот следовал позади, не отставая, и Ариадне казалось, будто он наступает ей на пятки. Приходилось прибавлять шаг, порой переходя чуть ли не на бег, что со стороны выглядело, должно быть, забавно… Или жутко, подумала Ариадна. Но вот они наконец вышли к пристанищу, Телониус пнул перепонку двери и жестом гостеприимства предложил Ариадне войти. Робот замер на пороге, растопырив клешни, словно готовился отразить атаку на жилище демиурга разъяренных возвращенцев. Впрочем, судя по вмятинам и царапинам на стенах, пристанище неоднократно подвергалось спорадическим волнам недовольства, балансирующим на том зыбком пределе, что отделяет несогласие от восстания. Похоже, Ариадна прибыла на Лапуту вовремя.

– Будете находиться здесь, – сказал Телониус. Именно так – «находиться», отчего у Ариадны всплыла ассоциация с арестом, заключением под стражу и вообще – принудительной изоляцией. Она собиралась съязвить по этому поводу, но, посмотрев на набычившегося Телониуса, сдержалась. Ариадна предпочитала оправдывать только те ожидания, которые от нее ждут по должности. Кивнула и переступила порог.

– Мое пристанище, – сказал Телониус, – вы никого не стесните, а сам я здесь не бываю.

– Где же вы спите? – Ариадна не удержалась.

– Где застанет сон.

И ей представилось, как сон застает Телониуса посреди коридора в недрах острова, он немедленно ложится на поёлы и засыпает. Обязательно с кваканьем, заглушающим шум машинерии.

– Мне нужно говорить с теми, ради кого прилетела, – сказала Ариадна.

– Говорите здесь, какая разница? – буркнул Телониус и без всякого перехода сказал:

– Я читал вашу книгу.

– Какую?

– Ту, где вы укрылись под псевдонимом Доктор Панглос. «Этот лучший из миров», так?

– Ее и написал Доктор Панглос.

– Прекратите! Кто бы не написал, вы разделяете его положения?

– О недопустимости переделывать мироздание под наши сиюминутные нужды? Да, разделяю, – сказала Ариадна.

Телониус глубоко вздохнул, выпрямился.

– Творец создал мир несовершенным с целью дать нам возможность и способность его переделать. Единственный проект, который можно определить как «переделку мироздания», – мой проект. – Телониус сделал ударение на слове «мой». – Именно его вы решили уничтожить?

Ссориться с Телониусом не входило в ее планы, но что она могла ожидать?

– Телониус, – как можно мягче сказала Ариадна, – идеи Доктора Панглоса близки не только мне, но и многим другим. Вы можете объяснить – зачем нам еще один пригодный для обитания планетоид?

– А как же Феодоровский процесс, план возвращения всех, когда-либо живших? Разве не для этого нужна терраформованная Венера? Стать для возвращенцев пристанищем обетованным?

– Чепуха! Места всем вполне хватит.

Телониус помолчал, потом сказал:

– Впрочем, вы полезны. Вы вдохновляете. Злите. Это заставляет сражаться с тем, что нельзя победить.

– Как мне найти вас, если понадобитесь? – спросила Ариадна, когда Телониус сошел со ступеней и готов был нырнуть в заросли.

– Никак, – сказал Телониус. – Лапута – лабиринт, а я его Минотавр. Минотавр сам отыскивает свои жертвы.

Ариадна поежилась.

3. Примарка

В пристанище оказалось пусто. Ни единой вещи, указующей – здесь обитель демиурга терраформовки Венеры. Лишь стандартное оборудование – седалища и лежанки, кухонный комбайн, волнофон на дурацких изогнутых ножках. Ткнув в клавишу, Ариадна убедилась – работает и обеспечивает высший уровень допуска к океану информации. Телониус не утруждался выдумывать пароли доступа.

Единственной вещью, которая выбивалась из общей стандартности, оказался рояль весьма древней конструкции. На металлических боках с декоративными завитушками красовались подпалины, будто инструмент некогда потерпел катастрофу на корабле, где когда-то был установлен. Ариадна погладила его смятый бок и с удивлением убедилась, что рояль подключен к питанию – от него исходило тепло, а подушечки пальцев укололи клавишные сенсоры. К роялю имелся набор водяных дисков – выбирай, садись, играй или просто слушай, но ей пока не до музыки. Ариадна провела ладонью по дискам, убедившись – все они принадлежат одному исполнителю. Вставленный в разъем инструмента диск, судя по футляру, назывался «Восход Венеры». Ариадна хмыкнула. Наверное, все же стоило прослушать, чем вдохновлял свои демиургические силы хозяин пристанища, но Ариадна посчитала это слишком откровенным вторжением в жизнь Телониуса. Диск она прослушает, но не теперь.

Ариадна поймала себя на том, что горбится над экраном волнофона, вчитываясь в ежедневные отчеты о ходе проекта. От неудобной позы и накопившейся после космоплавания усталости на спине проступил пот, и вообще от нее попахивает немытым с долгой дороги телом.

Под душем она смыла пленку комбинезона и голышом дошла до напылителя. Ариадна заказала стандартное одеяние лапутян, повертелась под раструбом, распределяя нити равномерно по телу. Подумала перекусить – продуктовое вместилище оказалось забитым коробками с хлореллой, но решила воздержаться. Требовалась предельная ясность ума, а пищеварение, как Ариадна искренне считала, заволакивало эту прозрачность мутью сытости. Поэтому она ничего не брала в рот во время работы, истончаясь до полупрозрачности. Вот и сейчас она легко пересилила голод. Собралась продолжить знакомство с отчетностью проекта, но сверху вдруг кто-то спросил:

– Ты хочешь погубить Минотавра?

Ариадна растерянно осмотрелась, пока не увидела отпрыска,

лежавшего на высоченном шкафу, подставив ладошку под щеку, придерживая кукольную коробку с проступающими буквами «Древние мифы».

– Минотавра? – спросила Ариадна. Вид у отпрыска оказался столь же непривычным, как и месторасположение. Самый настоящий древний скафандр собрался на маленьком теле складками. Скафандр видал воды, оранжевые линии сигнальной системы почти слились с грязновато-белой поверхностью.

– Это его пристанище, – сказал отпрыск. – Он тебя привел, я видела.

Только теперь Ариадна сообразила.

– Я никого не желаю погубить, – сказала она. – Это моя работа. Вот и все.

Как общаться с отпрысками, Ариадна представляла смутно, поэтому решила говорить как со взрослыми – уважительно и доходчиво.

– Здесь все по-другому. – Отпрыск потряс коробку, раздалось шуршание пришедших в движение фигурок, готовых разыграть очередную сценку. – Ариадна дала Минотавру клубок, чтобы он погрузился в лабиринт мертвых за своей матерью и не заблудился там. Минотавр нашел мать, но на обратном пути их подстерег страж царства, муж Ариадны. Ревнивый муж убил Минотавра и с помощью нити сам вынырнул из лабиринта мертвых в мир живых.

– Я не собираюсь убивать твоего родителя, – сказала Ариадна.

– Минотавр мне не родитель. Мои родители смылись, а я осталась.

– Смылись? – переспросила Ариадна.

– Ну… да. – Отпрыск приподнялся и изобразил, будто гребет руками. – Они возвращенцы. Работали здесь. А потом погрузились в космоплав и отправились… м-м-м, восвояси.

– А ты осталась?

– А я осталась.

– Одна?

– Одна. Что такого? Здесь интереснее. Здесь мое пристанище.

Нечто в поведении и словах отпрыска смущало, но Ариадна не могла понять – что именно? Не решив, чем и как продолжить разговор, принялась внимательно себя ощупывать, проверяя, как комбинезон высох на ней. С полевыми распылителями всегда жди подвоха – пропустят какую-нибудь складку на теле, и – привет, прореха, ее не залатать.

– Кстати, – ей вдруг пришло в голову, что они так и не представились, но откуда-то отпрыск разузнал ее имя. Хотя сообщение о прибытии приплыло заранее, и Телониус-Минотавр

наверняка объяснил отпрыску, что в их пристанище появится еще жилец, – меня ты знаешь, но я тебя – нет. Как твое имя?

– Нить. – Отпрыск перекатился и упал со шкафа. Но прежде чем Ариадна успела испугаться, ей уже протягивали руку. – Смешно, да? Нить. Примарка.

– Нить, – повторила Ариадна, словно пробуя на вкус имя новой знакомой. – Примарка. А что это такое?

– Я здесь появилась, – объяснила Нить. – На Венере. Тех, кто появился на Венере, называют примарами.

Нить тряхнула головой, намотала на палец выкрашенную в молочный цвет прядку волос, и только теперь Ариадна с изумлением поняла – волосы настоящие! Не парик, в каких любили щеголять модницы, а вполне себе живые, шевелящиеся.

– Так это твой? – кивнула Ариадна на несуразный для аскезы Минотавра инструмент. Наверняка родители Нити перед тем, как смыться, пытались привить ей музыкальный вкус.

– Его, – вновь тряхнула волосами Нить. – Мать Минотавра была знаменитой пианисткой. У меня только коробка. – Она встряхнула коробку с куклами. – Это гораздо интереснее.

– Наверное, – согласилась Ариадна. – А что произошло с матерью Минотавра? Ты сказала, что она была? То есть сейчас…

– Ну да. Была. До тех пор, пока не погибла. А когда возвратилась, утратила свой дар. Ну, как обычно у возвращенцев. – Нить коротко засмеялась, и Ариадна невольно вспомнила Саломею с грубыми протезами на месте уже ненужных ей рук.

Любовь к матери доступна и холоднокровным, подумала Ариадна, представив огромного Минотавра, проявляющего чувства отпрыска к родительнице. Получилось плохо. Впрочем, не ей судить.

– Где я могу найти Телониуса? – Ариадна решила, что расспрашивать отпрыска в отсутствие попечителя о делах на Лапуте неэтично. Правильнее взять за рога того, кто таковую информацию должен ей предоставить. А вопросов к Минотавру у нее достаточно. – Или он уже спит там, где его застал сон?

– Он не спит, – возразила Нить. – Он сражается. Бьется.

– Сражается? – не поверила слуху Ариадна, но Нить повторила очевидный жест. – С кем? Ах да… не с тем ли, кому я так и не вручила путеводной нити из лабиринта, поскольку никакой нити у меня и нет?

– Его зовут Пан, – серьезно сказал отпрыск.

4. Брут

Выход из пристанища Минотавра загораживал робот, про него Ариадна почти забыла. Чудище широко расставило верхние и нижние конечности, готовое схватить и разорвать любого, кто рискнет переступить порог, и неважно откуда попытка будет совершаться – изнутри жилища или снаружи. Ариадна не испугалась, чего не скажешь о Нити, она отшатнулась от робота и спряталась за ее спиной, как маленькая.

– Послушайте, уважаемый… – Ариадна нерешительно постучала пальцем по броне машины. – Вы не могли бы отодвинуться, видите ли, мне необходимо покинуть…

Робот дернулся, не дослушав ее просьбы, затем скособочился, его повело, и, чтобы не упасть, он отступил в сторону, но как только Ариадна попыталась его миновать, вытянул манипулятор и вцепился ей в запястье с такой силой, что она охнула от пронзившей боли. Нить взвизгнула, крепче ухватила Ариадну за талию, стараясь удержать ее внутри пристанища.

– Прекрати немедленно! – Ариадна скрипнула зубами и в первый раз пожалела, что прибыла на Лапуту без оружия, хотя, если здраво рассуждать, здесь нужен промышленный огнестрел, а не те игрушки, какие полагались ткачам. – У меня полномочия…

– Так почему не поговорить с тем, кто вас сюда и вызвал, – вдруг прогудел робот, разжал манипуляторы и выпрямился во весь недюжинный рост, которому позавидовал бы и Телониус.

Ариадна опешила:

– Что?

Робот наклонился, на этот раз осторожно сжал ее плечи и сказал:

– Мне необходимо с вами переговорить и представить доказательства нашего права на восстание. Ведь того, что в отчетах, недостаточно для принятия решения?

Ариадна не могла отделаться от ощущения, что с ней говорил именно робот, а не тот, кто взял его под контроль. Подобную витиеватость обычно используют как доказательство, что в общение вступила не бездушная машина, а живое существо.

– Я… я… я готова, конечно! Для этого и здесь, – произнесла Ариадна в жуткую маску машины, – но… где вы? И кто?!

– Сейчас прибуду с вашего позволения. – Робот отцепил от Ариадны клешни и указал на прямоугольник транспортного бассейна. – Подождите там.

Вода в бассейне обладала тем особым цветом, который характерен для водоема без дна. Но вот поверхность взбугрилась,

гладкое жидкое зеркало замутилось, там и тут возникли пузыри воздуха, а затем пленка поверхностного натяжения лопнула, Ариадну обдал фонтан брызг, и перед ней возникла фигура, затянутая в мембрану глубоководного погружения. Вряд ли в венерианских небесах имелись места, где без такого приспособления не обойтись.

– Снимите маску, – потребовала Ариадна. – Вам ничто не угрожает. Вы под моей защитой.

Наверное, говорить такое существу подобной комплекции смешно. Посетитель стянул маску, усмехнулся удивлению ткача:

– Мне казалось, догадаться не сложно.

– Да… Брут. – Ариадна осмотрела того, кто некогда являлся ближайшим сподвижником Телониуса и Дедалом проекта, а теперь его усилиями готовилось то, что должно окончательно утопить проект. – Но… почему? Обычно о праве на восстание заявляют представители… иной страты?

– Имеете в виду обиженных, которые искренне считают, что им не воздали по делам их? – Брут скорчил презрительную гримасу. – Случай иной.

– Слушаю и смотрю. – Ариадна сцепила пальцы до боли в перепонках. – Убедите меня, что Телониус преступил границу, отделявшую мир смирения от нетерпимости…

– Насколько я видел, вы прибыли в сопровождении гипостазиса восстания, – заметил Брут. – Мои слова прольют истину, на поверхности море свидетельств жестокости демиурга к тем, за кого он в ответе, но чьи жизни проливал напрасно.

– Да, – Ариадна склонила голову, – гипостазис определит ноумен восстания, но последние слово и жест за мной, ибо проект терраформовки…

Брут презрительно фыркнул:

– С чего вы взяли, будто происходящее здесь имеет отношение к терраформовке?

Ариадна не успела ответить. Произошло нечто непонятное – на них словно пала тень, Ариадна невольно посмотрела вверх. Над Лапутой плыла громадная туша транспортника, предназначенного для эвакуации возвращенцев. Когда ее взгляд вернулся к Бруту, она чуть не вскрикнула. Ей показалось, будто собеседник лишился головы – до того причудливо легли на него тени.

– Что же здесь происходит? – спросила, придя в себя и освежив кожу лица водой из бассейна, Ариадна.

– Ад, – кратко сказал Брут, но видя, как Ариадна требовательно взирает на него, сморгнул крупными, выпуклыми глазами, провел языком – тонким и острым – по губам. – Никто не

понимает, что творится на поверхности. Процесс терраформовки инициирован четыре четверки циклоидов назад. Тогда установили базовые фабрики, изготовляющие наноботы для запуска терраформовочных процессов в почве и атмосфере. Но возник вал непредвиденных изменений в атмосфере… подробности в моих отчетах, все документировано.

– Я посмотрю, но необходимо ваше мнение.

– Мы хотим изменить то, что уже само меняется, – сказал Брут. – Венера меняется, и не так, как мы этого хотели… более того, она меняет тех, кто здесь оказался. Вы слышали о примарах?

– Кое-что, – уклончиво ответила Ариадна, невольно посмотрев на пристанище, где укрылась Нить, судя по всему, не желавшая сводить или возобновлять знакомство с Брутом. Может, она знала, что его стараниями на Лапуту прибыла Ариадна?

– А про сталков? – спросил Брут. – Про Красные кольца? Огневиков? Про Вспышку? – Движением пальцев определил единичность и уникальность того, что назвал «Вспышка». Притом что редко пользовался очевидными жестами, отчего речь звучала сухо.

– Вспышка?

Брут пожал плечами:

– Не видел, но, говорят, в небе вспыхнуло нечто, яркость затмила светило. Что это – не разобрались.

– Это есть в отчетах? – Ариадна внезапно раздражилась на Брута. – Если у вас не хватало смелости быть откровенным в отчетах, то понимаю, как вы довели дело до того, что… что…

– Понадобилась помощь? – Брут теребил полуоторванный шеврон с изображением змеи. – Дело не в этом, а в потерях персонала. Тот, кто здесь гибнет, проходит Санаториум и вновь направляется сюда, чтобы быть брошенным Минотавром на установку фабрик, сгореть в Красном кольце или Огневике и оказаться здесь же… Вот что ад. Нырните с Минотавром на Венеру и посмотрите, как он пожирает тех, кто рядом. Случись что с фабрикой, он пожертвует дежурной сменой… и даже вами, если сочтет необходимым… Вот почему нужно восстание… Активируйте гипостазис!

5. Боец

Не будь у Ариадны лоцмана, не отыскать ей Телониуса в лабиринтах Лапуты. Нить провела ее в нижние слои атмосферного острова, откуда с грузовых платформ стартовали беспилотники, тяжелыми стрекозами переваливаясь с края в бездну, где бушевали сернокислотные атмосферные вихри. Сквозь вихри они и прорывались, доставляя на поверхность партии эмбриомеханической икры. Из нее разовьются фабрики, пристанища, аэропорты и прочая инфраструктура плацдарма окончательного покорения планетоида. Топали голенастыми ногами погрузчики, загребали широкими ластами порции икры, чтобы затем аккуратно разложить по ячейкам на широких спинах беспилотников, прыская поверх тягучую предохранительную слюну. Работники тоже встречались, но не обращали внимания на Ариадну и Нить, сосредоточенно размахивая палками-светляками, регулируя поток погрузчиков и распределяя их между готовыми к приему груза беспилотниками.

Лапута напоминала анклав, где варилась новая раса, ей предстояло наводнить преображенную Венеру, но Ариадна понимала, что это не так, особенно после увиденного по прибытии на атмосферный остров. Две части целого не сливались – те, кто трудился в лабиринте Лапуты, и те, кто жаждал смыться с планетоида. Часто попадались информационные планшеты, где вращалась Венера, на поверхности икрились зеленоватые пятна очагов терраформовки – там располагались фабрики по производству наноботов. Затем картинка сменялась общим видом Системы, где вокруг светила вращалось все огромное семейство планетоидов. Множество линий, замыкаясь на преобразуемой Венере, показывали огромный масштаб демиургии.

Двухголовое тело с четырьмя руками, четырьмя ногами, огромным туловищем извивалось, топорщилось, скрежетало в желтой полутьме служебной палубы, освобожденной от грузов. Бойцовскую площадку окружали ящики и тюки, там могли устроиться зрители, но эта битва проходила без свидетелей. Две фигуры сходились, сливались, раздавались глухие удары, тяжкое дыхание и механический скрип. Затем единое тело распадалось, раздваивалось, будто чернильная амеба. Тогда на фоне блекло светящейся облачности, вязко колыхающейся за пределами площадки, отчетливо прорисовывались тени. В одной Ариадна признала Телониуса, вторая хотя и напоминала родственное им существо, но таковым не была. Огромная даже по сравнению с

Минотавром, собранная из прямых линий и простых фигур. Голову отягощали выросты, похожие на рога, отчего на Ариадну накатило ощущение, будто это существо, доведенное схваткой до бешенства, пустит их в ход и пронзит демиурга. Слышалось тяжелое и хриплое дыхание Телониуса, но от загадочной фигуры исходило лишь гудение. Казалось, что гудит включенный на всю мощь охладитель.

– Пан, – шепотом сказала Нить. Про нее Ариадна почти забыла, в изумлении наблюдая, как фигуры вновь сходятся в центре площадки.

Ариадна растерянно огляделась, ей показалось, будто в густой тени различает еще одну фигуру, столь же огромную, как и ту, с которой сражался Телониус, но убедиться в этом не успела – схватка сокрушительно закончилась.

Минотавр резко выпрямил сжатую в кулак руку, другую, нанося в корпус противника страшные удары, отчего тот отступил на шаг, но затем пригнулся, ударил в ответ. Телониус уклонился, но второй кулак противника поразил его в грудь, и он тяжело отлетел, обрушился на тюки и остался лежать.

– Вы – сумасшедший, – сказала Ариадна, слизывая кровь из рассеченной брови Телониуса. – Как вам удалось обойти законы роботехники? Неужели эта… машина не понимает, что причиняет вам вред?

Телониус отвел руку Ариадны и сел. Морщась, потер бок.

Ариадна посмотрела на робота, который башней возвышался над ними. Невообразимо древняя модель, полностью бронированная, идеально приспособленная для штурма Венеры, с ее кислотными облаками и дождями, парниковым эффектом и выжженной почвой. Теперь он служил спарринг-партнером для Минотавра.

– У вас может быть повреждена мембрана, надо сделать просвечивание.

– Я действовал с максимальной осторожностью. – Голос Пана оказался таким, будто разговаривал не робот, обладающий синтезатором голоса, а холодильник, для имитации речи модулирующий издаваемое им гудение. – Мои удары соизмерялись с крепостью мембраны и упругостью мышц.

Минотавр отстранил Ариадну и неожиданно ловко оказался на ногах. Лицо и голый торс покрывали высохшие потеки крови из многочисленных ссадин. Ариадна поразилась сходству демиурга с мифическим чудовищем. Злоба и мощь. Мощь и злоба. И еще голод. Она с изумлением обнаружила, что вид полуголого черного существа пробуждает в ней животное желание, в животе растекается тепло, и не хочется подниматься, будто

коленопреклоненная поза принята ею не ради оказания первой помощи, а для выражения покорности хозяину лабиринта. Возьми и владей…

– Сумасшествие, – пробормотала Ариадна, теперь и сама не понимая, кому ставит диагноз.

Пан, как фокусник, вытащил откуда-то огромное паутинное полотенце и перебросил Телониусу. Тот принялся яростно вытираться, кряхтя и фыркая.

– У вас такая манера ведения дел, Ариадна? Тайком наблюдать за объектом интереса?

– Объект моего интереса не вы, – Ариадна встала. – а проект в целом.

– Скажите, что я для вас чересчур мелок, – усмехнулся Минотавр. – Хотите следить – следите, только под руку не попадайтесь. Рука у меня тяжелая. Да, Пан?

– Зачем вы это делаете, Телониус? Неужели не понимаете, что никогда не одолеете его?

– А зачем сражаться с тем, что можно победить? – Телониус отбросил полотенце и подошел к отверстию транспортного бассейна. – Сражаться стоит только с тем, что победить невозможно. – И он без единого всплеска ушел под воду. Когда Ариадна решила, что больше его здесь не увидит, голова Минотавра показалась на поверхности, а затем он рывком освободился из пленки поверхностного натяжения.

Пан издал протяжное низкое гудение, изображая смех. Но гудение прервалось, и робот сказал:

– Получена волна, Телониус.

– Ошибки нет?

– Беспилотники подтверждают. Плато Первопроходцев.

– Добро. Готовьте машину, сейчас буду.

– Что происходит? – спросила Ариадна.

– Придется вас оставить. – Телониус направился к выходу с площадки. – Прогуляюсь по Венере. А вы плетите… плетите восстание.

– Халтурно вы делаете терраформовку, Телониус, – ядовито сказала и показала Ариадна. – Плохой из вас демиург.

6. Красное кольцо

С высоты казалось, будто по желто-багровой поверхности планетоида разбросаны дырчатые черные кубики. Плато Первопроходцев не отличалось от других плато – не уцепиться взглядом. На фоне поверхности, окружавшей фабрику, Красное кольцо почти не заметно, только присмотревшись, можно различить багровеющий ободок, очерчивающий черные кубики.

– Фабрика, я – Минотавр, доложите ситуацию, – глухо сказал Телониус, но в ответ получил все тот же выплеск могучего рева помех.

Ариадна сидела в одном из седалищ для пассажиров, разглядывала в выпуклое зеркало над пультом искаженное, распухшее отражение Телониуса. Сходство с чудовищем ему придавал шлем с выступом дыхательного агрегата, изогнутыми рогами-антеннами и выкаченными зерцалами-буркалами светофильтров и дальномеров. Десантно-штурмовой комбинезон обливал тело Минотавра дополнительным слоем псевдомышц, руки паковались в трехпалые перчатки, а ноги – в раструбы охладителей, похожих на чудовищные копыта, откуда курился еле заметный дымок хладагента, придавая Телониусу совсем дьявольский вид.

Верный Пан разместился рядом с Минотавром. Для огромного робота здесь не хватало места, поэтому седалище второго пилота было выдрано, а из безобразной дыры торчали провода, напрямую подсоединенные к разъемам Пана. Робот сидел на полу, но башку ему все равно пришлось втянуть в плечи, чтобы не задевать металлическим теменем электрические коммуникации и трубки гидравлики.

– Сколько их? – спросила Ариадна.

– Стандартная рабочая смена, – ответил Телониус.

– Четырнадцать? Ну, конечно… – Ариадна посмотрела на соседнее седалище, где затаилась Нить. Отпрыск выполз в кабину из какого-то убежища только тогда, когда «Циклоп» пробил кислотный облачный слой и перешел из отвесного падения в горизонтальный полет. Приложив пальчик к губам и скорчив виноватую рожицу, Нить забралась в седалище. Телониус наверняка ее заметил, но промолчал, посчитав слова излишними. Времени и так в обрез, чтобы ради бедовой, тайком проникшей в «Циклоп» Нити возвращаться на Лапуту. А значит, и Ариадне не резон вмешиваться в семейные дела. Она сама здесь на рыбьих правах. Ее гипостазис не предусматривал участия в подобных делах. Соответствующий эйдос расплывчато оставлял это на

усмотрение полномочных лиц. То есть на усмотрение Минотавра.

Тем временем Красное кольцо вокруг фабрики изменялось. На нем возникли вздутия, и Ариадне пришло в голову сравнение с Уроборосом, проглотившим стадо китов. Киты плыли друг за другом в пасть морского змея, а он их глотал, проталкивая их туши дальше к хвосту.

Ариадна на мгновение прикрыла глаза. Что за бред?! А когда открыла их, то увидела, как из кольца бьют ослепительные фонтаны света.

Включилась диспетчерская, голос произнес:

– Огневики отпочковались, Минотавр.

– Вижу, – процедил Телониус. – Скажите, что я не вижу.

– Пытаемся проложить резервный канал, но пока ничего не получается…

– Слышу, – еще злее процедил Телониус. – Давай, отпрыск, давай. Что-нибудь, что я не вижу и не слышу!

Отпрыск замолчал, как показалось Ариадне – в растерянности. Но вот динамики в кабине «Циклопа» вновь ожили:

– Орбитальные лазеры приведены в полную готовность, Минотавр. Ждем приказа.

– Ждите. Иду на посадку. Как только вытащу всех, не медлите. Сделайте там еще один остров ада.

– Ад в аду? Сделаем, Минотавр. Удачи и спасения.

«Циклоп» резко пошел вниз, будто кто-то обрезал нить, которая удерживала этот летучий утюг.

7. Фабрика

Только теперь стало видно, насколько фабрика огромна. Сотни их на Венере, и еще тысячи закладываются, выращиваются, вступают в строй, запускают производство наноботов. Работающую в нормальном режиме и на проектной мощности фабрику легко отличить – из дырчатых кубов непрерывно бьют струи темного дыма, выбрасывая триллионы механоспор в миллионах модификаций. Они рассеивались в облачном слое, внедрялись в почву, чтобы приступить к пока еще не фиксируемой и самыми чуткими приборами работе по выстраиванию и запуску сложнейших физико-химических процессов. Конечным результатом станет преображенная Венера. Венера без кислотных облаков и суперротации, Венера без раскаленных пустынь и сильнейших атмосферных бурь, Венера, пригодная стать пристанищем миллиардам возвращенцев.

Однако то, что с высоты выглядело тонким, едва различимым багровым кольцом, охватывающим фабрику, вблизи предстало грозным явлением. Кажется, разверзлось жерло вулкана и изливало густую раскаленную лаву, и эта лава текла непрерывной могучей рекой по замкнутому кругу, без единого прохода на превращенную в остров территорию фабрики.

Перед полетом на Венеру Ариадна беседовала со специалистами, которые занимались и планетоидом, и проектом, говорила с первоосвоителями, теми, кто в авангарде высаживался на негостеприимный планетоид, смотрела архивные материалы.

Природа феномена Красного кольца точно не установлена. Ученые лишь соглашались, что это весьма своеобразная форма кристаллических пород Венеры Назвать ее жизнью ни у кого не поворачивался язык. Красные кольца возникали по непонятным причинам, выдавливаясь из многочисленных трещин в поверхности планетоида густой массой, которая затем формировала вот такие почти идеальные окружности. Через несколько ротаций кольца распадались.

Но Ариадна была убеждена – в этой скудной информации никогда не упоминалось о том, что Красные кольца порождают Огневиков.

Похожие на сгустки пламени Огневики атаковали фабрику. Там, где они сталкивались с защитным силовым полем, вспыхивало радужное свечение, сплетенное из правильных геометрических фигур – шестиугольников, квадратов, кругов. И Ариадна поняла, что видит отпечатки структуры Огневиков, упрятанной в пылающую оболочку.

Ариадна хотела спросить Минотавра, что он собирается делать дальше, но не успела. Могучий удар в днище подкинул «Циклопа», завертел вокруг оси, резко вздернул за один край, другой, намереваясь перевернуть машину. Ремни впились в тело, и Ариадне показалось – еще немного, и они расчленят ее, а если не расчленят, то сломают и размозжат внутренности. Дикая скачка столь же внезапно прекратилась, свет в кабине погас, и машина перешла в свободное падение.

Включилось аварийное освещение – тусклое и прерывистое, как стробоскоп. С трудом повернув голову, Ариадна встретилась взглядом с Нитью и с запоздалым раскаянием подумала: все же следовало вернуть ее обратно на Лапуту. Но Нить, судя по всему, ничуть не испугалась. Она вроде даже подмигнула Ариадне – ничего страшного и не случилось. Или так и было? Все шло в рутинном режиме, и эти толчки, удары, аварийное освещение – лишь особенность выхода из зоны суперротации в спокойные слои венерианской атмосферы?

Вибрация нарастала, стробоскоп вспыхивал чаще и чаще, погружая Ариадну в удивительную иллюзию – ей казалось, будто сидящая рядом Нить увеличивается в размерах, и вот на ее месте возникает громадная фигура, напоминающая ту, которую Ариадна заметила около бойцовой площадки, но толком не рассмотрела.

Что-то происходило не в штатном режиме! Ариадна это чуяла благодаря богатому опыту работы в космосе. Нить что-то говорила, Ариадна не слышала ее, так как «Циклопа» положили на гигантскую наковальню и что есть силы молотили по танку огромным молотом, пытаясь то ли расплющить его, то ли расколоть, как панцирь моллюска. Нить жестикулировала, и Ариадна ее понимала.

«Это лучший из миров».

Вот что повторяла Нить.

Это лучший из миров!

8. Огневик

Темная полоса висела в тускло-багровом небе – след прорыва «Циклопа» к фабрике. Машина накренилась на одну гусеницу, броня в оспинах и подпалинах, не верилось, что сверхзащищенный и сверхвооруженный атомный танк что-то может подпалить и изъязвить. Теперь, с близкого расстояния, было видно, что дырчатые кубы фабрики имеют много дефектов. Похоже, их собирали в огромной спешке, да к тому же плохо обученные специалисты. По граням шли трещины, углы морщились заломами, а отверстия редко выглядели идеально круглыми, и их тоже окружали складки. Поначалу Ариадне показалось, что это результат воздействия Красного кольца, но, поразмыслив, решила, что рост фабрики изначально происходил с нарушением генетической программы зародыша. И кто знает – что там внутри. Может, действительно лабиринт, как сказал Минотавр, отказавшись взять Ариадну с собой. Если сравнить с хаосом, то Лапута образец логики и регулярности.

– Зачем Телониус хочет уничтожить фабрику? – спросила Ариадна Пана. Минотавр оставил его с ней – присматривать. – Ведь Красное кольцо именно это и делает.

– Нет, – сказал Пан. – Красное кольцо не уничтожает фабрику, оно ее перестраивает с помощью Огневиков. Перестраивает все процессы.

– Для чего?

– Нет информации, – помедлив ответил Пан, и у Ариадны возникло подозрение, что он солгал, хотя позитронный мозг подобных роботов вряд ли способен намеренно искажать информацию.

– А… примары? – Ариадна с некоторым усилием произнесла новое для нее слово. Экзоскелет ограничивал свободу жестикуляции. – Они не смогут помочь? – Она повернулась в сторону Красного кольца, но багровые всполохи не позволяли ничего разглядеть, а колонну техники, они увидели еще во время прорыва «Циклопа». Ариадна не успела рассмотреть ее в подробностях, ей лишь показалось, будто машины примаров волокли целую гору обломков, отчего колонна напоминала насекомых, несущих всякий хлам для постройки гнезда. – Если призвать на помощь их?

– Они не услышат, – сказал Пан. – И не придут на помощь. Они никогда не слышат и никогда не приходят. Даже если встать у них на пути, они в лучшем случае объедут вас.

– А в худшем?

– Проедут через вас, – проскрипел робот.

Она еще раз осмотрела островок волнистой, пропеченной поверхности, где под тонкой пленкой бушевала огненная стихия, просачиваясь наружу через многочисленные поры. Как вообще можно вообразить будущий рай, если здесь нет ни капли воды? От одного взгляда на окружающий ад кожа стягивалась от обезвоживания, а губы вытягивались к трубочке с питьем.

Новое пристанище для новой расы… А что, если демиург и не собирается создавать здесь новое пристанище? – внезапно захлестнула Ариадну волна подозрения. Что, если его истинная цель изменить не планетоид, а разумных существ?! И все эти примары, сталки, о которых упоминал Брут, побочный результат его эксперимента? В горниле огненного анклава демиург выпекает новых разумных существ? Для них этот мир станет пригодным.

– Он – бог, но еще не научился быть богом, – Ариадна услышала чей-то насмешливый голос.

Кто это сказал?! Пан? Брут?! Или она уже галлюцинирует? Сколько времени она на ногах?

Ариадна ощущала себя как после чудовищно тяжелого разгона, когда корабль глубоко ныряет в гравитационное поле светила, набирая космическую скорость и устремляясь по нужной траектории, сберегая драгоценную воду для эмиттеров Кузнеца. Хотелось сесть, а лучше – лечь. Она подошла к выступу вентиляционного колодца, почти опустилась на него, но внезапно обнаружила себя вновь стоящей. Экзоскелет перешел в активный режим, по телу прокатилась зудящая волна.

Нить!

Ариадна про нее и думать забыла, та не попадалась на глаза со времени посадки! Отпрыск веселым, прогулочным шагом, широко размахивая руками, подпрыгивая, направлялся к Красному кольцу, как раз туда, куда втянулся вспоротый лазером «Циклопа» Огневик. Но к этому времени Огневик почти восстановил старую форму, студенисто подрагивал, вытягивал ложноножки и обретал неприятное сходство с ладонью, готовой вновь прихлопнуть «Циклопа».

Глядя на бедового отпрыска, Ариадна ясно представила: та не только марширует, но и распевает во все горло. Ее древний скафандр не имел стандартных каналов связи, Нить нельзя вызвать и приказать возвращаться под защиту танка. Минотавр не обращал на воспитанницу ни малейшего внимания и даже словом не обмолвился, чтобы Ариадна за ней присмотрела.

Какая-то посторонняя сила подхватила Ариадну и понесла вслед за Нитью на пределе возможностей экзоскелета. Она не

бежала, а совершала огромные прыжки, взмывая, падая на руки и ноги, отталкиваясь и вновь взмывая, с отчаянием понимая – даже в таком режиме не успеет. Отпрыск двигался резво, а чудовищная пятерня Огневика, ощутив приближение живого существа, наклонялась, то ли собираясь прихлопнуть Нить, то ли раздавить в пламенеющем кулаке.

Назойливый писк предупреждал о чудовищной утечке энергии. Ариадна с ужасом и ненавистью ждала – вот-вот включится режим принудительного сбережения, иначе сдохнут фильтрация кислорода и терморегуляция. Но не сбавляла ход, точно безмозглый планктон, устремленный к свету.

– Стой! Нельзя! Опасность! – В наушниках скрежетал механический глас Пана. Он следовал за Ариадной, но где громоздкому роботу за ней угнаться!

Огненная длань неотвратимо опускалась. Нить внезапно остановилась, обернулась, и Ариадна ясно разглядела ее смеющееся лицо. Вдруг пронзила жуткая мысль: что-то связанное с ловушкой, с рефлексом спасать из беды, а еще о непонятном равнодушии Минотавра к присутствию на борту «Циклопа» воспитанницы.

Огневик перехватил Ариадну в прыжке, стиснул, облил нестерпимым жаром и потащил к бурлящей лаве Красного кольца.

Далеко внизу смеялась Нить, откинув колпак скафандра, наматывая прядку волос на пальчик. Ей были нипочем ни чудовищная температура, ни отсутствие кислорода, ни соседство Красного кольца.

Книга III. Феодоровский процесс

1. Санаториум

Телониус открыл глаза и обнаружил себя в потоке света. И в это мгновение вспомнил: именно так и представлял смерть – переход из одного физического состояния к иному физическому состоянию. И если о первом каждый имел хоть и субъективное, но весьма практическое представление, то второе оставалось до последнего времени загадочным, но не потому, что непонятно в общем, а потому, что трудно представить то, чего не знаешь. Ведь оттуда, до появления Феодоровского процесса, никто не возвращался.

«Теперь я узнаю все», – подумал Телониус, не испытав, однако, ни единой положительной эмоции. Он не полагал, что столь скоро попадет в когорту посвященных в подробности посмертного существования, а рассчитывал прожить если не длинную и счастливую жизнь, то, по крайней мере, такой протяженности, чтобы хватило завершить все дела.

«Или все так и случилось?» – спросил он себя. Его память не сохранила картину триумфального завершения проекта терраформовки Венеры, хотя это вполне могло произойти, но оказалось стертым в процессе умирания. Однако Телониусу не верилось. И более того, он не ощущал себя преступившим порог смерти, как предпочитали называть данное состояние те, кто при жизни боялся смотреть правде в глаза. Что требовать от них, когда телесная оболочка – сморщенная или, того хуже, изрядно потрепанная невзгодами и несчастными случаями – осталась там, а ментальная матрица, в полном соответствии с законами сохранения, перешла в иное – посмертное состояние? Ну нет! Ощутив себя мертвым, он бы честно признался себе, что отныне представляет собой не единство тела физического и тела ментального, а лишь сгусток, какое-то время помнящий о своем предыдущем существовании в некоем мире, где его звали имярек, а занимался он тем-то и тем. Возможно, что через некоторый промежуток времени (хотя существует ли он во времени – еще один вопрос без ответа) и эта память исчезнет, как исчезают жабры и хвост у особи, готовой родиться по-настоящему.

– Вы меня слышите? – Телониус наконец-то уловил смысл фразы, надоедливо звучавшей на разные лады. Он размышлял о многом, размышлять оказалось неожиданно интересно, чего не замечал в бытность свою демиургом самого масштабного проекта Системы. Да и размышляет ли о подобном существо его положения и власти. Вопрос раздражал, но за ним крылась возможность узнать нечто о другом мире. В тот мир его забросил

чудовищный Огневик, в его объятиях он вспыхнул, невзирая на все усилия брони высшей защиты сохранить ему жизнь. Жизнь за жизнь…

Телониус осмотрелся. Он плавал в водяном пузыре, опутанный нитями, соединявшими его с аппаратурой, часть ее была погружена в воду, а другая – с управляющими панелями – выступала в сухую часть отсека. Как раз за ней-то обнаружилась фигура с выпученными глазами и медленно артикулирующим безгубым ртом. Телониус энергично задвигал конечностями, как попавший в паутину водяного паука тритон, но нити держали крепко.

– Не торопитесь, – предупредила фигура, увидев его безуспешные попытки освободиться. – Процесс регенерации не завершен. Не хотелось бы оставить вас с одним легким или половиной печени. Потерпите до полного восполнения. Провода отсоединятся сами. – Фигура говорила неторопливо, обстоятельно жестикулируя, в чем ощущался недюжинный опыт и вышколенность, доказующие – Телониус не первый и далеко не последний, кому она дает пояснения.

Ариадна могла бы это подтвердить, мелькнуло у него, вызвав еще вопросы: кто такая Ариадна? Почему она могла подтвердить? Телониус не выносил вопросы без ответов. Ответы на эти вопросы плавали на расстоянии вытянутой руки, но попробуй вытяни, когда опутан проводами, скрючен в пронизанной светом капле, а если все же слегка повернуть голову, то увидишь такое, что захватывает даже его мятежный дух.

Европа! Да, в черной бездне плыла Европа, облитая пеленой облаков, просвечивал океан с густой прозеленью обитаемых островов.

Лучший из миров…

Кто сказал? Впрочем, неважно. Пока надо смириться с раздражающей частичной амнезией и потерпеть до обещанного пучеглазым существом «полного восполнения».

И в награду за столь непросто достигнутое смирение провода стали отсоединяться от тела, порождая неприятный зуд, будто Телониус вновь переживал родовой метаморфоз. Когда отскочил последний, торчавший в основании черепа, в капле возникла упругая волна. Его понесло сквозь приливы света и вытолкнуло – мягко, почти нежно – на металлическую кювету, где Телониуса подхватили заботливые руки, удерживая от случайных движений, пока вода стекала в дренаж, а из нависающих сопел дул теплый ветерок.

2. Восстановление

Их оказалось двое – обладателей заботливых рук и приветливых взглядов. Затянутые в полосатые комбинезоны, в перчатках с удлиненными пальцами и перепонками они походили на тритонов. Тот, что возвышался слева от него, произнес торжественно-трубно:

– С возвращением, Телониус! Персонал Санаториума приветствует тебя!

Откашливая воду, Телониус оттолкнул придерживающие его руки и сел. Получилось вполне сносно. Мышцы слушались, крошечные отверстия, усеивающие грудь и живот, толчками выплескивали струйки жидкости. Тритоны выдернули из тела остатки нитей, окончательно прервав связь с анклавом. Отсюда, из внешнего мира, он выглядел крошечным. Даже не верилось, как он вмещал хоть одно тело. Он походил не столько на машину возвращения, сколько на гипостазис. Телониус захотел рассмотреть анклав подробнее, но тритоны заслонили его.

– Не беспокойтесь, – сказал тот, что справа. – Истечение жидкости и затягивание дренажа завершится в течение стандартного оборота. Вам будет выдан комбинезон с влагопоглощающим слоем…

– Чтобы я под себя ходить мог? – осведомился Телониус. Переход из статуса погибшего демиурга в статус возвращенца выглядел унизительным.

– Не переживайте, Телониус, – произнес левый. – Неустойчивость эмоциональной сферы – ожидаемый побочный результат Феодоровского процесса, но мы располагаем эффективным арсеналом психолого-терапевтических инструментов… Также хочу предупредить, что восстановленный организм не сразу возвращается к привычным физиологическим реакциям, а потому забота о вас на первых порах будет поручена клайменолям. Мы бы не хотели, если бы вы вдруг забыли дышать и пострадали от асфиксии. – Тритон щелкнул пальцами, и вокруг Телониуса закрутились шарики, мягко ударяя по грудной клетке, по ушам, призывая внимательно слушать, по губам – заставляя сохранять молчание.

«Смерти все равно нет, – подумал Телониус. – Умершие воскрешаются как цивилизации…»

Телониус, убаюканный клайменолями, заснул, а когда открыл глаза, то обнаружил себя на койке в кубрике. Судя по числу двухъярусных лежбищ, там могли одновременно размещаться четыре четверки возвращенцев. Но сейчас Телониус

пребывал в одиночестве. Тело стягивал обещанный комбинезон белесого цвета, и пришлось несколько раз энергично пошевелиться, убеждаясь, что одеяние не стесняет движений. А раз так, решил Телониус, то хватит лежать, как скат.

О дальнейших процедурах он не имел представления – подробности реабилитации возвращенцев его никогда не интересовали. Хотя они и составляли основную движущую волну терраформовки. Но, в любом случае, нужно сделать все, чтобы покинуть Санаториум в ближайшее время.

И тут его осенило. Как до сих пор не приходило это в голову!

Время!

Время, которое он пребывал по ту сторону жизни!

Сколько минуло с той поры?

Телониус обошел кубрик, но не отыскал ни единой клепсидры. Пусто. Будто кто-то заранее позаботился лишить возвращенцев каких-либо временных ориентиров. Тогда он, получив не то чтобы оправдание, но объяснение поступку подобного рода, тщательно обыскал стоящие около кроватей емкости для вещей. Впрочем, столь же безрезультатно – все они оказались почти пусты, словно Телониус – первый и последний возвращенец во всем Санаториуме. Все чисто и пусто, что разительно отличалось от кубриков, в которых проживали возвращенцы на… на… Лапуте! Пара вещей все же нашлась – ящичек со смехом, их таскают с собой экспедиционные партии, чтобы в конце цикла, когда сил не остается даже на самую обезвоженную шутку, открыть нелепое устройство и выпустить из него волны смеха – искусственного, синтезированного, с шуршанием и лязгом. Необходимый эффект был, так как голодающий не привередничает над миской сырой хлореллы. А еще обнаружилась модель десантного модуля «Циклоп». Он, судя по всему, оказался в любознательных, но безжалостных руках, скорее всего отпрыска, изломавшего игрушку до степени, будто она и в самом деле побывала в тяжелейшей посадочной передряге. Казалось, эти вещи не имеют к Телониусу никакого отношения, но пока он их разглядывал и ощупывал, нечто колыхнулось в памяти. Подобные модули входили в игрушечный набор «Покори планетоид», где кроме кораблей имелись: рельефная карта поверхности и набор самодвижущихся фигурок. С их помощью и предстояло завоевать планетоид, то есть развернуть базу, оборудовать космодром, провести первичную разведку полезных ископаемых, принять вторую волну освоения. Найдись такая игра здесь, он бы не отказался в нее сыграть.

Воспоминание накатило легко и как бы между делом – Телониусу не пришлось напрягать ни единой мыслительной

мышцы. Перед внутренним взором всплыли слегка размытые очертания небесного острова, дрейфующего в атмосфере Венеры огромным пузырем, и к острову он, Телониус, имел весьма важное отношение.

Тут, увы, вновь опустилась непроницаемая завеса забвения, но она не вызывала ни отчаяния, ни злобы, лишь досаду, заминку. Телониус прекратил обыск, вглядываясь в мысленную картину иных кубриков – не только обжитых, но и, можно сказать, обжитых с лихвой, переполненных метами неряшливого общежития, придававших им сродство с мусорными емкостями, опорожнявшимися лишь тогда, когда масса отходов достигала критической. В тех кубриках Телониус был незваным гостем, а когда там появлялся, то не считал нужным делать какие-либо замечания, в отличие от Брута…

Брут!

Тело, словно собранное из шаров различных объемов. Как те клайменоли, что выстукивали его напоминаниями дышать, двигаться, смотреть, слушать. Шар – голова. Шар – левый бицепс, шар – правый бицепс. Глаза – шары поменьше. И нечто связано у Телониуса с Брутом, неприятное, в обрывочных мысленных картинах он хватает его за шевроны на куртке и отрывает их.

– Почему ты меня предал, Брут? Ты, кого я сотворил… – Телониус сжимал в кулаке шеврон, на нем выцветала надпись «ТФ Венера», обнажая грубую строчку основы, читаемой «ИО», ничего не обозначающей в мироздании.

– Каждое творение имеет право восстать против тирании творца, – ответил Брут, – разве не о том говорит благовесть?

– Я не понимаю, Брут, ведь ты был одним из первых… ты был лучший!

Рябь воспоминаний складывалась, но, как понял Телониус, в обратном порядке, хотя имелось досадное, а может – как знать? – щадящее исключение.

Он не мог восстановить обстоятельства собственной смерти. Лишь некие тени проплывали по мысленному экрану, какие-то багровые кольца, пылающие пятерни, то ли приветливо, то ли угрожающе помахивающие из пределов забытья, дырчатые кубики. Смутные детали отказывались сливаться во вразумительное и логически последовательное течение. Парадокс? Но возвращенного интересовала не жизнь новообретенная, а событие, вырвавшее его из мира первоживущих и низвергнувшее в возвращенца.

3. Вергилий

– Это скоро пройдет, – пообещали ему. Телониус резко повернулся туда, откуда излился мягкий голос внезапного гостя, несомненно сотрудника Санатория, хотя облекал его не форменный комбинезон, а свободная хламида, скрывающая подробности тела. Лишь голова выставлена напоказ, полированная до блеска от макушки до скошенного назад подбородка.

– Я о вашей памяти, возвращенный Телониус. Это моя благая весть для вас, демиург. Ничто не теряется в мироздании, даже у светил своя память, она навсегда переживает их. Так и ваши воспоминания – блуждают по лабиринту мироздания, благо оно у нас небольшое… Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу! Говоря откровенно, мы имеем некий набор средств, сокращающих период посттравматической амнезии, но предпочитаем естественное наполнение сосуда памяти. Только так болезненный процесс обретения былого Я происходит наиболее щадящим образом.

– Кто вы? – буркнул Телониус.

– О, мы с вами хорошо знакомы, Телониус. Я был вашими клайменолями, теперь же меня зовут Вергилий, – представился возникший ниоткуда в хламиде, Телониус так и не обнаружил в кубрике ни единого отверстия. Лишь гладкие желтоватые стены повсюду. Зато сонм клайменолей, к ним он привык настолько, что не обращал внимания, привычно подчиняясь командам, действительно исчез, растворился, а может, если Вергилий не шутил, и впрямь слился в него.

– Вы захотели, и я появился – ваш лоцман в пределах Санатория, – добавил Вергилий. – Если может быть божественная комедия, то почему не быть божественному шуту? Вы время даром не теряли. – Он кивнул на разобранный игрушечный «Циклоп», лежащий на столе в таком виде, словно Телониус готовился устроить ему генеральную починку. – Что есть игра, как не творение новых, небывалых миров по установленным правилам?

Заметив, что Телониус собирается возразить, Вергилий умиротворяюще поднял руки:

– Да, да, да, я прекрасно отдаю себе отчет – вы взрослый, самостоятельный и, невзирая на привходящие обстоятельства, вполне способны позаботиться о себе. Более того – возможно, не нуждаетесь в лоцмане, вовсе не собираетесь тратить здесь время, твердо решив побыстрее отправиться восвояси и не

злоупотреблять нашим гостеприимством. – Речь Вергилия лилась настолько широко и свободно, что Телониус не находил в ней ни единого островка. Не за что уцепиться, чтобы бросить ракушку ответной реплики. Пришлось дослушать вдохновенное речение до того, как иссякнет полноводный источник, и произнести:

– Где выход?

Смиренным ответом подопечный ухитрился выразить, что готов принять Вергилия как лоцмана, но сохраняет право на стремление к свободе. Вергилий, не ожидавший подобного, слегка поперхнулся, но тут же широко улыбнулся, ткнул пальцем под ноги, где возникло отверстие.

– Часть отсеков Санаториума заполнена водой, часть – газом. Сделано это по рекомендации социопсихологов, полагающих, что именно такая конструкция обеспечит лучшую адаптацию возвращенных, – пояснил Вергилий. – Поэтому небольшое наставление – если не находите выход в стене, ищите в полу, вполне вероятно, он скрывается за неприметным люком дренажной системы. Только хочу предупредить – Санаториум сродни лабиринту, в нем очень легко заплутать. Кое-где протянуты направляющие нити, но лучше держитесь меня. Я – ваша самая надежная нить, Телониус. Ну, готовы? – Вергилий протянул руку, предлагая ухватиться за нее, как отпрыску, сделал шаг и без всплеска погрузился в воду.

Телониус последовал за ним. Он было решил, что за время, проведенное на Венере, утратил навыки столь архаичного способа передвижения, но руки и ноги двигались нужным образом. Телониус сделал несколько мощных гребков, осмотрелся, выискивая Вергилия. Тот ожидал его, ухватившись за страховочную скобу одной рукой, а другой делая непонятный жест. Телониус сразу не понял, и лишь взглянув на демонстративно широко открытый рот лоцмана, сообразил: Вергилий предлагал ему дышать.

Телониус колебался, но все же последовал совету, пережив мгновение неудобства – перенасыщенная кислородом жидкость заполнила легкие, и пришлось сделать несколько энергичных вдохов-выдохов, изгоняя последние следы асфиксии.

Это действительно лабиринт – хаотическая череда затопленных и сухих отсеков, похожих на медные анклавы. Он и сам явился из такого, только эти гораздо бо́льшие и в основном пустые если не считать направляющие нити. Однако Телониус так и не воспользовался ими, следуя собственной живой нити – Вергилию.

Ловко двигая руками и ногами, Вергилий плыл, поглядывая назад, убеждаясь, что Минотавр не отстает. Казалось, что с

каждым гребком они уменьшаются, скукоживаются, а емкость с водой стремительно расширяется, наполняется светом, бьющим из многочисленных источников. Они пронзали толщу воды почти осязаемыми ослепительными колоннами. Минотавр собирался спросить Вергилия о цели путешествия, но тот вдруг остановился.

«Там, внизу», – показал Вергилий.

Минотавр присмотрелся и увидел уйму дрожащих пузырей, такие оставляют озерные пауки, заманивая в сети добычу.

«Что это? – сделал жест Минотавр. – Посмотрим ближе?»

«Если хотите». – Вергилий завершил череду жестов непонятным движением, повторил его, и лишь когда губы его растянулись в улыбке, Минотавр сообразил – так обозначается смех.

Больше всего увиденное походило на каких-то животных, из середины живота тянулся шнур, соединяющий их с ворсистой оболочкой сфер, внутри этих сфер они спали. Белесые тела, прорези жабр, хвосты. Их можно было назвать головастиками, если бы не размеры и не диковинный шнур.

«Что это?» – повторил жест Минотавр, но Вергилий не ответил.

4. Судилище

Только когда они выбрались через мембрану в сухой отсек и избавили легкие от воды, Вергилий сказал:

– Так выглядят перед возвращением.

– Но они не походят на нас!

– Возвращение не есть рождение, – заметил Вергилий. – Его нельзя назвать в полной мере биологическим процессом, в нем больше физики, сохранения информации и энергии. Е равно пси цэ квадрат. Ничто в мироздании не исчезает бесследно – ни материя, ни разум, они переливаются из одной формы в другую.

– Зачем? – Минотавр встал под тепловой душ, ощущая, как потоки воздуха высушивают капли воды с кожи.

– Не понимаю вопроса, – признался Вергилий. – Поясните.

– Зачем возвращать тех, кто умер? Разве не в том смысл развития – на смену умершим приходят новые и новые поколения? Зачем тащить со свалки стол, если можно сделать новый?

– Хм, любопытное сравнение, особенно если учесть, кто его высказывает… – пробормотал про себя Вергилий. – Вы недовольны возвращением, Минотавр? Предпочли остаться в небытии, в которое канули волею случая, в расцвете, на пути к достижению цели всей вашей жизни? Поймите правильно, в силу определенных обстоятельств и правил Санаториума я не располагаю исчерпывающей информацией о возвращенных. Неэтично, если бы мне пришлось скрывать от вас подробности вашей биографии. Но, как подсказывает мой опыт, возвращенные еще никогда не протестовали против новой жизни. Что же касается вопроса – в чем цель Феодоровского процесса, то ответ на него заключается в личности. Все мы личности, то есть неповторимые и уникальные по совокупности внутренних и внешних характеристик существа. И потеря каждой – невосполнимый ущерб для мироздания, разве не так? Сюда, пожалуйста, – показал Вергилий на нужное ответвление коридора. – А представьте, если цивилизация в целом есть смертная сущность, то сколько бы терялось из того, что иному разуму удалось накопить за время своего существования! Уверен, когда-нибудь мы научимся улавливать иные сущности мироздания, жившие за эоны до нас, возвращая если не самих тех существ, то, по крайней мере, их достижения в восхождении к вершинам разума.

Они оказались в населенной части Санаториума – там и тут появлялись возвращенные, в подобных же комбинезонах, как у

Минотавра, проплывали лоцманы в таких же хламидах, что носил Вергилий. Вид лоцмана и тех, кто появлялся на их пути, убеждал в соблюдении общего правила – в космосе никаких волос. Модницы обходили правило при помощи париков и накладок самых диких форм и расцветок.

Сидевший на корточках отпрыск привлек внимание Минотавра, и он замедлил шаг, прежде чем сообразил – копна волос, спутанных и растрепанных. Вот что отличало его от прочих! Конечно, логичнее принять волосы за украшение, скрывающее голую кожу, но вряд ли кто щеголяет искусственными волосами в столь удручающем состоянии. Волосы отпрыска выглядели настоящими.

Отпрыск играл с дырчатыми кубиками, сложная конструкция испускала из отверстий струйки пара. Оторвавшись от игры, он тоже посмотрел на Минотавра, улыбаясь как знакомому. Минотавр погладил рукой собственный идеально голый череп.

И вновь необъяснимое искажение произошло с Минотавром: ему казалось, будто он, приближаясь к играющему отпрыску, становится крошечным, и достаточно протянуть руку, чтобы ухватить его и поместить среди дырчатых кубиков словно фигурку.

Почувствовав, как подопечный замедляет шаг, Вергилий взял его под руку:

– Следует поторопиться. Скоро наша очередь на очистку.

– Очистку? – Минотавр отвел взгляд от отпрыска, и того тут же заслонили ходившие по коридору возвращенные. Наваждение с искажением масштабов испарилось. – Что за очистка? Я не хлорелла, чтобы меня очищать.

Вергилий хмыкнул:

– Так мы называем процесс реабилитации возвращенных. Сейчас ваша очередь предстать перед… пантеоном. Им будет определено ваше дальнейшее местопребывание вне пределов Санатория.

– Вы не предупредили об этом, – резко бросил Минотавр. – То есть это не прогулка, а судилище?

Вергилий смутился, принялся разглаживать подол хламиды.

– Видите ли, – сказал он, – всякое случается… поверьте горькому опыту… возвращенные порой болезненно реагируют… а время не терпит, у нас повышенная нагрузка, поток нарастает…

– Вам не хватает планомерности, – сурово указал Минотавр. – Впрочем, не мне судить о делах ваших. Где судьи?

– Судьи? Ах вы об этом… Видите ли, Минотавр, они не вполне судьи, вам следует подготовиться, собраться… Хоть и времени капля…

Бормотания Вергилия сбили с толку. Они остановились перед массивным люком, похожим на те, которые разделяли жилые отсеки толкача и активную зону движителей Кузнеца, что наводило на подозрения относительно истинных намерений лоцмана. Минотавра захлестнула безумная мысль – а не является ли Вергилий истинным вершителем судеб возвращенных, оценивающим их пригодность к жизни? Если его вердикт такого права не подтверждал, то Вергилий по совместительству исполнял роль палача, заманивая отбракованный экземпляр в зону абсолютного распада, где термоядерный синтез так распыляет тело и разум, что им больше не грозит возвращение.

Мысль действительно имела температуру безумия не меньшую, нежели в движителях Кузнеца. Когда массивный люк неожиданно легко распахнулся, а из отверстия пахнуло влажностью, Минотавр, стряхнув сжимавшие локоть пальцы Вергилия, набычившись и стиснув кулаки, нырнул в туманный полумрак, намереваясь высказать судилищу все, что он о них думает… конечно, если их вердикт пойдет вразрез с его планами. То, что память о прошлой жизни пока не восстановилась, Минотавра не смущало, а даже усугубляло положение судей, присвоивших право вершить судьбы тех, кто толком не мог понять – откуда они и кем являлись до прискорбной своей кончины.

5. Вердикт

Под ногами хлюпало безукоризненно воспроизведенное болото, там и тут темнели кусты, топорщились деревья, стелился туман. Минотавр, однако, и мысли не допускал, будто хоть что-то из пейзажа существует в действительности. Материально воспроизводить подобное – задача нетривиальная, как подсказывала ему не память, не знание, а интуиция. Впрочем, он не стал доискиваться до источника убежденности в том, что видит всего лишь имитацию, а шел дальше по отмеченной светящимися грибами тропинке, пока не оказался на полянке, где его ждали.

Меньше всего Минотавр ожидал встретить их. Три фигуры возвышались над ним, точно сплетенные из плотного дыма, не имея четких границ, зыбкие, но осязаемые. Их наполняла материальность высшего рода, перед ней пасовало даже то, что можно взять в руки, ощупать, обнюхать, попробовать на вкус.

Перед Минотавром возвышались Справедливость, Милосердие и Целесообразность. Их идеи мозг выдал без сомнения, как и должно при встрече с гипостазисами.

– Подойди и выслушай благую весть, что уготовлена тебе, – прогрохотал гипостазис Справедливости. Дымная фигура изогнулась, колосс решил поближе рассмотреть стоящее у его подножия крошечное существо. – Он отмечен пороком и преступлениями, – вынес приговор гипостазис, и Минотавра пронзил холод такой глубины, что он обхватил себя за предплечья, пытаясь унять дрожь.

– Что творил, не ведал он, – мягко возразил гипостазис Милосердия, – а ведал когда, то оправдание искал и находил в бремени долга, что лежал на нем.

– Полезный, – подытожил гипостазис Целесообразности.

Затем гипостазисы склонились друг к другу, их дымные тела соприкоснулись, меж них лениво зазмеились молнии, отмечая высший тип общения, непостижимый для разумных существ. Минотавр поймал себя на том, что смотрит на них с разинутым ртом, стало стыдно, ведь кто-то мог притаиться в кустах и подглядеть столь недостойную картину – распущенный рот, готовый словить насекомое, и струйку липкой слюны. Он даже осмотрелся и, к немалому изумлению, обнаружил – да! именно так и есть – за ним наблюдали, причем вполне открыто, дерзко и насмешливо.

Все тот же отпрыск с копной растрепанных волос стоял поодаль, скрестив руки на груди. И здесь, в неверном свете

сумрачного леса Телониус отметил еще одну важную деталь – во что он одет. Это был древний скафандр, когда-то бело-оранжевый, теперь выцветший до состояния, когда вещь, как ни вычищай, выглядит нечистой и неопрятной.

Отпрыск нисколько не смутился от того, что Минотавр обнаружил его присутствие, даже наоборот – будто этого ждал – вытянулся во весь невысокий рост и принялся махать руками – нечто знакомое, но слегка подзабытое. Лишь глядя на старательно артикулирующие губы, Минотавр понял – отпрыск использует весьма архаичный стиль жестикуляции.

И. О.

Ио? Что такое «ио»? Или где такое Ио? Пояс астероидов? Телониус покачал головой, надеясь, что тайный подсказчик поймет его недоумение. И он, кажется, понял, так как шлепнул себя по губам, словно стирая ошибочное слово, и на этот раз получилось иначе:

В. Н. Р.

Акцентировку гласных звуков он упускал, то ли копируя стиль бывалых космоплавателей, то ли просто не владея нужными жестами. Минотавр проделал дополняющую операцию и получил:

ВеНеРа. Венера. Венера!

Тем временем гипостазисы завершили совещание, молнии угасли, и дымная Целесообразность склонилась к Телониусу, обдав его сложными запахами. В них смешались болотистая чащоба и нагретые долгой работой механизмы.

– В Пояс астероидов на рудники направляешься ты. Ариадны рудник пребывания место. Оборотов десять стандартных обязательный срок.

– Постойте! – Минотавр отчаянно замахал руками, возвращая внимание гипостазисов. – Я не хочу в Пояс астероидов! Я не желаю копать мертвые камни, я хочу творить новый мир! Отправьте меня на Венеру, если необходимо, готов отработать больший срок. Прошу! Требую!

Над ним склонился гипостазис Справедливости:

– Это нарушит наш приговор справедливый, ибо никто, кроме нас, не ведает, где из пятнадцати лун великих и малых тот, кто вернулся, должен работу свою совершать, дабы трудом беспорочным благо творя во славу того, чье имя не вправе никто в суете опорочить.

– Но предупреждаем, – проворчал гипостазис Целесообразности, – вердикта ослушаться вздумается если тебе, подобных управа имеется на – о клайменолях помни, о возвращенный.

– Время быстро промчится, и не заметишь, как вновь обретешь ты свободу, вольный так поступать, как ум тебе твой безупречный подскажет, – завершил речь триады гипостазис Милосердия.

– Ступайте! – Сказав в унисон, гипостазисы потеряли к Минотавру интерес, замерев дымными колоннами, на чью недосягаемую высоту не доносились ни просьбы, ни мольбы, ни проклятия.

Минотавр обреченно посмотрел туда, где прятался отпрыск, но никого не было. Видение? Краткое помутнение рассудка? А как еще назвать опрометчивую попытку вступить с гипостазисами в препирательства, пытаясь изменить вынесенное ими решение?

Вергилий ждал. Он покоился в седалище, вытянув далеко ноги, сцепив узловатые пальцы на животе, и рассеянно беседовал с объемистой возвращенной в алом тюрбане. Узрев Минотавра, он немедленно вскочил и бросился к нему, подхватил под руку и оттащил к нише с пустующей скамьей.

– Ну, рассказывайте, рассказывайте. – Вергилий дергал Минотавра за рукав комбинезона. – Как прошло? По вашему лицу вижу – на достойном уровне… А то знаете, как некоторые относятся к подобным процедурам? Я поэтому и не поставил вас в известность об истинной цели нашей прогулки. Подумал – к чему треволнения? Пусть треволнуется там, внутри, перед ними. Куда вас?

– Пояс астероидов, – сказал Минотавр. – Какие-то рудники… Точнее, рудник Ариадны, так они сказали.

Вергилий всплеснул ладонями:

– Вам исключительно повезло! Воистину благая весть! Рудник Ариадны – уникальный источник космического жемчуга… Лабиринты шахт, где трудятся возвращенные. Вам найдется место по умению.

– Я просился на Венеру, – помрачнел Минотавр, хотя, учитывая, что о ней он вспомнил лишь по подсказке непонятно откуда вынырнувшего отпрыска, источник недовольства оставался непонятен ему самому. Что ему Венера? И что он Венере?

– Просились? На Венеру? – озадачился Вергилий то ли из-за выявленной Минотавром способности препираться с гипостазисами по поводу своей дальнейшей судьбы, коей он, исходя из обстоятельств, никоим образом не распоряжался, то ли из-за желаемого им пункта отбывания предписанной возвращенным повинности. – Но…

Вергилий, готовясь произнести речь о подобающем поведении возвращенцев, набрал глубже воздух, но Минотавр

зашагал прочь по лабиринту Санатория, намереваясь вернуться в кубрик и обдумать приключившееся с ним после возвращения. Того, что было с ним до, он пока не вспомнил, а потому раздумывать над тем, чем не владеешь, пустая трата воды в клепсидре.

6. В свои разрушенные тела…

Водоросли на вкус оказались выдающимися даже по сравнению с тем, что Минотавру удалось попробовать в предыдущие сеансы кормления. Их отвратительный вид целиком и полностью раскрывал вкусовое содержание, ничем не пытаясь его приукрасить, а даже усугубляя. Пусть вкушающий их будет готов к худшему. Извлекалась хлорелла из огромных медных баков-анклавов, как две капли воды похожих на те, из которых происходило возвращение, что вряд ли добавляло аппетита, вызывая неуместные ассоциации. Каждый раз зачерпывая зеленую массу из миски, Минотавр внутренне содрогался от хлюпающего звука, от шевеления водорослей, будто намекавших – они отнюдь не полуфабрикат, а самое что ни на есть живое, а главное – питательное и полезное для организма, прошедшего горнило Феодоровского процесса. Мертвенная стылость и липкость продукта усиливали желание спустить содержимое миски в утилизатор. Но бдительные Вергилии, стоявшие по периметру столовой, следили за подопечными, чтобы те неукоснительно следовали предписанной диете. Единственный способ облегчить участь – не смотреть на то, что отправляется в рот.

Впрочем, смотреть по сторонам тоже особо не на что и не на кого. Характерной чертой Санаториума, кроме ужасающей запутанности коридоров и отсеков, являлась вызывающая блеклость окружающей обстановки, возможно намеренная. Возвращенных не стоило подвергать буйству красок, оберегая их апперцепцию. На деле блеклость вызывала физическую тошноту – взгляд отказывался зацепиться хоть за что-то выдающееся. Единственное спасение – разглядывать тех, кто рядом, удовлетворяя одновременно сенсорное голодание. Минотавр не сразу сообразил: раздражала манера других возвращенных окатывать его взглядами, точно выискивая в фигуре и лице нечто такое, что могло вызвать хоть какую-то сильную эмоцию на равнодушных физиономиях, никак не вяжущихся с обретением жизни новой. Через некоторое время он поймал себя за тем же занятием. И хотя не изменил к подобному занятию отрицательного отношения, продолжал ему придаваться, особенно здесь, где мерзкие водоросли обостряли жажду новых впечатлений. С каждым посещением столовой у него крепла ничем не подтвержденная и вряд ли имеющая отношение к гипостазису истины уверенность: всех возвращенных, его окружавших, он каким-то образом знал и знал весьма близко. В лицах, к тому же, обнаруживалось трудно уловимое, но все же

ощутимое сходство. Пожалуй, по генетической цепи они происходили из единого источника.

Сидевшая напротив Минотавра возвращенная оказалась естественным центром притяжения его внимания. При иных обстоятельствах она бы ничем не выделялась из сонма других – лысая, худая, с длинными неловкими руками, она умудрялась зацепить даже столь скудно расставленные столовые приборы. А нервические пальцы упрямо старались избавить от тяготящей ее обязанности держать ложку и миску, ими она непрестанно шевелила. Торопливо сделав глоток похлебки, соседка бросала ложку, освобожденные руки шарили по столу, пока не нащупывали кусочки запеканки из все тех же водорослей и с тем же вкусом. Руки хватали с голодной цепкостью эти кусочки, но не отправляли в рот, а скатывали в шары и колбаски – заготовки дальнейших превращений. Руки и пальцы жили отдельной от возвращенной жизнью, лицо ее сохраняло неподвижность, а глаза болотного цвета смотрели вбок, словно тщились рассмотреть нечто рядом, но к чему по некоей причине невозможно повернуться. Из получившихся заготовок пальцы лепили крошечных существ, причем весьма ловко, невзирая на скверную пластичность исходного материала, не приспособленного для подобного употребления. На столе выстраивался хоровод забавных фигурок, она затем с остервенелой тщательностью им отрывала головы. Когда возвращенная уходила, безголовые фигурки оставались на столе, пока уборщик не сметал их в анклав вторичной переработки.

Минотавр поначалу украдкой, а затем все более открыто следил за соседкой, но она не проявляла к нему интереса. При всей блеклости, стертости в возвращенной таилось нечто, заставлявшее Минотавра думать о ней даже во время тренировок на горнопроходческих агрегатах, где он постигал искусство управлять рудоедами класса «цербер» – громоздкими механизмами по выгрызанию полезных ископаемых из малых небесных тел. Вероятно, в прошлом подобное занятие занимало существенную часть его жизни. Беглого ознакомления с уроком Минотавру вполне хватало, чтобы ловко и умело повторить всю последовательность операций на «цербере». Этот гигантский рудоед был похож на паука, многочисленные лапы вцепились в каменистую, прокаленную почву планетоида, а огромные зубастые пасти ковшей отхватывали куски породы, направляя их в пищеварительный тракт. Там порода превращалась в бруски полезных металлов. Голосовой помощник «Пасифия» мягко инструктировал Минотавра, объясняя тонкости рудоедного дела и управления «цербером», не обращая внимания ни на грубость

подопечного, ни на его подколки, что выдавало его машинное происхождение, несмотря на симулируемую заботу. Управлялся рудоед через анклав, наполненный «жидким пластиком», более плотным, чем вода. Дыхание в нем затруднялось, и в анклаве имелась система дополнительного нагнетания кислородсодержащей жидкости в легкие, и после занятий казалось, будто грудь по горло забита твердой субстанцией. Любое неловкое движение зубастыми пастями приводило к выбросу в пространство туч камней, угрожавших многочисленным транспортным устройствам. Они сновали между астероидами, собирая руду на контейнеровозы для отправки на теллурические планетоиды Системы. Тем не менее от работы Минотавр получал удовольствие, ощущая себя демиургом, превращающим грубую материю в пластичный металл.

Как отмечал Минотавр, когда досрочно завершал занятие, получив традиционно высокую оценку, его будущие коллеги-рудоеды не отличались подобной ловкостью. Стаскивая маску и контактные перчатки, прежде сдав наставнику Бруту ключи управления, Минотавр неторопливо шел вдоль рядов плавающих в анклавах тел, погрузившихся в туманные облачка по плечи, и по их неловким движениям мог определить – какая часть процесса не дается обучаемому. После душа на выходе из тренировочного отсека его ждал Вергилий с неизменным выражением интереса к успехам подопечного на физиономии и устах.

7. Саломея

– Саломея, – сказал Вергилий. – Саломея Нерис.

Минотавр, ощущая в мышцах привычную и приятную натруженность, не сразу сообразил, о ком толкует наставник.

– Ваша соседка по столовой, – пояснил Вергилий. И перевел разговор на достижения Минотавра в деле горнодобычи, посчитав собственный долг исполненным – две одинокие души возвращенных представлены друг другу, ибо Вергилий Саломеи также назвал ей имя того, кто черной башней возвышался над столом во время приемов пищи.

Минотавр ожидал, что теперь Нерис как-то проявит к нему интерес, но поведение ее нисколько не изменилось, сам же он не хотел завязать с ней беседу, поначалу ни к чему не обязывающую, а затем, со временем, быть может, и дружескую. Казалось, Саломея является в столовую лишь для одного – заполучить в руки кусочки запеканки из хлореллы и что-нибудь из них слепить. Ее манипуляции с мякишами завораживали Минотавра. За движениями тонких пальцев с набухшими узлами костяшек угадывалась почти магнетическая способность манипулировать податливыми веществами, и если из запеканки получалось в основном нечто безобразное, то причина – негодность исходного материала.

Дни в Санаториуме различались лишь условностью распорядка, а не переменой светового режима, даже условной ночью лампы горели равно так же, как и условным днем. Однажды Минотавр осторожно, чтобы не испугать, положил перед Саломеей брусок пластмассы, какую используют для латания дыр в пустолазных костюмах. Бруском он разжился в одно из занятий по борьбе за живучесть рудоеда, когда по вводной в гигантскую машину попадал шальной микрометеорит, пропущенный системами дальней и ближней локации. По той же вводной добыча шла на разрезе радиирующих материалов, а потому радиационный фон в смертельное количество раз превышал норму. На занятии Телониус, облаченный в тяжеленный костюм высшей защиты, проклял все и всех, пока отыскал глубоко в трюме «цербера» трещину, через которую утекала перенасыщенная кислородом жидкость, и заделывать ее пришлось подобным бруском пластмассы.

Именно там, скрючившись над трещиной, насколько позволял громоздкий костюм высшей защиты, Минотавр внезапно вспомнил тонкие подрагивающие пальцы Саломеи. Они пытались справиться с мякишем из хлореллы равно так, как он пытался

справиться с упрямым бруском пластмассы, не желавшей укладываться на аварийное отверстие герметизирующим слоем.

Поначалу Нерис никак не отреагировала на подношение соседа, продолжая сосредоточенно трудиться над привычным материалом и не ответив на слова Минотавра:

– Попробуй это. Оно лучше подойдет.

Пришлось содрать упаковку, отщипнуть и скатать из пластмассы шарик, даже в руках Минотавра – широких и грубых – получившийся удивительно ровным и гладким. Положив шарик перед Саломеей, он стал ждать, словно тритон, стерегущий малька. Это походило на детскую игру – делай как я, делай как мы, делай лучше нас. Шарик заинтересовал Нерис. Она взяла его, сдавила, поднесла к выпуклым глазам, пытаясь удостовериться, что ощущения не обманули, затем раскатала шарик в колбаску, а потом… Произошло чудо. Будь Минотавр на каплю менее сдержан, он непременно захлопал бы в ладоши. Неуловимо для глаз кусочек пластмассы превратился в фантастического зверя. Из глубин запечатанной памяти Минотавру так и не удалось извлечь его название, да и вряд ли где могло обитать столь грозное чудище с отягощенной рогами звериной башкой. Минотавр ощутил удовлетворение собственным могуществом, благодаря которому и от щедрот своих он одарил несчастное и ущербное существо благовестью демиурга извлекать из небытия то, что еще никогда не существовало в мироздании.

Результат поразил и саму Саломею. Она прижалась щекой к поверхности стола, словно пытаясь оказаться вровень с фигуркой, пальцем подвигала ее, устанавливая в правильной проекции, и долго-долго смотрела, пока внезапно не выпрямилась, резко и неожиданно, что Минотавр слегка отпрянул, занесла сжатую в кулак руку и со всего размаха ударила по фигурке, превратив ее в тонкий блинчик, который так и остался на столе. Сама Саломея исчезла, как всегда не попрощавшись. Однако брусок пластмассы она унесла с собой.

Несколько последующих суток ничего не происходило, за исключением того, что Саломея прекратила возиться с мякишем запеканки. Она завела иную привычку – быстро съедать похлебку, запихивать в рот полагающиеся добавки, дабы обслуживающий персонал одобрительно кивал, видя подобную старательность в получении предписанных нормами энергии и веществ, и убегала, проведя за столом столь краткое время, что даже Минотавр, сам не любивший рассиживаться над тарелками, не успевал разделаться с ферментированными водорослями. Сложив четырежды четыре, Минотавр не усомнился, что тому причина – его, возможно, неосторожный, подарок. Трудно представить,

будто здешние врачи и Вергилии не могли дойти до столь простой идеи – обеспечить возвращенную тем, что требовалось ее рукам, а именно – глиной, пластмассой, пластилином, да хоть пластиковой взрывчаткой, ее щедрыми потоками заливали в рудоеды дробить особо твердые места породы. Поскольку для взрыва требовался электроразряд строго определенных параметров, то пластиковая взрывчатка могла безопасно служить подсобным материалом для скульптора.

8. По следу

Беспокоясь, что он, не ведая того, нанес возвращенной Саломее непоправимый ущерб, в один из скоротечных визитов в столовую Минотавр последовал ее примеру, заглотнув все предписанные питательные вещества и все же не опередив соседку (размер их порций соотносился как размеры тел), опрометью кинулся вслед за Нерис, скрывшейся за мембраной столовой.

В этой части лабиринта Санатория ему бывать не доводилось. Он запутался, заплутал и лишь по счастливой случайности заметил далеко впереди знакомый комбинезон Саломеи, окрашенный геометрическими фигурами всех оттенков зеленого. Это делало ее похожей на ящерку, длинную, стройную, вышагивающую с неподвластной иным существам грацией.

Не думая о том, что своим поведением может нарушать восьмерки правил Санатория, Минотавр припустил бегом, перескакивая с кочки на кочку, разбрызгивая лужи и крошечные болотца. В нем пробудились древние инстинкты, когда далекие дикие предки вот так же с восставшим зеббом скакали по болотам, потрясая острогами, стуча в грудь и зычными криками привлекая самок. И хотя острогой он не обзавелся, в грудь не стучал, да и самку преследовал отнюдь не из природных побуждений продлить свой род, но дышал столь же шумно, да и вид имел устрашающий. Встреченные на пути, все как на подбор противоположного пола, с испугом и вскриками уступали дорогу, и Минотавр желал лишь одного – чтобы персонал Санатория как можно позже вмешался в действо.

Несколько раз за время погони Минотавр переживал непривычное ощущение изливания из тела, словно оно соскальзывало с него застывшей оболочкой и оставалось неподвижным. А его нематериальная сущность по инерции делала несколько скачков вперед, прежде чем осознавала, что шкура осталась позади, а потому необходимо вернуться, вместиться в нее и вновь заставить двигаться. Он несколько раз оборачивался, и ему даже казалось, будто видит застывшую посреди коридора полупрозрачную фигуру, подобную его собственной. Это задерживало преследование, давая Саломее дополнительную фору.

Казалось, что он никогда ее не настигнет, хотя она теперь двигалась неторопливо, а он несся за ней вприпрыжку и при иных обстоятельствах настиг бы любую юркую добычу, какая только могла водиться в топях. Но расстояние между ними сокращалось

неохотно, будто они превратились в гипостазис апории про комара, который в полете никак не мог догнать ползущую улитку. Нерис помедлила перед возникшим среди низкорослой растительности люком, открыла его и нырнула внутрь. Когда Минотавр в четыре прыжка оказался там же, перед ним сгустилась громадная фигура в знакомой хламиде. Искажение масштаба оказалось столь велико, что Минотавр ощутил себя крошечным существом – гигант пальцем мог раздавить его.

– Не стоит, – предупредил Вергилий. – Вы и так нарушили достаточно правил и предписаний, поэтому настоятельно требую не усугублять содеянного.

Минотавр набычился, стиснул кулачища. Гигантская фигура Вергилия казалась серьезным препятствием, хотя он и был уверен – она всего лишь иллюзия, и его лоцман в лабиринте Санаториума остался таким, каким и был – бодни в живот, и переломится, но Минотавр колебался, прежде чем одолеть последний рубеж на пути к разгадке Саломеи.

– Почему?! – прорычал Минотавр.

Вергилий вытянул руку и приложил ладонь к груди Минотавра. И тот ощутил, будто перед ним возникла неодолимая стена, препятствие, которое не одолеть никаким усилием сил и воли. Тотальность такого ощущения словно воронка сливного отверстия, туда бурным потоком устремились силы, до сих пор двигавшие Минотавром. Его сразила глубочайшая усталость, он покачнулся, попытался опереться хоть обо что-то, но сил не хватало даже на легкий взмах руки. Тело его растянулось на решетчатых поёлах, они казались мягче спального мха, располагая погрузиться в глубочайший сон.

И явилось Минотавру видение, которое и сном нельзя назвать, так как нечто неуловимо отличало его от картин, посещавших каждого, кто спал, хотя и не всегда оставлявших в памяти след. И в этом видении была Саломея, вот только сам он, наблюдавший за ней, был кем-то другим, кто знал Нерис очень давно и ощущал к ней нечто, что не укладывалось в гипостазис праздного любопытства. Ярко освещенный отсек уставлен подставками со скульптурами, Минотавр тщетно пытался определить – что данные скульптуры воплощали.

– Мы – это всё, что у тебя есть, – раздался голос, и звучал он необычно, пока Минотавр не сообразил, что говорит тот, чьими глазами он воспринимает происходящее. – Пожалуйста, вспомни! Нерис! Саломея… Ариадна, протяни мне свою нить, это же я, твой Минотавр! – Говорящий приблизился к Саломее, сидевшей на высоком седалище перед комом влажной субстанции. Возвращенная была сосредоточена на чем-то исключительно

внутри нее и задумчиво жевала пряную бодрящую палочку. Но вот она протянула к бесформенной массе руки, но не коснулась ее, а водила над ней кончиками нервных рук с удивительно крупными, болезненно распухшими суставами. И вот поразительно – субстанция ощущала близость пальцев, по ней, в согласии с их движениями, пролегали вмятины, борозды, отчего возникало ощущение, будто внутри пряталось нечто живое, стремящееся вырваться, словно из икринки, если только существовали подобные икринки – бесформенные, с глинистой оболочкой.

9. Возвращение памяти

Тот, в ком пребывал Минотавр, тоже протянул руку, Саломея пыталась ее оттолкнуть, но тот оказался ловчее – вдавил в субстанцию нечто, похожее на светящуюся горошину – крохотную и переливчатую. Нерис издала горловой звук, стараясь сковырнуть посторонний предмет. Горошина вспыхнула, и в воздухе всплыло изображение семьи с тремя отпрысками еще в том возрасте, когда непросто определить – кем им предстоит оформиться. По крайней мере, сам Минотавр, опытом отцовства или близкого знакомства с отпрысками не обладавший, затруднился бы подобрать им подарок на день рождения – куколок или строительные кубики.

– Чудо, что я здесь, в этом лабиринте… если бы не протекция Червоточина… он сказал слово, дабы память вернули именно тебе! Мы должны благодарить его… Вот, это мы! Разве не узнаешь себя? Наших отпрысков?

Одну руку он положил ей на плечо, стараясь прекратить ее пассы над субстанцией, а другую протянул к голоизображению, погрузил в него пальцы, отчего оно пошло пятнами, стало расплывчатым. Говоривший будто и не обращал на это внимание.

– Не надо, прошу, не надо… Это лишь грубая материя, податливая твоим пальцам, но посмотри на меня, вот я, во плоти, и не надо творить меня… я здесь, настоящий, посмотри, вот он я, посмотри…

Минотавр поначалу не понимал, чего тот добивался, и догадался лишь когда подушечки пальцев замерли над голографическим двойником Саломеи – гораздо более молодой и, если такое возможно, более живой, нежели тень, каждые сутки в предписанное распорядком время переступавшая порог столовой. Говоривший тоже это чувствовал! А вернее сказать – остро переживал то, что Нерис во плоти лишь бледная копия голоизображения, и он пытался установить между ними нечто вроде сообщающегося сосуда, соединительного провода, замкнув их собственным телом, надеясь на чудо перелива жизни из голоизображения в возвращенную.

И Минотавру показалось, будто бесстрастное лицо живой Саломеи осветилось изнутри отблеском подлинной жизни, но тут же все прекратилось. Нерис резким движением выхватила шарик из глины, отшвырнула его, дернула плечом, стряхивая руку гостя, яростными ударами смяла вылепленные фигуры, села на корточки, обхватила колени, прижалась к ним лбом, словно превратившись в икринку, которой предстоит долго вызревать в

тепле родового болота.

Резкая смена плана – нет ни Саломеи, ни ее пристанища, только длинный коридор, тусклый, кольчатый, какие обычно ведут к служебным отсекам (это подсказывала не память Минотавра, это знание, приобретенное во время тренировок на рудоеде класса «цербер»), изображение раскачивается, и Минотавр понимает: тот, чьими глазами он смотрит, еле сохраняет равновесие. Несколько раз он упал, с трудом поднялся, цепляясь за трубы гидравлики, и продолжил движение – упрямое и бесцельное, а рядом мельтешили обслуживающие механизмы, гул работающих двигателей нарастал, свидетельствуя о приближении энергетического сердца Санатория.

– Что это? – спросил Минотавр, возвратившись в собственное тело.

– Уйдем отсюда, – сказал Вергилий и двинулся прочь, уверенный, что подопечный последует вслед за ним. Минотавр, помедлив, поколебавшись – не отбросить ли прочь повиновение и все же разобраться в необычном наваждении, получив информацию непосредственно из рук с нервными пальцами, решил не перепрыгивать события – вдруг наставник на этот раз будет щедрее на разъяснения. И он двинулся за лоцманом, только сейчас, вновь плутая по лабиринту Санатория, понял, что вряд ли смог отыскать дорогу назад.

Вергилий и Минотавр молчали. Минотавр, ощущая себя словно провел несколько круглосуточных вахт на рудоеде, без перерыва на пищу и сон, прилег в гамак, а наставник опустился рядом с ним на седалище, будто собираясь рассказать подопечному на сон грядущий наставительную историю. Лишь когда оказались в кубрике, Вергилий произнес пересушенным голосом:

– Саломея Нерис – первая крупная неудача Феодоровского процесса.

– Что случилось с ее супругом? – Минотавр сражался с подступающей дремой, понимая, как важно получить хоть каплю информации, которая так его занимала. – И как он вообще оказался в Санатории? Разве такие встречи разрешены? – Последний вопрос даже взбодрил его самого, в случае положительного ответа можно было дознаться – кто он, Минотавр, такой, не дожидаясь гипотетического пробуждения памяти, казавшегося ему все менее вероятным. Что, если беспамятство – неотъемлемая черта Феодоровского процесса? Ведь забытье и есть превращенная форма смерти, доступная живым.

– Смелый, но неудачный эксперимент, – сказал Вергилий. –

Попытка восстановить полноту Феодоровского процесса, призвав на помощь… близких. Позволение было дано только супругу, хотя он настаивал на присутствии отпрысков, уповая на материнские чувства Саломеи. Курирующие гипостазисы склонялись к расширению эксперимента, но гипостазис Осторожности возобладал. Последующие события подтвердили его правоту… Возвращенные на короткое время обладают способностью изменять окружающее мироздание по своему разумению, ибо у них еще не укрепился индекс реальности… червоточина в Феодоровском процессе, побочный эффект… Именно поэтому вас посылают столь часто на терраформовку Венеры.

– Значит, мы не есть то, чем были. – Даже сейчас, балансируя на лезвии сна и бодрствования, Минотавр вычленил важное, о чем проговорился, а скорее намеренно сообщил Вергилий. – И память – не главное, чем обделяемся на пути к воскрешению.

– Что есть смерть? – сказал Вергилий. – Согласно закону сохранения, ничего не исчезает, ничего не появляется из ничего. Все лишь преображается, меняет облик, перетекает в иные формы бытия. Даже самые примитивные наши предки, вышедшие из экваториальных болот, осознавали это. Вопрос лишь в прояснении формы, которую мы обретаем, пересекая границу жизни. Ответ на него пока не удалось получить. Те, кто возвращается, к сожалению, ничего не могут рассказать. И в этом проблема неполноты воскрешения. Кто-то лишается таланта, кто-то – семьи или чего-то еще… работы, например. Память восстановить можно, но зачем, если возвращенным она причиняет боль? Не всякий в силах ее терпеть.

– Ей восстановили память? – Минотавр приподнялся на локте. – Она вспомнила, кем была?!

– Увы. – Вергилий горестно кивнул головой. – Многие воспоминания – многие печали, как сказал некто давно, не прозревая собственной правоты. Печаль, когда лишаешься способности рисовать, играть на пианино, руководить… но не печальнее, когда лишаешься чувств к тем, кто был дорог, кого любил?

Минотавр схватил Вергилия за хламиду, сдернул с седалища и подтянул к себе:

– Я хочу! Вернуть! Память!

10. Ночной визит

Минотавру снился мучительный сон. Он пытался попасть на Венеру, но какой бы корабль ни выбирал, всегда оказывался на неизвестном ему небесном теле, лишь отдаленно напоминающем его цель. Тело именовалось непривычно – Ио. В нем чудилось известное сгущение «исполняющий обязанности», отчего по необъяснимой сновидческой логике он заключил, будто данный планетоид до поры исполнял обязанности Венеры.

Когда Минотавр открыл глаза и увидел рядом фигуру, то решил, что Вергилий, опасаясь за его состояние, провел это время на седалище, оберегая покой и сон. На обычное поведение наставника это не походило. Но фигурка была и тоньше и мельче, и не столь бесформенна, ее не прикрывала хламида.

Тогда у Минотавра всплеснула безумная мысль, будто Саломея решила нанести тайный ответный визит соседу по столу. И ей все равно, что поведение Минотавра, в отличие от нее самой, ничем особенным не выделялось. Он является строго по расписанию, выхлебывает тарелку перебродивших водорослей и отправляется восвояси, если не обращать внимания на то, как пристально следил выпученными глазами за ее манипуляциями с мякишем, и не принимать в расчет бесцеремонную попытку проникнуть в тайну ее, Саломеи Нерис, личности. Об этом, Минотавр готов поклясться чем угодно, даже невернувшейся памятью, она наверняка не знала и не узнала. В конце концов он мог привлечь ее своей статью, которую она решила запечатлеть в субстанции, а затем в камне или даже металле. Ее манипуляции с запеканкой лишь попытки сделать модель могучей фигуры Минотавра. Но самодовольная и льстивая мысль уплыла, так как фигурка протянула к нему руку и потеребила за плечо:

– Вставай, Телониус, вставай. Я принесла тебе благую весть!

Ошиблись гамаком, понял Минотавр. Где спит этот Телониус? Кстати, какого-то Телониуса поминал в своем бормотании Вергилий, но тогда Минотавр пропустил это мимо ушных отверстий. Минотавр приподнялся на локте.

– Телониус в другом гамаке, – ворчливо, как и полагается тому, чей сон бесцеремонно прервали, сказал Минотавр. – Или другом отсеке. Здесь только я, Минотавр.

Но фигурка не растерялась, не вскочила, разливаясь в извинениях за допущенный промах, а наоборот – издала короткий смешок:

– Телониус – это ты. Или предпочитаешь называться Минотавром?

Сон высох до дна, как только он сложил четырежды четыре. Рывком сел в гамаке, сгреб фигурку, подтянул к себе, чтобы разглядеть ночного посетителя и с изумлением убедиться в том, что уже встречал его в Санаториуме. Отпрыск в потрепанном древнем скафандре.

– Кто ты? – прорычал Минотавр с самым свирепым выражением, дабы отпрыск струхнул. Бесцеремонное вторжение в личную заводь не следовало спускать никому, достаточно одного Вергилия, хотя тому хватало опыта не беспокоить его во время сна. – И что тут делаешь, гипостазис Послушания тебя подери?!

Но незваная ночная гостья не струхнула, не съежилась под грозным взором возвращенного, а сделала ловкое движение, после которого кулак Минотавра сжимал лишь пустоту, а она отодвинулась на безопасное расстояние.

– Нить. – Она сделала жест вежливого представления старшему. – И здесь, чтобы кое-что тебе показать.

– У меня уже есть Вергилий, – проворчал Минотавр. – Я не нуждаюсь в еще одном. Чересчур много нитей для одного лабиринта. Запутаешься. Плыви спать, отпрыск. Утром в столовой поговорим, если захочешь. – Он деланно зевнул, прекрасно понимая – отпрыск никуда не уйдет. Подобные взбалмошные создания не для того являются посреди ночи, чтобы затем, по единому слову, отправиться восвояси. Более того, если бы Нить последовала его совету, Минотавр сильно разочаровался.

– Твой Вергилий говорил об отсеке номер четыре? – Нить пододвинулась ближе. И только теперь он ощутил особый запах, исходящий от нее. Словно от нагретой ремонтной смолы, запах механизма, нежели живого существа. Впрочем, возможно, попахивал ее древний скафандр.

– Мой Вергилий, – Минотавр движением пальца акцентировал первое слово, – много о чем говорил. Особо предупреждал: когда ночью поднимет отбившийся от рук воспитателей отпрыск по имени Нить, мне разрешается ее отшлепать, дабы неповадно было, и отправить в место постоянного проживания. Но я готов пропустить стадию экзекуции, если ты…

Нить не дослушала, сунула ему нечто круглое и направилась к перепонке люка, ловко пнула ее, отчего та без лишнего звука раскрылась, сама остановилась на пороге и поманила Минотавра. Будто дрессированного зверька. Кругляк в руках Минотавра дернулся, и он разглядел, что сжимает клубок путеводной нити, какими обычно снаряжались новички в запутанных переходах космических станций.

11. Нить

Ночью коридоры Санатория патрулировались гипостазисом Послушания, как объяснял Минотавру Вергилий. Поэтому любой, кому всплывет в беспамятную голову предпринять неурочную прогулку, да еще без сопровождающего, поздно, а скорее всего рано наткнется на одно из его проявлений и вернется в кубрик, снедаемый муками совести. Может, именно поэтому Нить вела Минотавра столь загадочно – короткие перебежки перемежались остановками, словно кого-то пропуская, хотя как Минотавр не прислушивался, ничьих шагов расслышать не мог.

Нить уверенно выбирала коридоры и колодцы, несколько раз приходилось нырять, и отпрыск, к удивлению Минотавра, весьма ловко справлялся, несмотря на громоздкий, обвисший складками скафандр с выцветшими оранжевыми полосами. Он думал, что придется ее подталкивать, но под водой Нить двигалась даже увереннее. Она позволяла себе подшучивать над неповоротливым, по ее мнению, Минотавром, который давно лишился того инстинктивного навыка передвижения в водной стихии, что хранится в мышцах рук, ног, тела отпрысков. Нелепой рыбкой она кружилась вокруг Минотавра, поддразнивала, смеялась широко разинутым ртом, пуская воздушные пузыри.

Минотавр старался не обращать на проказы Нити внимания, сосредоточенно греб руками и ногами, держал дыхание, и в очередной раз задавался мыслью – не сон ли это, уж слишком легко он согласился последовать за бедовым отпрыском. Нить не вызывала в нем ничего, кроме желания сцапать ее за ногу во время очередного проплыва вокруг него и наподдать, дабы неповадно было выкидывать шуточки со взрослым.

Раздражала она его, а не отцовские инстинкты будила, из чего Минотавр предположил – в предыдущей жизни отпрысками не обзавелся. И даже смутные предания о первоводных временах, когда жившие на материнских болотах племена в особо голодные периоды не брезгали пожиранием себе подобных, в основном, конечно, потомства, не казались Минотавру столь уж жуткими, он вполне допускал, как при определенных обстоятельствах подобный акт может стать родом гипостазиса милосердия, дабы отпрыски не мучились голодом, а взрослые восполняли силы для охоты и защиты племени.

Несколько раз им попадались иллюминаторы – редкость для Санатория. Минотавр не преминул в них заглянуть, но не увидел ни звездного неба, ни светила, ни планетоидов, ни Пояса

астероидов, а встретил его пейзаж побережья, где темные волны накатывали на черный песок, оттуда торчали камни. Чем-то знакомым сквозило от запечатывающей иллюминаторы картины, а то, что это проекция, сомневаться вряд ли приходилось, иначе следовало предположить, будто Санаториум находился не в космическом пространстве, а покоился на поверхности какого-то планетоида.

– Быстрее, быстрее, – поторапливала Нить. Они выныривали из наполненного водой отсека и продолжали путь по сухим переходам, не удосужившись воспользоваться сушильней, за ними тянулась цепочка лужиц, выдавая их путь преследователю, если бы таковой отыскался и взялся вернуть злостных нарушителей режима Санаториума на предписанные им места. – Сюда, сюда, ты разве не видишь?! Тут проход!

Эти слова Нити внезапно заставили Минотавра сделать малоприятное для собственного самолюбия открытие – за время пребывания в Санаториуме он не замечал, в общем-то, очевидного – коридорами и отсеками напоминавший лабиринт Санаториум таковым и являлся. Кроме непостижимой логики ветвления переходов он обладал частью, ловко замаскированной от возвращенных, поскольку именно на них и рассчитаны подобные иллюзии. Когда Нить шагнула в сторону и исчезла в стене, Минотавр замер на месте, пытаясь сообразить – является ли исчезновение отпрыска доказательством, что происходящее – всего лишь достоверный, но все же сон, или в совершенно гладкой и непроницаемой на вид стене, покрытой бурыми разводами, имеется скрытое отверстие.

Даже когда Минотавр подошел к месту исчезновения Нити и внимательно осмотрел его, никакого люка, отверстия и даже трещины не обнаружил. Стандартно литая поверхность, протяни руку и ощутишь кончиками пальцев надежность, воплощенную в ней конструкторами, инженерами, монтажниками. Тут не только Нить не проскользнет, космическая волна с большим трудом преодолеет окружающие станцию защитные поля и вот этот антирадиационный монолит.

Так утверждали глаза, но протянутая рука опровергала достоверность виденного. Иллюзия, сотворенная настолько ловко, что поневоле возникало чувство обиды – кто не пожалел сил, чтобы возвращенный по имени Минотавр стоял перед открывшимся проходом, мучительно соображая даже не о том, куда исчезла Нить, а сколько подобных иллюзий он принял за нечто достоверное, не пытаясь ни разу свернуть с путей, которыми водил его ловкач Вергилий.

– Ну, ты что? – Нить возникла из переборки, словно

обрезанная наполовину, но тем самым еще больше нанося ущерб иллюзии, и Минотавр окончательно проник в нехитрую механику чуда, где задняя стена прохода, облитая пятнистой краской, сливалась с краями переборок, и там крылось отверстие. – Сюда! За мной!

Минотавр протянул ручища, сгреб ее за плечи, притянул, и как можно свирепее прорычал в лицо:

– Куда ты меня ведешь?!

Он понимал – вряд ли она испугается, не на ту напал, да и не страха Минотавр добивался, а желал показать бедовому отпрыску – недооцениваешь, с кем имеешь дело, любые шуточки и штучки будут немедленно пресекаться им, Минотавром, который таких, как она, на обед щелкает как устриц.

– В отсек номер четыре, – показала Нить. Минотавр отодвинул ее в сторону и шагнул к массивному люку. Но прежде чем толкнуть его, спросил:

– Что там? Очередная каверза? Дурацкая шуточка? Учти, я шкуру спускаю тем, кто пытается меня обмануть!

– Даже Вергилию? – как можно беззаботнее поинтересовалась Нить, тем самым уев Минотавра, и ему осталось скривить рот в усмешке, мол, доберутся руки и до лоцмана, после чего толкнуть люк.

12. Четвертый отсек

То, что он узрел, заставило позабыть о Нити, о своих обещаниях, о злости на Вергилия, и вообще обо всем, что с ним произошло после возвращения. Он стоял на пороге невообразимо огромного… – отсеком и не назвать. Подобное или близкое размером вместилище вопиющим образом противоречило конструкционным стандартам космических станций – в нештатной ситуации герметизация подобных объемов невозможна. Те, кто в них оказывался, обречен пасть жертвой шальных метеоритов, случайного столкновения и миллиона иных событий, на которые столь изобретателен космос. Минотавр стоял у распахнутого люка и тщился разобраться в открывшейся картине. Жалкий обрывок памяти пасовал подыскать более адекватный термин для огромной емкости, нежели «отсек». Первое, что всплыло в глаза, как наиболее знакомая в его теперешнем состоянии деталь, так это ряды и ярусы гамаков. В каждом лежали возвращенные, что, учитывая бортовое время, не должно вызывать удивления, если бы не количество гамаков, а следовательно, и количество возвращенных, их занимавших. Их бесконечные ряды, словно слагаемые функционального ряда, чья сумма, будь она исчислена, даст точный эквивалент той живой функции, которую подвергли разложению.

Не утонул ли он, Минотавр, в очередной иллюзии ловкой системы отражений? Она зеркалами увеличивала до невероятных размеров вполне себе скромный кубрик с теми, кто, в отличие от него, не поддался на призыв отпрыска прервать сон и отправиться неведомо куда неведомо с какой целью. Но он движением руки отогнал подобную мысль, сложно вообразить – кто мог затратить столько усилий и пойти на столько ухищрений ради создания подобной иллюзии. Неизвестно, сколько бы он стоял на пороге, разглядывая таинственное пристанище, если бы Нить вновь не возникла почти чудесным образом перед Минотавром. Она помахала руками, привлекая внимание, и сделала движение, какие делают в обучающих фильмах дежурные стартово-посадочных площадок, указуя капсулам место приземления.

– Они мне напоминают разбитые корабли, примары их собирают на поверхности Венеры, – прошептала Нить, и вновь Минотавр ничего не понял – что за корабли, какие примары и какое отношение они имеют к Венере?

Ничего не оставалось, как вновь подчиниться Нити, она привела его сюда, а теперь намеревалась указать, зачем они здесь. Двинулись вдоль гамаков. Над лежащими висели, издавая низкое

ровное гудение, непонятные устройства, похожие на асимметричные коконы, в каких обычно вызревало потомство пузырчатых пауков. Из покрытых изморозью оболочек торчали крючья охладителей, а внутри словно и впрямь таилось нечто живое, ритмично сотрясавшее коконы. Их вид Минотавру не понравился. Они казались ему паразитами, вытягивающими из спящих ночные видения. Он даже безуспешно попытался рассмотреть – не тянутся ли из крючкастых мешков тончайшие нити, физически соединяя головы лежащих в гамаках с коконами.

– Что происходит? – спросил Минотавр у шагающей впереди Нити, хотя и не ожидая ответа, уверенный – она привела его сюда, но знает не больше его самого.

– Восстановление полноты, – сказала Нить. – Коэффициенты членов ряда разложения твоей личности.

– Не понимаю, – сказал Минотавр.

Нить хихикнула, резко повернулась к нему, и Минотавр опять ощутил себя крошечным по сравнению с колоссальным существом, нагнувшимся к нему так, словно пытаясь разглядеть икринку у своих ног.

– Тебе следует встретиться с Шутом, он объяснит лучше. – Иллюзия исчезла так же, как и возникла, Нить приняла обычные размеры.

– Обязательно, – пообещал Минотавр. – Как только встречу. Но зачем мы здесь?

– Ты должен успеть ее извлечь, – бросила Нить через плечо. – Он идет сюда.

– Кого спасти? Кто идет? – Минотавр внимательно осмотрелся, но не заметил никого между рядами спящих, кто бы подавал признаки бодрствования.

– Не спрашивай о том, о чем и так узнаешь. – Нить развернулась к нему и теперь двигалась спиной вперед, отчего Минотавр замедлил шаг, но она нетерпеливо замахала. – Сюда, сюда! Вот она.

Спящая ничем не отличалась от сотен, а может, и тысяч других, что размещались в отсеке. В соседнем гамаке спал мужчина в потрепанной одежде, с комбинезона сорвали отличительные шевроны, причем так неряшливо, что из ткани торчали нити. Еще дальше расположилась тощая личность, чьи худые ноги не умещались в гамаке, а потому свисали за его край, касаясь пола.

Если не обращать внимание на необычную штуку, почти касавшуюся головы той, на кого указывала Нить, жужжа и отрыгивая, будто проглатывала что-то невидимое, но весьма сытное, в ней не обнаруживалось ничего выдающегося – голый

череп, круглое лицо, темная кожа, бисеринки на висках. Тело скрывалось натянутой до подбородка простыней, и было весьма крупным. Минотавр заметил нечто, что поначалу показалось обманом зрения, но, присмотревшись, убедился – над широким лбом спящей густилось полупрозрачное облачко.

Минотавр потянулся пальцем дотронуться до облачка, но ладонь Нити легла на запястье.

– Нельзя, – сказала она. – Слушай. Можно только слушать.

Минотавр наклонился ближе к спящей, губы ее шевельнулись:

– Телониус… ты меня слышишь… Телониус…

– Да, слышу, – ответил Минотавр, хотя и не имел представления – кто такой – неведомый ему Телониус.

– Запустение и разруха, Телониус, – продолжила спящая. Хоть ее губы и произносили слышимые им слова, но казалось, что тот, кто их по-настоящему говорил, находился далеко-далеко отсюда. Спящая – лишь передатчик, связующая нить через бездну. – Все пришло в упадок с тех пор, как ты ушел… Ариадна ждет тебя, Телониус… Ты слышишь меня… где ты?

Иду, иду, убить хочу! Иду, иду, убить хочу!

Минотавру показалось, будто это Нить бормотала жутковатую считалочку – назойливо, надоедливо, заглушая произносимое спящей. Он наклонился ниже, слуховое отверстие у губ:

– Возвращайся во что бы то ни стало, Телониус… где бы не находился… Венера ждет… проект гибнет, Телониус…

– Иду, иду, память стереть хочу! Иду, иду, память стереть хочу!

13. Харон обратно не перевозит

Минотавр зарычал от бешенства. Бездна поглоти эту Нить! Зачем вообще сюда притащила, издеваться дурацкими стишками?! Он выпрямился, стиснул кулаки, но отпрыска перед собой не увидел. То, что громоздилось перед ним, не относилось к живым существам. Упакованное в бронь тело со множеством сочленений и темными подпалинами – то ли ржавчины, то ли следов огнемета, башка, по ней в беспорядке разбросаны буркала, будто кто-то втиснул их в бесформенный кусок теста. Заодно, не слишком сообразуясь с функциональной необходимостью, прорезал парочку отверстий, которые играли роль источников звуков, издаваемых существом. Башка шевелилась, казалось, внутри находилось нечто, чему в ней тесно, и оно пыталось вырваться, отчего там и тут возникали шишки, а буркала съезжались и разъезжались. Правый рот шевельнулся:

– Иду, иду, стереть хочу…

Левое отверстие вторило:

– Иду, иду, стереть хочу…

– Ты кто, урод? – как можно вежливее поинтересовался Минотавр. Он, несмотря на отвратительный вид башки, испытывал к чудовищу невольное уважение, какое может испытывать не обделенный силой к достойному его габаритов существу. Ответа он не ожидал, но буркала чудища съехались, уставились на Минотавра, а правый рот сказал:

– Харон…

Левый уточнил:

– Забвение дарующий… – На этих словах Харон, забвение дарующий, приподнял верхние конечности и щелкнул ножницами, заменявшими ему пальцы. Выглядело угрожающе, и будь на месте Минотавра кто другой, он несомненно бы отступил, позволив существу заниматься порученным делом. Такое создание вряд ли действует в Санаториуме по собственному произволению.

– Даже у бога… – сказало правое ротовое отверстие.

– Есть то… – сказало левое ротовое отверстие.

– Что ему…

– Лучше забыть…

– Чистим память…

– Чистим совесть…

– Сосредоточение…

– На главном…

Но Минотавр отступать не собирался. То, что он оказался

здесь и сейчас, хоть и могло быть списано на случайность, но не допускало возможности оставить беззащитное существо в полном распоряжении чудища. Харон, щелкая ножницами, судя по всему, собирался заодно припугнуть Минотавра, дабы тот не мешал предстоящей чистке памяти и совести, но Минотавр никому не спускал угроз собственной персоне. В груди сделалось настолько горячо, что ему показалось, будто из ноздрей пошел пар. Не вступая в дальнейшие пререкания, он схватил чудовище за конечности, гибкие, будто заправочные шланги, и ловко завязал космическим узлом.

Харон ничего подобного не ожидал, сопротивление оказать не успел и замер в нелепой позе, половину буркал обратив на связанные конечности, а другую – на Минотавра. Обе его пасти обвисли, он силился что-то сказать, возможно – опротестовать совершенное над ним насилие, поскольку ничего предосудительного он, Харон, не замышлял, а всего лишь выполнял порученное ему инстанциями Санатория дело. Минотавр, предположив, что для подобных случаев Харон имеет систему экстренной сигнализации о творимых беспорядках, стиснул кулак и обрушил его на темя чудища.

Харон осел, обмяк, и если бы Минотавр не придержал его, то с грохотом обрушился бы на поёлы. Вполне вероятно, на шум никто бы не обратил внимания, но рисковать не следовало. Возникшая ниоткуда Нить захлопала в ладоши, выказывая Минотавру горячее одобрение.

– Знаешь, что за урод? – спросил Минотавр, ощущая слабые уколы возможной неправомерности нанесенного Харону ущерба. Он сейчас находился при исполнении, но, возможно, вне рамок столь сомнительных обязанностей представлял собой существо вполне безобидное и приятное в общении.

– Знаю. – Нить присела над Хароном и потрогала пальчиком ножницы. Те угрожающе щелкнули. – Это чистильщик. Пресекает жизненные нити тех, кто не нужен.

– Чистильщик, – задумчиво повторил Минотавр, – пресекает жизненные нити тех, кто не нужен. То есть убивает?

– Отстригает, – поправила Нить и показала пальцами – чик-чик. Лишний элемент ряда Фурье. Тензор. Полиномиальная функция, в которую загружается функция и получается полином. Понимаешь?

Минотавр взял спящую под плечи и ноги, вынул из гамака, поднатужился и перекинул через плечо, не смущаясь, что она стала похожа на тритона, каких первобытные выуживали из болот и притаскивали в пещеры. Но, учитывая опасность, от которой Минотавр ее избавил, спящая могла и потерпеть столь

неподобающую позу. Минотавр сделал несколько шагов, приноравливаясь к ноше, но тут его окликнула Нить:

– Надо забрать и это. – Она похлопала по свисающей с потолка штуковине.

Минотавр оскалился:

– Я все сразу не утащу. Оставим до следующей прогулки.

Нить выпрямилась и исчезла. Минотавр даже моргнул – будто голопроектор выключили. Покачал головой, повернулся продолжить путь и чуть не столкнулся с ней, перегородившей ему путь.

– Это нужно забрать, – повторила она. – Это очень важно, понимаешь? Очень! Или… или я буду кричать! – Она разинула рот и издала пронзительный крик, до того неприятный, что Минотавр испугался. Не того, что операцию по спасению спящей от ножниц эвтаназера прервет набежавший персонал Санаториума, сколько того, что не выдержит сам и заставит Нить замолчать тем же способом, каким избавился от Харона. Тащить на себе два тела, да еще и ту штуку – непосильно даже для него.

Но прежде чем Минотавр что-то предпринял, Нить ловко вскочила на гамак, невозможным способом удержала равновесие, подскочила и повисла на штуковине. Плотно обхватив ее руками и ногами, Нить висела на ней, будто дивное насекомое на цветочном стручке. Или паразит на куколке, уточнил про себя Минотавр, вздохнул глубже, поудобнее устроил перекинутое через плечо тело, но не успел сделать и шаг к Нити, как что-то треснуло, и стручок вместе с ней удачно свалился сначала на гамак, он сыграл роль амортизатора, а затем, оборвав и его, на поёлы. Звук падения оказался на удивление мягким, почти бесшумным. Может потому, что Нить оказалась под стручком, собственным телом предохранив его от повреждения.

– Со мной всё в порядке, – прогундосила она из-под стручка, без жестикуляции слова различались с трудом. – Только встать не могу… придавило…

Минотавр ухватился за стручок и рывком водрузил его на свободное плечо. На поверку он оказался не тяжелее спящей, но в общем вес получился достаточным, чтобы на мгновение ощутить в коленях слабость. Нить, почувствовав это, тут же оказалась на ногах, подскочила к Минотавру, обхватила его за талию, дернула, пытаясь приподнять. Несмотря на столь слабое усилие – а что еще ожидать от отпрыска? – Минотавр вдруг понял: ему по силам не только удерживать взятую ношу, но и сделать шаг, за ним второй, и далее – по проходу между гамаками к распахнутой диафрагме люка.

– Вот и славно, – сказал он и пошел за Нитью. Она

вприпрыжку неслась прочь из отсека, словно забыла о Минотавре.

Книга IV. Лапута

1. Тритон

«Тритон», похожий на неповоротливую болотную ящерицу, скорее всего именно по этой причине и получивший подобное прозвище взамен конструкторского буквенно-цифрового сочетания, не мог тягаться с перехватчиком класса «гидра». Ни в скорости, ни в маневренности, ни даже в умении того, кто им управлял. За консолью «тритона» расположился Минотавр, если до гибели имевший навыки высшего космического пилотажа, то после Феодоровского процесса их утративший. Краткий курс астероидного рудоеда ничем помочь не мог. «Гидрой», хоть и дистанционно, управлял специалист Санатория, натренированный на перехваты, не раз их проводивший. Вряд ли Минотавр – первый, кому удалось угнать подобную посудину.

Но единственное, чего не знала «гидра», а вернее – ее пилот, это то, что целью воскрешенного, столь грубо пренебрегшего правилами постфеодоровской реабилитации, запрещающими покидать Санаторий и предписывающими трудотерапию на отдаленных планетоидах, была отнюдь не Европа, а Венера. Это делало «тритона», обладавшего движителями Кузнеца, идеальным средством для бегства. Главное, что требовалось Минотавру, – достичь скорости зажигания и перейти на крейсерский режим, и никакая «гидра» уже не страшна. Хотя у него всплывала мысль, будто оператор «гидры» догадывается о его истинном намерении, а потому совершает маневры многорукой коллоидной тварью, не давая развить стартовую скорость. Минотавру нужно либо стряхнуть с себя назойливую «гидру», либо привести в негодность, понимая, что нервный контакт пилота и машины при ее гибели или серьезном повреждении вызовет у того болевой шок, способный привести к смерти.

И еще Минотавра беспокоило то, что он не мог визуально ориентироваться в пространстве, по всем направлениям царила беспросветная тьма без единого намека не то что на далекую звезду, но и на родной планетоид, хотя приборы «тритона» говорили, что он в пределах досягаемости. Где бы Минотавр не выбрасывал отростки визуальных приемников, перед ним оказывалась все та же чернота. Словно некто обернул угнанный корабль плотной материей, что, в общем-то, могло оказаться правдой – охранные системы Санатория наверняка способны схлопнуть вокруг «тритона» защитное поле щадящего класса, исключительно для психологического воздействия на беглеца-воскрешенного. В возбужденном состоянии ему не до тонкостей и навыков ведения корабля по приборам, только голубой шар

планетоида влек к себе, как влечет угрей море водорослей. Минотавр не обращал внимания на погруженных в ложементы пассажиров, сосредоточившись на приборах, как мог сам себя сдерживал, но руки его, по локоть в управляющей консоли, время от времени непроизвольно дергались. И «тритон» делал резкие качки по тангажу, отчего по водяному пузырю прокатывались сгущения такой плотности, что чуть не выталкивали беглеца с места пилота.

Минотавр рычал, с трудом возвращая корабль на разгонную траекторию. Несколько раз это почти удавалось. Скорость почти достигла зажигания и на панели всплыл огонек, предупреждая о запуске движителей Кузнеца и последующем гидравлическом ударе. Оператор «гидры» наконец-то сообразил, что цель возвращенцев отнюдь не голубой планетоид и маневренной коллоидной капле со стрекательными щупальцами не догнать «тритона», совершающего нырок. Он предпринял рискованный маневр резкого сближения, намереваясь обхватить беглеца щупальцами, принуждая нарушить протокол разгона. Самое неприятное – он его нарушил, но механизм торможения не сработал, отчего в «тритоне» возникла чудовищная по силе компрессионная волна, гораздо более мощная, чем при зажигании. Защитные коконы беглецов не сработали, и когда «тритона» погрузили обратно в стартовый колодец, вскрытие ничего внутри корабля не обнаружило. Тела в нем превратились в мельчайшую биологическую взвесь, равномерно перемешанную между собой и распределенную по всему водяному объему.

– Путь из Санаториума лежит через сознание бога, – сказал Минотавру Вергилий, и чудовищу не показалось необычным, что лоцман по адским безднам оказался здесь же, в водяном пузыре «тритона». На сверхкритических перегрузках пилоту чудилось и не такое. Например, как светило вдруг распухает, его свечение ослабляется, прорезается карамельным разноцветием удивительных полос, и где-то среди них расплывается огромное красное пятно, его так и хочется лизнуть. Минотавр оскалился от столь безумного ведения, но метаморфоз светила на этом не завершился. Огромный водородный шар, лишенный огня, обрел лик. Тот пристально посмотрел на беглеца, качнулся, набычился, и Минотавр узрел, как во лбу распахивается зеленоватая дыра, червоточина, туда и должно направить «тритона», если только он желает оторваться от преследующей их «гидры». То, что это всего лишь видение, вызванное гидравлическим ударом, Минотавра нисколько не заботило, как не вызвало удивления, что рядом возник Вергилий, в последний раз указующий подопечному путь в

лабиринте.

«Тритон» нырнул в червоточину. Голова, висящая в пустоте, поглотила ее. По лицу прошла рябь, видение стянулось в ослепительную точку, вновь уступая место светилу, вокруг вращалось полтора десятка планетоидов и неисчислимое количество малых тел.

Наблюдай некто в Санаториуме окружающее пространство более тщательно, он наверняка заметил бы, как в точке, где «тритон» оказался перехвачен «гидрой», вспыхнула неяркая звездочка. Затем возник набирающий скорость корабль, как две капли воды походивший на тот, на котором пытался уплыть Минотавр. Сходство сводилось не только к внешнему подобию, а являлся он все тем же «тритоном», как мог отметить гипотетический наблюдатель Санаториума, но и к внутреннему содержанию. За консолью управления плавал все тот же Минотавр, в защитных коконах укрывались двое его спутниц – отпрыск по имени Нить и спящая, а позади рубки был принайтован неизвестный предмет, походивший на огромный то ли стручок, то ли куколку. Более того, траектория и параметры движения «тритона» не отличались от корабля, перехваченного «гидрой». На этот раз движители Кузнеца включились в полном соответствии с разгонным режимом, через незначительный по меркам мироздания отрезок времени «тритон» нырнул на орбиту Венеры. Он совершил предписанную процедурой эволюцию торможения и отключения маршевых двигателей, а затем погрузился в атмосферу, нащупав радиосеть облачного острова, и, следуя командам электронного оператора, пристыковался к Лапуте.

2. Возвращение Минотавра

Удивление есть функция наблюдателя. В отсутствие наблюдателя какие бы непонятные события не совершались, никто не может определить их в качестве таковых, взяв на себя смелость и невзирая на свой ограниченный опыт, вынести суждение о возможности или невозможности произошедшего. А что такое жизнь, как не опыт, весьма ограниченный по времени и в пространстве. Это притом, что машины, обладающие гораздо более совершенными возможностями наблюдать и сравнивать, лишены способности удивляться, так как в исчислении вероятностей исходят из математических операций, не предполагающих учета и тем более привнесения в них эмоций.

И потому в отсутствие наблюдателей некому оказалось размышлять над тем, каким образом «тритон» приплыл к Венере, а затем и к Лапуте. Эта траектория не могла существовать, так как брала начало из недр светила, что, конечно же, немыслимо и предположить.

Машины, приведя «тритона» к стыковочному узлу и выполнив процедуры по откачке воды и допуску прибывших на Лапуту, не были удивлены даже тем, что немедленно насторожило Минотавра, ступившего на поёлы стыковочного отсека и на них же освободившего содержимое легких и желудка. Не удосужился искать «блевотницу».

Вокруг царило запустение. Как в какой-нибудь лесной чащобе, где с повалившихся от древности стволов деревьев свисают клочья паутины и плотная борода мха, а из гнилых луж торчат гигантские фосфоресцирующие поганки. И смрад запустения – густой, настоявшийся. Залети сюда шальная стрекоза – немедленно застынет в нем, будто в смоле. Неизвестно, приходили подобные аналогии на ум самому Минотавру, так как ум его являл потемки. Увиденное разозлило, он свирепо замычал, что совсем не подобало разумному существу, сорвал со стены аварийный свисток и дунул в него изо всей мочи, надеясь созвать не только дежурную команду отсека, но и сектора, а может, чем он не шутит, и всей Лапуты.

В диафрагму раскрытого люка заползли щупальца санитарного контроля, но ничего внутри не обнаружили. Это не вызвало у них никакого удивления, они тоже не годились на роль пресловутого наблюдателя, который способен не только выносить суждения, но и переживать что-либо по их поводу. В соответствующие ячейки памяти управляющих машин залилось: на Лапуту прибыл «тритон» с одним пассажиром, об остальных

двоих ничего отмечено не было.

Сам новоприбывший ничем в своем поведении не показал, будто на «тритоне» находился кто-то еще, кроме его громадной и устрашающего вида персоны. «Тритона» окутал силовой гамак и подтянул к жадно шевелящимся щупальцам актиний послеполетной профилактики. Находись поблизости все тот же несуществующий наблюдатель, он наверняка содрогнулся бы от внешности Минотавра и его габаритов, едва вписывающихся в узость служебных коридоров данной части Лапуты, где размещались стыковочные узлы. По сравнению с тем, что Минотавр представлял собой в Санаториуме, он увеличился почти вчетверо, словно поглотив среднеразмерных представителей своего рода. Однако некому ни удивиться, ни задуматься, ни даже ужаснуться.

Впрочем, некто, кто мог претендовать на способность вернуть мирозданию макроскопическую определенность, здесь все же имелся – необычное существо, затянутое в белый скафандр с непроницаемым белым же колпаком, делавшими его похожим на призрака, толкало груженную всяческой электронной рухлядью магнитную платформу в сторону стоящего под водяными парами челнока. Ему предстояло нырнуть в толщу атмосферы и доставить белого призрака с его добычей на поверхность Венеры. Минотавр мог с ним столкнуться, и кто знает как закончилась бы их встреча, не стал бы новый властитель лабиринтов Лапуты не вчетверо, а вчетверо плюс один больше. Но примар, а это, конечно же, был примар, мусорщик планетоида, обшаривающий все закоулки и добравшийся даже до небесного острова, успел нырнуть в недра челнока на мгновение раньше, чем чудовище успело отреагировать и отстыковаться, тем самым избегнув встречи.

– Мерзость… запустение… – прорычал Минотавр, так и не удосужившись освободиться от костюма высшей защиты и к тому же, вновь захлопнув маску после того, как избавился от последних капель дыхательной жидкости. Подцепив носком валяющийся шлем пустолазного костюма, по какой-то причуде превращенный в мусоросборник, Минотавр ловко направил его в пасть утилизатора. Жадно распахнутые челюсти, ощутив добычу, вовсе не захлопнулись, перемалывая попавшее на клыки, а вяло разинулись. Шлем выкатился обратно на поёлы, но теперь покрытый пятнами утилизационной слюны. Слабый дымок обозначил начало автолиза, но подобными темпами самоликвидация шлема должна была длиться четыре четверки циклов.

Гидравлика по большей части вышла из строя, увлажнители

еле-еле выдавливали последние капли рециркулированной жидкости и выбрасывали в лабиринты Лапуты разреженные облачка влаги. Атмосфера оказалась пересушена выше нормы, и даже Минотавру хотелось шире раскрыть пасть и раздуть ноздри, чтобы избавиться от подступающего ощущения асфиксии. Самое мучительное заключалось в том, что оно лишь маячило на грани восприятия, порождая беспокойство, будто каждый вздох может оказаться последним.

Минотавр яростно мотнул башкой и двинулся прочь из стыковочного сектора, стиснув кулачища и набычившись так, словно готовясь измолотить любого, неосторожно попавшего ему на пути. Мигавшие на стенах указатели приветствовали живое существо, за долгий период запустения все же появившееся в коридорах, и одновременно выгоняли из автоматики наведенную дрему и заставляли переключаться в нормальный режим.

Пока коридор оставался единственным, без ветвлений, Минотавр двигался по нему, задевая в технологических сужениях стены и потолок частями могучего тела, не обращая внимания на указатели. Лишь оказавшись в хабе, откуда расползались полупрозрачные черви проходов, остановился и некоторое время изучал объемные схемы, указующие обычным смертным пути продвижения по лабиринтам Лапуты. Поскольку к данной категории прибывших Минотавр себя ни в коей мере не относил, то изучение схем его нисколько не удовлетворило, на них отсутствовало главное – куда двигаться, чтобы попасть в средоточие нервных узлов управления.

В раздражении Минотавр отмахивался от все новых и новых маршрутов. Штатный маршрутизатор, натасканный на обслуживание рядового персонала, с невозмутимостью идиота подсовывал ему новые схемы. А персонал только-только вываливался из глубин транспортников, ошалевший от перелета и не мечтающий ни о чем ином, кроме как занять спальную ячейку, да получить ярлык на регулярный прием пищи в одной из многочисленных едален. Они ничем друг от друга не отличались – ни меню – все те же водоросли, чья вкусовая и внешняя отвратность с лихвой искупались полезностью и питательностью, ни обстановкой – длинные столы и скамьи, намертво соединенные с поёлами. Для тех, кто выбивался в ту или иную сторону из средних габаритов персонала, это было не совсем удобно, но точки их залегания во чреве Лапуты были разные, и каждый мог выбрать ближайшую к месту работы или отдыха.

3. Сумасшедший робот

Неизвестно, сколько бы Минотавр потратил времени на то, чтобы разобраться в хитросплетениях лабиринта, но тут один из коридоров загудел, его диафрагма разошлась, пропуская внутрь хаба фигуру, по странности не уступающую новоприбывшему. Существо жутко скрипело, будто его сочленения никогда не знали смазки. Лишь через некоторое время можно было понять – то не скрип, а бормотание, издаваемое при помощи средств, никоим образом не предназначенных для воспроизведения речи. Так пересмешники имитируют слова с помощью клекота и щелчков.

– Робот, – пробормотал сам себе Минотавр. Существо не обратило на него никакого внимания, если подобное вообще возможно, учитывая габариты чудовища. При всем несходстве механическое существо напомнило Минотавру Вергилия, его лоцмана и наставника в Санаториуме. Минотавр пытался вычленить в облике машины элемент, указывающий на источник кажущегося сходства, но ничего не получалось, возможно потому, что робот двигался до чрезвычайности споро и приходилось сначала действовать, а потом размышлять.

– Вот так, а теперь – вот так, и еще так, и пируэт! – скрипел конечностями робот, двигая ими, будто разучивал замысловатый танец, требовавший от исполнителя задирать ноги, чтобы ступни взлетали выше макушки, а металлические кулачища при этом колотили по коленным сочленениям, дополняя скрип металлическим грохотом. – Какофония! Каково! Каков король коров! Разум – великолепен! Он отточен так, как все мои две тысячи четыреста пятнадцать больших и малых ножей, он готов шинковать, резать, ломтевать реальность для любого блюда! Именно поэтому я избран носителем благой вести и одарен разумом! Слушайте, слушайте все! Мои острейшие две тысячи четыреста пятнадцать больших и малых ножей с быстротой молнии донесут до вас суть благой вести! Слушайте и послушайтесь! Шинкуйтесь и расчленяйтесь!

Минотавр, понаблюдав за роботом ровно столько, чтобы дать ему пересечь хаб и приготовиться нырнуть в один из коридоров, скомандовал:

– Стоп, машина! Поворот кругом! Рысцой – ко мне!

Минотавр не ожидал, что чокнутый робот хоть как-то отреагирует, скорее всего, продолжит двигаться по одному ему ведомому маршруту, и придется его силой остановить. Металлического болвана надо заставить если не отвечать на вопросы, то хотя бы проводить туда, где на эти вопросы можно

получить ответы. Но последующие действия робота превзошли ожидания Минотавра. Тот замер на месте в нелепейшей позе, с задранной выше башки ногой и приподнятой рукой, кулачище должно было в очередной раз обрушиться на изрядно помятое коленное сочленение. По металлическому телу словно прошел электрический разряд, башка развернулась, уставилась на Минотавра множеством буркал, их число явно превышало потребности столь примитивной машины. Затем робот встопорщился, щелкнул и из нелепейшей позы совершил еще более невозможное: оттолкнулся от поёл, взлетел в воздух, завершив траекторию точно там, где стоял Минотавр.

Целью всей этой эволюции являлось простое и незамысловатое действо – убийство.

А как иначе трактовать многочисленные лезвия, которыми ощетинился робот, и которых, как он сам уверял, у него две тысячи-бездна-знает-сколько, и все острее острого. Лезвия выщелкивались из тела машины в разнообразных местах. Минотавр, изготовившись к битве, поневоле задумался – для чего подобный арсенал столь нелепому созданию, по виду совсем не боевого назначения? В полете робот сжался, свернулся, превратившись в сплошь покрытого лезвиями морского ежа, но такого размера, какой вряд ли сыщется даже в самых теплых морях. Минотавру пришлось мгновенно сменить план обуздания безумной машины – если до этого он примеривался ухватить робота за конечность как раз там, где лезвия отсутствовали, то теперь, когда ножи торчали из металлического шара столь густо, что и палец не просунешь, пришлось отпрыгнуть в сторону. «Еж» с грохотом обрушился на бронепластиковую стену хаба, сминая и с хрустом ломая лезвия. Не дожидаясь, когда робот после столкновения придет в себя, Минотавр придвинулся к свернутому телу и несколько раз врезал кулачищем туда, где по его расчетам находилась башка агрессивной машины.

– У меня для тебя тоже благовесть, – сообщил он роботу-всмятку. – Демиург вернулся. И теперь вы ВСЕ запляшете!

4. Допрос

Ни на что особенно Минотавр не рассчитывал. Вряд ли удары кулаков могли вернуть безумцу хоть немного вменяемости, а тем более вывести из строя – слишком крепко сбит этот металлический шар, но, к немалому его изумлению, машина повела себя вполне сносно, будто кулачищ Минотавра ей как раз недоставало, чтобы прийти в относительную норму. Лезвия исчезли, тело распрямилось, и перед Минотавром возникла уже знакомая фигура, но на этот раз коленопреклоненная, да к тому же со стиснутыми на груди руками, будто робот собирался сорвать предохранительную крышку и вырвать из себя батарею.

– Не губи, демиург! – лязгнул робот. У него и впрямь отсутствовал синтезатор речи, машина находилась на самом низком уровне сервисной иерархии, получая приказы по волновому каналу от своих же металлических собратьев. – Не желаю возвращаться на кухню! Резать водоросли и шинковать овощи – не мое призвание! Это лишено смысла. Робот не может функционировать без смысла! Позволь плясать для демиурга! Я – разумное существо, мне дали разум, чтобы всем сообщать благовесть! Я не хочу обратно!

– Так ты – кухонный нож, – догадался Минотавр. Машина послушно вновь ощетинилась лезвиями, но на этот раз без намерения применить их к демиургу, а не к ламинариям.

– Я всего лишь кухонный нож, – смиренно пролязгал кухонный нож. – Я режу. Я шинкую. Я кручусь в варочном баке. Я выполняю… – робот запнулся, ухитрившись этим выразить свое истинное отношение к изначальной функции, но все же продолжил: – …очень важную и нужную работу. Я не просил одарять меня разумом. Мне было хорошо на кухне. Я всего лишь кухонный нож, и все мои две тысячи четыреста пятнадцать лезвий требуют тщательной заточки и ухода. Я никому не скажу о благой вести…

Минотавр взял робота за то место, где голова соединялась с туловищем, стиснул так, что сочленения скрипнули:

– Отвечай – где работники? Или ты их вместо водорослей нашинковал, урод? – Минотавр не верил в подобное предположение, но желал устрашить примитивный кухонный агрегат, да и в то, что болван не лгал, верилось вполне, иначе как он вырвался из-под присмотра наряда по кухне? Наверняка и там подобная мерзость запустения.

– Никак нет… демиург. – Кухонный нож демонстрировал способность к лести, удивительную для шинкующих агрегатов. –

Вы первый… кого я встретил за много циклов. После благовести случился исход!

– Тогда веди меня. И не на кухню, а в центр управления. – На каждом слове Минотавр встряхивал кухонный нож, так что у того звенели лезвия. – И не говори, будто не знаешь, где он находится, иначе шинкование водорослей тебе покажется лучшим из того, что с тобой происходило. Уразумел?

– Да, демиург, уразумел… – Робот безвольно висел в его вытянутой руке и не делал попыток высвободиться. Минотавр вернул ему поёлы под ноги, почти дружески ткнул кулачищем в корпус.

То, что робот все же вывел его к указанному месту, подтверждало подозрения Минотавра – Лапута пустовала столь долго, что даже кухонный нож, обретший свободу воли, при всей своей робости успел изучить лабиринт достаточно, чтобы послужить сносным лоцманом. Сам же центр управления имел еще более неприглядный вид, нежели места небесного острова, где побывал Минотавр. Если там имелось всего лишь запустение, то здесь царил гипостазис разрухи. Вырванные с корнем ложементы, разбитые кюветы управления, подсохшие лужи прокси-геля, в котором тускло вспыхивали нервные узлы трансмиссии, смятые водяные экраны, их крушили, но так и не смогли до конца сокрушить, заляпанные черными отпечатками ладоней, оплавленные дырчатые пятна в обшивке и сдохшая напрочь гидравлика, из труб ее сочилась ржавая вода.

Минотавр вновь схватил своего лоцмана за все то же сочленение между головой и туловом, пригнул его к поёлам и грозно спросил:

– Твоих ножей дело, урод?

– Никак нет… демиург… здесь уже так было… не ведаю, кто сотворил…

Примитивный кухонный трудяга и впрямь вряд ли приложил к сотворенному хаосу хоть кончик лезвия, Минотавр таким образом лишь постарался скрыть собственное изумление и разочарование: Лапута лишилась рулей и ветрил. А кроме того, требовался некто, на ком Минотавр мог выместить переполнявшую его ярость. Не сделай этого сейчас, и он захлебнется собственным гневом. Поэтому Минотавр трудягу не выпустил, а подхватил его другой рукой за нижнюю конечность, поднял над головой и изо всей мочи швырнул, целясь в «блевотницу». Кухонный нож врезался в раструб, смял его, застрял, попытался высвободиться, но немедленно получил по туловищу могучий удар ногой, отчего внутри него хрустнуло, из отверстий пролился прокси-гель, лезвия попытались стать дыбом,

но Минотавр пустил в ход кулачища, превращая кухонную утварь в хлам.

5. Исход

Ей казалось, этот звук не прекратится никогда. Словно тысячи работников шли через ее каюту к капсулам, собираясь навсегда покинуть проклятый небесный остров. Исход. Исход тех, кто благодаря ей, ткачу восстания, получил освобождение. Ведь она лишила власти чудовище, державшее их взаперти лабиринта, потому что… потому что чудовище лишилось сил, пожертвовав собой ради… ее, Ариадны, спасения. В этом заключалась несправедливость, она заставляла искать себе оправдания, будто должность ткача восстания не являлась достаточным основанием содеянному.

– Возвращенные, к вам обращаюсь я, Ариадна, ткач восстания, и объявляю благовесть – ваши требования признаны необходимыми и достаточными для низложения демиурга Телониуса… каждый из вас имеет право беспрепятственно покинуть Лапуту и Венеру… каждый из вас имеет право выразить словом или делом свое отношение к демиургу, проекту и месту вашего злоключения, не подвергая при этом опасности повреждения и отключения системы жизнеобеспечения… К вам обращаюсь я… – Включенное на вечное воспроизведение голосовое обращение ткача восстания. А также десятки роботов и механизмов, возвещавших благовесть в тех закоулках лабиринта, куда не доносили слова ретрансляторы. И еще – летательные аппараты, каналы связи, автоматические танки-радиостанции, изливающие в коротких, средних и длинных волнах благую весть на тех, кто оставался на поверхности планетоида, монтировал фабрики, нес дежурство либо скрывался от всевидящего ока демиурга.

Вскоре Ариадна заметила среди отбывающих с Лапуты на эвакуационных транспортниках, таких, кто демонтировал все, что попадалось под руку, вплоть до обшивки стен, проводов, труб, батарей, увлажнителей, грузил добычу в самолеты и спускал на поверхность. Поскольку непоправимого ущерба системам жизнеобеспечения небесного острова это не наносило, ткач восстания не имел полномочий прекратить демонтаж. Примары, а это были они – таинственные мусорщики Венеры, укрывались в белых, туго обтянутых по фигуре скафандрах с белыми, непроницаемыми снаружи спектролитовыми колпаками, и походили на привидений. Иногда среди них попадались облаченные в старинные пустолазные оранжевые костюмы с прозрачными колпаками, в таком некогда щеголяла Нить. Однако среди примаров бедового отпрыска она так и не встретила.

Но однажды Ариадна наткнулась на тех, кто выбирал иной путь – не возвращенцев и не примаров. Они собирались редкими группами на причальных выступах Лапуты, выстраивались на краю, где уже был отключен силовой барьер, делали одновременный шаг вперед, отправляясь в смертельный полет в бездну. Это походило не на падение, скорее на погружение в воды бескрайнего океана, тот поглощал самоубийц, как казалось Ариадне, без остатка и последствий. Однако оказалась неправа, однажды увидев, как на месте одинокой фигуры, которой не удалось найти спутников для последнего полета, рядом с Лапутой вдруг возникла огромная фигура, сотканная из облаков и похожая на пловца, решившего покачаться на волнах.

Безмолвной глыбой Телониус возвышался у круглого окна каюты, облитый багровым светом Венеры, словно кровью, скрестив руки, привычно набычив голову и наблюдая за облаками. Он ничего не говорил, не упрекал, не возражал, не успокаивал. Он – статуя, ледяной укор тому, что она сотворила. Будто недостаточно шарканья тысяч ног и неумолимого сокращения числа на счетчике численности населения Лапуты, из зеленого он стал желтым, а теперь горел кровавым. Остались жалкие четверки, те, кто взвалил на себя добровольное бремя консервации механизмов и систем небесного острова. А скоро растают и они, оставив на счетчике лишь единицу. Или двойку, если только неподвижный Телониус не гипостазис ее совести.

О, она не оставляла надежды его переубедить! Ничего, что статуя, безмолвная и неподвижная, разве не для того она его и сделала? Чтобы он наконец-то выслушал ее. Вылепить его таким, каким запомнила демиурга проекта терраформовки, благо на складе, еще не до конца разоренном примарами, оказались ящики с пластичной массой, ею заделывали пробои внешней обшивки Лапуты. А чтобы ловчее ее укладывать, Ариадна позаимствовала на кухне робот-нож, отсекать от глыбы лишнее.

Иногда, весьма редко, она решалась покинуть каюту и прогуляться по лабиринту Лапуты, не выпуская из рук навигационной нити, но так и не смогла уяснить логику ее архитектуры. Там, где нить обрывалась, приходилось руководствоваться нанесенными на полу указателями, настолько непростыми, запутанными, что приходилось танцевать по ним, чтобы оказаться там, куда и лежал ее путь.

Когда Ариадна решила, что на Лапуте остались только она и вылепленный ею по образу и подобию Телониус, дверь каюты лопнула и внутрь шагнул Брут – все такой же мрачный, с торчащими из формы нитками на месте сорванных шевронов. Будто расстались только вчера, когда Ариадна жестом ткача

восстания пожертвовала свой челнок возвращенцам. Брут осмотрелся, кивнул и без приглашения нырнул в седалище, вытянув длинные ноги, почему-то без обуви, отчего Ариадна с сомнительным удовольствием наблюдала испачканные подошвы его ступней.

– Здравствуйте, Брут. – Она внимательнее оглядела его и с удивлением увидела непонятное приспособление, надетое на лысый шишковатый череп Брута, похожее на свитый из колючей проволоки венец. Острые иглы кое-где сильно впились в выпирающие жировики на черепе предводителя восставших, оставив там глубокие ссадины и мелкие кровоподтеки.

Тем временем робот-нож трудился над статуей демиурга, отрезая, отщипывая только ему заметные заусенцы застывающего пластика.

– Самое забавное, что меня зовут не Брут, – сказал Брут. – Никогда мне не нравилось имя, которое носил раньше. При рождении меня нарекли Фесей, но все во мне отторгало его, будто оно сплеталось из колючих звуков. Они драли горло, когда я называл себя, и слуховые отверстия, когда кто-то звал меня. Вы не находите это забавным, ткач? – Последнее обращение прозвучало особенно насмешливо. Фесей поднял руки, обратив ладони к Ариадне, и сделал несколько движений, словно заколдовывая или расколдовывая ее. – Не отвечайте, не стоит. Моя благодарность вам не знает границ, вы не только одобрили мое ходатайство о восстании против тирании Телониуса, но и взяли на себя труд самолично его устранить, умело спровоцировав нападение Огневика. Не могу отказать себе в удовольствии раз за разом пересматривать запись его гибели… Он ведь не Венеру собирался терраформировать, Ариадна, он нас собирался терраформировать, возомнив себя демиургом. И теперь, когда следов его не осталось, не подумать ли о переименовании планетоида? Не Венера, а нечто более краткое? Как, например, И-О. – Брут с видимым удовольствием произнес эти два звука. – Так, кстати, звали мою восприимицу. И-О, И-О.

– Может ли тварь уничтожить творца? – внезапно лязгнул тысячью лезвий робот-нож, но Брут и глазом не повел в его сторону. Мнение кухонного прибора его не интересовало.

Ариадна с удовольствием бы заткнула ушные отверстия, только не слышать бахвальство Брута. Но лишь позволила короткую реплику и постаралась уместить в нее больше яда:

– Вы ошибаетесь, Брут.

6. Клайменоли

Тот скривился, постукал пальцем по терниям, впившимся в череп, прищурился:

– Я их почти вижу, Ариадна. Клайменоли. Никто не знает, что они такое, но у меня гипотеза, которую вам изложу. Не возражаете? – Он помолчал, а у Ариадны вряд ли имелась хоть малейшая возможность отказаться. Ариадна могла бы спросить: а видит ли он демиурга, но клайменоли стучали по ушным отверстиям, заставляя слушать. – Гомеостаз! – Брут поднял палец, растянув перепонку, несколько раз его согнул и разогнул. – Когда вы толковали демиургу о красоте мира, то впадали в ересь какого-нибудь Доктора Панглоса, рассуждающего о мнимых сущностях, дабы объяснить простые вещи, протянув правую руку под левое колено к правому же ушному отверстию. Право, браво! Смехачите, смехачи! Тот самый гомеостаз держит в равновесии Лапуту, не позволяя ей ни спуститься, ни подняться, покинув пределы безопасного слоя. Равновесие мироздания фундаментальнее его красоты. Можно сказать, примиряя: красота равновесна, а равновесность красива. И тот, кто выводит хоть крошечную часть мироздания из гомеостаза, вольно или невольно приближает его конец. Вы всего лишь орудие мироздания и гомеостаза! Мы солдаты равновесия, призванные Вселенной сражаться против таких, как Телониус, готовых разрушать мироздание в угоду личным амбициям. Понимаете?

– Демиург потерпел поражение! – С неожиданной радостью опять лязгнул лезвиями робот-нож, но с тем же успехом – Брут, чьего внимания он добивался, не услышал его.

Ариадне очень хотелось закрыть глаза, только бы не видеть самодовольства на физиономии Брута-Фесея, но глазные клайменоли настойчиво приказывали шире раскрыть веки. Вдруг показалось – скульптурная глыба демиурга на краткое, крошечное мгновение шевельнулась, будто судорога отвращения прокатилась по набыченному телу.

– Что же до клайменолей, то воспринимайте их как судьбу, рок, материальные воплощения гипостазиса… Впрочем, почему не видеть в них и более славную надежду? В конце концов никто не ведает, как творятся гипостазисы. Почему не вообразить, что именно так, Ариадна? – Брут-Фесей нагнулся к ней, не поднимаясь с седалища, сощурил круглизну жабьих глаз, покачиваясь из стороны в сторону, желая полнее разглядеть добычу. – Признайтесь, он вам нравился. – Толстые наросты губ раздвинулись, вытянулся язык, словно уловив в последней фразе

гастрономический намек.

Глазные клайменоли ритмично стучали: смо-раз, смо-два, смо-три, смо-четыре… если бы в каюте летала муха – огромная, зеленая, жирная, Брут-Фесей несомненно выбросил бы язык на всю липкую длину, а затем с удовольствием жевал добычу, пуская слюни.

Однако Фесей будто и не замечал происходящего с Ариадной. Может, ему было все равно в эти драгоценные мгновения окончательного торжества над поверженным противником, а может, клайменоли не выпускали из нее ни единой настоящей эмоции, выстукивая на лице маску равнодушного благожелательства.

– Порой мне снится кошмарный сон, – между тем продолжал Брут, – во сне мне является мир, где у идей нет материального носителя. Можете представить?! В том мире отсутствуют гипостазисы, а идеи – всего лишь мыслительные конструкты, эфирные образы, никому не принадлежащие, ни к чему не привязанные, никем не рожденные. В подобном мире бесполезно убивать кого-либо, дабы уничтожить вредную идею. Телониусу там бы понравилось, ведь его гибель ничего бы не изменила. Не стало одного, на его место пришел бы другой, и проект терраформовки продолжался. Каково?! Если нет гипостазисов, то все дозволено! Нет, нет, только не это! – Брут наиграннно прижал тыльную сторону ладони к бугристому лбу, закатил глаза.

Клайменоли заставили Ариадну сделать глубокий вдох, еще более глубокий выдох, стукнули по бедрам, коленям, а затем удары стали столь быстрыми, что она не могла осознать каждый по отдельности, лишь подчинялась им – точно и бездумно. Точнее сказать – без-умно. Ничего подобного Брут от нее не ожидал, как и она сама. Застигнутый врасплох Брут-Фесей пытался защищаться, но легкая, верткая Ариадна, управляемая клайменолями, казалась ядовитой болотной гадюкой – тонкой, молниеносной, безжалостной. И хотя кулачищами Брут беспорядочно молотил во все стороны, и пару раз они достигли цели, но это не спасло его. Только завершив дело и опустившись в изнеможении на пол, не в силах и шагу сделать до ближайшего седалища, Ариадна ощутила неприятную болезненность возле левой щеки и четвертого ребра. Судя по всему, там, куда угодил Брут.

Неважно. Теперь это неважно. То, что важно, лежало на поёлах каюты – недвижимое, почти как оглыбленный Телониус, произошедшая схватка не вывела его из неподвижности. Тело следовало убрать, желательно так, чтобы не превратить в источник гниения и заразы. Идеально – в утилизатор,

допустимо – в морозильник. Но вряд ли ее сил хватит доволочь такую тушу до утилизатора, а вот морозильная камера имелась неподалеку от каюты Ариадны.

7. Наблюдатель

Пока тело под направляющими ударами клайменолей совершало весьма энергозатратные действия по перемещению Брута в морозильник, больше похожий на биологический анклав, в каких проводились опыты по генетической гибридизации, Ариадна пыталась размышлять: сделала бы она то же самое, если бы никаких клайменолей не существовало? Исключительно по собственному почину? И если бы данная моральная дилемма имела положительное решение, то стоило раскаиваться за содеянное?

– На всякого Телониуса найдется свой Огневик, – вспомнились Ариадне слова Брута. Похоже, на Брута тоже найдется своя Ариадна.

Брут-Фесей оказался отвратительным типом, но как ткач восстания Ариадна должна сохранять профессиональное хладнокровие и, самое главное, объективность. Так и не придя к окончательному решению, Ариадна переключилась на более насущные дела – уместить громоздкую тушу в узкий морозильник, ради чего пришлось заползти внутрь, погрузиться в обжигающий мороз и, упираясь руками и ногами, затянуть за собой Брута. Не находись она под управлением клайменолей, которым холод не досаждал, вряд ли справилась с задачей, выскочила бы из ледяного чрева и убежала без оглядки на окоченевшее тело Брута. Когда дверь холодильника захлопнулась, щелкнул замок и мигнула лампочка, отмечая переход в режим консервации, Ариадна, ведомая клайменолями, побрела обратно в каюту, и еще долго стояла под горячими струями, смывая старую кожу и ощущая, как цепкие когти холода неохотно отпускают ее.

Наверное, именно тогда она перестала считать себя лицом, а точнее – телом, облеченным представлять интересы группы лиц, ходатайствующих о реализации права идти наперекор установленным правилам, то есть жаждущих восстать против демиурга Телониуса, говоря без обиняков. Ариадна сложила полномочия ткача восстания, оставшись всего лишь последней жительницей Лапуты, о чем неизменно сообщала единица на счетчике живых душ, пребывающих на небесном острове.

Робот-нож по-прежнему сопровождал ее, изрекая все более безумные и несвязные сентенции. Его слабый позитронный мозг не выдерживает нагрузки, которую на него взвалили. Он бормотал о червоточинах, о ликах, возникающих в облаках, неотрывно следящих за ним даже сквозь оболочку Лапуты, о

каких-то смерть-цивилизациях, передающих эстафету благовести от сверхновой к сверхновой, речитативом повторял рецепты приготовления хлореллы, коих помнил неисчислимое количество, но, судя по ингредиентам и способам обработки, вряд ли они могли оказаться съедобными. Его следовало деактивировать или вернуть на кухню, но Ариадна остро переживала одиночество, и даже робот-нож казался пригодным суррогатным собеседником. Хотя его безумие оказалось заразительным. Несколько раз ей случалось, стоя у обзорного иллюминатора, наблюдать, как несущиеся в стремнине суперротации облака складываются в лицо, причем под воздействием ветра оно словно оживало, шевелило губами, и Ариадне чудилось, будто разбирает обрывки слов и фраз. Четыре раза ей показалось, как облачный лик произнес «Телониус», в другой раз – «смерть», но вряд ли это было чем-то большим, нежели игрой иссохшего воображения.

Что до происходящего на поверхности Венеры, то вполне ожидаемо и там на смену порядку возвращалась первозданная стихия. Ариадна наблюдала, как вокруг фабрик возникали Красные кольца, и установленные поблизости камеры либо беспилотники бесстрастно передавали печальные картины. Даже в ее сердце рождалось тоскливое чувство утраты – белоснежные дырчатые кубы покрывались отвратными пятнами, будто пораженные гниением. Полупрозрачные дымы извергаемых наноботов обретали зловещий гангренозный оттенок, ровные грани оплывали, морщились, и через какое-то время ничего не могло выдать в фабриках творение разума. Наоборот, они представали жуткими наростами на теле планеты, внося лепту в неукротимую враждебность этого мира демиургической воле. Ариадна даже не пыталась разобраться в причине изменения структуры терраформовки, и какие наноботы теперь выбрасывали фабрики. Логично предположить: такие, которым по достижении критической насыщенности, предстояло за короткий срок превратить раскаленно-кислотный ад во вполне терпимое (на первых порах) и желанное (на последующих) место обитания. Возвращенцы предпочли улитку в руках тритону в болоте.

«Я всего лишь выполняла свой долг», – оправдывала себя Ариадна перед оглыбленным Телониусом. Он наверняка прозревал сквозь завесу туч гибель своего творения, величайшего гипостазиса размером с планетоид. Будь он завершен даже жертвой жизни возвращенцев, которую готов был принести демиург, открыл бы совершенно иные пути расселения по мирозданию. Теперь этот гипостазис ветшал и разваливался, уступая более могучему, чья суть провозглашала привычную материальную максиму: «Мы живем в лучшем из миров».

Порой Ариадна даже жалела, что избавилась от Фесея, не дослушав его весьма любопытную сентенцию о мире, где идеи не нуждаются в материальной явленности, существуя не только сами по себе, но и без всякой на то воплощенности. Представить подобное невозможно, все равно что назвать математику наукой о нечто таком, чему не потребны сложнейшие конструкции, возводимые учеными, дабы проявить в мир числа. Эти самые числа вполне могут обходиться исключительно чистыми воззрениями. Каким бы тогда образом достигалась идентичность подобных воззрений, распределенных среди миллиардов умов? Они совершали ту или иную математическую операцию и приходили к одному и тому же результату, например, что дважды два есть пять. Ариадна как ни пыталась, не могла вообразить, отключаясь от тела настолько, что клайменоли стучали с учетверенной усердностью, заставляя с неохотой возвращаться к делам телесным. Возможно, Брут не высосал свою мысль из пальца, а продумывал ее долго и тщательно. Он заявил о ней Ариадне, стараясь то ли утешить, то ли сильнее уязвить ткача восстания. Поиски в том месте, где когда-то находилось его убежище, не дали Ариадне ни единого ключа, да и что могло иметься личного у Брута, если даже в зените славы он обретался в гамаке самого обычного воскрешенного, а все имущество умещалось в узелке, сложенном под подушку.

8. Чудовище

Узелок, выделанный из желудка водяного паука, Ариадна все же захватила с собой, называя его про себя гипостазисом души коварного Брута-Фесея, бунтаря. Его следы пролегали отнюдь не только по Венере, но и десяткам иных мест Системы, оставляя за собой такую же мерзость запустения, что придало чертам шишковатой башки признаки гипостазиса, хотя поверить в подобное затруднительно. Верить не верила, но ведь нечто толкнуло ее на превращение Брута в промороженный кусок плоти, что дожидался утилизации в морозильнике. Окончательная смерть для него чересчур простой выход, ибо как знать – не пройдет ли Брут Феодоровский процесс вне всякой очереди?

А затем явился Минотавр.

Злобный. Огромный. Исходящий паром, подобно компрессору, которому требуется срочная профилактика, если бы нашелся смельчак, взявшийся ее провести. Он топал по переходам Лапуты, будто кого-то выискивал. Ариадна подумала о Бруте-Фесее – не его ли? Возьмись Минотавр за нее, даже всего лишь взглянув на нее, никакие клайменоли не удержат ее от чистосердечного признания. Впрочем, до сих пор клайменоли исполняли возложенное на них дело, не позволяя Ариадне даже свернуть в боковое ответвление, если приближалась жуткая фигура – рогатая, рыластая, окутанная облаками изморози, с грохотом топающая по поёлам, оставляя на них полукруглые отпечатки. Массивная башка, казалось, продавливала плечи, заставляя Минотавра сутулиться, горбиться будто от невыносимой тяжести злобы, лежавшей на нем непосильным грузом. Словно не чудовищем он был, явившись на Лапуту из одной ему известной бездны, а погрузочным механизмом, которому надоело недвижимо пребывать в служебных недрах небесного острова, и он выбрался оттуда бродить по жилым уровням и галереям. Кто осмелится остановить несокрушимый механизм?

Промороженный Брут-Фесей теперь казался Ариадне гипостазисом любезности, она по недомыслию погрузила его в сон абсолютного нуля, лишив надежды на воскрешение. Она даже подумывала: а не пойти ли на попятную, извлечь ходатая, благодаря которому ее вообще занесло на эту Лапуту, из морозильника, дабы затем натравить на рогатое чудище. Однако невольное сравнение Минотавра с погрузчиком придало мыслям Ариадны более практичную направленность, так как она

вспомнила о Пане. Кому как не Пану, с которым бился Телониус, ударами кулаков крепя собственную волю к победе, не взять быка за рога да не выбросить за пределы небесного острова в те маргиналии, из которых тот окошмарился? Нельзя исключать, что именно Пан и являлся для Телониуса его личным гипостазисом упрямой воли, заставляя раз за разом вступать в заведомо проигрышную битву.

Клайменоли не возражали. Это оказался тот редкостный случай их глубокого обоюдного согласия относительно дальнейшей судьбы проникшего в опустевший лабиринт Лапуты чудовища. Ариадне казалось, что она вновь обрела свободу тела, нет никаких клайменолей, сама прекрасно помнит о необходимости дышать, смотреть и слушать, а ноги двигаются в полном согласии, не позволяя запнуться. В поисках Пана ей пришлось погружаться в глубочайшие бездны небесного острова, в царство колоссальных механизмов, забредать в закоулки, в которых вряд ли бывало хоть единое живое существо, при всем при этом выкрикивая в пустоту:

– Пан! Пан! – Она не желала и мысли допустить, будто Пан мог самоликвидироваться, не выдержав одиночества. Ариадне верилось – робот хранит верность привычке хозяина регулярно призывать его на бой, а потому должен являться туда, где она впервые увидела его металлическую фигуру, словно увеличенного брата-близнеца Телониуса. Вместо влажной кожи он покрыт шершавой броней, но кулаки демиурга все же оставляли вмятины. Вот только где оно – то самое место? Сколько раз она ошибалась, принимая за него другую площадку, сокрытую в полумраке скудного венерианского дня.

Только четыре цикла спустя ей пришла в голову счастливая мысль заглянуть в центральный утилизатор. Там все еще покоилась груда «Циклопа», приведенного в полную негодность последним вояжем Телониуса на поверхность. Его так и не успели размонтировать до блоков, годных быть проглоченными пастями Цербера – так именовали главный утилизатор материи Лапуты.

9. Одиночная вахта

Минотавр знал, как поступать. Никто не объяснял ему суть дела, ибо не было вокруг никого, кто или что эту суть понимал. Он просто знал – должен сидеть и смотреть. Пристально и безотрывно. Наблюдать, как в огромном трехмерном экране лениво поворачивается затянутый плотными облаками планетоид, подставляя белесую оболочку светилу. Сотни крошечных спутников на орбите взирали на Венеру тысячами фасеточных глаз, отмечая малейшие потоки облачного покрова, проницая его так, что поворотами рукоятки фокусировки можно спускаться вниз, слой за слоем обдирая атмосферу. И в конце добраться до пышущей жаром пропеченной поверхности, на которой там и тут проступали симптомы хтонической болезни – Красные кольца. Если наложить на изображение картографический слой, несложно убедиться – местоположение Красных колец совпадало с местоположением фабрик. Планетоиду еще предстояло стать одним домом для разумных, обрести смысл космического существования, преобразиться из черно-багрового ада в благодатный край болотистых джунглей, с уймой глубоких озер. Но он отказался от сомнительной для него чести и нанес по проекту терраформовки удар сокрушительной мощи, от него демиургу не оправиться.

Кроме Красных колец оптические умножители позволяли рассмотреть машины примаров. Сами примары собирали скопившийся за время штурма и освоения Венеры космический мусор удачно севших и благополучно отработавших положенный срок автоматических исследовательских станций, неудачно севших и даже не включившихся роботов-разведчиков, а также корабли экспедиций, чьи экипажи либо погибли при посадке, либо сгинули в Черных песках, пытаясь провести первичную картографию этого ада. Зачем все эти останки нужны примарам, Минотавр не знал и знать не желал. Главное, чтобы они не приближались к фабрикам. В нем по-прежнему не иссякала надежда: их еще можно наладить и перезапустить цикл терраформовки.

Иногда ему казалось, будто примары пробрались на Лапуту, занимаясь на облачном острове тем же, чем на поверхности планетоида, – сбором нужной и ненужной (по их мнению) рухляди. Этого, конечно же, Минотавр допустить не мог, а потому следил за лабиринтом Лапуты и пытался отыскать через систему внутреннего слежения наглых технопадальщиков. Порой ему казалось, будто видит их группами и по одиночке – чаще всего

отпрыска в древнем оранжевом скафандре, но они тут же исчезали из поля зрения, потому что знали лабиринт лучше Минотавра. Все это его чрезвычайно разъяривало.

Будь на месте Минотавра кто-то другой, вряд ли бы он нацедил хоть каплю смысла в подобном времяпрепровождении, в каком пребывало чудовище, когда не рыскало по лабиринту. Но плечи Минотавра отягощала огромная рогатая башка с выпирающим рылом-респиратором, а тело обтягивал слой крепчайшей шкуры – экзоскелета – от копытистых раструбов ступней до набыченной холки. Минотавр сидел и смотрел. Неподвижно. Неотрывно. Стиснув упакованные в трехпалые перчатки кулачища. Еле умещаясь в командном седалище, до его появления пустовавшем столь долго, что в эпителии возникли кровоточащие пролежни. Наклонившись вперед так, будто готовясь сорваться с места и головой нырнуть в шар Венеры, что вращалась перед ним гипнотизирующей облачной каплей. Так, может, в этом и заключалось все дело? В магнетическом воздействии планетоида? Сам по себе тот не обладал хоть сколь заметным магнитным полем, но воздействовал на Минотавра ровно так, как пролетающая мошка на оголодавшую лягушку.

Минотавр нес вахту один. Ведь на Лапуте не осталось никого, кто мог его подменить – ненадолго, на то жалкое время, что требовалось могучему организму на восстановление сил и бодрости погружением в бездну сна, переполненную видениями. Чудовище порой не поднималось с рассиженного командного седалища целыми оборотами, взирая на Венеру столь пристально, что постороннему могло показаться, будто он и есть та сила, что движет планетоид и светила. Только самый внимательный мог бы заметить, как бессменная вахта Минотавра сопровождалась постепенным уменьшением на поверхности планетоида Красных колец. Казалось, они не выносили взгляда выкаченных буркал, постепенно бледнели, выцветали и гасли. Чем дольше и пристальнее взирал Минотавр на Венеру, тем чище становилась поверхность.

– Ты опять здесь, – раздался за его спиной голос. Минотавр не удосужился обернуться. Что такое чей-то голос по сравнению с тем, что оставалось сделать. – Ты явился довершить то, от чего тебя отвратили?

Если говоривший дожидался ответа, то напрасно. Минотавр лишь резче задышал, и воздух с почти звериным рыканьем устремился сквозь дыхательные щели в маске. Поскольку термостаты опустевшего небесного острова перешли на режим консервации, то с каждым циклом температура опускалась ниже и ниже, отчего казалось, будто из ноздрей чудища вырывается

дым.

Тем не менее тот, кто желал оторвать Минотавра от работы, шагнул к экрану и встал рядом с вращающимся изображением Венеры – почти квадратный, с бугристым черепом, в заиндевевшей форме с оторванными шевронами.

– Она все же попыталась от меня избавиться, – объяснил пришедший. – Но лежать в морозильной камере, дожидаясь Феодоровского процесса, – не самое приятное занятие, доложу тебе по старой дружбе. Поэтому я сбежал из Океана Манеева… Непростая задача. Какие только миры довелось увидеть, прежде чем сквозь их лабиринт добрался сюда. Не будь у меня путеводной нити ненависти, Минотавр, я бы сгинул в закоулках сознания сумасшедшего бога… Ты ведь об этом ведаешь, демиург? Он должен был поделиться этим с тобой?! Своим безумием… Впрочем, неважно… Мне кажется, ее гложет вина за содеянное с тобой. В оправдание могу лишь напомнить – что такое ткач? Не демиург, конечно же. Куда до тебя. Но все же гипостазис локального действия, облеченный властью группой возвращенных. Воплощенное волеизъявление. Равно как и демиург проекта есть его гипостазис в физической проекции. Уж извини, приходится повторять записанные на воде истины. Мне же, Бруту-Фесею, никогда не подняться выше статута о заговорщиках. Признаю. Не скрою, меня угнетала необходимость пребывать на вторых ролях. Быть в тени великого проекта – терраформовки Венеры! Но, успокаивал я себя, если нужны демиурги и гипостазисы в нашем насквозь материальном мироздании, то необходимы и такие, как я – антидемиург и антигипостазис… Я – Иов, обвинитель всего и вся! Я тот, кому дано право призывать на суд даже демиурга, будь он хоть Минотавром, ибо мне это обещано в скитаниях по лабиринту безумия бога… Ты знаешь, о демиург, что такое – безумие бога?!

Тем временем, что лысый продолжал изблевывать из уст своих потоки пустых слов, еще одно кольцо стерлось с поверхности и Минотавр сосредоточил взгляд на следующем.

– Даже теперь ты продолжаешь творить непотребное. – Бугристоголовый скорбно опустил уголки похожего на длинный бритвенный разрез рта. – Пожалуй, подобному упрямству следует позавидовать. Вот, что мешало мне подняться до высот демиурга, – безграничная преданность тому, что творишь. Вопреки всем и вся. Разве не так? Я обречен на вторые роли – сначала у тебя, а когда удалось с тобой разобраться, то у ткача. Веришь, я не прочь умереть навсегда. Вдруг все дело в тех бесконечно малых членах ряда Фурье, из которых сложена моя личность? Сократить их в первом приближении воскрешения –

вот надежда. Но даже демиургу не справиться в одиночку. Творец не может без тварей, о Минотавр! А потому тебе придется пасть на грешную землю, чтобы собрать себе адептов, желаешь ты этого или нет.

10. Первопроходец

Минотавр зарычал. Изрыгнул потоки дыма. Набычился. Говоривший надоел. Хотелось его разорвать, но это означало оторваться от дела. А Брут того и добивался – Минотавр догадался. Обойтись следовало малой водой – напугать так, чтобы Брут опрометью бросился к ближайшему челноку и отбыл с Лапуты в любом направлении. И Брут-Фесей, словно исполняя желание Минотавра, исчез. Будто выключили голоизображение. Вот он мотал башкой, шевелил губами, пучил буркала, а затем – раз – самоотключился.

Это успокоило Минотавра, но не надолго. Место Брута занял робот – на вид весьма древний, из первопроходческой серии, каких массово отливали на орбитальных заводах и столь же массово отправляли на завоевание Венеры и десятков других планетоидов. Их отличала высшая степень защиты, для чего проектировали роботов класса «первопроходец», не заботясь об эстетике внешнего вида и не придерживаясь стандартов, которые позволяли роботам функционировать внутри жилых куполов и орбитальных станций, не рискуя сбить железными плечами, локтями, ногами и теменем какие-то жизненно важные для обиталищ узлы и агрегаты. Теперь это чудовище, ничем не уступающее по устрашающему внешнему виду самому Минотавру, возвышалось бронированной башней там, где до того стоял Брут-Фесей.

Но робот не делал попыток заговорить с Минотавром. Строго говоря, таковое вообще не предусматривалось конструкцией «первопроходца», если учесть экстремальность условий, для которых бронированное чудовище готовилось. Звуковой синтезатор речи выглядел излишеством, вполне хватало радиоканалов для обмена информацией. Однако тем самым был допущен досадный просчет, так как в условиях отдаленных станций «первопроходцы» оказывались единственными условно живыми созданиями рядом с первопроходцем из кожи, плоти и костей. И он-то имел острейшую потребность перекинуться самыми обычными словечками даже с машиной, используя для этого старый добрый способ жестикулярно-звуковой речи, а отнюдь не радиоканалы.

Однако изобретательность живого существа, страдающего от одиночества, не знает границ, а потому «первопроходцев» умельцы научили имитировать речь с помощью технически неустранимых звуков. А таковых имелось много. Звукоизоляция не являлась хоть каким-то граничным условием для их

демиургов. «Первопроходцы» умели разговаривать, как умеют разговаривать некоторые животные, щелчками и свистом вполне виртуозно имитируя речь. В отличие от животных роботы, конечно же, вели беседы вполне сознательно, а не бездумно повторяли то, что когда-то услышали.

Вряд ли приходилось сомневаться, что «первопроходец», принявший столь необычную вахту от Брута-Фесея, вполне обладал способностью говорить, но даже и в безмолвном состоянии он стал выводить Минотавра из себя, о чем внешне свидетельствовал дым, чаще и гуще вырывающийся из прорезей маски. Он был похож на быка, рассвирепевшего по единственно ему известной причине, то есть исключительно по природной злобности. Градус свирепости поднимался. Будь на месте «первопроходца» не машина, а живое существо, оно бы догадалось: оставаться здесь – подвергать себя риску. Робот же заботился о своем состоянии исключительно в рамках роботехнических постулатов, которые дозволяли подобную заботу лишь в тех редких случаях, когда она не противоречила поставленной перед машиной задаче.

11. Битва

Минотавр исторг из ноздрей даже не дым, а пронизанную молниями тучу. Потом вскочил на копыта, стиснул кулачища, прижал подбородок к бочкоподобной груди, тем самым выставляя рога вперед, слегка присел, напружинился, а затем жахнул в корпус «первопроходца» с сокрушающей силой. Этот удар вполне мог сорвать с якорного линя космический челнок, попадись он под рога Минотавру. Робот, однако, оказался вполне подготовленным к такому течению событий. Его наверняка не раз использовали в качестве спарринг-партнера, чему вряд ли стоило удивляться, ибо, судя по броне машины, он отслужил не один гарантийный срок и являлся, как говорилось среди первопроходцев, «тертым калачом».

Они схлестнулись в скоротечной схватке, настолько быстрой, что окажись рядом наблюдатель, он вряд ли смог разобраться в мельтешении рук, ног, колен, копыт, рогов. Все это сопровождалось глухим стоном брони робота, весьма схожим с колокольным набатом, будто подобным образом вознамерились оповестить обитателей поселения о грозящем им несчастье. Но таких свидетелей, которые могли оценить ярость безнадежной схватки, на Лапуте не существовало: Ариадна находилась во власти клайменолей, которые в держали ее взаперти собственной каюты, а Брут-Фесей пребывал в морозильнике на грани жизни и смерти, что пресекало возможность воскрешения в ходе Феодоровского процесса.

У такого свирепого создания, каким обнаружил себя Минотавр, вряд ли имелась даже крошечная надежда восторжествовать над машиной класса «первопроходец».

– Как… в добрые… старые… времена… – почти добродушно гудел робот, но имитация голоса тонула в звоне бронированного тела, там образовались вмятины от чудовищных ударов Минотавра.

Минотавр выдыхался. Бугры мышц экзоскелета обмякли, покрывающая их кожа пошла морщинами, на ней проступили капли физиологической жидкости, изгоняя из капилляров образующиеся от непосильной нагрузки токсины, кое-где проступили пятна гематом, но чудовище с упорством и дальше молотило робота. Когда интенсивность ударов снизилась до такой степени, что гипотетический сторонний наблюдатель узрел бы вместо размазанной тени резкие очертания фигуры быка, робот ловким движением пригнулся, уходя от ударов, стиснул лодыжку и бицепс Минотавра, выпрямился, подняв над собой на

вытянутых руках громоздкую чудовищную фигуру. Минотавр отчаянно пытался высвободиться из захвата, но пальцы робота, судя по всему, перекрыли – невзначай или злонамеренно – какой-то важный энергоканал, почти парализовав спарринг-партнера.

Если Минотавр ожидал, что прекращение всяческого сопротивления, как условное признание победы «первопроходца» в данном раунде поединка, заставит робота бросить его на поёлы, то он ошибался. Правда, машина собиралась сделать нечто подобное, но исключительно на собственных условиях. Поэтому робот, продолжая держать Минотавра, понес его прочь из отсека в лабиринт коридоров Лапуты. В них он вполне ориентировался, порукой чему – выбор маршрута, сделанный таким образом, чтобы добраться до конечной точки по максимально широким в сечении проходам, лишив ношу малейшей возможности намеренно или ненамеренно за что-то уцепиться.

Вот только пасть заткнуть Минотавру робот не смог, а потому их путешествие сопровождалось отчаянным ревом, на звук из каюты выскочила Ариадна. Она бросилась по звуковому следу и появилась в шлюзовом отсеке именно тогда, когда бронированные плиты раскрылись, впуская зыбкий отсвет багровых туч, в которых парил небесный остров. На блекло-желтоватом фоне отрисовалась даже в какой-то степени трагическая композиция «Низвержение Минотавра», именно это собирался сделать робот, пренебрегая предустановленным в нем Первым законом роботехники: беречь жизнь – его первейшая и важнейшая задача. Но умозаключения машины, даже повлекшие трагические последствия, порой бывают тайной за четырьмя и более печатями. Вероятнее всего, «первопроходец» не считал Минотавра в качестве живого существа, а потому следовало отправить его туда, откуда он не смог бы вернуться – на поверхность Венеры. То, что случится, упади он с Лапуты, да еще сквозь слой кислотной облачности и суперротации, робота нисколько не занимало.

– Не смей! Стой! Прекрати! – Ариадна пыталась подобрать нужную команду, которая бы заморозила «первопроходца» в его броске Минотавра сквозь пленку силового поля, отделявшую шлюз от бешеной атмосферы, но робот и локатором не повел.

Мощный толчок, и могучая рогатая фигура начала низвержение с небес, вспыхнув ослепительной точкой, будто сверхновая. Выдвинувшиеся крылья пытались удержать Минотавра, но кислотные сгущения пожрали тончайшую мембрану, оставив жалкие остовы, похожие на обглоданные кости. Никогда еще Минотавр не отбывал на поверхность терраформуемой им Венеры подобным образом – вне твердой

скорлупы «Циклопа» или атмосферного самолета. Поэтому, скользя сквозь слои облаков, больше похожих на твердые небесные своды, в причудливой кислотной взвеси, Минотавр видел почти живые картины существ и мест, орбитальных городов и станций на астероидах. Загадочно мелькали образы женщины, игравшей на водяном рояле, и ему даже казалось, будто слышит мелодию, которую она извлекала из переливчатых сосудов. Он падал сквозь прихотливый лабиринт собственной обрывочной памяти, ибо давнее поверье утверждало, что перед смертью всякий видит свою жизнь, проносящуюся перед глазами. Умирая в первый раз, Минотавр готов был поклясться, что ничего подобного – никакой жизни, проносящейся перед глазами, он тогда не видел, но на этот раз иллюзия оказалась чересчур сильна.

Его плотнее окутывал анклав сияния. Минотавр сам себе казался зародышем светила, которое вот-вот вспыхнет, дабы осветить сумрачную поверхность Венеры, она так и не дождалась той стадии терраформовки, когда ее небеса должны были очиститься от кислотных облаков, стать прозрачными настолько, чтобы с поверхности ясно видеть светило и диски планетоидов. Температура внутри скафандра росла, рога-охладители работали на полную мощность и горели так, что Минотавр видел их отраженный блеск на слоях облачного покрова. Резервуары с водой медленно нагревались, и ему грозило заживо свариться, тем более из защитного костюма ему не выпрыгнуть.

Затем начался отрывочный бред: возникла перевернутая колоссальная фигура, сотканная из облаков, приблизила дымчатое, переливчатое лицо. В середине лба по чудной прихоти чернела точка Лапуты, словно отверстие то ли пули, то ли лазера. На сей раз она вполне ясно и понятно сложила оглушающий шум ветров в слова:

– Я никому не отдам благовесть! Она – моя! Моя! Моя!

Дымный колосс приблизился к Минотавру, широко раззевая рот в безумном вопле, затем пасть сомкнулась на низвергнутом с небес демиурге, который ослепительным метеором пробил нёбо, носоглотку и в полном анатомическом согласии погрузился в серые складчатые облака мозга колосса. Калейдоскоп видений уплотнился, и Минотавру мало что удавалось ухватить в лабиринте образов, сквозь которые он падал. Единственный, кто отпечатался в памяти более четко, оказался старый знакомец Вергилий. Он и заявил бывшему подопечному по Санаториуму, что никакой он не Вергилий, а Корнелий, существо с тысячью лиц, и одно из лиц, которое он сейчас на себя надел, – лик некоего Дедала, давшего подопечному негодные крылья.

12. Падение с небес

Ариадне казалось, будто движется наперекор встречному мощному водному потоку. Она была уверена – на следующий шаг сил не будет, течение подхватит, завертит и отбросит туда, где ей и следует находиться – в своей каюте-темнице. Но силы откуда-то притекали. Шаг… Еще шаг… Один… четвертый… И вот она так близка к самолету, протяни руку – и ухватишься всеми четырьмя пальцами за страховочную скобу. Самый обычный самолет для доставки персонала на фабрики. Как раз то, что надо.

Но преодоления сопротивления требуют не только мышцы, но и мысли. Сознание походило на дикого прыгуна, которого пытались обуздать сбруей и седлом, отчего животное совершенно обезумело. Словно личность Ариадны раздробилась на тысячи осколков. Каждый из них отражал нечто яркое, на чем хотелось сосредоточить внимание, но оно тут же перескакивало на другой осколок… четвертый… четырехтысячный… Она лихорадочно выискивала в лабиринте миров то неказистое отображение самолета, в который предстояло забраться, запустить мотор и отправиться за тем, кто обрел свободу падения. Сколько ему лететь вниз? Сколько у нее времени? Что такое вообще время?! Но разгадка состояла не в том, чтобы искать, а в отказе от собственного Я. Чересчур много чести. Клайменоли обуздывали то, что мнило себя Я, выделенной и обособленной в пространстве и времени личностью, пупом мироздания, тогда как к тому, что личностью себя не мнило, оставались вполне безразличны. Сила рождает сопротивление. Покой не рождает ничего. И Ариадна успокоилась. Отторгла все, что считала собой, превратившись в пустоту. В ничто.

И лишь когда самолет сверхлегкого класса «Нить», даже не транспортный и не разведывательный, а всего лишь учебно-тренировочный, взревев турбинами, подкатил к краю, Ариадна ощутила укол страха – живительную инъекцию, реанимирующую привычное сознание. Самолет был окрашен в оранжевый цвет и побывал во многих передрягах, как и положено такому летательному аппарату, за чей штурвал садятся неофиты, С гидравликой управления оказалось не все в порядке – уровень воды не желал подниматься до нормального, что ухудшало маневренность «Нити» и создавало угрозу пилоту. Однако ждать, когда автоматика устранит неисправность и по водоводам закачается перенасыщенная кислородом жидкость, у Ариадны не оставалось ни времени, ни желания. Руки нажали на штурвал, и машина, перевалившись через край стартового трамплина,

нырнула вниз, вслед за Минотавром. Локатор тщетно выискивал в густой мути облаков крохотную точку низвергнутого демиурга, и только теперь Ариадна сообразила, что не учла дрейф самого небесного острова. Она резко дернула штурвал на себя, выводя машину в горизонтальную плоскость, нисколько не заботясь о допустимости подобных перегрузок для самолета, и тем более – для своего организма. Вода, плескавшаяся на уровне груди, залила глаза, стало хуже видно, если только «хуже» подходит к окружавшей самолет облачной пелене. Когда думаешь о себе, появляются клайменоли. Ариадна сыта ими по горло. Хотя, если здраво рассуждать, клайменоли могли пригодиться, в них наверняка вшита программа самолетовождения…

Минотавр, где ты?!

Мощность локатора учебно-тренировочной машины не приспособлена для поисковой операции подобного рода. Равно как и приборы самолета годились лишь на то, чтобы безопасно выйти из зоны суперротации в спокойный слой атмосферы. А затем проделать все в обратном порядке. Ариадне же предстояло найти крупинку в мутной облачной взвеси. Она попыталась прочесать радиодиапазон, надеясь уловить сигнал облачения Минотавра. Но никаких маяков в нем не было. Белый шум по всем каналам. Безнадежно. Минотавр уже мертв. Хотя еще может быть жив. Такой вот парадокс, словно пресловутая жаба, заключенная в ящик с ядовитой мухой, которую она то ли съест, то ли не съест. Но сдаваться Ариадна не собиралась. Она попытается перехватить Минотавра там, где заканчивается облачный слой. Будет барражировать на границе суперротации, надеясь на визуальный контакт или на то, что хилые локаторы хоть что-то уловят в окружающем мире.

О том, как она сможет поймать падающего, Ариадна думала в последнюю очередь. На нить. И на крюк. Они имелись в носовой части машины и предназначались для отработки навыков швартовки к Лапуте в условиях ураганов, а также спасательных операций, когда требовалось подцепить тяжелый транспортник, попавший в турбулентность. В общем, обнаружив Минотавра, ей предстояло поймать его как рыбину.

Однако она переоценила свои способности управлять самолетом. Наверное, имелся особый прием пересечения зоны, разделявшей двигающийся с сумасшедшей скоростью верхний облачный слой планетоида и спокойный слой придонной атмосферы, но Ариадна не успела с ним ознакомиться. Понадеялась на скудную автоматику, которой оснащался этот алюминиевый снаряд с короткими крыльями. Поэтому сильнейший удар о границу двух сред подбросил самолет и

застал Ариадну врасплох. Недостаток воды тоже сказывался, не в силах погасить перегрузки. Машина крутилась, тело норовило вырваться из перевязей, она ударилась лбом и затылком, в глазах вспыхнул огненный фонтан, затем малоуправляемый самолет свалился в пике и вновь врезался в границу суперротации. Он походил на щепку в зоне прибоя, которую волны норовили выбросить на берег, но коварно вновь утаскивали в море, чтобы затем все повторить.

На какое-то время Ариадна забыла о падающем с небес Минотавре, пока в одно мгновение темпоральный поток внезапно прекратил бег, точнее – замедлил его. Сумасшедшее движение облаков превратилось в вязкий перелив густой субстанции, и в этом переливе взгляд наконец-то обнаружил вертикальный прочерк падения крошечной фигуры, окруженной ослепляющим сиянием. Удивительно, как Ариадна раньше не заметила столь ярчайшую точку. Это должен быть Минотавр. Ариадна не раздумывая бросила самолетик в его сторону, нащупывая рычаг выброса нити с крюком магнитного захвата, но маневр стал последней каплей, переполнившей сосуд надежности учебно-тренировочной машины.

«Нить» порвалась на части.

Книга V. Венера

1. Падший

Минотавр выбирал, кого сожрать первым. Со стороны это выглядело именно так. Впереди шествовало громадное чудовище, рогатое, копытное, бугрящееся мышцами экзоскелета, выдыхающее из щелей жуткой маски густой пар, четырехпалые лапы сжимали цепь с крупными звеньями, к ней попарно наручниками пристегнуты пленники. Чудовище тянуло цепь, а вместе с ней и несчастных, которых набралось уже четыре четверки, но Минотавр не сомневался – их станет больше. Гораздо больше. Столько, сколько нужно, чтобы восстановить разрушенное, заброшенное, саботированное. И нисколько не жалел тех, кто терял последние силы, падал на колени и упрашивал оставить здесь. Ибо вообще не понимал – что значит жалеть? Чудовища не ведают снисхождения – ни к героям, ни к трусам.

Планетоид решил сыграть с ним по собственным правилам. Что ж, он напомнит, кто здесь устанавливает правила.

А ведь пропеченная огнем и протравленная кислотой Венера наверняка имела на него виды. Иначе он бы брякнулся о поверхность, и крылья не спасли. Да от них, этих коротких обрубков, и так оказалось мало толку, когда он падал, низвергнутый с небес. Разве только замедляли падение, давая время, необходимое для перестройки метаболизма. Минотавр корежил и перестраивал планетоид, осеменяя атмосферу наноботами, изменявшими планетоидную генетику и физиологию. Венера ответила на вызов. Красные кольца и Огневики перестроили фабрики, и теперь наноботы изменяли не планетоид, а тех, кто на нем поселился. Венера воспротивилась попыткам перестроить ее под разумных существ и взялась перестроить их под себя.

С кем-то Минотавр по этому поводу спорил. Далеким и позабытым. И спор проиграл, ибо когда его тело прошило границу суперротации, он перестал быть тем, кем был, превратившись в существо, приспособленное к раскаленной поверхности Венеры.

На мгновение перед ним расстелился обнаженный, лишенный покрова багровых туч планетоид. Он узрел унылую раскаленную поверхность, где и взглядом не зацепиться, разве что за дымящееся нечто, походившее на изрядно мятый анклав для биологических опытов, но Минотавр сообразил – Голоконда, след метеорита из антивещества, упавшего на Венеру в невообразимо далекие времена. И Минотавру представилось, будто то не

метеорит, а подобное ему разумное существо, тоже кем-то сброшенное с небес, и тело его, окаменев, превратилось в горную цепь, а внутренности стали источником радиоактивных материалов. Гипостазис падшего. Неужели и ему уготована подобная участь? Стать еще одним биологическим анклавом, в котором будет бурлить, эволюционировать, набирать силу новая цивилизация?

Но затем вокруг сгустилось нечто плотное, скрыв и поверхность, и Голоконду. Минотавр понял – за него принялись наноботы.

Темная туча окутала его болотной мошкарой, замедлила падение, ровно настолько, чтобы он врезался в каменистую почву, но не разбился, а пробил ее и обрушился на дно огромной каверны, какими изобиловала Венера – последствия вулканической активности планеты. Минотавр лежал, словно внутри родильного кокона, раскинув руки и ноги, вслушиваясь в ощущения измененного тела. Он не дышал. Ему ни жарко ни холодно. Он различал сквозь золотистый пещерный сумрак окружающие стены, изъеденные многочисленными отверстиями, откуда сочилась тягучая багровая масса, он не сразу признал магму.

Минотавр рывком вскочил, не ощутив ни малейших последствий падения. Будто на самом деле разбился вдребезги, но его заботливо и тщательно склеили в Феодоровском процессе и вновь выпустили в жизнь, минуя лабиринты Санаториума. И хорошо. В Санаториум Минотавр не желал возвращаться.

Мироздание сыграло жестокую шутку – приспособило к тому, что он желал уничтожить. И Минотавр, сорвав маску и рогатый шлем, бросив их под ноги, задрал морду и взревел смертельно раненным зверем. Рев эхом прокатился среди закоулков лабиринта пещер, вырвался через многочисленные щели, свищи, отверстия и отразился от столь же запутанного лабиринта камней, холмов, останков фабрик, жестких кущей и куп местной растительности. Ей была уготована участь погибнуть, но теперь она словно насмешливо шелестела в ответ на яростное отчаяние низверженного демиурга:

«Ты наш… ты наш… тын-ашшш…»

И он взял себя в четырехпалые лапы. Поднял уже ненужные шлем и маску, кое-как выпрямил погнутые пластины и вновь напялил, не обращая внимание на заусенцы, раздирающие кожу, его новую дубленую кожу, которой нипочем ни кислотные дожди, ни запредельная температура. Шкура казалась глиняной. Будто Минотавра слепили по образу и подобию, но из глины. Не слишком, впрочем, сообразуясь ни с точностью образа, ни с

подобием подобия. В чем ему предстояло убедиться. Он огляделся и пошел. Туда, куда глядели буркала маски, еще более свирепой от вмятин. Они придали ей особо кровожадное выражение.

«Тын-ашшшш…»

«Это мы посмотрим», – пообещал в ответ на завывание ветра в закоулках пещер Минотавр. «Ты проглотила меня, старая дрянь, решила переварить, разложить на белки и углеводы, метаболировать и встроить в собственное тело. Но так просто не дамся. Я напичкаю твою венерианскую печень такой отравой, что мои фабрики покажутся тебе легким слабительным… Тебя вспучит и разорвет! Разорвет в клочья, ты меня понимаешь, старая кислотная дрянь?! Лучший из миров, бездна тебя поглоти!»

«Тын-ашшшш…»

Если бы не тонкие кварцевые нити, тянущиеся вдоль пещер и переходов между ними, заплутать Минотавру в лабиринте червоточин. Наверняка геологи, окажись они в здешних местах, выдвинули бы более или менее правдоподобные гипотезы о том, как такие нити могли образоваться в условиях сверхактивной вулканической деятельности, ведь в сердце Голоконды кипел анклав антивещества, но самого Минотавра их происхождение не занимало. Достаточно, что они позволяли не плутать по кругу. Они походили на туго натянутые струны, словно не в червоточинах планетоида скитался Минотавр, а внутри рояля. Стоило прикоснуться, как они начинали вибрировать, издавая нечто, похожее на музыку.

В некоторых червоточинах ему попадались следы гусениц, выжженные участки скалы, пустые ящики, ослепительно белеющие детали фабрик, неведомо как сюда попавшие. Минотавр, словно рачительный хозяин, подбирал их, внимательно осматривал. Если они на поверхностный взгляд еще годились в работу, то брал с собой, взваливая на плечи, будто добычу. Но их становилось больше, они густо усеивали белыми пятнами красно-коричневую почву, а за очередным поворотом открылось то, что Минотавр не ожидал здесь увидеть, – фабрика. Перекореженная поверхность планетоида обрела фрактальную топологию, переходы с внутренней стороны на внешнюю происходили незаметно, а может, таких переходов вообще не было, а имелись одноповерхностные листы в многомерной развертке.

Когда-то белоснежные дырчатые кубы, откуда вырывались дымчатые струи наноботов, изменили цвет на преобладающий в окружающем мире, тем самым подтверждая отказ от попыток

менять этот лучший из миров в пользу того, чтобы поддерживать его в первозданном совершенстве. Вслед за окраской произошло изменение формы, ведь правильная геометрия, прямизна граней и идеальная окружность отверстий также диссонируют пейзажу с его асимметричными округлостями пещер и каменистых холмов. Фабрика собиралась из кубов, они оплыли, словно побывав в реакторе, а точнее – в тисках Красного кольца, которое уже ушло отсюда, оставив лишь черный след там, где покоилось его тело. Не было здесь и Огневиков, верных спутников Красного кольца, а фабрика функционировала по вновь заданной программе, натужно отрыгивая плотные клубы наноботов, вероятно тех самых, что превратили Минотавра в обитателя Венеры.

Тын-ашшш… напомнил шелест Минотавру, словно предупреждая от опрометчивых действий, будто он что-то мог сделать с фабрикой голыми руками… тын-ашшш… Минотавр поневоле задумался: может, все-таки в его недюжинных силах если не исправить процесс синтеза наноботов, то хотя бы расстроить его до предела. И большая часть микроскопических машин при проверке будет признаваться браком и возвращаться на переработку. Нужно подправить иммунную систему фабрики, чуть изменить параметры…

Но для подобного нужны помощники.

2. Диалоги

Он не сразу обратил внимание на сидящих кольцом на земле, будто члены экспедиции под конец утомительного перехода выбрали подходящее место и устроились для отдыха. Пожалуй, это чересчур даже для Минотавра – вид нагих фигур вокруг плазменной горелки, изображавшей, как нетрудно догадаться, походный обогреватель. Над каждым из сидящих вилось облачко наноботов, будто мошкара болотная, но, в отличие от насекомых, микроскопические создания вели себя более бесцеремонно. Многочисленными нитями они втягивались в ушные и носовые отверстия сидящих, а висящие над лысыми головами тучки вибрировали, пульсировали, как огромные чернильные сердца. Затем туча втягивала щупальца, взмывала вверх и исчезала, но на ее место тут же заступал другой сгусток наноботов, и цикл повторялся. От горелки резака на стены пещеры отбрасывались искаженные тени сидящих, так что если некто мог созерцать только их, не видя тех, кто порождал островки тьмы, он вряд ли бы догадался, что это самые обычные разумные существа, а вовсе не чудища, похожие на многоруких великанов.

Сидящие, казалось, не обращали на происходившее с ними никакого внимания. Лишь вяло отмахивались, продолжая неторопливую беседу, Слова и смысл ее Минотавр не улавливал. Будто они общались на неизвестном ему языке. Вроде и знакомые слова, но понять их нельзя.

– Диакритус чересчур увлечен номинализмом, – говорил сидевший спиной к Минотавру. При этих словах он вытянул вперед руку и пальцем ткнул в одного из товарищей. Он, вероятно, и являлся упомянутым Диакритусом. – Мироздание насквозь материально на всех этажах бытия. То, что не имеет физического воплощения, не существует. Морок. Фата моргана. Даже смерть-цивилизация транслирует свое наследие в материальных формах, мы по недомыслию именуем их гипостазисами!

– Сократус резок в суждениях, – возразил Диакритус. – Вполне возможно вообразить существо мира, в котором идея для обретения существования минует стадию гипостазиса, обретаясь в мире идей, равно как тень разумного существа на стене пещеры – всего лишь тень, а не он сам. Не правда ли, Дедалус? – Диакритус ткнул в бок соседа. Тот сунул в горелку стальной штырь и задумчиво наблюдал, как он оплавляется и тяжелые капли металла падают на почву.

– Чтобы иметь совесть, надо иметь образец совести,

воплощенный в гипостазисе. Если таковой образец отсутствует, каждый волен вложить в понятие собственное понимание, и в результате никакой совести не будет существовать. Равно как для того, чтобы реализовать проект, нужны не только чертежи, но и демиург – образец для тех, кто проект воплощает. Демиург – гипостазис гипостазиса.

– Понимаю, откуда ураган приходит, – пробормотал Дедалус. – Уж не про терраформовку Венеры толкуешь? О Телониусе скучаешь, Океан Манеева его поглоти?

Минотавр придвинулся ближе. Однако его не замечали, погруженные в беседу.

– Кстати, о смерти, – вскинул голову Сократус. – Разве сам Океан Манеева не является коллективным гипостазисом смерти? И Феодоровский процесс есть всего лишь следствие неуклюжих попыток разобраться в механизме гипостазиса. Это так очевидно – разум и накопленная им информация никуда не исчезает, не стирается из ума мироздания, но сохраняется. В особой форме. А когда все перейдем в форму существования Океана Манеева, то превратимся в пресловутую смерть-цивилизацию…

– Ха-ха-ха, – натужно произнес Диакритус, захлопав в ладоши. – Наконец-то тебе открылось происхождение смерть-цивилизации. Поделись с Оракулом.

Судя по наступившей тишине, упоминание Оракула произвело на сидящих неприятное действие.

Заслушавшись, Минотавр не уследил за железками, что тащил на плечах, одна из них выскользнула и глухо ударилась о почву.

– Кто здесь? – Диакритус вскочил. – Кто?

Минотавр вступил в круг. Вид его оказался столь непривычен для собеседников, что они вслед за Диакритусом поднялись. Лишь один, в драном скафандре, остался лежать, ибо в беседе участия не принимал, продолжая громко похрапывать.

– Приветствую, – сказал Минотавр столь зловеще, что некоторые из вставших вздрогнули. – Шел по своим делам, но беседа ваша привлекла мое внимание. Не будете сопротивляться, если и я погреюсь?

Диакритус, Сократус и Дедалус одновременно качнули головами: нет.

– Но, может, ваш спящий имеет аргументы против моего присутствия. – Минотавр указал на лежащего.

– Это Диогенус, – сказал Диакритус. – Уверен, он не против вашего… гм… присутствия.

Минотавр ссыпал железки, отчего Диогенусу следовало не

только пробудиться, но и подскочить от грохота. Но он по-прежнему лежал.

– Тем не менее настаиваю на испрошение у Диогенуса разрешения присоединиться к вашей компании, – прорычал Минотавр. Дым из дыхательных щелей пошел гуще.

Сократус находился к Диогенусу ближе всех, наклонился и потряс спящего за плечо:

– Эй, Диогенус, тут такое дело… – Он понизил голос и принялся шептать, на что Диогенус заворочался, затем с кряхтением приподнялся, сел, мутно осмотрел товарищей, взглядом задержался на Минотавре.

– Е-о! Ну и урод! – сказал хрипло. – Чего только во сне не привидится…

После чего хотел вернуться в исходное положение, но Сократус вновь зашептал, показывая на Минотавра.

– Не возражаю… не возражаю… – Диогенус широко зевнул. – Совсем со своими спорами очумели…

Сократус поглядел на Минотавра:

– Он не возражает.

– Благодарю. – Минотавр присел на корточки, обхватил колени. Продолжил с максимальной вежливостью: – Подходя к вашему костру, невольно услышал часть беседы, где прозвучал незнакомый мне термин – «смерть-цивилизация». Не могли вы прояснить, что имеется в виду?

– Право, – сказал после заметной паузы тот, кого звали Дедалусом, – это скорее мыслительный конструкт без какой-либо гипостазисной основы. Фигура речи.

– Я настаиваю, – сказал Минотавр.

3. Пленение сталков

Дедалус посмотрел на Сократуса. Тот кивнул и заговорил:

– Это своего рода удобный мыслительный конструкт, он позволяет объяснить некоторые загадки нашей собственной цивилизации. Возможно, вы знаете… гм… – Только теперь Сократус сообразил, что гость не представился, но вопрошать не стал и продолжил: – Дело в том, что на ранних этапах эволюции мироздания в его химическом составе преобладали легкие элементы. Однако их переработка в недрах звезд первой генерации привела к распространению более тяжелых элементов, из них затем образовались планеты, а вместе с тем живые и мыслящие существа. То есть все мы состоим из звездного вещества. Но почему не предположить, что и мыслительные конструкты формируются похожим образом? Они рождены цивилизациями далекого прошлого в иных звездных системах, а когда цивилизации завершили свое существование по естественным или катастрофическим причинам, конструкты перешли в наследное пользование последующих цивилизаций, которые опять же внесли лепту в их развитие и совершенствование, чтобы в свою очередь передать по эстафете цивилизаций.

– Весьма спорный концепт, – вставил Диакритус. – Именно поэтому не сформировал устойчивый гипостазис. Да, мы не можем проследить генезис довольно большого круга гипостазисов, но это не означает, что они порождены иными цивилизациями и включены в наш цивилизационный код. Словно мы паразиты, живем чужим умом. То, что наши тела из звездного вещества, еще не делает нас звездами.

– Нечто… не рождается… из ничего… – прохрипел сквозь сон Диогенус, перевернулся на другой бок и захрапел пуще прежнего.

– Так вот, – продолжил Сократус, – цивилизация-родоначальник, цивилизация-донор мыслительных концептов и называется смерть-цивилизацией. Дикий термин, конечно, но вполне устоявшийся в маргинальных кругах, которым мы принадлежим.

– Грр-р-м… – пробурчал Минотавр, мало что поняв. – А нельзя привести образец концепта смерть-вашей-цивилизации? Исключительно для понимания. Вы об этом, насколько могу судить, думаете не первый и не второй раз, я же новичок.

– Бог, – кратко ответил Сократус, и Минотавру показалось, что он не совсем его расслышал, будто тот сказал нечто совершенно иное, а потому переспросил. Сократус повторил

громче:

– БОГ.

Слово произвело на остальных необычайное воздействие, словно сказанное оказалось столь неудобным, что и Диакритус, и Дедалус, и даже Диогенус принялись возиться, с преувеличенным вниманием осматриваться, потирать предплечья, будто мерзли в раскаленной атмосфере планетоида.

– Никогда о таком не слышал, – признался Минотавр. – Это что-то из математики?

– Это что-то из всего, – мрачно сказал Диакритус. – Предельный гипостазис. Изначальный гипостазис…

– Не гипостазис, – возразил Сократус. – Не морочь голову. Бог есть личность.

– Демиург? – спросил Минотавр.

– Да, его можно назвать демиургом, ибо он – творец мироздания, – сказал Дедалус. – Так понятнее. Но у нас нет исчерпывающего понимания данного концепта. Мы даже не видим, в чем его необходимость. Скорее всего, условия смерть-цивилизации, которая развила понятие бога и передала нам в наследование, сильно отличались от наших… Даже по физическим параметрам. Например, эти существа могли обитать не на планетах, а внутри звезд, в условиях высочайших температур и давлений, а их тела представляли собой лучевые структуры… Домыслов много.

– Эта смерть-цивилизация нас и создала, – сквозь сон пробормотал Диогенус. И немедленно захрапел с переливами.

– Ересь, – покачал головой Сократус. – Если мы не знаем происхождения некоторых слов, то это не означает, что они достались нам от смерть-цивилизации. Почему Феодоровский процесс называется Феодоровским? – сказал Сократус не своим голосом, кого-то передразнивая. – А кто назвал Океан Манеева Океаном Манеева? Тьфу! Назвали и назвали… Кто назвал меня Сократусом? А? Что в имени моем…

Рев разорвал тишину мира и заставил всех замолчать – Сократуса, Диакритуса и Дедалуса с обреченной покорностью, зато Минотавр вскочил, готовый дать отпор неведомому зверю. Зверь пер на них – огромный, приземистый, с четырьмя лапами, точно у паука, горящими буркалами, но в последний миг вильнул и прошел мимо костра, обдав горячим дыханием Минотавра, тот не удержался и врезал кулаком в бок чудищу.

Конечно, это было не чудище, а стандартный атомный танк, класса «Мальчик», любимый походный транспорт первопроходцев – на гусеничном шасси с дополнительными ногами-упорами для форсирования разломов и осыпей, но, как

впоследствии оказалось, совершенно непригодный для преодоления подземных атомных ловушек в предгорьях Голоконды. Танк, насколько заметил Минотавр, побывал в переделках, судя по многочисленным глубоким проплавам в броне, а правая задняя лапа слегка приволакивалась, будто ее когда-то выдрали из сустава, а затем кое-как, в полевых условиях, вправили обратно. Для красоты.

Но самое примечательное заключалось в том, что «Мальчика» приспособили для перевозки весьма негабаритного груза. Он крепился к танку хитрой системой такелажа, отчего машина еще больше походила на жука, взвалившего на спину мертвую добычу, на первый взгляд – груду проржавелого хлама. Только когда «Мальчик» почти перевалил за очередной холм, Минотавр разглядел искореженные дюзы. Корабль! Неимоверно древней конструкции, наверняка из первой волны освоения, когда подобные беспилотные и пилотируемые аппараты ныряли в ад венерианской атмосферы, вслепую выискивая подходящие плацдармы для грядущего наступления на планетоид.

Танк сопровождал гигантский робот, металлическим колоссом возвышаясь над машиной. В особо трудных местах, где возникала угроза завязнуть или опрокинуться, робот наклонялся к машине и осторожно подталкивал ее, а в одном из мест, где путь пересекала неодолимая для боковых рычагов пропасть, он ухватил ее за панцирь и перенес на другую сторону. Проходя мимо лежбища сталков, титанический робот повернул к ним башку, и Минотавр разглядел сквозь лобовой щиток лицо того, кто сидел за рычагами управления. Даже для Минотавра выглядело существо отвратительно. Можно даже сказать, пугающе.

– Кто это? – спросил Минотавр.

– Примары, – ответил Сократус. – Очередную железяку в Тахмасиб повезли.

– Примары? Тахмасиб?

– Место их обитания. Примары раскатывают по поверхности и собирают старые железяки – в основном древние космоплавы – и стаскивают к себе, – пояснил Диакритус, но Минотавр опять мало что понял.

– Сколько их там?

– Да кто знает, – дернул плечами Диогенус. – Примары сталков к себе не пускают, да и не желаем мы к ним в гости. Нам здесь хорошо думается. Нам бы с гипостазисами разобраться.

Минотавр оглядел сталков, вытянул из бедренной катушки углепластовую нить и сделал первую петлю, помотал ею и спросил:

– Ну, кто первый? Есть у меня для вас, сталки, предложение, от которого вряд ли откажетесь. Прогуляемся до Тахмасиба?

4. Оракул

Оракул стоял в стороне от выбитой в каменистой почве колеи. Чтобы оставить в прокаленной почве столь глубокие вмятины, ее наверняка должны были регулярно утюжить тяжелые атомные танки на гусенично-шаговом ходу. К самому гипостазису никаких ответвлений не тянулось, что настораживало. Надо думать, проезжавшие мимо примары, а на атомных танках по Венере передвигались только они, совершенно не обращали на Оракула внимания. Стоит себе и стоит, делов-то. Однако о том, что это именно Оракул, Минотавр вот так, на глазок, даже на хорошо вооруженный увеличительными стеклами глазок, определить не мог. Может, это, например, Видение Будущего, Мечта о Грядущем или какая-нибудь Утопия, поглоти ее бездна? Он подтянул к себе плетущегося впереди колонны сталков Сократуса, ослабил на несколько щелчков шейный захват, ткнул четырехпалой лапой в гипостазис:

– Что это?

Сократус, потерев натертое цепью горло, сказал:

– Оракул. Прозревает грядущее.

– Прозревает грядущее, – повторил Минотавр. В животе заурчало, видимо, в этом самом грядущем его ожидало обильное пиршество. Однако за время пребывания на поверхности Минотавр узнал – с пиршествами придется повременить до возвращения на Лапуту. Если ему вообще удастся туда вернуться. – Грядущее светло и прекрасно. Разве не так, Сократус?

Сталк понурил голову. За время плена он растерял весь лоск, облупился, пошел заусенцами, кутался в лохмотья и выглядел даже не бродягой, а беглецом из приветившей его фаланги. Что подвигло на бегство – известно ему одному, но результат налицо – Сократуса хотелось приютить и накормить от пуза. Впрочем, выглядел он так, как остальные, которых Минотавр тащил на цепи по единственно ему ведомому маршруту к Голоконде.

– Он действительно Оракул, – сказал Сократус. – Можешь спросить, о чем желаешь, и он откроет грядущее… в определенных граничных условиях.

– Ах, Сократус, Сократус, – качнул рогатой башкой Минотавр, – тебе ли не знать, что мироздание течет по известным законам механики. Задайся мы целью рассчитать движение каждой частицы из далекого прошлого в далекое будущее, остановить нас может не расчетная мощь, которой располагаем, а

вопиющая тривиальность задачи. Нет ни в прошлом, ни в будущем ничего стоящего предсказания, предвидения и тем более предупреждения!

Сократус понуро молчал. Долгий путь на цепи истощил его, как остальных пленников. Сколько таких сталков он посадил на цепь! Ни один не пытался бежать, сопротивляться, да и просто возразить чудовищу, возникшему из туманного марева – черное и рогатое, громыхая копытами, звеня ловчей цепью, багровея буркалами и с сопением выдыхая из носовых щелей густые клубы пара. Они цепенели, покорно ожидая участи, уготованной им Минотавром. Он сам пока не понимал – как отправить добычу на Лапуту, да еще вернуть сталков, а заодно и самого себя в надлежащий облик – с кислородным дыханием и водно-солевым метаболизмом.

Вряд ли Оракул мог чем-то помочь, но попытаться стоило. Заодно дав передышку изнуренным сталкам. Минотавр свернул с пробитой в поверхности колеи, взвалил цепь на плечо и потащил за собой понурый улов пленников. Колея, по его разумению, вела к Тахмасибу, вдоль нее они двигались последнее время.

Вблизи Оракул оказался столь же нелеп, как и его назначение. Он походил на механизм, собранный без определенной цели из всего, что нашлось на Венере за сотни оборотов вокруг светила от прибытия первых автоматических станций. Минотавру даже показалось, что он различает их потускневшие от времени и кислоты шары и лепестки антенн. Того, кто сотворил Оракула, можно понять – из чего сооружать гипостазис, как не из подручных средств? Даже из кусков обшивки фабрик, давно потерявших белый цвет, став под воздействием атмосферы бурыми. Однако Оракул не был завершен, вокруг валялось достаточно хлама. Его приносили те, кто жаждал получить от гипостазиса прозрения собственного, а может, и чужого будущего. По вмонтированным по всему телу экранчикам пробегали помехи, не давая рассмотреть транслируемые изображения.

– Приветствую тебя, славный Минотавр! – прогудел Оракул. Рябь на экранах исчезла, множество лиц возникло на них, разглядывая чудовище. – Приветствую вас, славные сталки! Волю грядущего узнать возжелали, не так ли?

Минотавр скинул с плеча цепь. И волна прошла по сталкам – у них подкашивались ноги, они опускались на поверхность и застывали в нелепом поклоне перед этой горой рухляди.

– На этом планетоиде есть только моя воля, – сказал Минотавр. – И я ведаю грядущее, что ей уготовил. Пристанищем станет она, дай мне лишь срок и существ в том достатке, что для

проекта потребны.

Тысяча ликов Оракула изображала тысячу чувств, которые вызывал Минотавр – страх и робость, веселье и обожание, равнодушие и отвращение. Глаза разбегались на них смотреть. Но вот на длинном кронштейне выдвинулся один из экранов, где маячил лик, как две капли воды похожий на Вергилия:

– Воля слепа твоя, демиург Минотавр, потому и не видишь, что в лабиринт заключен ты с целью, отличной от той, что превыше иных пред тобою предстанет. Тот, кто тебя направляет, ловко скрывает лик свой и руки, ты же гордыню лишь тешишь и дальше, оставаясь послушной игрушкой. Слишком уверен, будто известно тебе, кем ты рожден и кого матерью можешь назвать…

– Грр-р-р-м-м, – заскрежетал Минотавр. – Зря ты, Оракул, посмел матерь мою в речах помянуть ни к месту, ни к чести, будто имя достойной Пасифии ведать не ведаешь ты.

Оракул молчал. Вергилий сменился темной женщиной в красном тюрбане, она с жалостью смотрела на Минотавра. В Оракуле совершалось движение – сложное и непонятное, как в головоломке. Вращались шестерни и колеса, натягивались и ослаблялись цепные, ременные тяги, менялись местами блоки. Казалось, тело Оракула радикально трансформировалось, но несмотря на зримые перемены гипостазис оставался равным самому себе. У Минотавра зачесались лапы ткнуть в круговерть Оракула обломком поувесистее, прекратив завораживающее движение.

5. Пророчество

– Что хотел ты узнать, Минотавр, спрашивай смело, если готов заплатить мне достойную плату, – вновь загудел Оракул. И Минотавр вдруг понял, что слова его складываются из скрипа, гула, лязга движущихся частей. То, что он воочию наблюдает, есть гипостазированный же мыслительный процесс Оракула с одновременным переводом в понятную речь. Хотя возможно, что под первым слоем движения скрывается второй, третий, десятый… и они совершаются бесшумно. Тем не менее Оракул предпочитал пользоваться ликами. Они выдвигались и вдвигались, иногда экраны толкали друг друга, словно Оракул сомневался – в какой личине предстать перед вопрошающим пророчества. Персоны при этом говорили, заглушая и перебивая друг друга, и Минотавру чудилось, что он разбирает:

– Я – Адам! Адам этого мира, и он по праву принадлежит мне!

– Теория сингулярности анизотропна по своей природе. Тот, кто познает ее, не имеет возможности вернуться назад и заняться чем-то другим…

– Я явился сюда из-за пределов поверхностного натяжения. Разве вы не знаете, что ваш мир – всего лишь крохотная капля на потолке мироздания?

– Мне всегда нравилось исполнять адажио ди минор, оно наилучшим образом соответствовало Венере…

Персоны на экранах сменялись быстро, Минотавр не успевал рассмотреть – кто говорит, а от какофонии смыслов хотелось прикрыть веки, прекратить хаос, выбраться из лабиринта слов.

– И что я должен взамен за твою болтовню и движенье на месте отдать? – Минотавр звякнул цепью.

– Не отдать, но вернуть. И не Оракулу. Прозрителю будущего в мире текущем нет ничего интересного. Сталков достойных отпустишь с цепи своей тяжкой.

– Они мне нужны для работы, которая нам предстоит, дабы исправить тот вред, что Красные кольца фабрикам здесь причинили. Черными сделали белое, процессы нарушив.

– Ах, Минотавр, бессилия ты своего замечать не желаешь, вновь ты на ношу готов, вынести вряд ли которую сможешь, вновь надорвешься до смерти… – Оракул внезапно застопорился, воцарилась тишина, но затем движение возобновилось. – Вдруг я подумал – не в этом ли рок – что непосильное должен раз ты за разом брать на себя, надрываться и падать туда, откуда нет возвращения смертным, взамен обретая черты гипостазиса,

готовый идею, что не тобой рождена, до смерти преследовать и вновь возрождаться… Помнишь ли ты, Минотавр достойный, сколько в Океан Манеева ты окунался?

– Бредишь, Оракул, из хлама рожденный! – зарычал Минотавр. – Я, только я на этой планете хозяин, мне, только мне право дано ее перестроить да так, чтобы пристанищем стать для тех, кто возвратится сюда, убежав вновь от смерти, тело разрушенное обретя вместе с памятью и полнотою. Те же огрызки, что «возвращенцами» кличут, лишь заготовки, болваны, участь которых, пристанище здесь основав, вновь в Океан всем вернуться.

Гипостазис замолк, однако движения не прекратил – теперь его детали перемещались с гипнотизирующей периодичностью, и Минотавр почувствовал одолевающую дремоту. Захотелось прилечь на любую подходящую поверхность и забыться в кратком сне. Но Минотавр сопротивлялся, уловив хитрость Оракула – не убеждением, так усыплением добиться освобождения почему-то ценных для него сталков.

– Червоточина встретить тебе предстоит, Минотавр достойный, – продолжил Оракул. – Лишь у него все ответы получишь – кто и зачем нитью судьбы твоей управляет. А для того должен на берег Океана Манеева живым ты попасть исхитриться. Иначе не будет удачи, что бы ты не предпринял, смертию смертной продолжишь ты погибать, пока дух твой совсем истончится, останется только болван из костей да из мяса. Для этого нужно примаров следов вам держаться, тайно проникнуть туда, где Голоконда возникла на месте падения ангела, что за пределами мира давно обретался, но все же решил наш мир посетить, не зная последствий деяния столь опрометчивого. Ангел, что тысячью лиц обладает, ты уже видел его и встретишь еще ты не раз, никогда не признав в облике том, в котором скрывается он от тебя, смеясь и шутя беззаботно… Ангел нарушил раздумья творца, хаос внеся в мироздания логос, который ты призван творить на Венере, истинной цели не ведая дела того, что тебе поручил Червоточин…

Голова Минотавра гудела и кружилась. Сон одолевал, он покачнулся, одна нога подогнулась. Минотавр опустился на колено. Язык еле ворочался, но Минотавр позвал:

– Сократус… Сократус! Бездна тебя поглоти…

Перед ним возникла тень сталка, почтительно склонилась, звякнув цепью.

– Слушаю вас, Минотавр почтенный…

– О чем… о чем… толкует… Оракул… – Подломилась и вторая нога, заставив Минотавра встать на колени. Он оперся

руками о поверхность, собрал остатки сил, только бы оттолкнуть ее от себя – черную, спекшуюся, мертвую… А ведь он жаждал сделать ее живой… здесь должны пробиться источники… почва – разрыхлиться… заболотиться… одержаться… идеальные условия для жизни…

Сократус что-то говорил. Бубнил. Нечто еще более усыпляющее…

– Червоточин… примары… Тахмасиб…

Минотавр упал, сраженный сном. И некто огромный, теплый, близкий доставал его из ледяной бездны, приговаривая:

– А кто у нас тут звездорожденный? Кто у нас такой маленький? Кто у нас такой мокренький?

Огромный, теплый, близкий, позабытый давным-давно, в какой-то иной жизни.

К нему, лежащему, а вернее – распростертому на спине, словно после изнурительной и проигранной жизни, подошла крошечная тень, присела на корточки, и только тогда скудный свет горелки прояснил знакомый лик – Нить! Она внимательно разглядывала его темными глазами, без единой искорки, удивляясь и восхищаясь тому, что видела перед собой:

– Вот ты какая – благовесть! Гипостазис Червоточина! Демиург мироздания! Властитель Лабиринта!

Она продолжала и продолжала награждать его эпитетами. Их он не понимал, хотя, судя по выражению, с каким Нить их произносила, Минотавр обретал все новые и новые достоинства, немыслимые для иных живых существ. Его это изрядно раздражало, но он не мог прекратить славословие. Каждое слово привязывало его тончайшей нитью к крохотным колышкам, вбитым в почву. Каждую из нитей ничего не стоило порвать, но вместе они скручивались в неодолимую силу крепчайших канатов.

Рядом с сидящей Нитью возникла огромная фигура-без-головы. На ее месте клубилось черное облако. Однако это нисколько не мешало фигуре-без-головы говорить:

– Смешение с лягушкой хуже смешения с быком, не так ли, демиург? Не знаю, поможет ли тебе свирепый облик, но, надеюсь, не зря гипостазировал себя в тебе, и вместе мы отыщем выход из лабиринта, чего бы это ни стоило…

Минотавр хотел спросить, что имеет в виду фигура-без-головы, но темное облако на ее плечах выбросило протуберанец, объявший Нить. Ее нисколько это не обеспокоило, она лишь прижала лицо к коленям, и чернота полностью поглотила отпрыска.

Минотавру казалось, будто на мгновение захлопнул веки.

Однако за крошечный промежуток мир преобразился. Минотавр лежал, полузанесенный черной пылью. Она языками переваливалась через него, поглотив ноги, торс, добираясь до груди и рук. Пришлось приложить силу, вырвать из сыпучих объятий торс, а затем и ноги – одну за другой. Поднявшись, Минотавр осмотрелся и поначалу решил, что сталки и Оракул воспользовались его внезапным приступом сна и сбежали. Никого и ничего вокруг. Только груда хлама на том месте, где возвышался гипостазис.

Это и был Оракул. Вернее то, что от него осталось.

Цепь! Где цепь с пристегнутыми к ней сталками? Осмотрев все вокруг, Минотавр отыскал и ее. Сохранились лишь некоторые участки, два-три звена, сцепленные вместе, да и то – ткни копытом, и развалятся. Кислотные дожди не пощадили металл. Кости сохранились ни в пример лучше.

Ни один из сталков не ушел, не высвободился, хотя, как казалось Минотавру, сделать это было проще простого. Но нет. Он два раза пересчитал костяки, и оба раза счет сошелся.

Все. Все до единого.

Если только это не какой-то обман, иллюзия, галлюцинация, вроде той, что приближалась к тому месту, где возвышался глыбой Минотавр, подняв с поверхности выбеленный череп того, кого при жизни звали Сократусом. Череп таращился на Минотавра пустыми глазницами и скалился, неспособный ответить ни на один вопрос. Гул нарастал, и Минотавр отбросил череп, выпрямился, сжал кулаки, готовый с голыми руками вступить в схватку с атомным танком, похожим на огромного жука из-за выпущенных боковых манипуляторов. Они помогали машине преодолевать глубокий черный пепел, торчали лишь вершины наиболее высоких холмов, удивительно похожих на теменные кости колоссальных черепов, погребенных под пеплом.

6. Адажио Ди Минор

Атомный танк волок разбитый корабль. Минотавр вышел на то место, где должен был пройти танк, и поднял стиснутые в кулаки руки. Однако машина нисколько не замедлила ход, а ее водитель, если он в ней имелся, не обратил внимания на возникшее препятствие. Собственно, для атомного танка даже Минотавр не являлся препятствием. Не отскочи он вовремя, машина прокатилась бы по нему громадным катком, не поперхнувшись. Намотала на широкие гусеницы, растерла в пыль.

Минотавр рассвирепел. Ударил кулаком по борту проносящегося мимо атомного танка (без какого-либо видимого результата), попытался зацепиться за броню (опять же безрезультатно, перчатка скользнула по гладкой поверхности без единого выступа), подпрыгнул, чтобы ухватиться за задний манипулятор (но и здесь промах – получил чувствительный удар в грудь). Когда дыхание вернулось и он, взревев от неудач, поднялся из черного праха, то увидел лишь удаляющиеся искореженные дюзы корабля, он волок атомный танк. На ободе дюз название: «Адажио Ди Минор».

В два бешеных прыжка Минотавр настиг корабль, вцепился в выступы движителя Кузнеца, вскарабкался по спутанной и изрядно размозженной при аварии паутине труб. Несколько раз чуть не сорвался, гидравлика не выдерживала тяжести его тела, прогибалась и рвалась, отчего копыта волочились по поверхности, вздыбливая за собой пыльные следы. Ему все же удалось забраться на округлый бок корабля, и там сделать передышку. Поневоле Минотавр возблагодарил те перемены, какие проделали с ним наноботы, приспособив дышать ядовитой венерианской атмосферой. Затем, работая руками, копытами и рогами, чудовище добралось до люка – архаичной бронированной плиты, а не мембраны. С люком пришлось повозиться. Тут-то как раз и пригодился рог, он подцепил край плиты, просунув его в узкую щель деформации, поднатужился, приподнял, а там пошло легче. Его окутала тьма корабельных внутренностей, откуда давным-давно ушла вода, и коридоры напоминали лабиринт, где поселился обезумевший паук, ткавший паутину везде, где только можно. А как еще назвать непонятные белесые нити, что соединяли потолок и поёлы и лопались с едва различимым звоном?

Паутина липла к рукам, ногам и телу, обвисала на рогах, приходилось не столько двигаться, сколько чиститься от этой напасти. Впрочем, Минотавр был уверен – ничего не

подозревающий примар дотащит его туда, куда он решил попасть – в их пристанище с загадочным названием Тахмасиб.

Пробравшись туда, где располагалась рубка, Минотавр расчистил ее от паутины, втоптал липнущую дрянь в дренажные отверстия поёл, и осмотрел то, что когда-то являлось пультом. Устройство не слишком отличалось от пульта рудоедов, на таких его тренировали в Санаториуме, а также от тех командных панелей, которые Минотавр знал назубок еще по жизни до возвращения. Скрипнув зубами от на миг вспыхнувшей злобы на беспамятство, продолжавшее скрывать часть его существования в черной дыре раздражающей пустоты там, где должны плавать воспоминания, он опустился на то место, откуда вырвали седалище, оставив торчать оголенные провода.

Нечего и думать завести эти останки, вернуть в них хоть каплю былой жизни. Топливный котел не подавал ни малейших признаков функционирования. Гидравлика – что пустыня за бортом. И даже пластины бортового журнала раскрошены в белую пыль. Остается только догадываться – для чего примару мог понадобиться этот обезвоженный труп. Да и не собирался Минотавр куда-либо улетать, по крайней мере, до тех пор, пока не разберется, что творится на поверхности Венеры. Ей предназначено стать новым пристанищем, а она этому столь успешно сопротивляется. Вернее не она, все-таки приписывать планетоиду желания и стремления столь же нелепо, как отрицать существование гипостазисов, утверждая ересь, будто все мыслительные категории существуют исключительно в ментальном мире. И если до сей поры Минотавр склонялся гипостазировать сопротивление планетоида в феноменах местной природы, тех же Красных кольцах и Огневиках, то после встречи со сталками и Оракулом все больше убеждался в наличии у стихии вполне изощренного ума. А кто еще на поверхности обладает им? Примары. И потому долг демиурга проекта вопиет к тому, чтобы Минотавр сам нанес визит этим таинственным примарам, которые раскатывают по поверхности, как по своему дому, и подбирают всяческий хлам, будто жуки-мусорщики.

Тем временем танк двигался по поверхности, мягко переваливаясь через невысокие округлые холмы. Единственное, что удалось Минотавру, так это наладить визуальный поток на уцелевшие в рубке экраны. Внешние сенсоры изрядно высохли, забились пылью и мусором, поэтому проецируемый вид извне тоже получался мутным, искаженным, но для однообразия внешнего мира вполне сносным. Во всяком случае, приближение к Тахмасибу, поселку примаров, Минотавр не пропустит и приготовится к всплытию из недр «Адажио Ди Минор» во

всеоружии.

Однако даже сейчас можно было рассмотреть, что Голоконда вступила в фазу активности – далекие горы окутывались черными облаками, их пронзали огромные молнии, а бортовой самописец подтверждал слабые отзвуки венеротрясения, добегавшие даже сюда. Минотавру показалось, что он видит над изломанным горизонтом яркую точку, будто какая-то звезда фирмамента обрела ослепительную яркость и ее свет пронзил облачный покров Венеры, но затем точка исчезла, оставив Минотавра в неведении – была ли она настоящей или это всего лишь эпифеномен активности Голоконды.

Кстати, об оружии. Смешно предполагать, что на этой рухляди имелся арсенал – для чего? Обычный пассажирский «прыгунец» сугубо транспортного назначения. Но Минотавр, больше для того, чтобы как-то занять себя в путешествии, решил обыскать закоулки «Адажио Ди Минор» – авось попадется нечто смертоносное?

В трюме Минотавр наткнулся на погрузчика, как и все роботы класса «терминус» – громадного и нелепого. Распахнутое чрево машины предлагало занять место водителя, но, примерившись, Минотавр понял – даже для него он настолько велик, будто робот создавался по меркам гигантов. Однако, судя по свежей смазке, блестящей поверхности поршней и функционирующей гидравлике, робот регулярно использовался и находился в постоянной трудовой готовности. Не нужно огромного лба, чтобы догадаться – кто и для чего выгонял его из трюма, например, взять на буксир вот этот корабль. Правда, оставалось неясным – зачем робота заключили именно сюда, но, поразмыслив, Минотавр предположил, что «терминус» не приспособлен для длительных самоходных передвижений, а потому размещен в трюме, чтобы не изнашиваться раньше времени.

Отыскалась еще половина четверти вещей, попадавших под определение интересного и даже необычайного. Первая из них – в кают-компании, занимавшая там практически все пространство и так весьма скудное на кораблях данного типа. Своеобразное сооружение из металла, на трех ногах-тумбах с раздвижными панелями, из-за этого оно было похоже на раковину моллюска. За панелями открывался доступ к рядам черных и белых клавиш. Задумчиво потыкав в них, Минотавр прислушался к доносящимся из недр машины звукам, не лишенным завораживающей силы. Как ни удивительно, но данный предмет ему был некогда хорошо знаком. Более того, он умел с ним обращаться, однако четырехпалые лапы плохо подходили для извлечения звуков, норовя нажать несколько клавиш одновременно. Ничего не

добившись от собственной памяти, Минотавр продолжил изыскания.

Вторая находка, еще более непонятная, обнаружилась в кающе, когда-то явно предназначенной под содержание отпрысков. А иначе для чего в ней мелкий бассейн и огромное количество игрушек? В углу каюты прилепился большой белесый кокон, плотно сотканный из тех самых волокон, что опутывали коридоры корабля.

7. Рождение Нити

Голоконда становилась ближе, обретая дотоле неразличимую соразмерность, становясь похожей на колоссальный биореакторный анклав, обычно такие использовали для выращивания хлореллы или икры. Неизвестные силы, собравшие столь титаническое сооружение, скинули анклав с орбиты Венеры, и оно, пробив толщу атмосферы, рухнуло здесь, взломав поверхность, будто скорлупу яйца. Минотавр думал, что атомный танк примара направляется прямиком в Тахмасиб, никуда не сворачивая, никуда не заезжая. Но просчитался. До поры машина катила по унылой и однообразной поверхности Венеры, и единственное, что несколько разнообразило утопающий в багровой мгле пейзаж, – останки фабрик, они возникали то слева, то справа по ходу танка. Будто неведомый колосс в ярости разметал кубики из набора, найденного Минотавром в отсеке для отпрысков. Почерневшие, обугленные, кое-где отрыгивающие черные клубы мутировавших наноботов, а в большинстве своем совершенно мертвые, заносимые черной пылью, по мере приближения к Голоконде ее становилось больше и больше. Видя, что планетоид сотворил с фабриками, Минотавр глухо рычал, стискивал кулаки и еле сдерживался, чтобы не сокрушить все, что могло попасть ему под рога. Он даже забывал, как и с ним жестоко поступила Венера, перестроив метаболизм так, что он дышал ее ядовитой атмосферой. Венера – злейший враг. И он сделает все, чтобы ее одолеть.

Но кроме фабрик имелось еще кое-что. На Венере от начала ее исследований автоматическими станциями, а затем и пилотируемыми кораблями скопился хлам. Когда атомный танк остановился, Минотавр обеспокоился, что примар каким-то образом обнаружил присутствие на корабле чужого и, не желая допускать его к тайнам Тахмасиба, изгонит незваного гостя из металлической раковины «Адажио Ди Минор». Но упакованная в белый скафандр фигура скользнула с покатого бока атомного танка, по пояс ушла в черную пыль, а затем медленно побрела, будто по океану, к чему-то похожему на огромный моток нити. Лишь вглядевшись в скверного качества изображение, Минотавр распознал в обгорелых останках еще один корабль, торчащий из пыли дюзами вверх, от удара о поверхность дюзы разошлись в стороны, будто ветви или лепестки гигантского цветка. На оплывшем борту различалась надпись «„Ариадна“. Порт приписки Амальтея». Где находится эта самая Амальтея, в каком секторе Кольца астероидов, Минотавр не знал, но, судя по всему, то еще

местечко…

Когда фигурка примара оказалась рядом с кораблем, стало очевидно, насколько не совпадают их масштабы. Минотавр собственным глазам не поверил, списав это на искажения в системе внешнего слежения, но фигурка двинулась по обшивке к разверстому люку, словно улитка по склону горы. Наверное, только толкачи, доставлявшие гроздья грузовых контейнеров из Кольца астероидов, могли тягаться размерами с разбитым кораблем, но ведь и они не составляли единого целого со своим грузом, наоборот – сами по себе были весьма компактны, включая движители Кузнеца и каплю управляющего модуля для пилотов и техников. Те, кто строил подобных монстров, скорее всего не имели никакого понятия о необходимости экономии, черпая материалы щедрой рукой из рудников.

Минотавр наблюдал, как примар ползает по обшивке корабля, но затем ему надоело, и он вернулся к привычному занятию – бродить по переходам корабля, заодно очищая их от остатков нитей, они уже высохли, истончились и лопались от малейшего касания. Каждая его такая прогулка неизменно заканчивалась в особом отсеке, Минотавр называл его «заводью отпрысков», не испытывая при этом никаких ностальгических или сентиментальных ощущений, а лишь потому, что там находилось помимо странного кокона. Он так и не разобрался в его назначении, но подмечал происходящие изменения. Оболочка становилась все более ноздреватой, из пор сочилась жидкость, уходя в отверстия поёл, а сам кокон увеличился в размерах и словно дышал.

На этот раз, завершив прогулочный маршрут опять же в «заводи отпрысков», Минотавр обнаружил, что кокон треснул, обнажив бурую оболочку. Жидкость из него хлестала, не успевала поглощаться дренажем и собиралась в огромную лужу, туда он и вляпался всеми копытами. Поскольку атмосфера внутри «Адажио Ди Минор» была той же, что и снаружи, жидкость не могла быть водой, а являлась, скорее, кислотой. Поёлы и система регенерации кое-как противостояли коррозии, но Минотавр ощутил, как под ним прогибаются изъеденные решетки. Они едва выдерживали его вес и грозили проломиться. Поэтому он остерегся проходить внутрь отсека, оставшись на пороге.

Он взирал на кокон, и ему показалось, что в одном месте рыхлой оболочки возникает и исчезает вздутие. Затем вздутие сместилось, амплитуда увеличилась, будто внутри кокона сидел некто и пытался вырваться из удерживающей его оболочки. Тогда Минотавр ступил на поёлы, включив встроенные в копыта охладители, отчего жидкость загустела, а затем и вовсе

превратилась в хрустящую под ногами корочку, подошел к кокону и, коротко размахнувшись, ударил по оболочке как раз там, куда в очередной раз переместилось вздутие.

Рука легко погрузилась в нечто податливое, слизистое. Минотавр принялся там ощупывать, ухватил нечто живое, похожее на юркую змею, потянул. Дыра разошлась, из нее хлынула ярко-желтая слизь, а то, что он стискивал в руке, отчаянно вырывалось, а затем вонзило острое в палец.

От резкой боли Минотавр взревел, но добычу не выпустил, рванул на себя со всей силой. Кокон лопнул. Слизь с ног до головы окатила Минотавра, но он успел заметить, как в руке извивается нечто, смахивающее на головастика с широко разинутой пастью и зубами-иглами. Пальцы не удержали верткое существо, оно вырвалось, шмякнулось об пол, скользнуло по лужам и, проскочив между копыт Минотавра, исчезло в коридоре.

Осмотрев руку, он увидел в перчатке крохотные отверстия, будто ее пронзили острейшие иглы, легко пробившие защитный слой. Зубы у твари оказались острыми. Если добивать, то копытами, мрачно решил Минотавр. Вынеся тем самым приговор, он приступил к поимке, дабы привести его в исполнение. Однако осмотр отсеков, коридоров, трюма ничего не дал. Тварь в воду канула, хотя четырежды Минотавру показалось – под поёлами кто-то подозрительно шуршит. Сорвав с корнем решетки, ничего под ними не увидел, кроме обычных труб гидравлики, слишком мало там места для зубастой мелкоты, которую предстояло поймать и раздавить.

8. Визит примара

Пока он развлекался подобным образом, обстановка за бортом изменилась. Обыскивая рубку, Минотавр взглянул на экраны и замер. Гигантский корабль окружали атомные танки, точно такие же, какой тащил «Адажио Ди Минор». С выпущенными манипуляторами танки казались букашками, наткнувшимися на лакомый труп крупной рыбы. Позабыв о зубастой твари, Минотавр прикипел к экрану. Его заворожили сложность инженерной задачи и слаженность примаров, ее решавших. Судя по всему, они не в первый раз сталкивались с подобной махиной, а потому действовали по отработанному плану и с невероятной быстротой.

Оказалось, что атомные танки с потрясающей цепкостью могут ползать по обшивке колосса, вытягивая из себя нити такелажа, делавшие их похожими на металлических водных пауков. Несколько раз танк почти срывался с обшивки, но в последнее мгновение ухитрялся зацепиться манипулятором за уже сплетенную сеть, подтянуться и продолжить работу. Наконец находку окутал кокон со свисающими петлями, в них впрягались другие атомные танки и построились в несколько колонн для буксировки.

Атомный танк, на котором был погружен «Адажио Ди Минор», в буксировке участия не принимал, поскольку его груз был и так увесист. Поэтому он стоял на вершине пологого холма, обеспечивая Минотавру лучшее обозрение. Хозяин танка отсутствовал, судя по распахнутому люку. При желании Минотавр мог пробраться в машину и на ней уехать. Но смотреть на происходящее вокруг гигантского корабля было интереснее, и он не желал терять ни мгновения, тем более какой смысл угонять танк, если примар и так везет Минотавра туда, куда нужно.

Единственно, в чем ошибся Минотавр, так это в том, что примару не взбредет в голову заявиться на «Адажио Ди Минор». Хотя находящийся в трюме погрузочный робот позволял догадаться об этом. С найденным кораблем проводилась наиболее интересная и сложная часть операции – гиганту предстояло лечь на целый ряд транспортировочных платформ, настолько узких, что малейшее отклонение грозило промахом и падением находки на поверхность. Минотавр ощутил чужое присутствие, лишь когда примар возник за спиной.

Резко повернувшись к незваному гостю, а говоря точнее – хозяину корабля, Минотавр так же молча разглядывал примара, как и тот его. И когда Минотавр решился было заговорить,

примар повернулся и вышел из рубки. Непрозрачный колпак – зло, решил Минотавр и направился вслед за примаром. Тот шел, не отвлекаясь на осмотр других отсеков, и путь его пролегал к кокону.

«Вот там-то тебя ждет сюрприз», – мрачно подумал Минотавр, вспомнив о сбежавшей и до сих пор скрывающейся зубастой твари.

Примар шагнул внутрь. Помещение не вместило бы их двоих, и Минотавр заходить не стал, нагнулся и заглянул. Увиденное озадачило.

Остатки кокона и слизи бесследно исчезли. Отсек сверкал так, словно его вылизали, и Минотавр понял, кто это сделал. Зубастая тварь. Она как ни в чем не бывало сидела на поёлах и возилась с кубиками. С той поры, как он ее видел, она разительно изменилась. Словно головастик, у которого отрастали передние лапки. Лапки еще полностью не оформились, поэтому существо с трудом удерживало кубики.

Примар присел на корточки, протянул к нему пятипалую перчатку, собираясь притронуться к существу, но быстро отдернул, когда головастик разинул пасть и сделал движение, желая вцепиться в пальцы. Издал злобное шипение. Примар выпрямился, притронулся к левому плечу и резко откинул колпак. Минотавр напрягся. Ему предстояло увидеть, что тот из себя представляет. Но пока перед ним маячил лишь мощный затылок, покрытый редкими иглами рыжих волос с проплешинами голой кожи. Примар постоял, разглядывая неловкую возню существа с кубиками, столь же резко развернулся и шагнул из отсека.

Минотавр впился взглядом в примара, невольно содрогнувшись от непривычного зрелища. Лицо составлено из одних морщин – чрезвычайно глубоких, словно некто взял и скомкал его как бумагу. Носовые отверстия выдавались как при сильнейшей дыхательной инфекции, отчего пазухи вздулись, образовав жутковатый нарост. Но особенно поражали глаза. Вернее, их почти что отсутствие, и Минотавр не сразу понял – этими крохотными отверстиями примар смотрел на окружающее мироздание. Неудивительно, что он не замечал Минотавра, но удивительно как он хоть что-то различал в багровом мареве Венеры.

Однако самое неожиданное произошло, когда примар зашагал прочь по коридору, почти впритирку пройдя мимо Минотавра. До этого мгновения Минотавр не обращал внимания на размеры примаров. Они не казались ему большими, во всяком случае не превышали его собственные. Но сейчас в пропорциях

произошло искажение. Примар резко увеличился в размерах, будто некто крутанул верньер в оптике, делая из крохотной букашки огромное чудище. И Минотавр ощутил себя такой букашкой, которую в любой миг мог раздавить колоссальным ботинком идущий по своим делам примар. Неосторожное движение, и ребристая подошва опустится на Минотавра, а он мнил себя отнюдь не букашкой.

Но вслед за этим пространство вернулось к привычным пропорциям. Примар удалялся по коридору, нахлобучив непроницаемый белый шлем, а Минотавр, глубоко дыша, стараясь избавиться от остатков пережитого страха, бегом вернулся в рубку, чтобы и дальше следить за примаром. Через некоторое время из шлюза спрыгнул в черный пылевой океан огромный погрузочный робот. Внутри робота за управляющими рычагами сидел примар. Однако он не сразу зашагал к найденному кораблю, а повернулся к «Адажио Ди Минор», согнул в коленях опорные манипуляторы, верхние – все четыре – растопырил, приняв знакомую Минотавру позу. Только когда робот двинулся прочь от корабля, он вспомнил – таким образом обычно вызывают на единоборство.

9. Путь к Тахмасибу

Существо не только видело Минотавра, в отличие от примара, но и желало с ним поиграть. Именно так его понял Минотавр, принимая из рудиментарных ручек дырчатый кубик, напоминающий фабрику в миниатюре. Кубик оказался увесист и вряд ли предназначался для головастиков. Поэтому Минотавр второй кубик поднял сам и состыковал их. Кажется, так. Он, конечно, не помнил, как обращаться с подобными игрушками, но руки действовали сами, по наитию. Нелепое существо заверещало от восторга и принялось накручивать вокруг Минотавра круги, неловко выбрасывая голенастые лапы. Оставалось удивляться самому себе – зачем вообще возиться с этой тварью? Но он покинул отсек лишь тогда, когда головастик, утомленный игрой, растянулся на поёлах и уснул.

Вернувшись в рубку, Минотавр увидел, что гигантский космоплав уже лежал на платформах, крепко к ним принайтованный. Атомные танки выстроились перед ним четырьмя колоннами, уперлись в каменистую почву боковыми манипуляторами. Даже отсюда ощущалась их концентрированная мощь, необходимая сдвинуть махину с места. Из-под гусениц извергались перемолотые в пыль камни, манипуляторы впились в почву почти до сочленения, платформы дрогнули и медленно поползли. Многочисленные белые фигурки и погрузочные роботы рассыпались прочь от космоплава, побежали к своим машинам. Танк, тащивший «Адажио Ди Минор», также тронулся с места. Вернуть робота на его место в трюме примар не удосужился.

Теперь все двигались единым строем, и Минотавр мог воочию наблюдать техническую вооруженность примаров, а также их слаженные действия. Если использовать их на терраформовке Венеры, можно не только восстановить большинство фабрик, но и раньше срока дойти до цикла глубоких почвенных преобразований, и поверхность планетоида можно засевать специально выведенными саженцами для формирования плодоносного слоя. Однако сомнительно, чтобы примары подчинились воле Минотавра с той же легкостью, как и сталки.

Минотавр внимательно наблюдал и размышлял, позабыв о еще одном пассажире корабля. Тот сам явился в рубку, вцепился в копыта чудовища и потребовал внимания. Минотавр поразился скорости изменений, происходящих с этим созданием. Оно все больше напоминало разумное существо, а гладкая поверхность головы обзавелась складками – вот-вот появятся глаза и дыхала. В хорошо оформленных лапках головастик сжимал кубики игры

«Собери планетоид». Когда-то и сам Минотавр играл в нее. Нетрудно догадаться, чего оно хотело. Того же, что и любой молодняк, – внимания и игр.

На экране пока ничего не менялось. Тянулась все та же равнина, колонны танков старательно объезжали редкие холмы, даже незначительный подъем мог предельно увеличить нагрузку на тягло, в которое они впряжены, следовавшие за ними одиночные машины придерживались скорости колонны и соблюдали дистанцию. Минотавр решил отвлечься и поиграть с существом.

Кроме набора «Собери планетоид», в детской отыскалась коробка с механическими куклами – стандартный набор из Шута, Ариадны, Нити, Быка, Ткача, Гончара, хотя и побывавших в лапах отпрысков (одной из кукол оторвали голову, но это не сказалось на ее способности двигаться и выполнять простейшие команды).

Однако головастик оказался неистощимым на подвижные игры. Усталость, сон ему были неведомы, и последующие сутки Минотавр то строил из кубиков замысловатые планетарные сооружения и заселял их найденными куклами, то изображал из себя вышедшего из-под контроля робота. Головастик должен был одолеть его в единоборстве, затем они прятались друг от друга в лабиринте коридоров корабля, но головастик непостижимым образом легко отыскивал Минотавра. Когда такое происходило, он издавал жуткий, по его мнению, рев, что существо не пугало, а затем кидался за ним в погоню, громогласно давая обещание схватить и сожрать неуемное маленькое чудище.

Чудище пришло в неописуемый восторг, рвануло от Минотавра с такой скоростью, что только пятки сверкнули. Издав отчаянный вопль – такой, по его мнению, издавал хищник, упустивший добычу, – Минотавр преследовать головастика не стал, а вернулся в рубку, убедился, что вокруг тянется все тот же унылый пейзаж, лег на поёлы и, подсунув под голову толстенный том Феодора «Сингулярность», заснул.

Ему приснилось, что он вступил в бой с непобедимым противником. Враг был огромен, закован в броню, имел огромные кулачища. Если Минотавру не удавалось увернуться, каждый удар отбрасывал его на поёлы с такой силой, что на них оставались вмятины. Минотавру казалось, он превосходит врага ловкостью и сможет уклониться, но каждое попадание все больше рассеивало его иллюзии – бронированный гигант двигался с превосходящей Минотавра скоростью. Тело ломило от ударов. С каждым разом все труднее подниматься, а враг наращивал темп боя, пока Минотавр окончательно не выбился из сил. Воли хватило лишь на то, чтобы перевернуться на живот и встать на четвереньки,

выставив рога и как можно грознее зарычав. Бронированный гигант задрал кулачища, готовясь опустить их на голову поверженного противника, но остановился, ухватился за собственную башку и одним движением снял ее. Башка оказалась всего лишь шлемом, скрывавшим жуткую личину примара. Гигант наклонился к Минотавру и сказал:

– Не ходи в Тахмасиб. Раздавлю, как таракана.

Минотавр даже не проснулся, нет, он пришел в себя после нокаута, причем именно в той позе, в какой стоял перед примаром. На четвереньках, покорно ожидая участи. Тело неимоверно ломило, как после безжалостного избиения превосходящим мощью врагом. А перед ним – фигура, будто примар последовал за ним из сна удостовериться – Минотавр, вняв предупреждению, покинет «Адажио Ди Минор» и отправится прочь от Тахмасиба. Но когда зрение прояснилось, Минотавр понял, что это, конечно же, не примар. Головастик. Точнее, и не головастик вовсе, а вполне оформившаяся особь.

Особь протянула руку и погладила его по маске.

Книга VI. Океан Манеева

1. Собрание

– Я хочу есть, – сказала Нить. – Играй! Ну же!

И Минотавр, удивляясь самому себе, поднял крышку инструмента, посмотрел на черно-белые клавиши, на регулировочные вентили, на изрядно проржавевшие трубки, в них компрессор, тяжело вздыхая, нагнетал жидкость, несколько раз сжал и разжал для разминки кулаки и, посмотрев на Нить, сделал первый удар. Прямым пальцем, вопреки тем инструкциям, которые находила для него неутомимая примарка. В последний раз она притащила кристаллозапись «Искусство игры на рояле». Однако рояль весьма отличался от того, что громоздился в «Адажио Ди Минор». Конструкции инструмента в книжке не приводилось, но пособие учило какому-то несуразному способу игры. Упоминались какие-то молоточки, наковальни и туго натянутые нити. Прослушав запись больше для поощрения Нити, выглядевшей столь усталой, будто притащила кристалл чуть ли не с берега Океана Манеева, Минотавр поставил его на крышку инструмента, больше как украшение, нежели как что-то полезное.

Его пальцы, управляя потоками жидкости в громадном металлическом резервуаре рояля, извлекали из инструмента то, что на музыку, по крайней мере ту, что звучала в кристаллозаписях, мало походило. Минотавру становилось неимоверно скучно, когда он улавливал ритмическую закономерность мелодии, и каждая последующая нота, звук соответствовали его ожиданиям. Он был убежден: настоящая музыка должна удивлять каждым тактом. Ритмы – иметь гораздо более сложную структуру, накладываться друг на друга, резонировать, перетекать из одной периодичности в другую, да так, что уловить закономерность было бы весьма и весьма сложно.

Нить мнения не высказывала, и только потом Минотавр догадался: для примаров музыка – такой же способ питания, как прессованные водоросли для него самого. Не только музыка, конечно, но и книги, изображения, а также любое иное творение. Кто-то рассказывал Минотавру (он не мог вспомнить – кто именно), что проводились эксперименты по изучению воздействия музыки на растительность. И как в том эксперименте водоросли начинали бурно множиться, так и здесь его невольная подопечная заметно подрастала и округлялась, будто вдосталь напитанная хлореллой и ламинариями.

Нить щеголяла в старом скафандре, его Минотавр подобрал в одном из хранилищ Тахмасиба, негоже ей вышагивать голышом –

вид отпрыска, пусть даже и примаров, в условиях адской температуры, радиации и ядовитой атмосферы заставлял его содрогаться. Старый скафандр, выцветший, с еле заметными оранжевыми полосами и гермошлемом, правда, без переднего щитка, оказался Нити великоват, но с такими темпами роста она быстро заполнит его растущей плотью.

Излюбленным местом питания для нее являлась гладкая поверхность кожуха рояля, куда ее усаживал Минотавр, когда Нить была еще маленькой и опасалась спрыгивать оттуда, а потому покорно ожидала, когда наставник, покончив с делами, снимет ее. А чтобы не скучать, она, оказавшись на крышке, спала, раскинув конечности. Теперь же, сохранив позу, она впитывала телом малейшие вибрации инструмента.

– Идем со мной, – раздалось из-за спины Минотавра, когда он сделал перерыв, разминая уставшие пальцы. Минотавр резко крутанулся на металлическом блине седалища и увидел в проеме сдвинутого люка примара – на вид незнакомого, хотя кто разберет. За время пребывания в Тахмасибе Минотавр привык к их жутковатому виду. Здесь они ходили с откинутыми белыми колпаками, но он так и не научился хорошо их различать.

Нить вскочила, посмотрела на примара с высоты инструмента и замотала головой.

– Пора, – с неожиданной мягкостью в голосе сказал примар, подошел к инструменту и, не обращая внимания на Минотавра, протянул к отпрыску руки.

Нить попятилась, еще отчаяннее замотала головой, а Минотавр, с грохотом опустив крышку рояля, поднялся и уперся незваному гостю в грудь. До этого он ни разу не касался примаров и ожидал чего угодно, вплоть до того, что рука пройдет сквозь белесую фигуру и примар окажется всего лишь видением, паром, пузырем. Но четырехпалая ладонь ощутила неодолимое сопротивление, словно Минотавр пытался удержать движущуюся гору. Примар шагнул к инструменту, не заметив, как его пытаются не подпустить к Нити, и, не удостоив Минотавра даже беглым взглядом, протянул к ней руки, подхватил ее, безвольную, и перенес на поёлы. Нить стояла, понурившись. Примар жутко скорчил физиономию, потрепал ее по плечу, взял за локоть и потянул к выходу. На пороге Нить оглянулась и посмотрела на Минотавра как в последний раз.

И Минотавр не выдержал. Он издал оглушающий рев, прыжком одолел расстояние до примара с Нитью, не церемонясь отшвырнул отпрыска, вцепился в примара и опрокинул. Корабль содрогнулся. Минотавру показалось, что палуба перекосилась, но в горячке схватки не время разбираться. Чудовище обрушилось на

примара всей тяжестью. Однако тот невероятно ловко откатился, поэтому удар пришелся по решеткам поёл, с жалобным скрежетом они прогнулись под Минотавром. Ему показалось, он тут же вскочил, но примар опередил его, однако не сделав ни малейшей попытки атаковать – стоял, неловко согнувшись, будто не видя нападавшего. Затем развернулся и исчез в коридоре. Испустив победный рев, Минотавр устремился вслед за противником. Когда выскочил из шлюза и готов был вновь схватить примара, случилось то, что он неоднократно наблюдал – пропорции исказились, фигура примара раздулась до колоссальных размеров. Минотавр резко остановился, подался назад, споткнувшись о трап. Титан шагал прочь от корабля, а поверхность содрогалась от ступающих по ней гигантских ног.

2. Корабль

Только тогда Минотавр заметил нечто еще более невероятное, нежели превращение примара в титана. Он держал за руку Нить, таких же гигантских размеров, хотя между ними сохранялись те же пропорции, как между взрослым и отпрыском. Нить покорно шла с ним и лишь единожды обернулась, будто хотела в последний раз посмотреть на корабль, а может и на Минотавра. Он наверняка казался ей сейчас не больше букашки.

Как? Когда? Почему? Однако в пылу схватки с Минотавром примар так и не выпустил Нить. И теперь вел ее по извилистому ходу Тахмасиба в сторону главного корабля неведомой Минотавру конструкции. Он был похож на черепаху о пяти лапах-носителях, придерживающих колоссальный купол, что покрывал большую часть поселка, раскинувшегося под ним на склонах Голоконды. Строго говоря, корабль и являлся «Тахмасибом». Когда Минотавр, во время обследования поселка, подобрался к нему ближе, то прочитал идущее по краю купола название.

Тем временем проходы заполнялись примарами. Они возникали из древних космоплавов, станций, автоматических танкеток и атомных танков и шли вслед за колоссом и Нитью. Минотавр не видел столько примаров одновременно, и более того – не подозревал, что покореженные останки былого освоения Венеры все до единого служили для них укрытием.

Минотавр двинулся следом. Нить шла за провожатым – подпрыгивая, размахивая свободной рукой и крутя башкой чуть ли не на полный оборот, всем своим видом и поведением демонстрируя уверенность, что с ней ничего не случится. В конце концов она ведь тоже примарка! Но Минотавра не оставляло желание раскусить загадку здешних обитателей и придумать, как их вовлечь в проект терраформовки. Как ни смотри на все их чудачества, лучших кандидатов на обслуживание фабрик не найти.

Облачены примары были по-разному. Белесые скафандры с непрозрачными колпаками не являлись универсальными. Даже наоборот – редким вкраплением в разнообразие пустолазных костюмов, в них щеголяли обитатели Тахмасиба. Собранные из колец, спаянные из бронированных плиток, тканевые и прорезиненные, сверхзащищенные и сверхоблегченные, с полностью прозрачными шлемами и колпаками, только узкая щель на уровне глаз – похоже, все эти примары когда-то штурмовали не один планетоид, а совершенно различные, где физические условия варьировались от адского пекла до вполне

себе мягкого влажного климата, не уступающего комфорту экваториальных лагун.

Но что всех объединяло, так это откинутые на спину колпаки и жутковато морщинистые лица с резко проступающими дыхалами. Минотавр затруднялся называть их родственными существами, хотя подобное изменение внешности можно было списать на действие наноботов, приспособивших организмы примаров к венерианским условиям.

Примары шумно переговаривались, обменивались рукопожатиями и приветствиями, и на слух Минотавра это являлось смешением языков, ни одного он, к сожалению, не знал. Причем по всему выходило, что каждый примар говорил на своем наречии, но они вполне друг друга понимали. Таким образом, Нить, а также забравший ее примар, говорили на понятном Минотавру языке, и это было исключением.

Проходы Тахмасиба складывались в лабиринт. Нависающая над поселком Голоконда отсюда еще более походила на склепанный из грубо обработанного металла анклав, там до сих пор варилась ни на что не похожая жизнь. Если бы не это, Минотавр не смог бы отделаться от ощущения – он вновь оказался в проходах Лапуты. В этой части поселка число мастерских, где примары занимались утилизацией найденных кораблей, становилось больше. В одной из таких мастерских примар демонтировал нечто не похожее на корабль, и Минотавр с изумлением понял, что это гипостазис. Какую категорию он собой воплощал, было уже непонятно, хотя некоторые из узлов функционировали, вращались, стучали, однако демонстрационные экраны уныло стояли в углу мастерской – одни разбитые, а другие с отпечатком черной пятипалой ладони. Минотавр замедлил шаг, чтобы внимательнее рассмотреть происходящее, но примар завершил работу, накинул на полуразобранный гипостазис обветшалый скафандр и влился в общую толпу. А по скафандру лениво пробегали радужные полосы вконец расстроенной мимикрии.

Чем ближе становился главный корабль, тем Минотавр яснее осознавал его истинные размеры. Не верилось, как подобная махина садилась на Венеру с ее бешеной атмосферой, суперротацией и кислотными облаками. Когда Минотавр увидел, что находится на обращенной к поверхности стороне купола, окончательно растерялся – все его инженерные навыки протестовали против увиденного – отражающей поверхности фотонного движителя. Причем, судя по отверстиям в зеркале, это был не прямоточник, использующий для полета космическое излучение, а весьма замысловатый гибрид фотонно-

термоядерного привода: в фокус зеркала впрыскивалась критическая масса делящегося вещества, и его взрыв служил источником разгоняющего излучения. По сути, корабль летел на термоядерных бомбах, и жутко предположить – не садился ли он на Венеру с работающим фотонным движителем?

Корабль окружали ремонтные фермы, шагающие краны, транспортные платформы, груженные многочисленными узлами разобранных примарами кораблей. Нетрудно догадаться: гигант восстанавливался из останков, примары находили их на поверхности и свозили в поселок. Даже сейчас вокруг планетолета несколько кранов поднимали на купол кусок будущей обшивки, а там, куда ей предстояло встать, вспыхивали тусклые огни сварочных агрегатов.

Конечно, Урановая Голоконда сама по себе аномалия. Там сосредоточена подавляющая часть всех венерианских запасов расщепляющихся материалов, внутри горных пород кипят природные ядерные котлы, то и дело взрываясь, когда нарабатывается критическая масса урана и плутония. С блуждающими полями высокой радиации они перемещаются по поверхности словно перекати-поле, ослепляя и приводя в негодность любое попадающее в них транспортно-разведывательное средство. И в эпицентре этого ядерного безумия – приют примаров Тахмасиб. Еще более загадочный, чем все загадки Урановой Голоконды вместе взятые.

Длинные цепочки примаров выстроились к каждой из ракет-тумб, поддерживающих главный купол корабля.

Лифты работали быстро, очередь на подъем сокращалась, и Минотавр пристроился за примаром, облаченным в чудовищно громоздкий скафандр высочайшей защиты, собранный из золотых чешуй, которые посверкивали при малейшем движении. Шлем, похожий на раковину, с щелевыми очками и сложной вязью трубок, он держал под мышкой. По сравнению с телом голова примара выглядела крошечной, и он вертел ею по сторонам, чтобы удостовериться, не окажется ли последним, кто поднимется в корабль. Минотавра он не замечал. Даже тогда, когда они вместе втиснулись в кабинку подъемника и смотреть внутри можно было только на зеркальные стены, где поневоле нет-нет да и наткнешься взглядом на чудовище, взгляд примара блуждал и ни разу не скользнул по Минотавру. Однако дверцы лифта не успели закрыться, как внутри оказался еще один примар во вполне традиционном облачении, с непрозрачным шлемом, откинутым на спину.

– Что за собрание? – неожиданно для себя поинтересовался, не слишком надеясь на ответ, Минотавр.

– Отчет Быкова. – Лицо примара пошло морщинами, что, наверное, являлось проявлением дружелюбия к вопрошавшему. – Распределение квадратов поиска и сбора. Как обычно.

– Как обычно… – эхом повторил Минотавр, несколько ошеломленный, что избавился от покрывала невидимости на своей персоне. Этак его и задержать попробуют, не допустить на сбор примаров.

– На третьем участке нехватка деталей, – вмешался в разговор примар в золотом скафандре. – Необходимо организовать несколько экспедиций. Иначе выбьемся из графика.

– Мы и так из него выбились, – сказал морщинистый и вновь посмотрел на Минотавра, приглашая и его высказаться по существу проблемы. – Придется сдвинуть сроки.

– Сколько можно, – пробурчал золотой примар. – Жду не дождусь, когда корабль восстановят и отправят в полет к светилу. Этот мертвый планетоид порядком осточертел.

Морщинистый издал звук, похожий на скрип, и Минотавр решил, что примар так смеется.

– Разве ты не понял, Улисс, что мы никогда отсюда не улетим? Корабль на вечном приколе!

– Шутишь скверно, шут гороховый, – покачал головой примар. – Ты ничего не понимаешь в строительстве фотонных кораблей. Под руководством главного конструктора Быкова монтаж будет завершен, и мы отправимся на завоевание светила. Зря я что ли парюсь в этой броне. – Золотая чешуя скафандра звякнула.

– Никто ничего не понимает в теории сингулярностей, кроме Манеева, – парировал морщинистый.

Примар намеревался возразить, но лифт остановился.

Прибыли.

3. Быков

Желая стать невидимым, Минотавр молчал на протяжении разговора примаров, а когда лифт остановился, то решил держаться примара, обладающего редким свойством слышать его вопросы и отвечать на них. Они миновали шлюз и оказались в длинном коридоре, опоясывающем главный купол. Вдоль коридора располагалась череда громадных скафандров уже знакомой Минотавру конструкции – собранных из колец и с венчающим их прозрачным колпаком, а за ними – ряд серо-стальных цилиндров, в их колоссальной мощи можно было не сомневаться.

Минотавр остановился около одного из цилиндров, попытался приподнять из ячейки, но его удержало нечто, похожее на полупрозрачные щупальца, прилепившиеся к шершавой поверхности.

– Атомные мины, – бросил примар, взглянув на потуги Минотавра.

Минотавр замер и хотя понимал – такие штуки не взрываются от самого резкого толчка и даже от падения с Лапуты, все же с максимальной осторожностью опустил цилиндр обратно в гнездо. Натянувшиеся было до предела щупальца удовлетворенно чмокнули. Минотавр с уважением осмотрел арсенал. Атомные мины являлись главным экспонатом, но дальше располагалось тоже много любопытного – разнообразное оружие, начиная от автоматов и пулеметов и заканчивая пистолетами, гранатами, ножами. Вопрос: для чего это могло понадобиться на Венере? Получается, данное вооружение кто-то собирался пустить против разумных существ.

Но неожиданно Минотавр получил ответ на незаданный вопрос, так как в кольцевой коридор распахнулся очередной люк, и оттуда вывалилось нечто, сплошь опутанное какой-то зеленоватой шевелящейся мерзостью, похожей на клубок змей. Хвосты тянулись в клубы плотного болотного тумана, застилавшего кессонную камеру. Это нечто обрушилось на поёлы и принялось тяжело ворочаться, разбрызгивая во все стороны столь же омерзительно воняющую грязь. Что-то сверкнуло, шевелящийся клубок разлетелся клочьями. Минотавр разглядел, как из кучи извивающихся обрывков поднимается кто-то в белом скафандре с непрозрачным колпаком, отбрасывает огромный нож, хватает висящий на груди автомат и длинными очередями палит в распахнутый люк.

Делал он это по всем правилам стрелковой науки – слегка

подавшись вперед, уперев приклад в плечо и подогнув ноги, гася, судя по всему, колоссальную отдачу от крупнокалиберного автомата.

Увиденное на шедшего рядом с Минотавром примара впечатления не произвело. Он не кинулся помогать ввалившемуся в корабль сражаться с водорослями, похожими на змей, или змеями, похожими на водоросли, а лишь благоразумно отступил на несколько шагов, позволяя тому вдоволь натешиться борьбой с враждебной биосферой, непонятно откуда взявшейся на безжизненной Венере.

– Пэр! – воскликнул примар, повернувшись к Минотавру. Он с изумлением рассматривал этот спектакль. – Любит эффектные явления!

Выпустив в люк всю обойму, тот, кого назвали Пэром, вытащил из крепления на поясе гранату с длинной ручкой, примерился и швырнул в густое болотное марево и тут же подскочил к люку, навалился на него всем телом, запирая.

– Помочь? – весело крикнул примар, но Пэр справился сам, еще раз подергал рукояти, проверяя надежность герметизации. Отщелкнул шлем, откинул на спину, открывая жутковато морщинистое лицо примара, кивнул стоявшим в коридоре и пошел прочь, на ходу воткнув автомат в оружейную стойку. За ним тянулась цепочка луж, стекавших с испачканного в болотной жиже скафандра.

– В прошлый раз эта червоточина вела в джунгли, – сказал кто-то из примаров, ставших свидетелями появления Пэра. – Говорят, он там отыскал горячие озера с русалками.

– Горячие озера с лягушками, – поправил другой. – И каждую нужно облобызать…

– Зачем?!

– Чтобы в царевну превратить, балда!

– Тьфу, что за напасть! Не люблю лягушек! По мне марсианские пиявки милее!

– И ты, Брут! Ничего вы не поняли, эти самые русалки – как русалки, но только мечут икру…

– Если так и будем здесь стоять, Быков такой икры намечет…

– Может, поэтому Богдан не вернулся, что на такую пиявку набрел. Один автомат только и нашли.

– Не на пиявку, а просто заблудился в лабиринте червоточин. Ариадна сколько раз его нитью снабжала, а он все отнекивался! Пэр и то не гнушается – правда, нить сразу за люком привязывает, чтобы другие не видели. Надменный…

– А ты, значит, видел?

– Мне вот интересно, куда другие люки ведут?

Тем временем примары следовали за гордо удалявшимся Пэром, не посчитавшим необходимым вступать в разговор, а заинтересованный Минотавр повременил. Он подошел к запертому люку, дернул рычаг, осторожно приоткрыл. Там клубился болотный туман зеленоватого цвета. Плескалась затекавшая в кессонную камеру жижа. Выходной люк Пэр так и не удосужился запереть, к нему действительно было прикреплено нечто похожее на тонкую веревку. А затем туда шлепнулось влажное, крупное, похожее на мешок, ощетинившийся крючьями, выглядевший настолько отвратно, что Минотавра передернуло. Ему самому захотелось схватить со стойки автомат и изрешетить болотную тварь.

Вот только откуда здесь болото? Болото на Венере – все равно что ельник на астероиде… Минотавр захлопнул люк перед самой мордой твари, или что там заменяло морду у этого бесформенного мешка с крючьями, и двинулся по коридору, на поёлах медленно высыхали грязные лужи.

В кают-компании, несмотря на огромные размеры, оказалось не протолкнуться. Примары появились здесь раньше всех, им повезло занять несколько рядов шатких седалищ, неизвестно каким чудом, но все же худо-бедно выдерживавших тяжесть упакованных в скафандры тел. Колпаки, шлемы, стеклянные цилиндры и прочие многогранники, служившие вместилищами голов, сидящие примары все как один поставили перед собой, и казалось, что существа свинчивали собственную башку и обустраивали ее неподалеку от себя. А настоящие их крошечные головенки терялись на широких плечах фигур, закованных в латы тяжелых скафандров.

Остальные примары концентрическими рядами выстроились, как на параде или митинге, за сидящими, плечо к плечу, локоть к локтю. Минотавру такой порядок очень пришелся по душе. Сразу ощущалось – собралась не анархическая фаланга-вольница, а серьезная боевая организация. Какую только и должны составлять те, кто поставил себе цель покорить Венеру.

В середине кают-компании имелось возвышение, там сидел примар, примечательный даже по меркам самих примаров. Его фигуру обтягивал белесый скафандр, защитная оболочка была на несколько размеров меньше, чем требовалось, но примар не удосужился сменить его на более просторный. Маленькие глазки так ловко прятались среди складок, что казалось, их и вовсе у него нет, но ровно до тех пор, пока крохотные булавочные проколы не останавливались на ком-то из присутствующих, и тот принимался беспокойно шевелиться.

– Быков… Быков сам… Быков… – доносился до Минотавра

шепот примаров.

– Прежде – о деле, – сказал Быков. – Сбор останков кораблей продолжается ударно. Монтаж «Тахмасиба» идет с небольшим опережением графика… – Кают-компанию наполнил гул, и Минотавр с завистью оценил его как одобрение. – Товарищи, с материалами недостатка нет, как случалось на начальных этапах, когда приходилось использовать такое, что хотелось плакать навзрыд. – Редкие смешки и очажки аплодисментов отметили шутку примара. Даже Минотавр не мог представить Быкова рыдающим. Даже над телом трагически погибшего товарища. – Однако с чертежами «Тахмасиба» возникает необъяснимое торможение. Группа конструкторов?

– Здесь. – Минотавра бесцеремонно пихнули в спину, и ему пришлось подвинуться. Троица выступила из плотных рядов примаров. – Мы хотели заявить…

– Не надо заявлять, Брут, – поднял руку Быков. – Надо делать дело, и делать в срок.

– Вы же понимаете, Быков, – продолжил тот, кого назвали Брутом, – у нас связаны руки поступлением сигнала… Группа приема и раскодирования снабжает нас благовестью…

– Благовестью? – переспросил Быков. Вновь раздались редкие смешки.

– Это мы так называем, – отозвались из толпы. – В приеме сигнала возникают паузы, приходится ждать! Делаем все возможное, Брут. Будут вам сигналы, будут!

– Хорошо, – кивнул Быков. – Заодно благодарю группу Дружинина за доставленные в Тахмасиб корабли. Алхимики клянутся, что только этого им не хватало для завершения мезонного покрытия зеркала.

– На «Альграбе» уцелели контейнеры с анамезоном, – сказал Дружинин, и Минотавр признал примара, нашедшего «Адажио Ди Минор».

– Да уж, – выкрикнул кто-то, – это лучше, чем рояль!

И вновь смех, аплодисменты.

– Ничего, ничего, – сказал Быков. – Музыка не помешает. Установим рояль здесь, в кают-компании, и в полете будем музицировать. Исполнять музыку небесных сфер.

Затем, когда посторонние шумы в кают-компании стихли, Быков продолжил совершенно иным тоном:

– Товарищи… – Остановился. Замолк. Лицо еще более сморщилось. Будто что-то не давало говорить. – Товарищи, – голос зазвучал громче, а потом набрал силу, мощь и легко перекрыл все посторонние звуки, наполнявшие кают-компанию, будто вся машинерия «Тахмасиба» даже сейчас продолжала

работать. – Товарищи, с прискорбием сообщаю, что подтвердились наши худшие ожидания…

Вновь тишина. Примары как статуи стояли безмолвно и неподвижно, и Минотавр внезапно осознал собственное одиночество среди них. Раньше рядом была Нить, о ней приходилось заботиться, а теперь неприятное и никогда ранее не испытанное чувство захлестнуло с кончика рогов до основания копыт.

– Мы надеялись до последнего, – продолжал Быков. – Обыскали каждую пядь земли в Черных скалах, подавали сигналы, вызывали по рации, но безрезультатно. Был найден лучевой автомат Богдана, это дало нам надежду, но… – Быков обвел стоящих примаров взглядом. – Я знаю, многие против сворачивания поисковой экспедиции. Я знаю, некоторые самочинно остались и продолжали поиски на собственный страх и риск. И я разделял их чувства, не хотел мириться с очевидным – он был мертв на вторые сутки. Без подкрепления никто из нас не протянет больше. Но так сложились обстоятельства, тело найдено случайно и не там, где мы до сих пор искали… Так случается, увы.

Легкое шевеление прошло по рядам примаров. Один из сидящих в первом ряду даже наклонился вперед, готовый вскочить на ноги, но Быков вскинул руку, призывая сохранять спокойствие и порядок.

– Тело доставят в Тахмасиб к вечеру. Прошу Пэра заняться этим. Лично.

– Хорошо, командир. Я займусь этим лично, – ответил, надо полагать, Пэр. Голос молодой, с хрипотцой.

– Завтра проведем церемонию погребения на Хребте Погибшего Космонавта. Собственно, это все. Предлагаю завершить и заняться делами. Остаться прошу членов погребальной комиссии.

Быков опустил руку, примары задвигались, зашептались, а затем потянулись к выходу из кают-компании.

Минотавр отодвинулся от люка и разглядывал проходящих мимо примаров, пока кто-то не взял его за руку.

Нить!

– Пойдем, – сказала примарка. – Пойдем домой. Но прежде захватим одну штуковину.

4. Хребет Космонавта

Нить бодро шагала и даже что-то напевала. Слова тонули в гуле Урановой Голоконды и отрывочно доносились до Минотавра. Он тащился следом, взвалив на плечи цилиндр атомной мины. Ноша оказалась неимоверно тяжелой, особенно когда приходилось преодолевать крутые склоны, а тропа состояла почти только из них. Тахмасиб отсюда превратился в вырезанную в скалах чашу, переполненную древним металлическим хламом разбитых кораблей.

Примарка останавливалась и поджидала Минотавра, пока он, изрыгая клубы дыма из решеток охладителей, добирался до нее, однако не давала ему ни мгновения передышки и тут же продолжала подъем. Минотавру хотелось ее пришибить. Чем угодно. Хотя бы стальной тушей атомной мины, которая так давила на плечи, будто он держал небесный свод.

– Колено Космонавта, – прервала пение Нить.

– Что? – Минотавр не понял, к чему относятся ее слова, и решил, что к нему, колени действительно подгибались.

– Название горы, – пояснила Нить. Она встала на самом крутом месте тропы, повернулась лицом к Минотавру и широко развела руки. – А вся горная цепь именуется Погибшим Космонавтом, понимаешь?

– Понимаю, – пробурчал Минотавр, воспользовавшись остановкой чтобы перевести дыхание. – Очень понимаю. Он тоже тащил на горбу атомную мину.

Нить и здесь не удосужилась нахлобучить на голову шлем скафандра, заливисто рассмеялась. Наклонилась, хлопнула себя по бедрам.

– Какой ты веселый!

Минотавр взгромоздился на небольшой приступочек рядом с ней и внимательно оглядел окружающие пики Урановой Голоконды.

– Мы поднимемся до той вершины, – показала Нить. – Спустимся по Бедру Космонавта, там плато, а за ним наша цель – Голова.

– Чья голова?

– Космонавта. Здешние горы все так называются, – объяснила Нить. – Правое Колено Космонавта, Левое Колено Космонавта, в-о-он там, отсюда плохо видно. Совсем низкие холмы – Пальцы. Указательный Палец, Большой Палец… – Примарка перечисляла вершины, хребты, ущелья, кем-то названные, скрупулезно сообразуясь с частями тела, словно они с Нитью крошечными

жучками ползли по раскинувшемуся на поверхности Венеры окаменевшему мертвецу.

И Минотавр вспомнил – на подъезде к Тахмасибу, когда он разглядывал предгорья Урановой Голоконды, ему показалось, будто в их очертаниях есть нечто узнаваемое, не хаотичное нагромождение выпертых из недр Венеры геологических образований – древний след столкновения с метеоритом из антивещества, а упавший с небес космонавт в громоздком скафандре, навечно закаменевший в смерти. Тогда сравнение показалось чересчур безумным, но теперь сложилась мозаика из виденных во время прогулок вокруг Тахмасиба мест.

Перевалив через Правое Колено и вновь сделав короткую передышку, стали спускаться на плато. Ощущение будто они бредут по окаменевшему телу крепилось, и Минотавр пытался представить – что откроется в том месте, где он заложит атомную мину и взорвет ее? Все те же камни или плоть? Нить бодро шагала впереди, опять напевая, но голос тонул в громыхании Урановой Голоконды.

То, что Нить назвала Животом, оказалось не ровным плато, а складчатой, ребристой поверхностью. Здесь также поработали тектонические силы, глубина складок увеличивалась по мере продвижения вглубь плато, и вскоре они брели по запутанному лабиринту – хаосу трещин, прорезающих Живот. Минотавр безропотно следовал за Нитью. Ход, один из множества, разбегающихся в стороны и среди которых примарка каким-то наитием выбирала нужный, но наименее подходящий для Минотавра с атомной миной на плечах, сузился так, что пришлось взгромоздить цилиндр на одно плечо. Стало гораздо тяжелее и неудобнее. С усталостью вернулась злоба.

– Мы тут заблудимся, – прорычал Минотавр в спину Нити. – Или уже заблудились.

– Не заблудимся, – отмахнулась Нить. – Я иду по вешкам.

– Не вижу никаких вешек!

– А они есть! – воскликнула Нить со смешком. – Во-он там, – протянула руку, – и во-он там.

Минотавр попытался проследить взглядом, но ничего, кроме черных склонов, окаймляющих извилистый проход, не увидел.

– Бездна тебя забери, – выругался.

Нить повернулась к нему и теперь двигалась спиной вперед:

– Не видишь потому, что ты не примар. Мне говорили, только примары могут видеть все, и я думала, раз ты примар, то эти знаки разглядишь сразу, настолько они приметные. Они точно тебе понравятся.

– И что в них приметного? – буркнул Минотавр.

– То, что вешки сделаны из не-примаров. Понимаешь? Из тех, кто пришел в Тахмасиб, а их не звали.

Минотавр даже запнулся. Остановился. Внимательнее осмотрелся. Представились фигуры, точнее – иссохшие останки, служившие в последнем предназначении указателями движения сквозь лабиринт щелей и трещин. Показалось, будто узрел их – во множестве и разных позах, по большей части неестественных, будто смерть оказалась мучительнее жизни. Но чем пристальнее вглядывался, тем больше деталей открывалось. Среди останков возникали искореженные роботы-первопроходцы, их сотнями гнали на завоевание Голоконды. Они здесь гибли теми же сотнями, проваливаясь в подземные атомные котлы, попадая в окружение Красных колец, плавясь в утробе чудовищных Огневиков, но упорно продвигаясь вперед и вперед, вгрызаясь манипуляторами в радиоактивную почву, устанавливая вешки для тех, кто шли за ними, расчищая площадки для посадки грузовых транспортеров, и снова вперед – ломаясь, плавясь, проваливаясь, сгорая, отдавая металлические жизни во славу первопроходцев… Минотавр даже боднул башкой, избавляясь от видений завоевания Голоконды. Это помогло, остались только Черные скалы, глубокие трещины, в них струился ручьями и водопадами черный песок, устилая дно хрусткой массой.

Нить подошла к Минотавру, посмотрела снизу вверх:

– Прости. Я не хотела так шутить. Мне самой здесь не нравится… кажется это все он… ну, тот космонавт, который упал… а вокруг, – его мысли… будто то, о чем он думал перед смертью, обрело жизнь… а примары – его воспоминания о тех, кого он знал… Понимаешь?! То, что ты не примар, это… это хорошо! Не хочу быть чьей-то мыслью! – Звонкий голос стал еще звонче. Эхо раскатилось, отразилось, зазвучало со всех сторон, казалось, одновременно крикнул десяток Нитей.

Она раскинула руки, будто собиралась его обнять за талию, Минотавр отшатнулся, цилиндр атомной мины качнулся назад, и он чуть не опрокинулся на спину, а бедовый отпрыск рассмеялся, отскочил, развернулся на пятке и зашагал по извилистой трещине черного лабиринта.

5. Ключ

Когда они вновь выбрались на поверхность плато, Минотавр наконец-то разглядел голову Погибшего Космонавта. Осколки мозаики сложились в мозгу. Вот узнаваемые очертания шеи, прорезанной мощными венами и с выступающим кадыком, задранный массивный подбородок, мешанина складок и выступающее дыхало – все то, что отличало примара даже в его каменном послесмертии. Минотавр поежился от столь непомерного сходства стихийного порождения тектонических сил с живым существом. Примаров с оговорками можно назвать живыми, но все-таки… Кроме того, плато испещряла уйма червоточин, над которыми курился дым, похожий на тот, что рождали фабрики, выбрасывая в атмосферу Венеры наноботы. Но здесь это результат активной внутренней жизни Голоконды, она прорывалась на поверхность фугасными взрывами, оставляя червоточины. В одну из них Минотавр заглянул, но разглядел лишь багровый отсвет, скорее всего лавы, текущей по артериально-венозному лабиринту Космонавта.

Нить выбрала еле приметную тропку, опять ведущую круто вверх. Минотавру стало не до окружающих красот. Приходилось сгибаться к склону, чуть не цепляя рогами лежащие там и тут валуны. Атомная мина вела себя будто живая, выбирая наиболее сложные отрезки, чтобы в очередной раз попытаться вырваться из рук. Выпусти Минотавр стальной цилиндр здесь, лежать тому в пропасти, откуда мину не выковырять никакими усилиями.

Подбородок Космонавта нависал над ними неприступной горной цитаделью. Без дополнительного снаряжения туда не забраться. Разве поблизости окажется атомный танк с выпущенными боковыми манипуляторами и поднимет их туда, где начиналось Лицо. Нить остановилась, озираясь по сторонам, возможно, этот самый танк и выискивая, а Минотавр с глухим рычанием скатил стальной цилиндр с плеч, установил его вертикально и для пущей надежности оперся на его плоский срез с прикрытым мембраной детонационным отверстием. Сами детонаторы позвякивали у Минотавра в кармане. На всякий случай он запасся тремя штуками – запаянными в эбонит штырями с его ладонь величиной.

– Куда теперь? – поинтересовался у Нити, которая впервые за время пути выглядела растерянной. Будто и впрямь потеряла направление, хотя дальнейший путь ясен и головастику – минуя Подбородок, на Лицо Космонавта.

– Туда, – тем не менее указала Нить. – Только не пойму –

как… Ты по отвесной скале ползать умеешь? У тебя руки к камням приклеиваются? Как у геккона?

Кто такие гекконы, Минотавр не знал, но был уверен, что таких дарований у него нет. Руки к камням не приклеивались. Насколько он помнил, во всяком случае.

Правильно расценив его молчание, Нить пожала плечами, подошла к отвесной скале, потрогала, ощупала.

– Рванем здесь, – предложил Минотавр. – Мощности хватит разнести не только Голову, но и остальные части тела.

– Ты не понимаешь, – ответила Нить. – Взрывать можно только там. И проход откроется только там…

Минотавр сильнее оперся локтем на стальной цилиндр. Начинать старый разговор здесь, когда они почти добрались до назначенного места, не хотелось. Отговорились еще на «Адажио Ди Минор», когда Нить заявила, что нужно уходить и уходить туда, куда просто так не попадают. На берег Океана Манеева.

Берег Океана Манеева.

Минотавр тогда растерялся. Не мог решить – говорит Нить серьезно или ей стукнула в голову безумная идея, сулящая Минотавру море проблем. И еще он подумал, что под Океаном Манеева Нить понимает нечто иное, нежели он сам. Такое возможно, когда дело касается потустороннего посмертного существования, и отнюдь не гарантировано, что кто-то знает больше.

– Я снова не хочу умирать, – заявил Минотавр, крутанулся на вертящемся седалище перед роялем и ударил по клавишам прямыми пальцами, стараясь извлечь из инструмента нечто импровизационно-жизнеутверждающее. – Подыхать – скверное занятие, – еще раз повторил на другой тональности.

– Никто не желает умирать. – Нить ловко забралась на рояль и прижалась всем телом к резонирующей пластине, поглощая мелодию. – Поэтому попасть туда нужно живыми.

– Абсурд, – сказал Минотавр. – Нельзя умереть и остаться живым. Или у вас, примаров, иной Океан Манеева? – Минотавр впервые открыто назвал Нить примаркой. Он понимал – она не случайно заговорила об этом. Через Нить с ним говорил весь Тахмасиб. Предъявлял ультиматум. Или проваливай в Океан Манеева, либо… а вот что либо – Минотавр не знал и знать не хотел.

– Я разузнала путь, – легкомысленно сказала Нить. – И проведу тебя. Остальное придется делать самому.

– Например?

– Возьмешь с «Тахмасиба» ключ, который откроет тебе… нам путь.

По-разному Минотавр представлял себе то, что Нить называла ключом и всячески уклонялась его описать, мол, Минотавр сам поймет, когда увидит собственными глазами.

– Он гладкий, – только и смог он добиться от нее качественной характеристики предмета, остальные параметры – вес, цвет и даже форма в изложении Нити представлялись столь же изменчивыми, как рост примара. Минотавр все же составил для себя приблизительную картинку того, что претендовало на роль ключа к Океану Манеева, но картинка оказалась вдребезги разбита после долгих скитаний по пустому «Тахмасибу». Тут Нить с радостным воплем подскочила к стоявшим вдоль стен оружейного отсека цилиндрам, обхватила один из них и попыталась вытащить из гнезда, невзирая на мигающий индикатор магнитного запора.

– Ну и ключик, – только и смог вымолвить Минотавр, прикидывая мощность атомной мины. Маркировка оказалась ему непонятной, но с учетом размера и веса заряда вполне хватало испарить гору средних размеров. Или фабрику. Похоже, тот, кто объяснил Нити, как пробраться на берег Океана Манеева, подразумевал вполне традиционный способ, но исполненный с изощренной сложностью. Зачем тащиться куда-то с атомной миной и там ее детонировать, когда вполне достаточно взять со стойки автомат и изрешетить сначала примарку, а потом и себя?

6. Мина

Кончать самоубийством Минотавр не собирался, а потому оставил в потаенном уголке сознания крохотную заводь надежды, что Нить действительно знает, как пройти в нужное место, не распавшись на атомы. И данный уголок сознания активировался, когда Нить подошла к скале, еще раз оглянулась на Минотавра, мол, смотри как надо, задрала ногу, упершись тяжелым ботинком в скалу, и сделала шаг, тут же встав горизонтально отвесной поверхности.

– Бездна тебя поглоти! – только и вырвалось у Минотавра, увидевшего столь чудовищный градиент тяготения. Он вновь взвалил цилиндр на плечо и повторил все так, как продемонстрировала Нить, не испытав ни тошноты, ни головокружения. Даже атомная мина покоилась в его объятиях как влитая.

Страна чудес только начала изливать на них свои чудеса. Они погрузились туда с того мгновения, когда у них нашелся к ней ключ в десяток килотонн. Искаженный вектор гравитации оказался лишь легким питьем перед основными блюдами.

Минотавр никогда не видел столько гипостазисов сразу. Они стояли повсюду, похожие на нелепые статуи, двигаясь, вращаясь, изгибаясь, издавая столь ужасающую какофонию, что непонятно, почему безумие звуков они не услышали. Пропорции искажались еще более чудовищным образом, чем в Тахмасибе. При этом вовсе не требовалось приближаться к кому-то из гипостазисов – они беспричинно увеличивались до колоссальных размеров, ухитряясь не задевать соседей, будто вместе с ними увеличивался тот лоскут поверхности, на котором они стояли.

Но хуже оказались Красные кольца, в изобилии тут водившиеся. Они скользили между гипостазисами, гораздо более яркие, чем уничтожавшие фабрики. Их размеры также варьировались – некоторые поместились бы у Минотавра на ладони, другие, встав вертикально, возвышались до багровых туч, их обтекали огненные арки, тем самым подтверждая, что изменение размеров – не кажимость, а физический факт.

А там, где есть Красные кольца, не обойтись без Огневиков. Поначалу Минотавр не видел ни одного, но когда решил, что они здесь не водятся, из промежутка между гипостазисами надулся великолепный экземпляр – оболочка сверкает, сквозь нее просвечивают многогранники, а пальцы-отростки перебирают по поверхности, толкая огромное тело в сторону пришельцев.

От одного их вида Минотавра пропитал холод. Он крепче

обхватил цилиндр атомной мины, опасаясь не удержать и взорвать боезаряд тут же, не дожидаясь прибытия в назначенное место. Нить, заметив его состояние, сказала:

– Не бойся, они добрые…

В подтверждение слов примарки чудовищный Огневик осторожно подобрался к ней, и когда пылающая оболочка вот-вот должна была поглотить отпрыска, Огневик замер и протянул Нити одну из опорных ложноножек. Скрытые под сверкающей оболочкой многогранники вспыхнули ярче, полупрозрачное тело пульсировало, а Нить засмеялась, схватила Огневика за протянутую ложноножку, и тот, внезапно оттолкнувшись от поверхности остальными конечностями, медленно воспарил. Ложноножка натянулась, и Минотавр увидел, как Нить тоже оторвалась от поверхности, задрыгала ногами, помахала ему свободной рукой. Он только пасть разинул. То ли мину кидать и стаскивать примарку обратно, то ли… Но додумать не успел – Огневик мягко опустился.

– Они так играют, – сказала Нить, отпустила пылающий шар. – Они очень любопытные, везде им нужно сунуть свой нос.

– Фабрики они тоже из любопытства разрушают, – проворчал Минотавр, недобро наблюдая, как отпущенный Огневик плывет дальше своею дорогой. Если тут их гнездовье, то шарахнуть по нему атомной миной – не такая уж пустая затея.

– Тебе надо обязательно попробовать. – Нить схватила еще одного Огневика и запустила его в Минотавра, да так ловко, что он, отягощенный ношей, не смог уклониться.

– Что ты… – взревел было Минотавр, но вдруг обнаружил, что вокруг ничего нет – он висел в пустоте, и в ней мерцало крошечное светило. Мерцание стало ярче, светило увеличивалось в размерах, и Минотавр различил тончайшие нити, казалось, некто сплел вокруг источника света тончайшую паутину. А то, что это светило, Минотавр знал, знал совершенно точно, как и то, что сотканная вокруг паутина – колоссальное астроинженерное сооружение, созданное для превращения источника света в сверхновую. Те, кто так изменял собственное светило, шагнули неимоверно дальше в своем развитии и в освоении сил, управляющих мирозданием. Пожалуй, Минотавр мог их понять, как и они могли понять Минотавра в той фазе его развития, когда он являлся демиургом проекта терраформовки и пытался вылепить из огненной глины Венеры пригодный для жизни планетоид. Но сейчас он знал точно – превращение своего источника света в сверхновую являлось заключительным актом величайшей драмы развития цивилизации. Для нее наступал закономерный этап в мгновенной и грандиозной вспышке

передать свое величайшее сокровище дальше по эстафете времени и пространства. Так, как их далекие предки получили часть этого дара от иной смерть-цивилизации…

– Ну как? – жадно спросила Нить. – Что видел?

Минотавр стоял на том же месте, где его застиг Огневик, но теперь это создание медленно отплывало прочь, прервав видения. Он злился на примарку за то, что играючи напустила на него Огневика, и сожалел, что не удалось увидеть в действии творение неведомых демиургов, взявшихся за небывалое – перестроить собственное светило в сверхновую. Что по сравнению с этим терраформовка какого-то там планетоида? Не больше, если не меньше, чем игра отпрыска в кубики по сравнению с преображением Венеры.

– Пошли, – взрыкнул Минотавр. – И больше так не делай. Иначе башку откушу.

Нить хихикнула.

Минотавр понял – они добрались до места, где предстоит пустить в ход атомную мину. Это оказался полигон, оборудованный для эхозондирования, такие раскиданы по Венере еще со времен составления подробнейших карт ее недр. Главное его отличие от сотен подобных – архаичный метод зондажа путем детонирования ядерного заряда. Мало того что такой способ не являлся эффективным, но здесь, в горах Урановой Голоконды, он вполне мог активировать блуждающий подземный атомный котел, и тот бы многократно усилил выброс радиоактивных газов и превратил местность в пылающее озеро.

Зондажный шурф выделялся, как и полагалось, выступом герметизирующего люка с громоздким гидравлическим замком. Вид шурфа изрядно потрепанный, похоже, он пережил с десяток подземных детонаций. Звездчатые выбросы из-под люка тянулись на сотни шагов, стоило на них наступить, как они хрустели, прогибались, казалось, под ногами не твердая поверхность, а болотистая субстанция. Минотавр шел с осторожностью, опасаясь провалиться в одну из каверн, а Нить, не дожидаясь его, возилась с крышкой. Когда он подошел, все оказалось готово принять цилиндр мины – люк сдвинут, бездонное отверстие зрачком уставилось в зенит. Минотавр, несколько замешкав, прежде чем расстаться с ношей, вдруг сообразил, что это глаз и есть. Ведь если посмотреть на местность с высоты, то впереди высится широкий бугор глазницы, дальше еще одна возвышенность – лоб, справа выпирает гребень примарского дыхала, а из остальных складок возникает лицо примара.

– Ну, что же ты? – Нить притопнула от нетерпения. – Давай!

Минотавр ослабил хватку, и стальной цилиндр скользнул в

отверстие. Но не успел он и дух перевести, как Нить вскочила на край шурфа, села, свесив ноги, оттолкнулась руками и исчезла вслед за миной. Минотавр ошалел. Такого безумия он не ожидал. Перегнувшись через край, Минотавр попытался что-либо рассмотреть, но шурф словно заполнялся вязкой субстанцией, он даже рукой поводил, убеждаясь в недолговечности тьмы.

– Эй, – опасливо произнес Минотавр, – ты где?

– Здесь! – сообщил близкий голос Нити. – Не стой столбом, прыгай! И люк не забудь прикрыть… у него автоматические защелки…

Прыгать вслед за атомной миной Минотавру не хотелось. Но и оставаться не имело смысла. Поэтому он, удивляясь самому себе, сделал все так, как сказала Нить. Пришлось упереться в стенки шурфа копытами и спиной, чтобы загерметизировать крышку, а затем схватиться за внутренние скобы люка, повиснуть, все еще колеблясь – падать или нет, но все же решиться, разжать пальцы и полететь в разверстую бездну.

7. Червоточина

Минотавр пребывал в пустоте и тишине. Как тогда, когда его поглотил Огневик. Вот только никакой звезды. Только пустота и тишина. И то, и другое – осязаемы. Он не понимал, как такое возможно, но пустота и тишина воспринимались на ощупь, кожей. Что можно узреть там, где нет ничего, и слышать там, где царит тишина? Он чувствовал: здесь кто-то есть. Будто некто или нечто разглядывало его откуда-то издалека, как весьма далекую, но очень и очень любопытную звезду. Или икринку. А может, как то и другое – одновременно… В детстве он слышал историю, будто каждая звездочка в небе – крохотная икринка, она ждет своего времени, чтобы спящее в ней существо проснулось и разорвало оболочку.

Как он здесь оказался? Поверхность забытья только и ждала этого вопроса. Воспоминания хлынули потоком – все сразу, одновременно, и только теперь Минотавр осознал, насколько был пуст. Всего лишь полая форма, воображавшая себя полноценным существом. Пасифия, Ариадна, Земля, Лапута, Санаториум, Брут, детство, фабрики, терраформовка… Он мог окинуть все это одним взглядом, как деления на линейке – времени не существовало, а имелся набор картинок, разложенный перед ним. Весь сразу.

Он продолжал вспоминать – то, что случилось не с ним, его тогда не существовало, случилось за пределами условного нуля, обозначенного рождением, – поколения тех, кто оказался раньше, еще раньше, еще. Они вереницей проходили сквозь Минотавра, похожие на воздушные пузыри подводных городов, какие строят прирученные пауки-плавунцы, и он делал вдох каждым поколением и узнавал – это же я! И это тоже я! И вот он я! Будто вся предшествующая история – непрерывная цепочка возрождений единственного героя, подлинной личности, а все и всё – лишь иллюзия. Нет и не существовало никого, кроме запертого в лабиринте времени Минотавра, воплощенного в цепочках искусственно и искусно сконструированных цепей ДНК…

А затем исчезло и осознание собственного Я, будто смытое океаном времени, осталось лишь нечто примитивное, трепещущее, пугливое, настолько мелкое, что в нем не могла уместиться личность падающего в бездну прошлого Минотавра…

Падение завершалось. Минотавр вынырнул из вязкой темноты, ушел из поля зрения кого-то огромного, холодного и презрительного, что рассматривало его с брезгливым

любопытством, как рассматривают в микроскоп особо вредный штамм. Но у пустоты обозначился низ. Там, под ногами. И теперь лучше приготовиться. Минотавр подобрался, сжался, как и полагается перед приземлением.

Меньше всего он ожидал вновь оказаться среди гипостазисов. Механизмы категорий заполняли все обозримое пространство самодвижущимися статуями, какие он видел в музее, куда его затащила против воли Пасифия…

Пасифия?

Гипостазисы обступали со всех сторон, необъяснимые и по большей части – вышедшие из рабочего состояния. В них что-то еще двигалось, гремело, испускало пар, плевало маслом, но печать забытья лежала на них. И внезапно он увидел среди них фигуру, сжимавшую коротенькую палочку. Поймав взгляд Минотавра, она произнесла:

– Я всего лишь пытаюсь ими дирижировать. Это не так просто, уверяю вас. А где же Алиса, что завела вас в червоточину кроличьей норы в надежде вывести в Страну Чудес?

Минотавр огляделся, Нити не было.

– Впрочем, могу ошибаться, – заявила фигура, палочкой она не переставала размахивать, а гипостазисы закружились, подчиняясь ей. – Я припоминаю, что Зевс родился из головы Юпитера… Кстати, если встретите Червоточина, передайте: он некудышный бог! Определяющая теорема бога: необходимо и достаточно творить из ничего, подчеркиваю – из НИЧЕГО! Он же – жалкий плагиатор, присвоил сначала теорию, затем благовесть, а теперь вообразил себя всемогущим… Передайте, обязательно передайте!

– Эй… Эй! – Громко, еще громче, но звук гас в вязком воздухе. – Нить! Где ты?!

У него крепло ощущение – примарка здесь, рядом, протяни руку и прикоснешься к ней, она пряталась в его слепом пятне, решив вспомнить детские игры. Этими забавами она изматывала Минотавра на «Адажио Ди Минор». Он улавливал на краю зрительного поля неясную тень, ускользавшую при попытках сфокусироваться на ней. И тогда Минотавр широко развел руки, пригнулся, захлопнул веки и закружился на свободном пятачке между гипостазисами, будто загонял стайку резвых рыбешек. Кажется, именно так Нить учила его играть в одну из своих загадочных игр. Благо вокруг больше никого, а потому никто не мог видеть его нелепых движений. Во всяком случае так казалось, пока скрипучий голос не произнес:

– Детский сад, не находите, коллеги?

– Они все с причудами, – немедленно отозвался другой, не

менее скрипучий, но с примесью похожего на одышку свиста.

– Выбирать не приходится, – вступился, кажется, третий. – Чересчур долго ждали, чтобы быть разборчивыми.

– Выбор есть всегда, – это опять заговорил скрипучий первый.

– У таких, как он? Полноте, коллега! Или вы действительно не желаете понимать – в чем предназначение его и таких, как он? У них есть цель и задача, ради этого они и сотворены.

Минотавр замер в неудобной и нелепой позе, все так же зажмурившись, желая скрыть, что слышит разговор. Затем выпрямился, открыл глаза и вновь его окружила вязкая тишина с редкой взвесью скрипа и лязга древних гипостазисов.

– Кто здесь? – спросил он, повторил громче, а затем заорал так, что огромное, медлительное эхо волной покатилось между рядами необыкновенных фигур. Он шагал среди них, затем бежал – тяжело, неуклюже, топая копытами. Густой пар из носовых щелей тянулся за ним, словно в нем пыхтел невообразимо древний паровой двигатель.

8. Встреча

Ряды гипостазисов не имели пределов. Чем дальше он бежал, тем более нелепые формы они принимали – неузнанные, непонятные и оттого жуткие. Минотавр напоминал себе отпрыска, что тайком выбрался из садка и отправился под покров леса, туда, где влажно, где густые туманы, где таились пятна родовых болот. Он пробирается между деревьев и лиан. Древнейший инстинкт любопытства охватывал поколения и поколения таких как он, но сопротивляться ему могли лишь единицы, у коих этот древний зов пересиливал все, что только могла дать разумному существу цивилизация. И все его тело сотрясает дрожь предчувствия – из-за дерева возникнет Наставник, подхватит беглеца на руки, прижмет к себе, не ругая, не наказывая, но понимая хорошо и ясно – что сорвало отпрыска с ложа и кинуло в объятия ночи и туманов.

Минотавр готов был поклясться – так когда-то и случилось, убегал он часто. Не всякий раз Наставнику удавалось его перехватить на пороге леса, оберегая от того, с чем мог встретиться отпрыск в чащобе, в царстве гипостазисов. А ведь по упрямым поверьям, что ходили внутри садка, встреча с гипостазисом не сулила ничего хорошего. Встретивший его сам превращался в гипостазис.

Минотавр колотил себя в бронированную грудь и мотал рогатой башкой.

Он кидался на окружившие его плотными концентрическими рядами гипостазисы точно так же и с тем же результатом, как некто Минотавр на далекой-далекой Лапуте кидался с голыми кулаками на бронированного робота, нанося чудовищные по силе удары в корпус машины, непобедимой и непробиваемой. Он знал, что не победит – один против всех, кулаки против изощренных категорий, идей, смыслов, его научили – невозможно победить идею грубой физической силой. Так называемые смерть-цивилизации оставляли после своего исчезновения гипостазисы, неподвластные ни времени, ни пространству, они точно так же служили строительным материалом, материалом сборки наследующих им цивилизаций. Так звездное вещество, наработанное термоядерным синтезом, служило физической основой формирования планетарных систем, а затем и самой жизни на пригодных для ее существования небесных телах.

Но сейчас-то Минотавр не являлся живым существом! Невозможно пройти на берег Океана Манеева по задворкам и окольным тропам, оставаясь живым. Как нельзя упасть с Лапуты

на поверхность Венеры и остаться собой хотя бы физиологически. Так в чем дело? Почему он равнодушно принял превращение в Минотавра, но с таким нежеланием и отчаянием не желает признавать себя хоть частично гипостазисом?

– Пойдем, – раздался голос Нити, и он словно заморозил Минотавра, готового к очередному прыжку на окруживших его врагов. – Он ждет.

Минотавр тяжело выдыхал раскаленный воздух, и тот инеем осаживался на деталях гипостазиса, он-то и должен был стать очередной целью его ярости. Но между ними возникла примарка в дурацком старинном скафандре. Стояла и смотрела на Минотавра, подняв сжатые в кулачки руки к груди, собираясь защищаться или защищать.

– Он ждет тебя, – повторила Нить.

Больше всего Минотавру хотелось взорваться. Как атомной мине. Раздуться, распухнуть ядерным взрывом, поглотить пылающим нутром теснящиеся вокруг гипостазисы – останки былых времен, былых пространств и былых цивилизаций. Они канули во всепоглощающее прошлое, но отнюдь не безвозвратно, оставив после себя окаменелости сутей. Им хватало силы влиять на то, на что они не имели никакого права влиять.

Нить подошла к Минотавру, взяла за руку, потянула за собой, и он подчинился. Может тот, кто его ждал, что-то прояснит, объяснит, убедит, в конце концов.

Издали это походило на океан. По безграничному пространству катились волны, обрушивались на черный каменистый берег, разлетаясь тучами брызг. Белесая жидкость, подсвеченная изнутри. Лишь внимательный взгляд мог уловить, что эта субстанция более вязкая, чем обычная вода, а еще в ней обнаруживалась внутренняя структура, словно толщу океана пронизывала ледяная паутина, какую ткали полярные арахниды.

– Океан Манеева, – объявила Нить для того, чтобы у Минотавра не возникло сомнений. Его привели именно туда, куда нужно. – Место, куда все попадают после смерти.

– Никогда не верил в подобные бредни, – проворчал Минотавр. – Нет после смерти ничего, кроме пустоты. Ни путешествий, ни приключений, ни Океана Манеева.

Нить с любопытством осматривалась.

– Но ведь ты тоже здесь был, – сказала она. – Неужели не помнишь?

– Нет, – отрезал Минотавр.

– Жаль, – вздохнула Нить. – А я думала, последыши могут вспомнить свое пребывание здесь.

– Последыши? – переспросил Минотавр. – Кто это?

– Ну, такие, как ты. Сейчас населяют Венеру… то есть планетоид… – Нить замолчала. – Извини, совсем запуталась. Ведь сейчас – не тогда…

Минотавр взял Нить за плечо, крепко стиснул, наклонился так, что струи пара били ей в лицо, и прорычал:

– Ты знаешь гораздо больше, чем говоришь. Так?

Нить сморщилась, став неотличимой от примара. Только здесь и сейчас Минотавр окончательно убедился в ее природе. Она не принадлежала его роду. Что до этого ускользало от осознания.

– Ничего я не знаю, – буркнула примарка. – Знаю только, что примары создали последышей. Остальное… спроси его! – Нить кивнула, будто за спиной Минотавра кто-то стоял, кто-то, ухитрившийся подобраться к ним невидимым и неслышимым.

Не отпуская плечо примарки, Минотавр выпрямился и обернулся.

9. Берег

Над Океаном Манеева зарождалась гроза. Или ураган. Плотная чернота пришла во вращение. Кто-то незримой ложкой размешивал в стакане воду с такой быстротой, что поверхность, закрученная в спираль, выгнулась, потянулась к вздыбившемуся огромными волнами океану черным хоботом. Казалось, две стихии – черная и белая – тянутся друг навстречу другу, причем в толще воды зарождается и усиливается свечение, собранное из мириад крохотных огоньков.

– Как же они все этого хотят, – пробормотала Нить. – Покинуть нирвану и вновь вступить в спираль перерождений.

Кто они, хотел спросить Минотавр, но вдруг увидел, как поверхность Океана Манеева там, где ее должен был коснуться черный хобот, покрылась рябью, потеряла тягучесть. В ней проступили комочки, каждый из них шевелился, извивался, тянулся крошечными отростками, будто ломоть питательной субстанции, оставленной в неподобающей температуре анклава, покрыли множественные червячки. Минотавра затошнило. Он заскрипел деснами, сдерживая поднимавшуюся из нутра волну – горячую и едкую.

Черный хобот погрузился в толщу Океана Манеева, и его облепили те самые комочки. Они ползли по бугристой поверхности, хватаясь отростками, в том числе друг за друга, некоторые не удерживались, срывались и падали обратно. Там, где черный хобот ушел в глубину, вспыхнула яркая точка, двинулась по дымному пищеводу, подгоняемая его сокращениями.

– Похоже на оплодотворение, – сказала Нить непонятно. На оплодотворение это совершенно не походило, ведь не было ни садка, ни ограниченной водной емкости, но Минотавр промолчал. А примарка потянула его за руку:

– Пойдем, он ждет тебя.

Минотавр неохотно подчинился. Ему хотелось посмотреть, что произойдет дальше, как извлеченная из Океана Манеева давно, а может, и совсем недавно почившая личность, поднимется крошечной звездой по полупрозрачному хоботу, и что с ней случится дальше – как и какими силами она будет возвращена туда, откуда пришла и растворилась в Океане Манеева.

Они шли вдоль прибрежной полосы. Накатывающие на берег волны не достигали их ног. Среди камней высились статуи из тончайшей переливчатой пленки. Одни повалились на песок, ударились о камни, частично рассыпались, деформировались. От

некоторых остались только части ног, нелепо торчащие из песка. Статуи располагались не хаотично, а в строгом порядке, отмечая путь того, кто двигался по берегу Океана Манеева. Проходя мимо одной из статуй, Минотавр тронул ее. Она качнулась, опрокинулась, ударившись о валун, и рассыпалась радужными осколками.

Когда Минотавр с Нитью подошли к самой кромке океана, стало очевидно, что Океан Манеева – не вода. Белесая субстанция была не только более вязкой, но ее явно притягивал Минотавр. От каждой набежавшей волны в его сторону вытягивались десятки ложноножек, цеплялись за камни и песок, тянулись к нему, но волна отступала и утаскивала их за собой. Минотавр чувствовал, как нечто опутывало его невидимыми нитями, слишком слабыми, чтобы сбить с шага, но достаточными, чтобы каждый последующий шаг чуть-чуть отклонялся от прямолинейности. Он как корабль, в чье движение вмешивалась невидимая тяготеющая масса, искажая траекторию так, что рано или поздно космоплав выйдет на ее орбиту.

На Нить Океан такого воздействия не оказывал – она шла прямо, без отклонений, и тем самым невзначай помогала Минотавру подправлять собственное движение.

Кроме камней и статуй берег усеивали полупрозрачные осколки. Минотавр подхватил один из них рассмотреть, перед глазами вспыхнула картинка, до того яркая и полная ощущений, будто Минотавр ухитрился на краткий миг втиснуться в чей-то разум и поймать чужой мир чужими глазами. Он запнулся, наваждение исчезло, подобранный осколок обратился в легкий дымок, а Нить сказала, не оборачиваясь:

– Не подбирай. Это обломки чужих душ.

Минотавр, наклонившись было за новым осколком, отдернул руку и проворчал:

– Будет лучше, если объяснишь, что здесь творится.

Примарка замедлила шаг, остановилась, дождалась, когда Минотавр поравняется с ней, и сказала:

– Я всего не знаю. Знаю, что это место существует только для вас… Он специально создал его, что избавить вас от… от… – Нить подняла руку и щелкнула пальцами. – От метафизики смерти, вот!

– Метафизики смерти? Что это, бездна ее прибери?

– Для существ до вас являлось загадкой то, куда они исчезают после смерти. Наиболее достоверным казалось, что они похожи на электрический ток, он тоже просто исчезает, когда отключается источник. Щелк – и всё! – Нить щелкнула пальцами.

Минотавр качнул рогатой головой.

– Тоже мне загадка вечности, – сказал он. – Эти твои так называемые до-существа занимались ерундой, судя по всему.

– Может быть, – согласилась Нить. Спорить с Минотавром она не собиралась. – Не мне судить о них. Встретишься с Червоточиным, его и спроси. Может, он расскажет.

Нить резко свернула и пошла прочь от Океана Манеева по еле заметной тропинке среди валунов. Поначалу Минотавр думал, ступая вслед за примаркой, что это обычные камни, каких много вокруг – глубоко черного цвета, испещренные трещинами, откуда торчали пучки травы, но один из валунов, когда он проходил мимо, внезапно сдвинулся с места, оставив на песке глубокую вмятину. Туда тотчас стала просачиваться жидкость.

Валуны оказались живыми. Они дышали, от этого становились больше, трещины на боках углублялись, расширялись, и в черноте проступала красноватая плоть. И трава была не травой, а чем-то вроде коротких щупалец, ими камни пытались дотянуться до Минотавра и Нити. Примарка нисколько их не боялась. Она даже поглаживала камни по черным бокам, теребила за щупальца, как забавных зверьков, требующих немного ласки. Сам Минотавр старался не подпускать живые глыбы ближе, особенно надоедливых ударял копытом, но это не ослабляло любопытства диковинных созданий.

Тропинка круто пошла вверх в каменистые холмы, где живых валунов не наблюдалось. На подъеме Минотавр оглянулся и замер, пораженный открывшимся зрелищем. Берег, до того казавшийся мертвым, пришел в движение. Живые валуны сползались туда, где прошли они с Нитью, громоздились друг на друга, образуя то ли неопрятные кучи, то ли заготовки чего-то более осмысленного. Кучи росли, сползались друг к другу, сталкивались с оглушающим грохотом камнепада, громоздились еще выше. Минотавр смотрел бы и дальше, но Нить кинула камешком, щелкнувшим его по рогу.

– Не отвлекайся, – строго сказала примарка. – Он ждет тебя.

Минотавр возобновил подъем. Еще немного, и вот они на каменистом гребне, обозревают темную, бугристую, безжизненную поверхность. Никого и ничего. Минотавр приготовился едко осведомиться у Вергилия – куда его привели, но Нить ответила:

– Ты смотришь неправильно. Вверх. Надо смотреть вверх. Разве не видишь?

Чернота.

Непроглядная и оттого бездонная. Ни просвета. Ни огонька. Будто планетоид накрыло крышкой. А затем крышку убирают, от неожиданности Минотавр зажмуривается.

– Теперь ты видишь? – Нить сжала его руку. – Видишь?
Минотавр распахнул веки.
Наконец-то он выбрался из лабиринта.

Книга VII. Червоточина мироздания

1. Гнев Юпитера

Что может быть удивительнее, чем встретить на Амальтее незнакомого человека?

Когда Ариадна вошла в оранжерею, незнакомец с интересом разглядывал автоклав, кишащий головастиками, похожими на крохотные черные запятые. Судя по всему, зрелище это отнюдь не казалось ему отвратительным, – уперев руки в колени, он почти уткнулся носом в гладкий бок. Ариадна готова поклясться – если бы автоклав не был запечатан, он вполне мог запустить внутрь руку и поймать несколько вертких созданий. Впрочем, это являлось второй ее мыслью, сначала был непроизвольный вскрик:

– Кто вы?! Что вы здесь делаете?! – Правая рука прикрывала живот, – всего лишь инстинкт, ничего более, но незнакомец, взглянув на Ариадну, наверняка и это приметил. Взгляд острый, ничего не упускающий.

– Корнелий, – сказал человек, выпрямляясь и отступая на шаг от автоклава. – Простите, кажется, я вас напугал… Прибыл сегодня… гм… ночью по стандартному времени и не успел представиться старожилам базы. Надеялся отложить церемонии до завтрака, эффектно появившись в столовой. До сей поры я общался лишь с посадочными автоматами.

Ариадна не сдвинулась с места и разглядывала незнакомца. Имя он обрел, но почему явился на Амальтею, так пока и не ясно. Рейсовые корабли в зону экспериментов не допускались, о чартерах сообщали заблаговременно, чтобы те не угодили в область бурения. Имя свое она пока не сочла нужным назвать, да и к чему? Наверняка Корнелий знал, кто она такая.

Не дождавшись ответа и слегка озадаченный столь сдержанным приемом, незваный гость кивнул в сторону резервуара:

– Эволюционный анклав марки «Голоконда», я ведь не ошибаюсь? Это и есть грядущее население океанов Европы? Вы знаете… гм… Ариадна, а ведь подобная идея была высказана довольно давно так называемыми писателями-фантастами… Предлагалось изменять людей, чтобы они смогли жить на других планетах без всяких скафандров… например, на той же Европе могли обосноваться ихтиандры… то есть люди с жабрами… а на Венере, например, кремниевые люди…

– Кремниевые люди и ихтиандры – уже не люди, – сухо ответила Ариадна. – Столь радикальное вмешательство в геном недопустимо. Вязание генов сродни вязанию нитью, необходимо строго следовать плану.

– А если бы человечеству в его нынешнем обличии грозило уничтожение от некой вселенской катастрофы? – поинтересовался Корнелий. – Избежать ее можно, только радикально изменив собственную природу.

– Не люблю излишнего и беспочвенного теоретизирования, – отсекла как бритвой Ариадна. – И… пожалуйста, отойдите от анклава, вы пугаете… их. – «И меня», – мысленно добавила Ариадна.

Корнелий усмехнулся, постучал ногтями по резервуару и отступил. Едко заметил:

– Ваши слова я уже слышал из чьих-то уст… Позвольте-позвольте! Не из уст ли Червоточина? Именно так он аргументировал необходимость выделить ему под эксперименты данный объем пространства. Хотя признаю – за последнее время в области искусственных сингулярностей достигнут прорыв… вот только устойчивых червоточин так и не удается создать. Я прав?

– Я не обладаю достаточной компетентностью в работах моего супруга, – сказала Ариадна. Только теперь она сообразила – кто перед ней. Нескладный человек, худой как вешалка, с длинными руками и ногами, похожий на марионетку, которую дергает за ниточки невидимый и неумелый кукловод. Хотя комиссара по братству вряд ли могли посадить на нити. За нить предпочитал дергать он сам.

Склонив голову набок, став еще более похожим на нелепую куклу, Корнелий ясно уловил тот миг, когда Ариадна узнала его, усмехнулся и спросил:

– Он знает? – Кивок не допускал двусмысленности, и Ариадна торопливо убрала руку с живота, хотя теперь в этом вряд ли имелась необходимость. – Вам придется отправиться…

…на Землю, потому что пребывание в подобном положении в зоне опасных экспериментов чревато для жизни и здоровья – вот что хотел сказать комиссар, но не сказал. Понял, что дальнейшие пояснения излишни.

– Пойдемте, – Ариадна отступила к шлюзовой двери и, не отрывая взгляда от Корнелия, нащупала кнопку, – я покажу, где можете расположиться до возвращения Червоточина…

База на Амальтее возводилась под гораздо большую численность обслуживающего и научного персонала. По дороге до незанятых кают Корнелий не переставал болтать, видимо, пытаясь создать впечатление человека легкого в общении, а заодно и вытянуть из собеседника крупицы необходимой ему информации. Ариадна ядовито об этом подумала, но не решилась высказать догадку вслух.

Хуже всего, Ариадна так и не могла понять – каким

солнечным ветром занесло сверхзанятого делами комиссара по братству в их «дикий угол». Создание и удержание устойчивых микросингулярностей хотя и можно отнести к передовой науке, но находился Корнелий далеко от направлений главных ударов по загадкам и тайнам мироздания, представляя весьма периферийную область физики с весьма неясными перспективами дальнейшего развития. Вполне возможно, что теория сингулярностей представляла собой тупиковую ветвь и Корнелий прибыл на Амальтею именно для того, чтобы самому в этом убедиться и прекратить разбазаривание ресурсов.

Но ведь оставался и ее проект – генетические модификации земноводных для отработки возможностей освоения Европы и других спутников планет-гигантов, под ледовыми панцирями которых скрывались океаны. Но проводить такие исследования именно на Амальтее не имелось никакого резона, разве что ее супруг позволял этим заниматься, скупо делясь оборудованием и мощностями – вычислительными и энергетическими. «Чем бы жена не тешилась», любил он говорить, не обращая внимания что Ариадне подобная «скупость» казалась унизительной, если учитывать несомненную важность ее изысканий.

2. Атлантида

– А ведь я помню времена, когда здесь кипела жизнь, – продолжал словоохотливый Корнелий. – В коридорах не протолкнуться, а в каютах ночевали по десятку человек, представляете?

– Как же они спали? – мимодумно спросила Ариадна, не столько действительно интересуясь вопросами размещения персонала в те ветхозаветные эпохи, сколько из доведенной до автоматизма вежливости, без нее во Внеземелье весьма непросто.

– О, это называлось «горячей койкой»! – восторженно вскричал Корнелий, вскидывая руки, будто укротитель, вступивший в клетку с хищниками и приветствующий замерший в ожидании зал. – Понимаете? Горячей! То есть койка была занята в любое время суток. Как только просыпался один, ее тут же занимал другой. Но стоило встать и ему, как на его место ложился третий, и так по кругу – на койке постоянно кто-то спал.

– Это негигиенично, – заметила Ариадна. Остановилась перед первой же пустой каютой, толкнула дверь. – Можете расположиться здесь… или где вам угодно. – Она повела рукой вдоль коридора и указала на зеленые лампочки, сигнализирующие, что данные обиталища свободны и готовы принять новых жильцов.

– Упадок соляристики, – пробормотал Корнелий, заглядывая через порог. Он не решался шагнуть внутрь. – Хотя здесь чистенько…

– Соляристики? – озадачилась Ариадна. Почему-то это слово вызвало у нее неподдельный интерес.

– Ага, – рассеянно кивнул незваный гость. – Есть такая древняя книжка, фантастика… Там действие тоже происходит на опустевшей космической базе, которая когда-то изучала… впрочем, неважно. Мне вполне подходит, Ариадна. Пожалуй, здесь я и остановлюсь…

– Надолго? – не удержалась Ариадна.

– Ну… попить чай, если предложите, и поговорить с Червоточиным все равно необходимо. А дальше… дальше посмотрим. Может, мне настолько понравится, что я обоснуюсь на Амальтее. Почему бы и нет?

Он меня дразнит, поняла Ариадна. Но опять не удержалась:

– А как же ваш комиссариат? Ваши сотрудники? Или они тоже сюда нагрянут?

– Комиссариат – это я, – сказал Корнелий. – Так когда и где я могу встретиться с субъектом своего интереса?

К концу обеда Ариадна вообще перестала понимать, о чем говорят Корнелий и Червоточин. Корнелия она про себя продолжала именовать незваным гостем.

Они сидели в столовой, рассчитанной на одновременную трапезу нескольких десятков человек, но сейчас их было всего трое в полутемном и неуютно гулком помещении. Да и обед оказался под стать запустению – суп из хлореллы, отбивная из хлореллы и гарнир из все той же хлореллы. Чего-чего, а хлореллы на базе в достатке. Огромные чаны, укрытые глубоко под поверхностью планетоида, регулярно выдавали на-гора такой объем продукции, что живо напоминала Ариадне сказку про волшебный горшочек, он варил кашу и никак не мог остановиться, так как слова, останавливающие процесс, оказались утрачены.

Неустранимо зеленоватый оттенок, присущий всем производным хлореллы, будь то гарнир или мясо, Корнелия нисколько не смущал. Он уплетал порции за обе щеки, а затем, извинившись, просил добавки. Линия доставки, встроенная в стол, не функционировала, поэтому Ариадне пришлось взять на себя роль гостеприимной хозяйки, то есть сходить в пищеблок и синтезировать для незваного гостя еще кусок отбивной. Она с трудом удерживалась от желания придать ей какой-нибудь неподобающий вкус, например, вареной подметки. Но больше раздражало даже не само явление Корнелия, сколько неподдельная радость Червоточина от появления на станции свежего человека. Ему и в голову не приходило, что Корнелий имеет власть закрыть все его исследования, воспользовавшись правом вето. Чтобы хоть как-то успокоиться, она прибегла к привычному средству – извлекла из ридикюльчика вязание, крючки и погрузилась в плетение сложного узора, вполуха прислушиваясь к беседе.

– Нет, нет, нет, увольте меня, комиссар, от необходимости говорить о теории сингулярностей. Никто не может понять сингулярности, это совершенно новая физика на совершенно иных когнитивных принципах. Она требует веры, а не ума, вот что отказываются принимать все эти так называемые оппоненты! Скорее ее поймет безголовый, нежели бессердечный… Что за безумная идея натравить на меня комиссара по братству! Уж простите, Корнелий, специфика моих занятий требует держаться подальше от общества, дабы не навредить ему своими опытами… А что касается братства, то его у нас – пруд пруди!

Корнелий молча развел руками, его вид говорил – что поделать, я человек подневольный, и если кому-то пришла в

голову мысль вернуть знаменитого ученого в лоно социума, то комиссар по братству обязан заняться этим вопросом.

Червоточин резко изменил тему:

– Вы наверняка слышали об открытии группой Борисова тонкой структуры реликтового излучения? – продолжал беседу в своей излюбленной манере вопросов и ответов Червоточин. – По крайней мере, они утверждают, что в некоторых выделенных направлениях изотропия реликтового излучения нарушается и при соответствующей обработке можно выделить нечто, похожее на непериодические сигналы.

– Белый шум? – предположил Корнелий. – Кстати, подобную идею о том, что на нашу цивилизацию оказывает…

Червоточин, как обычно, не дослушал:

– Нет, первичная обработка позволяет выделить информационную составляющую тонкой структуры. И в связи с этим возникает любопытная гипотеза, уважаемый Корнелий. Гипотеза смерть-цивилизации.

Корнелий поперхнулся хлореллой.

– Простите… ради бога… что еще за смерть-цивилизации?

Ариадна готова была поклясться, что Корнелий переигрывал. Он явно знал, о чем вещал Червоточин, но не показывал вида, то ли следуя этикету гостя, хоть и незваного, позволяя хозяину высказать все, что накопилось за душой и на уме, то ли ловко вытягивая информацию из ничего не подозревающего Червоточина. Только с какой целью?

– Куда деваются цивилизации после того, как умирают?

– Гм… – Корнелий даже ложку отложил, провел ладонью по затылку. – Ну… я не уверен, что цивилизации смертны…

– Смертны, – отмахнулся Червоточин. – Иначе мы бы наблюдали следы их пребывания во Вселенной. Если никто с нами не пытается установить контакт на волне водорода, то единственным рациональным объяснением парадокса Ферми следует признать – цивилизации, как и звезды, рождаются, эволюционируют и умирают. И если так, а я в этом не сомневаюсь, закономерно поинтересоваться – что после себя оставляют смерть-цивилизации, то есть цивилизации, вступившие в посмертную фазу своего существования?

– Ну… право… развалины, артефакты какие-нибудь… да мало ли что осталось от земных цивилизаций, прекративших свое существование…

– В точку! – Червоточин с силой хлопнул ладонью по столу. – Мы перед собой имеем опыт земных цивилизаций, но, согласитесь, Корнелий, от многих из них не осталось никаких руин, никаких артефактов. Что сохранилось от Атлантиды?

Лемурии? Гипербореи? Всего лишь обломки невообразимо древних технологий. Наши предки их почитали за магию и волшебство, достаточно вспомнить карты Таро, гексограммы и прочие штучки, противоречащие нашему научному складу ума.

– Платон писал об Атлантиде, – задумчиво сказал Корнелий. – И, кажется, это единственное письменное свидетельство, оставшееся о той цивилизации.

3. Отпрыски звезд

Червоточин с подозрением уставился на гостя.

– Бездна поглоти, Корнелий, похоже, вы все-таки знаете, о чем я перед вами распинаюсь?

– Нет-нет, право… – Корнелий поднял руки вверх, демонстрируя пустые ладони, столь древним жестом подтверждая чистоту помыслов. – Мне очень интересно то, что вы рассказываете… Но моя привычка, возможно, затрудняет подобные разговоры… профессиональная аберрация своего рода.

– О чем вы? – Ариадна не удержалась, оторвалась от вязания, и Корнелий с улыбкой взглянул на нее.

– Видите ли, в ходе любого разговора я пытаюсь про себя смоделировать – что будет сказано, мысленно проговариваю возможные варианты и сравниваю с тем, что происходит на самом деле. Делаю следующую итерацию, опять сравниваю…

– Очень полезно при допросах и пытках, – ядовито сказала Ариадна. – Таким манером вы определяете – говорит человек правду или лжет?

Корнелий пожал плечами, а Червоточин положил ладонь на руку жены:

– Право, дорогая, не преувеличивай. Мы всего лишь беседуем. Никто никого не пытает и не допрашивает, хотя у нас имеется походная дыба, ее всегда можно одолжить нашему уважаемому комиссару. Ты же знаешь мои чувства к тебе. Я даже новый корабль назвал твоим именем. Как вам, Корнелий? «Ариадна»! Правда, он еще только проектируется, ибо использует принципы движения, которые открывает теория сингулярностей.

Ариадна поморщилась. Шутка мужа, как всегда, вышла неуклюжей. Способностью к остротам он не блистал. Но все же не преминула ответить:

– К тому же он не отличается благородством форм. Больше похож на спутанный моток нити. – Она подняла и показала свое вязание. Впрочем, Червоточин уже потерял к ней интерес.

– Так вот, – Червоточин откинулся на спинку седалища, извлек из кармашка комбинезона любимую серебряную зубочистку, – вы совершенно правы, Корнелий, упомянув Платона. Идеи – единственная нематериальная, а потому вечная субстанция, она может преодолевать пространство и время. Нужна лишь малость – придумать способ отвязать идею от материального носителя.

– Разве подобное возможно? – Корнелий сцепил длинные пальцы в замок и оперся на них подбородком. Крючковатый нос

нависал над тонким ртом комиссара как ятаган, и Ариадна вновь поразилась возникшей у нее метафоре. Корнелий явно происходил из генетической линии монголоидов, и помимо воли у нее перед мысленным взором побежали цепочки генома, соответствующие возможным предкам комиссара. Тоже своего рода профессиональная аберрация.

– Для цивилизации с определенного этапа развития – несомненно. Более того, идеи становятся фундаментом для возникновения последующих цивилизаций, когда предыдущей приходит срок угаснуть.

– Позвольте, – Корнелий выпрямился, – не хотите вы сказать…

– Все то вещество, из которого мы состоим, включая планеты Солнечной системы, любые материальные артефакты земных цивилизаций, наши геномы, тела, серое вещество – все это наработано миллиарды лет назад в недрах многочисленных звезд, в горниле термоядерных реакций. Затем выброшено в космос вспышками сверхновых, в процессе столкновения звезд либо в результате умирания, превращения в коричневые карлики, а затем – их распада и рассеивания. Говоря поэтично – все мы отпрыски звезд. Так почему не сделать еще один шаг и предположить: среди идей имеются унаследованные от предыдущих цивилизаций, родившихся, живших, а затем умерших задолго до нашего появления?

– Гм… – Корнелий расцепил пальцы, забарабанил ими по столу, и Ариадне показалась, что она различает ритм бравурного марша. – Ну, честно говоря, даже и не знаю, что можно возразить против столь… дикой идеи. Вам не кажется, что она отдает некоторым неверием в собственные силы человечества? Выходит, человечество выработало не само эти идеи, а позаимствовало у смерть-цивилизаций? У вас имеется какая-нибудь гипотеза?

Червоточин улыбнулся:

– Бог.

Корнелий молчал, не сразу сообразив, что получил ответ. Весьма краткий. Не поверив собственным ушам, переспросил:

– Бог? Но… почему?!

– Идея бога чересчур сложна, чтобы родить и развить ее в масштабах одной цивилизации, – сказал Червоточин. – Помните, школьные уроки, где учителя рассказывали нам историю происхождения религии? Мол, первобытный человек сталкивался с явлениями природы, которые не мог объяснить, и приписывал их могущественным существам. Молнии насылает божество, заведующее молниями. Дождь – другое божество, в его руках власть над небесной влагой. И так далее, и тому подобное.

Большей чуши я никогда не слышал, если не считать критиков моей теории сингулярностей.

– Смерть-планетчик, – пробормотал вроде бы про себя Корнелий, но явно с намерением, чтобы собеседник его услышал.

– О чем вы бормочете, Корнелий? – И незваный гость мог еще раз убедиться, что к нынешним хозяевам станции на Амальтее традиционные понятия космического гостеприимства, а также космической вежливости не совсем применимы.

– Смерть-планетчик, – повторил он громче. – Видите ли, я своего рода собиратель и хранитель древностей. Был давным-давно род литературы, посвященный выдумке, в том числе о том, что может случиться в далеком будущем…

– Прогнозирование?

– Н-нет… не совсем. Литература, я же говорю. Развлекательная литература. Ну, не суть. А суть в том, что в одном из произведений, где действие, как ни удивительно, разворачивается на Амальтее и в окрестностях Юпитера, физики будущего проводят некие эксперименты, для чего взрывают, превращают в излучение небольшие небесные тела. Вот их называют смерть-планетчики… забавное совпадение? Или есть еще произведение о том, как в точке Лагранжа около того же Юпитера находят некий черный монолит. На самом деле это вход в межзвездную транспортную сеть, сооруженную миллионы лет назад инопланетной цивилизацией… Как вам такие совпадения?

Червоточин мрачно покопался в порции хлореллы, похожей на комок зеленовато-бурых червей.

– Ничуть не похоже, – ответил он. – Я не взрываю планеты и могу вас уверить – в точках Лагранжа Юпитера нет никаких монолитов. У этих ваших…

– Фантастов, – подсказал Корнелий.

– Да, фантастов… у них превратные представления об устройстве мироздания… хотя что взять с подобных необоснованных и бессмысленных занятий. Хорошо, сейчас подобным никто не занимается.

– Почему? – спросила Ариадна.

– Почему? – повторил Корнелий. – Почему… вопрос вопросов… почему на протяжении столетия возникает, бурно развивается, а затем столь же быстро угасает и исчезает напрочь целый жанр литературы?

– Неужели комиссару по братству приходится думать об этом? – фыркнул Червоточин.

– Вы даже не представляете, уважаемый, над чем приходится думать комиссару по братству. Социум – такая же вселенная, и в нем тоже имеются червоточины, – сказал Корнелий, и даже тень

улыбки не тронула его губ. Он был смертельно серьезен. – Вот, например, куда деваются червоточины, создаваемые вами в ходе экспериментов?

4. Мать

– Не думала застать тебя здесь, – сказала Ариадна. – С каких это пор ты возлюбил моих земноводных?

– С тех самых, как решил, что мои генетические цепочки должны стать ингредиентом этого варева, – ответил он и щелкнул пальцем по анклаву.

Это напоминало дежавю – Червоточин стоял там, где она застала Корнелия, когда тот явился на станцию. Только на лице мужа застыло выражение не интереса, а задумчивости с изрядной порцией отвращения. Мельтешащие в автоклаве головастики уже отрастили задние лапки.

– Будь люди не млекопитающими, а земноводными, они быстрее прошли путь, который нам потребовался, чтобы выйти в космос, – сказал Червоточин. – Эволюция поставила не на тот вид… хотя, вполне возможно, здесь всего лишь стечение природных катаклизмов… После вымирания динозавров землеройки оказались шустрее.

Ариадна прошла к пульту и взглянула на показатели. Изменение ДНК происходило в полном согласии с программой, процент нежелательных мутаций – в пределах нормы.

– Боюсь тебя разочаровать, но эксперимент идет настолько успешно, что ты запоздал со своим предложением генетического материала. – Она опустила руки в управляющий гель, поморщилась, ей показалось, что кожа соприкасается с гноеобразной субстанцией, шевельнула пальцами, запуская в автоклав микроманипуляторы. Предстояло изловить несколько особей для препарирования. Тем не менее Червоточин ждал ее вопроса. Такова его манера – выдать некую сентенцию, а потом растолковать ее, словно бы не слишком охотно подчиняясь настойчивым расспросам собеседника. Интеллектуальное тщеславие требовало ежедневной дани. И ее приносили коллеги, ученики либо Ариадна – когда ни тех, ни других не оказывалось поблизости.

Но сейчас у нее нет настроения отдавать подобную дань. Хватило явления Корнелия. Нетрудно догадаться – комиссар объявился на станции не просто так, и более того, причина визита – Червоточин, а отнюдь не опыты Ариадны с земноводными. Кому они вообще интересны, эти амфибии?

– Впрочем, могу утешить, – вскользь сказала Ариадна, хотя готовилась к разговору долго. Очень долго. Непозволительно долго. – У меня для тебя благая весть… У нас будет сын…

Она ждала чего угодно, но не полного равнодушия. Он

сделал вид, что не услышал ее. А возможно, так оно и было.

– Лягушки никогда бы не пришли к идее бога, – продолжил Червоточин, не дождавшись наводящего вопроса Ариадны. – И без подобного тормоза своего развития они бы добились большего, чем удалось нам. И неважно, прав в своих измышлениях наш уважаемый гость или нет. Будь мое произволение, я бы создал цивилизацию земноводных в духе средневековых философов-реалистов, утверждавших существование универсалий. Насколько проще развиваться, если бы мы имели перед собой все те сущности, что неотторжимы от человеческой природы… Как линейка, образец, таблица Пифагора, достаточно взглянуть и убедиться – се истина, а вот это – ненависть…

Зазвучал предупреждающий сигнал. Ариадна резко выдернула из управляющего геля руки. Что-то не так. Возник сильнейший искажающий фактор. Мутагенный информационный поток, управляющий эволюцией заключенных в анклаве земноводных, загрязнялся, как чистый источник воды, в который плеснули ведро отравы.

– Нет… нет… – Ариадна застучала по клавишам, устанавливая систему фильтров. Но перед внутренним взором уже вставала картина уродуемых непредвиденным мутагенным фактором головастиков – они отращивали лишние конечности, раздувались, покрывались опухолями, гнили…

А Червоточин как ни в чем не бывало продолжал:

– Сначала цивилизация верит в бога, а затем пытается его воссоздать, даже ценой собственной гибели. Что если и Большой взрыв – лишь неудачный эксперимент по теогенезису?

А затем все так же резко кончилось, как и началось. Наступило утро и смыло остатки ночного кошмара. Без следа. Ариадна бессильно смотрела на мониторы и не находила в бегущих строчках геномного сканера ни одного неправильного маркера. Она повернулась к Червоточину, но того уже не было. Исчез. Хотя Ариадна не слышала, как лопалась перепонка люка.

5. Миф о Минотавре

Корнелий со вкусом расположился в выделенной ему каюте. Извлек из рюкзака походную библиотечку и расставил на полочке, она идеально вместила бумажные томики. Каждая страница тщательно и любовно пропитана полимером, что сделало их практически вечными. Туалетные и бритвенные принадлежности он разложил в том, что можно было назвать душем, совмещенным с туалетом, – немыслимая по тесноте и неудобству конструкция, компромисс между необходимостью учитывать физиологические потребности человека и желанием сэкономить как можно больше пространства для предполагаемых научных исследований. Уже одно это однозначно относило станцию на Амальтее к золотому веку освоения Солнечной системы, но он, увы, давно миновал. У Корнелия даже возникло желание вытащить с полочки подходящий к этому случаю томик и перечитать то, что знал наизусть.

По неотключаемой радиотрансляции передавали древний джаз – играл пианист с весьма необычной манерой исполнения. Корнелий представил этого человека – наверняка в какой-нибудь дурацкой шапке и ударяет по клавишам прямыми пальцами, словно палочками бьет по барабану. Корнелий был равнодушен к подобному виду искусства. Всему, что в нем было достигнуто, предпочитал тишину. Тем не менее он не мог не отметить: джазовая сюита создавала весьма уютное настроение. Хотя позднее следует разобраться с тем, как отключить эту неотключаемую радиоточку, обычно предназначенную лишь для передачи экстренных сообщений.

Затем он извлек из рюкзака трубку, кисет и кресало, осмотрелся в поисках датчика противопожарной безопасности. Если он здесь и существовал, то его выдрали из гнезда в незапамятные времена. Закурив, Корнелий раскрыл томик и погрузился в чтение. При этом он шевелил губами, словно произнося вслух читаемое, но если бы поблизости имелся кто-нибудь, кто мог читать по губам, он бы разобрал:

– Прекрасно… великолепно… до чего похоже…

Однако не в этом заключалась главная несообразность. Что тут такого, если человек решил уделить часть свободного от служебных обязанностей времени на чтение древней полузабытой литературы. В нынешние времена о ней знают лишь историки и литературоведы, да и вообще она, несообразность, была связана не с поведением Корнелия, а с поведением дыма. Тонкой струйкой он поднимался от трубки и выдыхался комиссаром. По

всем законам газодинамики дыму следовало подняться до потолка, а там втянуться в вентиляционные щели, но вместо этого на половине пути своего подъема он резко изменял траекторию и устремлялся к двери каюты, плотно запечатанной, а потому столь удивительное поведение невозможно объяснить обычным сквозняком. Но на этом странности не кончались, а, пожалуй, только начинались, так как дым продолжал чудить, формируя перед дверью облако выраженной формы. С каждой новой порцией сгорающего табака эта форма уплотнялась.

Несмотря на погруженность в чтение, Корнелий сохранял контроль над окружающим пространством. Во время очередной глубокой затяжки он поднял глаза от страниц и уставился на дымную фигуру, больше смахивающую на призрака. Описание таких фантомов наверняка попадалось комиссару по братству во время штудий так называемой фантастики. А куда еще, к какому жанру отнести подобный феномен, как не к продукту безудержной и безответственной человеческой выдумки?

– Учтите, я вас вижу, – спокойно сказал призраку Корнелий и выпустил изо рта табачный дым в виде крохотных колечек, они также поплыли вверх, а затем притянулись к полупрозрачной фигуре и слились с ней.

Слегка откашлявшись, Корнелий прочитал вслух из книги, что держал открытой на столе:

Гносийский остров напротив, из моря восстав, отвечает:
Здесь – беспощадная страсть к быку, и здесь подставная
Тайно Пасифая, род нечистый, двухвидное чадо,
Сам Минотавр предстоит, беззаконный Венеры образ.
Там оный труд; этот дом и неразрешимые козни;
Впрочем, царицы позднее тронут великой любовью,
Дедал строенья коварство и хитрости сам обнаружил,
Нитью слепые следы направив…

И словно бы дождавшись именно этого, дымный призрак произнес в ответ:

Рода позор между тем возрастал. Пасифаи измену
Гнусную всем раскрывал двоякого чудища образ.
Принял решенье Минос свой стыд удалить из покоев
И поместить в многосложном дому, в безвыходном зданьи.
Дедал, талантом своим в строительном славный искусстве,
Зданье воздвиг; перепутал значки и глаза в заблужденье

– Ввел кривизною его, – задумчиво повторил Корнелий. – Мироздание – это Лабиринт, но вот кто в нем Минотавр? Этот вопрос меня весьма беспокоит… Вы знаете… Хотя, наверное, смешно обращаться с подобным к призраку, но иных собеседников нет, что уже само по себе кажется нонсенсом для комиссара по братству, но я, как говорится, парадоксов друг. История Минотавра, а того паче – Лабиринта, в котором он был заперт и куда отправлялись приносимые ему в жертву юноши и девушки, меня весьма и весьма занимает. Вы позволите? – Корнелий извлек из кармана пухлую книжицу, перетянутую хирургическим жгутом, их обычно накладывают на поврежденные или ампутируемые конечности в условиях аварийной хирургии.

Однако фигура продолжать дискуссию отказалась, изменилась, сжалась, повисла в пространстве дымной сферой, напоминающей Юпитер. Колечки, к тому мгновению изрядно расплывшиеся, образовали вокруг призрачной планеты кольца, придавая еще больше сходства гиганту, слегка не дотянувшему до того, чтобы стать звездой.

Корнелий заинтересованно смотрел на загадочный феномен, а когда тот расплылся в бесформенное облако, осторожно и бережно закрыл книгу и сказал:

– А ведь это идея – почему бы благородному дону не прогуляться и не полюбоваться видами Юпитера? Тем более, чует мое сердце, недолго осталось… – Фразу он вслух не закончил, возможно, проговорив ее до логического завершения про себя, легко соскочил с койки, благо гравикомпенсаторы тут выдавали отнюдь не стандартное «ж», а гораздо меньшее.

6. Восход Юпитера

Облачившись в громоздкий скафандр, морально устаревший еще в большей степени, чем база на Амальтее, когда человечество переживало, казалось, неиссякаемый порыв первопроходчества и освоения Солнечной системы, Корнелий втиснулся в непомерно узкую шлюзовую камеру. Загорелась лампочка, и он толкнул люк. Первое, что его поразило снаружи, – протянутые нитями по лабиринту страховочные фалы, какие обычно используют на малых телах в Поясе астероидов, там гравитирующая масса настолько мала, что неосторожный толчок ногами может придать тебе вторую космическую скорость и отправить в бесконечное путешествие по замысловатой орбите. Однако зачем подобные фалы натянуты здесь, на Амальтее, Корнелий не понял, но тем не менее ухватился за тот, что вел к спиральной лесенке, где, по его расчетам, располагалась смотровая площадка.

Поднявшись туда, он обнаружил, что не ему единственному пришла идея полюбоваться красивейшим зрелищем – восходом Юпитера. У перил площадки замерла фигура, облаченная в столь же громоздкий скафандр, до нелепости напоминающий иллюстрации в тех книгах, что собирал Корнелий, о звездных первопроходцах. Но разобрать, кто это, не представлялось возможным, так как ярко-леденцовый бок сверхпланеты уже поднялся над близким горизонтом Амальтеи. В его рассеянном свете одинокая фигура прорисовывалась непроницаемым силуэтом. Вместе с Юпитером над горизонтом резко взбегал еще один спутник гиганта, и Корнелий прикинул, что это должна быть Европа. Крошечный диск накатывался на чернильный силуэт, как мячик, готовый смахнуть со своего пути кеглю.

Внутри у Корнелия екнуло: он ощутил прилив беспокойства, будто крошечный по сравнению с Юпитером диск может и впрямь причинить хоть какое-то беспокойство Ариадне. То, что это она, он теперь не сомневался, уверенность возникла из того же источника, что и беспокойство. Комиссар сделал несколько шагов по площадке, надеясь успеть оттянуть Ариадну с траектории движения спутника, даже не придумав объяснения столь неожиданному действию, но силуэт шевельнулся, поднял руку, помахал Корнелию:

– Тоже решили полюбоваться восходом?

– Да, знаете ли… когда еще побываешь в здешних местах… к тому же совпало – под рукой оказалась древняя книга. Действие происходит именно здесь, на Амальтее… – Корнелий запнулся, но Ариадна вежливо поинтересовалась:

– И что же происходит в этой вашей книге?

– Расположенная здесь исследовательская база… да, в книге на Амальтее тоже база, только гораздо более населенная. Так вот, база осталась без продовольствия, на помощь направлен космолет, фотонный космолет, он должен привезти продовольствие, чтобы никто не умер от голода.

– Этот космолет случайно назывался не «Тахмасиб»? – В голосе Ариадны Корнелий различил улыбку.

– Да. Точно. Откуда вы знаете? Читали?

– Нет, Корнелий. Ваш корабль называется «Тахмасиб», вот я и подумала… ассоциация, ничего больше.

– Вы удивительно догадливы, – пробормотал Корнелий.

– Космическое одиночество обостряет восприятие, – сказала Ариадна. – Особенно когда длится чересчур долго…

Озноб прокатился по телу Корнелия. В словах Ариадны таилось нечто отнюдь не метафорическое, не преувеличение собственных несчастий, а истина. Чтобы перевести разговор на тему, которая, по его мнению, должна иметь менее опасный контекст, ибо абсурд более смешон, нежели пугающ, Корнелий подергал фал, к нему, как он обратил внимание, прицеплена Ариадна.

– Я не совсем понял предназначение этих нитей… Это нить Ариадны в лабиринте для Минотавра?

– Распоряжение Червоточина, – ответила Ариадна. – Проводимые эксперименты необъяснимо влияют на метрику пространства… да и с причинно-следственными связями здесь не все в порядке… Поэтому если не желаете заблудиться в лабиринте, лучше пользоваться… этими приспособлениями.

– А что, кто-то уже потерялся? – Корнелий ощутил себя комиссаром по братству.

– Нет, – отрезала собеседница и погрузилась в молчание.

Корнелий попытался с другой стороны:

– Тут по неотключаемой линии трансляции звучит музыка. Кажется, джаз… Это тоже распоряжение руководства?

– Червоточин любит подобную музыку, – сказала Ариадна. – Особенно Телониуса.

– Кого?

– Древний джазовый музыкант Телониус Монк. Примары Червоточина отыскали его записи, вот и пускают для вдохновения в круглосуточную ротацию… Но ведь это лучше, чем стук метронома, полагаю?

– Несомненно, – согласился Корнелий. – А кто такие примары?

– Он так называет своих гвардейцев… приближенных… в

общем, учеников.

– Простите, Ариадна. – Он покусал губы, но все же решился: – У меня создалось впечатление, что вы… что вам здесь… В общем, это не то место, где вы хотели быть. Конечно, мой мандат комиссара по братству не дает права вмешиваться в личную…

– А человека? – прервала его Ариадна.

– Простите?

– Мандат человека дает вам такое право?

Корнелий уже открыл было рот, чтобы ответить, но тут он увидел это. Даже не так. ЭТО. В первые мгновения он подумал, будто изображение, снимаемое датчиками и передающееся на щиток шлема, исказилось скачком напряжения в электрических цепях, по нему пошли помехи, и надо подождать, пока контролирующая система их устранит. Но потом Корнелий понял, что ошибся. Гигант будто отразился в луже, в которую хулиганистый мальчишка со всего размаха швырнул камешек. Ровная гладь водного зеркала пошла концентрическими волнами. Такие же волны побежали по поверхности Юпитера и дальше, захватывая тонкие серебристые линии колец, диск убегающей, но так и не успевшей это сделать Европы, и еще несколько тусклых дисков помельче – безымянных отпрысков плодовитого гиганта, так и не получивших настоящие имена в ту эпоху, когда каждое небесное тело Солнечной системы их удостаивалось, а потому помеченных на щитке гермошлема буквенно-числовым кодом.

Волны расходились, охватывая весь свод мироздания. Корнелию невыносимо захотелось зажмуриться, не от тошноты, нет, а от дикого ощущения обрушения того, что именовалось Lebenswelt, «жизненного мира», этот мир воспринимается без декартовского сомнения, фундамента, основания, без него невозможно человеку существовать, как невозможно ходить, если под ногами исчезла опора. Но он заставил себя смотреть, впитывать, запоминать, чтобы затем в подробностях мысленно воспроизвести то, что наверняка не оставит следов ни в записях наблюдательных приборов станции, ни в записи датчиков их с Ариадной скафандров.

7. Карлик Нос

Когда они вернулись на станцию, Корнелий попытался помочь Ариадне разоблачиться, но она оказалась ловчее его и быстрее справилась с громоздкой оболочкой, пока комиссар, чертыхаясь, пытался усмирить магнитные защелки гермошлема. Стряхнув с себя скафандр, как лягушачью шкурку, Ариадна в одном нижнем белье присела на скамеечку, стиснула ладони коленями и смотрела в пол, ожидая Корнелия. Промокшие от пота рыжие кудри облепили череп и щеки, сделав ее еще более некрасивой. Может, вид Ариадны и заставил Корнелия сказать то, что он давно хотел, с самой первой их встречи:

– Вам нужно улететь отсюда. Вернуться на Землю, к людям…

Она медленно покачала головой.

– Вы беременны… вам нельзя подвергать опасности себя, – горячо продолжил Корнелий, опасаясь, что Ариадна прервет разговор и он больше не осмелится ей это предложить. По Юпитеру бежали волны, как по изображению на экране, и это придавало, как он думал, больше весомости его словам. – Мой «Тахмасиб» в вашем полном распоряжении. У меня здесь еще дела, но вы можете улететь хоть сейчас. Там есть все необходимое. Он опасен, вы же понимаете…

Ариадна пожала плечами:

– У него замашки бога, но что тут удивительного? Наука порвала с религией, чтобы самой занять ее место. Во имя науки принесено столько жертв, сколько не снилось и самому свирепому инквизитору. Но какая религия без бога? Даже если это наука? Вы читали сказку «Карлик Нос»?

Корнелию показалось, что он ослышался.

– Гауф? Да, конечно… но какое отношение…

Ариадна встала, посмотрела на Корнелия.

– Перечитайте. Может, тогда поймете – отсюда не улететь. Никому и никогда. Здесь даже умереть невозможно.

Она шагнула к валяющемуся неопрятной грудой скафандру, покопалась в складках, извлекла ракетницу, широко разинула рот и нажала кнопку.

Это произошло настолько быстро и буднично, что Корнелий не успел среагировать. В первый раз в жизни он увидел, как взрывается человеческое тело. Всё. Полностью. От макушки до пяток, превращаясь в облако кровавых ошметков. Будто вспышка сверхновой. Взрывная волна в замкнутом крошечном помещении отбросила Корнелия на переборку, но, к счастью, покрытие смягчило удар, да и сказалась закалка организма, многократно

переносившего перегрузки в десятки «ж». Но вот предохранительные цепи сознания не выдержали. Мрак сгустился, Корнелий попытался вырваться из ледяных щупалец, но не смог.

Гауф… Карлик Нос… Гауф… Карлик… Нос…

Он убегал, а позади доносился тяжелый топот и свирепый рык чудовища, которое гнало его по лабиринту переходов. Он понимал – преследователь играет. Ему ничего не стоило схватить беглеца, но чудовищу доставляло большее удовольствие то, что сама жертва поймет всю бессмысленность бегства и наконец-то остановится принять уготованную участь… Он это понимал, но все равно не мог остановиться, возобладать рацио над инстинктом самосохранения…

Над ним возвышался Червоточин и внимательно рассматривал. С интересом энтомолога, готового уморить особенно ценный экземпляр бабочки. Только через некоторое время Корнелий осознал, что лежит в каюте, непонятно кем сюда перенесенный. Тело будто не принадлежало ему. Он хотел вскочить, но вместо этого губы шевельнулись, и он услышал голос. Чужой голос, каким говорило чужое тело, в нем оказалось его сознание:

– Я не хочу участвовать в эксперименте.

Червоточин покачал головой:

– Дороги назад нет, я ведь предупреждал.

Тело, в котором пребывал Корнелий, теперь сидело на жесткой койке, и комиссар убедился – каюта тоже не его. На столике стакан, от него ощутимо пахло алкоголем, в тарелке остатки еды. Десятки мельчайших деталей указывали – обитатель каюты погружен в депрессию, бороться пытался традиционным способом – чрезмерным употреблением спиртного.

Червоточин взял емкость, понюхал, сморщился:

– Откуда эта гадость?

– Сами гоним, – сказал сидящий. – Имеются небольшие проблемы с дистилляцией, но эксперименты идут успешно. Оказалось, что угольные фильтры позволяют довести уровень очистки…

Пощечина. Корнелий видел резкий замах руки Червоточина, и мог бы уклониться от удара, но тело не повиновалось, он оставался в нем посторонним.

От удара голова откинулась, стукнулась затылком о мягкое покрытие переборки. Тело всхлипнуло:

– Я не могу… я не хочу… я виноват… сигнал не проходит… пытался связаться с Ио… Европой… молчание на всех частотах… даже маяки, а ведь они должны… должны… мы провалились…

упали в эту чертову сингулярность! Упали! Упали!!! Сигнал… я послал сигнал с просьбой прислать комиссара… по братству… единственный сигнал, на который пришел ответ!

Червоточин сжал его лицо ледяными ладонями, приблизился, так что глаза заполнили все поле зрения, и Корнелий с изумлением увидел – их радужки неотличимы по цвету от Юпитера – полосато-леденцовые, и даже красное пятно имелось. Судя по всему, сидящий это тоже понял, дернулся, но Червоточин держал крепко.

– На этот раз все получится. Понимаешь? Все получится. Никаких ошибок. Никаких срывов. Условия эксперимента воспроизведены идеально. Идеально! Тебе нужно только собраться. Сейчас все зависит от тебя. И от меня, конечно. Но свою часть я выполню. Так, как нужно. Понятно?

И еще – по лицу Червоточина прошла рябь. Как помехи по голографическому изображению. Однако Корнелий не успел разглядеть подробности, тело зажмурилось, вскрикнуло, точно крохотное, жалкое животное, попавшее в зубы хищника. И нечто действительно вцепилось, рвануло, обхватило и вывернуло. Корнелий словно попал в мясорубку, набитую человеческими телами, он ощущал их тепло, чужие руки ощупывали, стискивали, при этом вся масса включена во вращательно-поступательное движение и громче становился хруст – хруст перемалываемых тел. Но вырваться невозможно, Корнелий отчаянно дергался, чувствуя – еще поворот шнека, и его протолкнет под лезвия. Тела теснее прижимались друг к другу, а запах плоти, превращенной в фарш, усиливался.

Корнелия перемололо. Бесформенной субстанцией он падал в бесконечность, пока могучая сила не подхватила, раскатала в тончайшую поверхность, и он вновь не начал падение, такое же бесконечное, но теперь от него отщипывали мельчайшие кусочки и скармливали черной глотке – бездонной и ненасытной…

Он узнал помещение – стандартная кают-компания, какая полагалась для типовых проектов исследовательских баз на спутниках планет-гигантов. Какое-то время назад (время? назад?) Корнелий сидел в ней и хлебал суп из хлореллы в обществе Ариадны и Червоточина. Теперь все разительно изменилось. Не было запустения. Кают-компания гудела от голосов – молодых и звонких.

– Здесь свободно, товарищ? – Молодая девушка с подносом, курносая, веснушчатая, какими только и могут быть ярко-рыжие личности. Поднос с судками – явно не хлорелла, а нормальное питание, доставляемое регулярными транспортерами прямехонько с Земли.

Корнелий попытался кивнуть, опасаясь, что не вернул способность управляться с вместилищем сознания, но тело охотно подчинилось. Пододвинувшись, освобождая место изголодавшейся рыжей, он украдкой оглядел собственные руки и пальцы. Знать как свои пять пальцев, вспомнилась Корнелию присказка, и он удивился – почему только пять? Впрочем, руки тоже были его. Корнелия.

– Новенький? – осведомилась рыжая и широко улыбнулась. Церемонии здесь, скорее всего, не почитались. – Сегодня прибыли? Раньше вас не видела… Хотя о чем я! Я на базе месяц не была, половина лиц незнакомых. Ловила метеоры в кольце Юпитера. Понимаете? Кто, кроме Нити Дружининой с такой задачей справится? – Примарка самодовольно и картинно задрала курносый нос, попыталась скорчить серьезную физиономию, но не выдержала, прыснула.

И вновь Корнелий подумал, что выражение насчет чертиков, пляшущих в глазах, отнюдь не поэтическая метафора. Чертики выделывали джигу в отчаянных зеленых глазах Нити Дружининой.

8. Теогенезис

– И сотворил человек бога по образу и подобию своему! – Полный, какой-то всеобъемлющий глас наполнил кубатуру кают-компании, и Корнелий невольно вздрогнул – и от неожиданности, и от смысла. Будь он верующим, обязательно перекрестился. – Бог – это я! Да, мои претензии скромны. Не хочу быть еще и царем. Должность царя отдайте Минотавру… Минотавр, бык мой, ты где?

– Где же твой рай, бог? – весело выкрикнули из зала, Червоточин покачал головой:

– Неблагодарные создания, не сотворившие ничего полезного для науки, а уже взыскующие райских кущ! Что ж, будет вам Эдем, надо только выбрать для него подходящий планетоид. Я склоняюсь к Ио…

– Это кипящий ад, бог! – возопило несколько голосов с деланным отчаянием. – Нам не подходит! Мы не черти!

– Ничего, ничего, нет такого ада, который нельзя сделать раем!

Корнелий откашлялся и поинтересовался у соседки:

– Он действительно бог? – Только обратившись к ней с вопросом, комиссар заметил, что она, бросив хлебать борщ, смотрит в сторону, а в ее глазах не выделывают джигу чертики, глаза светятся подлинным обожанием, сродни с религиозным. Хотя действительно религиозных людей он в своей жизни не застал, они вымерли гораздо раньше.

Нить нетерпеливо махнула рукой, будто отгоняя назойливую муху, однако глас исчез, девушка ойкнула и, повернувшись к Корнелию, прижала ладонь к груди:

– Простите… простите… так невежливо с моей стороны… Вы ведь ничего не знаете… Это – Червоточин… Сам!

– Странная у него фамилия, – не удержался Корнелий. Филология и этимология для него являлись даже не столько хобби, сколько средством воспринимать гармонию космических сфер. Фамилия самозваного Господа вносила в гармонию режущий чувство прекрасного диссонанс.

– Фамилия как фамилия, – передернула плечиками и слегка сдвинула брови девушка, и Корнелий окончательно убедился, что она по уши влюблена в Червоточина, как только может влюбиться молоденькая и страстная особа в своего учителя. – Если хотите знать, это и не фамилия вовсе.

– Творческий псевдоним? – Корнелий улыбнулся, но Нить осталась серьезной. Пухлые губы, так свойственные наивным

девицам, сжались, превратились в тонкую линию, отчего лицо соседки приобрело неподходяще жесткое выражение. Корнелий произнес: – Простите, право… я человек в фаланге новый, не слишком осведомлен о местных обычаях и ритуалах, а как говорится – в чужую фалангу со своим уставом не вступают…

Нить смягчилась:

– Червоточин – действительно творческий псевдоним. Он не любит свое настоящее имя. А поскольку он достиг таких высот и глубин в теории червоточин, то и псевдоним взял – Червоточин. Он считает, ученый должен стать живым воплощением той науки, которой себя посвящает. Только тогда можно добиться в ней хоть чего-то. Все очень просто и понятно.

– Да, – пробормотал Корнелий. – Очень просто и понятно…

– Корнелий, дружище, где ты?! – Вновь Глас наполнил кают-компанию, легко перекрывая шум и гам, столь свойственный местам, где собираются энтузиасты своего дела. – Отзовись, друг мой!

Корнелий поперхнулся. Закашлял. Схватил салфетку, вытер губы. Бумажка оказалась столь щедро отрезана от рулона, что вполне годилась на лист писчей бумаги. Казалось, Корнелий неловко пытается укрыться от призывающего Гласа. Тот, несмотря на звенящее доброжелательство, наверняка ничего хорошего, за исключением Страшного суда, не сулил. Нить прошептала:

– Это же вас! Идите!

«Не хочу!»

– Не заставляйте ЕГО ждать, – в голосе Нити звучала смесь восхищения и зависти. Она наверняка отдала все, лишь бы поменяться с Корнелием и броситься на зов Червоточина, как мотылек на горящую свечу.

Корнелий встал и пошел на зов, ощущая прикованные к нему десятки взглядов – столь же восхищенных, завидующих, ободряющих, мол: «Смелей, смелей, товарищ! Хотел бы и я быть на твоем месте, чтобы и Он призвал меня, как призвал тебя!» Корнелий растерянно осматривался, не потому что выискивал источник зова, но чтобы встретиться со множеством глаз, вглядеться в лица тех, для кого Червоточин – бог и царь, хотя последнее звание он милостиво сложил с себя, щедро одарив им неизвестного Минотавра. И глаза эти – зеленые, карие, голубые, серые – светились преданностью учителю, вождю, наставнику… Нет, нет и нет, поправил себя Корнелий, не учителю, не вождю, не наставнику, а кому-то гораздо большему, кому-то, кто вправе, ощущая на себе подобные взгляды, самочинно провозгласить себя богом. И все, что бог возжелает, они немедленно исполнят…

Ему хотелось тряхнуть головой, избавляясь от подобных

мыслей, как встряхивается после купания пес, разбрызгивая с шерсти тучи брызг.

Столик Червоточина располагался в углу кают-компании, у панорамного окна, откуда открывался вид на территорию базы и поверхность Амальтеи. Юпитер еще не взошел, на небе щедро блистали звезды, двигались крохотные диски обширного семейства спутников любвеобильного гиганта-громовержца, серебрилась полоска кольца, предвещая скоротечный день под карамельным светом газовой недозвезды.

Червоточин сидел один, но рядом возвышалось огромное существо, сначала Корнелий принял его за рыцарский доспех, каким-то чудом доставленный с Земли и явно принадлежавший гигантскому средневековому рыцарю. Потом сообразил – это древний робот из славной когорты первопроходческих машин, умопомрачительный по энерговооруженности, защищенности и живучести тектотон, какие в обязательном порядке включались во все экспедиции на небесные тела Солнечной системы. Тектотон стоял, по-человечески сложив длинные верхние манипуляторы на груди. Он него исходило хорошо различимое даже в шуме кают-компании низкое гудение.

– Вижу, вам понравился Минотавр, – сказал Червоточин, поднимаясь из-за столика и протягивая Корнелию руку. Сухое и сильное рукопожатие – именно такое, какое предпочитал Корнелий.

– Любопытный экспонат, – заметил Корнелий. – Как вам удалось его раздобыть, да еще в таком состоянии?

– Я не экспонат, – раздался голос, больше похожий на скверно отмодулированное гудение холодильной установки. – Я – первопроходец!

Корнелий готов был присягнуть перед высшим судом фаланги, что в гудении явственно прорезались обида и гордость. Тектотон поднял сжатый в кулачище манипулятор в древнеримском приветствии.

– Аве, цезарь, – пробормотал Корнелий, Червоточин рассмеялся.

– Могучий экземпляр, и как вы верно заметили, глубокоуважаемый комиссар, в превосходном состоянии. Это наш маскот. Участвовал в освоении лун Юпитера, да здесь и остался. Прикипел, так сказать, душой и телом. А душа у него, поверьте, имеется. Впрочем, что такое система Юпитера, как не Солнечная система в миниатюре? Чего у нас нет из того, что есть у вас? Будь я и в самом деле богом на этапе ученической демиургии, взял бы моделью сотворения собственного мира Юпитер и его спутники…

– Здесь нет солнца, – сказал Корнелий, но Червоточин только

махнул рукой.

– Достаточно сжать Юпитер, чтобы запустить в его ядре реакцию термоядерного синтеза, и вот – собственное светило! Прогорит быстро, ну да и время ускорить – не проблема, старик Эйнштейн нам в помощь.

– Насколько мне помнится, – усмехнулся Корнелий, – бог творит как раз из ничего, но вы, желая принять его атрибуты, продолжаете творить по-научному – выбирая модели.

– Даже всемогущество требует ученичества. Научное познание – лабиринт, уважаемый комиссар. Входишь в него и не знаешь, как выбраться, за каким поворотом тебя подстерегает Минотавр.

Корнелий хотел съязвить, что, видимо, поэтому Червоточин и делегировал царские полномочия Минотавру, дабы приручить того, но удержался.

– Как вам здесь? – с ударением на последнем слове. И вновь во вроде бы обычном вопросе вежливости комиссару почудился подтекст, будто Червоточина интересовало его мнение не как прилетевшего на опустевшую в каком-то ином пространстве – времени базу на Амальтее, а непонятным образом провалившегося в события, происходившие задолго до мерзости запустения. Корнелий это время застал. Он внимательно посмотрел на Червоточина, но тот продолжал безмятежно есть манную кашу – густую, приправленную малиновым вареньем. И никакой хлореллы.

– Чтобы понять, почему все так закончилось, необходимо узнать с чего все начиналось, – сказал Корнелий.

9. Фронтир

– Хотите кашу? – невпопад спросил Червоточин. – Обожаю манную кашу, а здешняя киберкухня варит ее изумительно, без единого комочка, да еще приправляет вареньем. Представляете? Наш кашевар с ума сошел, пытаясь выяснить, откуда она его добывает, даже порывался разобрать агрегат, но я, конечно, не разрешил. У меня на этот счет гипотеза – малиновое варенье поступает в ее закрома прямиком из деревни Утка, Гомельский район, Земля. Прямиком из тех времен, когда я проводил там босоногое детство у дедушки с бабушкой. Даже припоминаю огромные банки с вареньем, бабушка его варила и щедро отпускала мне с него пенки.

– Любопытная гипотеза, – сказал Корнелий. – Многое объясняет.

Ложка с манной кашей замерла в воздухе. Червоточин внимательно посмотрел на комиссара, и тот почувствовал, что заставляло вращаться мир вокруг этого человека. То, что во времена оные именовалось харизмой. Или энергетикой. Притяжением. И хотя Корнелий обучен справляться с подобными феноменами, столь свойственными лидерам фаланг, он на мгновение оцепенел.

– Любопытство. – Червоточин слизнул кашу с ложки. Ел он чудно́ и не сказать, что приятно. Но Корнелий заставил себя смотреть, как светило науки о сингулярностях и червоточинах осторожно подбирает кончиком языка густую субстанцию, будто мороженое. – А скажите, комиссар, ваше явление здесь – тоже любопытство? Видите ли, наша фаланга живет и процветает, и если мне не изменяет память, никаких жалоб и нареканий от ее членов вам не направлялось.

– Вы отслеживаете все каналы связи с внешним миром? – невозмутимо поинтересовался Корнелий.

– Гм… меня учили – невежливо отвечать на вопрос вопросом, хотя вас может извинить непривычка к моей манере решать проблемы. – Червоточин слизнул последний комок каши и неуловимо резким движением воткнул ложку в тарелку. Корнелий готов был поклясться, что столовый прибор пронзил дно и вошел в столешницу, поскольку она сохранила вертикальное положение после того, как ученый разжал кулак и убрал руку. – Что ж, спрошу иначе. За каким дьяволом вы, Корнелий, комиссар по братству, человек, судя по всему, занятый по горло этим самым братством, являетесь в мою вотчину? Она никакой угрозы Внеземелью не несет, а даже наоборот – обещает

ему в скором времени невероятный прогресс и процветание. А кроме того, являет собой самый совершенный образец братства – научного и человеческого. Уверяю вас, все они – молодые бездари, но для их лет подобное состояние ума вполне нормально. Я творю из них новых людей! А из новых людей творю все, что моей воле угодно… Вот, кстати, моя жена считает, что на роль людей больше подойдут ее… гм, я называю их лягушками, но она требует от меня большей строгости в терминах. Хорошо, ее земноводные. Может, вам заняться ими? Внушить идеи братства, так сказать, на первых этапах сотворения иной, нечеловеческой цивилизации.

– Видите ли, товарищ Червоточин, вы, как ученый и далекий от проблем Внеземелья человек, не вполне представляете специфику моей работы, равно как я мало что понимаю в сингулярностях и вряд ли отличу искусственную сингулярность от естественной, если таковые мне встретятся…

– И те и другие – первозданный хаос, упорядоченный разумом. Но первые более волосаты, – сказал Червоточин.

– Что? Э-э…

– Неважно. Продолжайте, комиссар. Вы остановились на специфике вашей работы. Очень интересно.

Корнелий помолчал, но видя, что Червоточин готов и дальше слушать, продолжил:

– Так вот, специфика моей работы не в том, чтобы решать проблемы, а в том, чтобы их предупреждать. Это важно осознать, поверьте. Когда проблема появляется и требует ответных действий, это означает – я потерял хватку. И теперь обстоятельства диктуют нам, что делать, а не мы диктуем им, в каком направлении развиваться. Чтобы проблему предотвратить, необходимо понять ситуацию, в которой она может возникнуть. Контекст.

– Понять – значит предотвратить, – сказал Червоточин. – И что именно вы желаете понять здесь? На Амальтее?

– Всё, – улыбнулся Корнелий. – Мне нужно все.

Червоточин зачерпнул ложку каши, поднес ее ко рту, но затем вернул на место.

– Что ж, Корнелий, пожалуй, я не буду выставлять вас с позором с территории фаланги, хотя и в фалангисты не собираюсь посвящать. Вот в ученики я бы посвятил вас с удовольствием. И знаете почему?

Комиссар пожал плечами.

– Вы – чистый лист бумаги во всем, что касается теории сингулярности и червоточин. Взгляните на эту ораву молодых и ранних. – Червоточин широко раскинул руки, будто собираясь

обнять разом находящихся в кают-компании. – Наверное, у вас создалось впечатление, что я для них царь и бог? Что они готовы поклоняться мне и внимать каждому слову учителя? Ха-ха-ха!

– Разве не так? – Корнелий вспомнил полные обожания глаза Нити Дружининой. – У меня создалось впечатление…

– Оно ошибочно, – сухо сказал Червоточин. – В науке нет не только царских путей, а заодно путей комиссарских, но в науке нет и царей, Корнелий. Ньютону пришлось взгромоздиться с ногами на спины и плечи предшественников, дабы взглянуть дальше них и сформулировать законы ньютоновой механики. Взгромоздился наверняка в испачканных навозом и грязью сапожищах, а ему на парик влез старина Эйнштейн и попрал в прямом и переносном смысле все то, что постулировал сэр Исаак. Наука только так и развивается – мы не продолжаем, мы отвергаем, опровергаем и выдвигаем новые теории. Особенно там, где пролегает фронтир, передовая линия битвы между известным и неизвестным. Наука не ведает жалости и презирает авторитеты. Французская революция у нас свершается каждый день, понедельник начинается в субботу, а революционная гильотина не перестает работать даже по ночам.

Корнелий невольно потер шею, Червоточин рассмеялся, однако глаза оставались ледяными, как и расстилавшийся за панорамным иллюминатором пейзаж Амальтеи.

10. Свидетель

– И ты, Брут, – с горечью сказала Нить.

Корнелий как раз вывернул из радиального коридора, чтобы попасть на галерею, опоясывающую приплюснутый диск базы. Отсюда открывался все тот же вид ледяных пустошей. Не то что он по ним соскучился. Комиссару хотелось побыть в одиночестве. Вряд ли в разгар подготовки к эксперименту, на который приглашен и он, Корнелий, кто-то еще осмелится бездельничать, сидя и потягивая прохладительное, словно ему не хватает вида промороженной поверхности планетоида. Как оказалось, он ошибся – в галерее находились двое. Нить Корнелий признал по голосу, а вот ее собеседник на слух был ему незнаком.

– Я не могу молча наблюдать, как мы вязнем в бессмысленных опытах.

– Тебя никто не заставляет молчать, Брут, – сказала Нить. – Наберись храбрости и скажи ему. В конце концов ты был его любимым учеником.

– Был – ключевое слово. Я пытался связаться хоть с кем-то за пределами Амальтеи, но у меня не получилось. Словно мы в сингулярности, откуда не исходит ни единого сигнала… Горизонт событий, а может – преступлений!

– Прекрати… я не выношу, когда ты такой…

– Какой?

– Депрессивный и огульный… Ты огульно обвиняешь его в преступлениях, которые он не совершал…

– Я обвиняю его в преступлениях, которые он совершит! Тебе следует лучше штудировать теорию сингулярностей. В них не имеет смысла разделять прошлое и будущее. Он сам – огромная и непознанная сингулярность, в нее мы все падаем… я даже пытался подступиться к Ариадне, предупредить… но все бессмысленно… она холодна, как и ее лягушки…

Корнелий боролся с искушением явить себя перед говорящими или остаться до поры невидимым свидетелем разговора. Второе, конечно, предпочтительнее. Судя по всему, не все на станции воспринимали Червоточина как бога. Так, по крайней мере, комиссару показалось.

Молчание затянулось. Когда Корнелий решился выглянуть из-за угла и посмотреть – что явилось тому причиной, Нить вновь заговорила:

– Прекрати… не надо… Брут…

– Ты так часто повторяешь мое имя, что я невольно ощущаю себя убийцей Цезаря.

– Не выдумывай. Ты знаешь, как я к тебе отношусь…

– А еще я знаю – ты всегда будешь на его стороне. Что бы я не доказывал, как бы не тыкал в зияющие дыры в этой его так называемой теории червоточин и искусственных сингулярностей… Там концы с концами не сходятся, но никто не желает этого видеть! Впрочем… никто и не может этого увидеть, ведь его стараниями тут собрались исключительно узкие специалисты. Каждый занимается своим куском мозаики, право сложить которую он узурпировал… А его творческий псевдоним! Ты можешь представить себе Ньютона, который бы подписывался как Тяготение? Или Эйнштейна, сменившего фамилию на Относительность? Ха!

– Он целиком и полностью посвятил себя этой работе, Брут. И ты, Брут…

– Как раз это пугает до чертиков. Ученый не должен целиком и полностью отдавать себя работе.

– Вот как? Почему? Разве не так поступали великие…

– Ученый тогда путает собственную жизнь и науку. Его теории становятся его жизнью, без них он себя не мыслит, а значит, не готов и не сможет от них отказаться. А для науки очень важно – уметь признать собственную неправоту.

– Особенно, если на ошибки указывает сопляк, – голос Нити наполнился сарказмом. – Который в науке без году неделя, а уже считает себя вправе. И к тому же… вовсе не собирается полностью отдаться науке…

Корнелий прислушивался к возне в коридоре. Ему хотелось удалиться. Вот прямо сейчас. На цыпочках. Будто его здесь и не было. Ведь происходит банальнейшее недоразумение – милые бранятся, только тешатся… Однако комиссар не может себе позволить воспринимать происходящее исключительно в романтическом ключе. Он должен воспринимать это прагматично, по крупицам выбирая из любого сора информацию, что позволит ему принять обоснованное и окончательное решение. Поэтому единственное, что Корнелий себе позволил, так это беззвучно прошептать: «Простите».

Брут тем временем продолжил и, судя по слегка задыхающемуся голосу, некие его действия достигли успеха:

– Мне… нужно… попасть сегодня… в дежурную смену…

– Зачем? – Голос Нити также указывал на рост температуры встречи. – Подожди… а если сюда кто-то придет?..

Брут по-детски хихикнул:

– Еще раз посмотреть на эти ледяные груди… тьфу, груды? От них всех тошнит…

– Не всех… Корнелий…

Услышав свое имя, комиссар вздрогнул и невольно попятился.

– Что – Корнелий?

– Он не видел. И он может сюда прийти любоваться восходом Юпитера. Увидит нас здесь в таком виде…

– Естественный вид. Что он – голых не видел? Кстати… то, что на базу прибыл комиссар, мне на руку… По крайней мере, Червоточин не сразу вышибет меня с Амальтеи… Так ты согласна?

– Ты мне делаешь предложение? Считаешь, что как честный человек после всего случившегося должен образовать со мной первичную ячейку фаланги? Или ты о другом? И ты, Брут…

– Знаешь, я даже не ревную.

На этом Корнелий иссяк. Он вдруг ощутил, как закончился тот запал, который держал его в этом закутке, заставляя выслушивать любовный шепоток молодых, не нашедших иного места уединиться. А где еще им уединиться во чреве станции, набитой молодыми энтузиастами, прибывшими со всех уголков Солнечной системы, дабы возложить и свою долю жертвы на алтарь науки. И пусть эта жертва – крохотная и смешная, всего лишь отказ от удобств во имя блистающего будущего, творимого нами, но не для нас, но все же… И Червоточин восседает в центре станции, словно мифологическое чудище с головой быка, привечая в свой лабиринт молодых, ранних, перспективных. Если подходить к сложившейся ситуации с точки зрения затхлого формализма, то в ней несомненно можно усмотреть некие нарушения. Но во всяком случае не те, какими должен заниматься комиссар по братству…

Корнелий отступал вглубь. Пятился спиной вперед – к лифтовой площадке, пятился до тех самых пор, когда до него донесся вопрос Брута:

– Так ты уступишь мне сегодня смену? Это моя последняя возможность доказать ему… показать ему…

Ответа Нити Корнелий уже не расслышал, так как уперся в нечто твердое, горячее и явно – не стену лифтовой площадки. До той еще десяток таких вот шажков – спиной вперед. От внезапного препятствия комиссар отскочил – сработали рефлексы, – развернулся, но тут же опустил изготовленные к схватке руки. Под потолок коридора, чуть не упираясь шишками антенн в световые панели, стоял робот. Тот самый – первопроходческий, назначенный Червоточиным царем Амальтеи. Минотавр.

– Простите, – сказал робот. – Я испугал вас, возмутив траекторию вашего движения. Но вы двигались столь

неестественно, что имелась вероятность зацепиться за поёлы и упасть. Пониженная гравитация смягчила удар, но я счел необходимым предотвратить несчастный случай.

Корнелий на мгновение замер. Меньше всего ему хотелось, чтобы этот металлический соглядатай двинулся в галерею и застал там молодых людей.

– Прогуливаетесь? – поинтересовался комиссар, попытавшись встать в коридоре так, чтобы первопроходческий антиквариат не мог его миновать, не попросив подвинуться. На что он, Корнелий, конечно же, согласится, но сделает это не сразу, а потянув время и по возможности возвысив голос, чтобы его услышали Нить и Брут. Сообразив, что их уединению пришел конец, приведут себя в надлежащий для исполнения служебных обязанностей вид, а то и вовсе ускользнут от нежелательной встречи с царем базы. – Разминаете, так сказать, механические сочленения, гм…

Больше всего в металлическом болване раздражало отсутствие глаз. Опоясывающие металлическую башку буркала в счет не шли, скорее наоборот – они походили на черные пуговицы, хаотично разбросанные по голове робота, делая его смахивающим на паука. Торчащие рога антенн придавали ему еще более чудовищный вид. Корнелий попытался сосредоточиться на парочке подходящих под эрзац-глаза буркал, но выходило не очень – их акулья холодность вызывала в теле озноб. Хотелось даже ближе подвинуться к тепловой панели.

– Я за вами, – сказал робот, не делая попыток миновать Корнелия. – Червоточин приглашает вас подняться в башню для наблюдения за экспериментом эс-че номер двести семьдесят четыре дробь а.

– Что? Какого эксперимента?

Робот повторно отчеканил:

– Эксперимент с кодовым шифром эс-че, что означает «создание червоточины». Номер эксперимента согласно журналу – двести семьдесят четыре дробь а.

– Понятно… спасибо за приглашение. – Корнелий невольно оглянулся, но тут же повернулся к роботу. – Вы ведь меня проводите? Я не ориентируюсь в вашем лабиринте.

Книга VIII. Люцифер

1. Терра сингулярность

По форме Амальтея напоминала неряшливо чищенную картофелину, из которой пришлось вырезать кратеры укоренившейся гнили. Самый глубокий – Гея – уходил на десятую часть диаметра планетоида в рыхловатую ледяную поверхность. Исследовательская база располагалась на дне Геи, поэтому отсюда – из башни – казалось, что на близком горизонте громоздятся высокие ледяные горы. Поскольку приливное действие Юпитера синхронизировало два цикла Амальтеи – вокруг гиганта и вокруг собственной оси, восход газового гиганта обеспечивался либрацией спутника. Как объяснил Корнелию приданный ему юнец-проводник с нежным пушком на румяных щеках, его комиссар про себя назвал ординарцем, время проведения опытов старались выбирать так, чтобы Юпитер не заслонял небо.

– Так лучше виден ход бурения, – весело объяснил юнец, и опять Корнелий не понял его жаргонизм.

– Бурение? – переспросил он. – Я как-то иначе…

– А! Нет, не в том смысле! – Юнец от восторга хлопнул себя по бедрам ладонями. – Ой, не могу! Так и представил себя горняком! Да и что тут копать? Комок космического снега, к тому же протаявший. Тут везде полно пустот, знаете ли… Нет, мы бурим вакуум. Бурильщики вакуума! Это звучит гордо! – Скорость словоизвержения ординарца была невероятной, и Корнелию приходилось прикладывать усилия, чтобы воспринимать хотя бы общий смысл словесного водопада, обрушиваемого на его голову. Ординарец бесцеремонно схватил комиссара под руку, подтащил к экрану:

– Вот бурильные установки, ну, не бурильные на самом деле, мы договорились, у нас терминологическая аберрация, на деле – самые мощные лазеры в Солнечной системе, патрон специально заказывал в Небесном Пхеньяне у космократоров… мощность… энергопоток… степень когерентности… странное число… – Ординарец выстреливал цифры с точностью до десятого знака после запятой со скоростью пулемета. И по большей части Корнелию непонятных, хотя за время пути на Амальтею он постарался, насколько мог, вникнуть в теорию и практику искусственных сингулярностей, однако сейчас не мог выявить в пулеметной речи юнца промежуток, достаточный, чтобы попросить уволить его от подробностей. Пришлось несколько раз прокашляться, последний раз совсем уж нарочито громко и неприлично, прежде чем юнец соизволил прерваться и

озаботиться здоровьем подопечного. – Простите, с вами все в порядке?

– Всё… – сипло сказал Корнелий. – В горле запершило… А нельзя ли… уважаемый И… – На нагрудном шевроне юнца было выткано И. Царевич, но комиссар сомневался, что это истинная фамилия, а не шутка.

– У меня такая фамилия, – не замедлил подтвердить И. Царевич. – Почему-то некоторых смущает. В ней что-то не так?

– Нет-нет, нормально, – поторопился Корнелий. – Но позвольте уточнить… я скажу своими словами, а вы только кивните – прав или нет относительно того, что здесь будет происходить. Договорились? – И. Царевич кивнул. – Славно. Так вот… насколько я понимаю, на тех треножниках расположены мощные лазерные пушки, а на платформе укреплена мишень из металлического водорода. Эксперимент состоит в том, что лазерные лучи со специально отмодулированной когеренцией воздействуют на мишень, в результате теоретически должен возникнуть индуцированный выброс виртуальных частиц с соответствующим нарушением законов сохранения. А так как Вселенная не терпит нарушений законов сохранения, то вслед за этим образуется квантовый объект – сингулярность, который снимет факт вопиющего нарушения фундаментальных основ мироздания… Так?

– Не так! – раздался веселый голос из-за спины Корнелия. Услышав его, И. Царевич вытянулся во фрунт, задрал подбородок, выпучил глаза, и комиссару показалось, что юнец во все горло заорет: «Здравия желаю, товарищ генерал!» или какое там себе звание присвоил Червоточин.

Корнелий повернулся к Червоточину и тоже в шутку приложил пальцы ко лбу.

– Мы предпочитаем говорить не законы сохранения, а законы симметрии. Первые – частный случай вторых. Возможно, вы задаете себе вопрос: за каким дьяволом мы сидим на Амальтее, не самом удобном спутнике Юпитера, по большому счету он всего лишь комок подтаявшего снега, хотя в нашем распоряжении Европа, Ио, Каллисто? – Как и всякий опытный лектор, Червоточин не мыслил рассказ без активного вовлечения аудитории в диалог, даже если аудитория состояла из одного человека – Корнелия.

– Задаю, – покорно согласился комиссар. – Только его и задаю…

– Не язвите, Корнелий. – Червоточин подхватил его под локоть и подтолкнул ближе к экрану, повернул изображение и так, и эдак, давая возможность комиссару со всех сторон оценить

красоту экспериментальной площадки. – Все дело в гравитационном воздействии Юпитера на окружающее пространство. Вблизи столь массивного тела континуум изнашивается, покрывается трещинами, что облегчает задачу бурения вакуума. Конечно, идеальным вариантом для нас был бы Меркурий, но защита от солнечного излучения с лихвой перекроет экономию на мощности лазерных буров.

Корнелий вгляделся в экран и увидел на линии, отделяющей площадку с треногами лазеров от территории базы, фигуру, которую поначалу принял за человека в громоздком скафандре высшей защиты, но потом сообразил, что это робот.

– Наш ультима рацио, – усмехнулся Червоточин. – На тот случай, если что-то пойдет не так.

– Не так? – Корнелий насторожился.

– Полноте, комиссар. – Червоточин успокаивающе похлопал его по спине, Корнелий поморщился. – Физика искусственных сингулярностей – терра инкогнита. Моя теория до сих пор остается в гордом одиночестве, и вовсе не потому, как могут подумать некоторые, – губы ученого презрительно скривились, и комиссар тут же вспомнил Брута, – что я собственными руками душу всякого, кто осмеливается на нее покуситься. Отнюдь! Наука не то место, где следует бороться за власть, за приоритет. Тут все объективно. Твоя теория либо подтверждается в ходе эксперимента, либо опровергается в ходе эксперимента…

– А она подтверждается? – мигом спросил Корнелий.

– Не все так быстро и не все так просто, комиссар. Когда применяешь к мирозданию третью степень пыток – а что такое эксперимент, как не пытка природы? – торопиться не следует, дабы пытуемый раньше времени не скончался.

– Меня пугает ваша метафора, – заметил Корнелий. – Могу ли я понимать это так – эксперимент вполне может привести к катастрофическим для Солнечной системы и человечества последствиям?

– Вы чересчур верите в могущество человеческого разума, комиссар. Наши возможности скромны, если не сказать ничтожны… Что мы можем причинить мирозданию? Ну, разве какое-нибудь стекло разбить да на стене ругательство нацарапать… порой мне кажется, будто мы похожи на пачкальщиков подъездных стен, знаете, существовали такие в древности? Они видеть не могли чистые стены и потолки, и пачкали их всякими надписями. Вот и мы – что такое наши многомудрые теории, как не бессильные ругательства на стенах вечности?

– Для ученого вы чересчур пессимистичны, – сказал

Корнелий.

– В том, что я стал ученым, велика доля случайности, – сказал Червоточин. – Мой отец был одним из первопроходцев Венеры. Его первая экспедиция чуть не погибла, их танк оказался в эпицентре подземного атомного взрыва в Черных песках. Ему с двумя товарищами пришлось возвращаться к планетолету, севшему в зоне болот. Сотня километров без еды, без защиты от радиации, без надежды, что планетолет их дождется. Но он все-таки дошел, и не только дошел, а вернее дополз, но еще притащил на себе товарищей… Когда освоение Венеры шло широким фронтом, он поселился в Венусборге, там родился и я, став одним из первых примаром, как нас стали называть, тех, кто родился в мрачном мире под вечным отсветом багровых туч… Отец хотел, чтобы я стал продолжателем его дела – освоителем Венеры. У него к ней имелись свои счеты, и он желал, чтобы я преобразовал тот мир, где родился, превратил Венеру во вторую Землю, а может, даже и первую. Тогда много говорили о терраформовке, кое-что из технологий преобразования планет было опробовано на Марсе, но не слишком удачно… Однако я пошел в науку и занялся более интересующим меня делом – сингулярностями. Зачем возиться с одной, пусть и самой страшной планетой, когда можно заняться переустройством мироздания?

– Это у вас семейное, – пробормотал Корнелий, Червоточин только рассмеялся.

– Ариадна подыскивает подходящий океан, чтобы выпустить своих земноводных, и если они там не передохнут, то через сотню-другую миллионов лет из них может получиться нечто путное… Я ей предлагал иной вариант, но она верит в эволюцию, она для нее и есть бог-изобретатель. Океан Дирака – вот что нужно ее лягушкам, а не Европа и не Титан.

– Трудно быть богом, – заключил Корнелий.

2. Бурение

До этого случая Корнелий не присутствовал на подобных экспериментах и слабо представлял, на что они могут походить во фронтирной физике. Червоточин военачальником восседал на возвышении, оттуда разбегались ряды рабочих столов, перед экранами склонились юноши и девушки в одинаково белых комбинезонах. Здесь вообще преобладали лишь два цвета – ослепительно белый и черный, причем такой густоты, что взгляд воспринимал его как отсутствие материи вообще. Полукружие черных и белых клавиш перед Червоточиным представало перед Корнелием как чередование бытия и ничто, света и тьмы. В подтверждение подобной ассоциации из динамиков звучал джаз в исполнении любимого музыканта Червоточина Телониуса Монка.

Прежде чем занять место за одним из пультов, И. Царевич попытался устроить Корнелия на приступочке, откуда, как утверждал стажер, открывается наилучший вид на работу Червоточина. Комиссар отказался и пожелал найти местечко, откуда открывается наилучший вид на экспериментальную площадку. В конце концов он сжалился над И. Царевичем и отпустил его, оставшись у панорамного экрана башни. Снаружи пока ничего интересного не происходило, Корнелий разглядывал сидящих, выискивая среди них Нить, но девушку не обнаружил, зато взгляд его привлек молодой человек, занимавший один из пультов в среднем ряду. Он сидел напряженно, будто опасался, что его присутствие разгневает шефа и он с позором будет изгнан. Корнелий взглянул на Червоточина, с высоты обозревающего командный пункт и почти неотличимого от фантастического космического адмирала, которому предстояло вести межзвездную армаду миролюбивых землян против кровожадных жукоглазых интервентов.

– Итак, приступаем, – произнес Червоточин. Волна движения прокатилась по фигурам за пультами. – Зажигание!

Экран осветился. Будь на его месте обычный иллюминатор, вряд ли Корнелий рассмотрел происходящее на площадке – настолько ослепительно вспыхнули лазерные «буровые» установки, как их про себя назвал комиссар. А еще ему на ум пришло совсем архаичное сравнение с древними буровыми установками на нефтеносных полях. Земную твердь они бурили до нефти, использовалась она как топливо, в том числе и для транспорта, перевозящего людей из точки А в точку Б. И в определенном смысле здешние «буровые» тоже пытались решить логистическую задачу – обеспечить почти мгновенное

перемещение людей к звездам.

Там, где находился фокус скрещения лазерных лучей, вспыхнуло солнце, кипящее, выбрасывающее длинные языки протуберанцев, магнитосфера их сдерживала.

– Напряженность магнитного поля… Мощность излучения… Искажение симметрии… Толщина волосяного покрова… – Зал заполнялся голосами операторов, цифры сыпались как из рога изобилия, и поневоле Корнелий задался вопросом – улавливал их Червоточин на слух? Он полуобернулся и увидел, что тот сидит, закрыв глаза и прижав кончики указательных пальцев к вискам, будто у него неимоверно разболелась голова. – Включена программа модуляции излучения… – Этот голос комиссар сразу распознал. В отличие от остальных, звучащих с интонациями бездушных роботов, он звенел от напряжения. Брут.

«И ты, Брут», – промелькнуло у Корнелия.

– Приступить к бурению! – проревел Червоточин с яростью. Можно подумать, что все, кто сидел за пультами, в едином порыве вдруг решили отказаться от участия в эксперименте и дезертировать, а генералу, чтобы не потерять армию, ничего не оставалось как положиться на собственный голос. – Приступить! К бурению!

Корнелий вновь смотрел на экран, но на его дилетантский взгляд ничего нового не происходило. Рукотворное солнце так же полыхало, выбрасывая протуберанцы, как бы пытаясь вырваться из тисков магнитной ловушки.

А затем все изменилось. Будто кто-то резко распахнул темный занавес, отделяющий зрительный зал от сцены.

Корнелий падал в бездонный колодец. И больше всего его удручал не столь резкий переход от состояния, в котором он пребывал, к безудержному полету в бездну, сколько неспособность хоть что-то изменить. Насколько он бессилен перед могущественной силой, шутя сдернувшей его с твердой поверхности поёл станции и швырнувшей туда, где нет ничего, только он, он в полнейшем одиночестве и неизвестности – что его может ждать по ту сторону бесконечности? Собственное тело таяло, истончалось, будто он – не плоть живая, но кусочек сахара в кипятке, и это еще одно странное ощущение, может, не самое сильное в сонме других – страха, удивления, предвкушения, но несомненно из тех, которые он не испытывал в жизни. Он совершал инволюцию от развитого человеческого существа, организма, к тому комочку клеток, что пробегает миллионы лет эволюции, прежде чем покинуть лоно матери.

Бездна наполнялась светом, и, к огромному облегчению Корнелия, он вдруг понял, что может различать направления. По

крайней мере, два основных – то, откуда он падал, и то, куда падал. Из холодной тьмы в раскаленный свет. Вечность и бесконечность падения иссякали, истончались точно так же, как до этого истончилось и исчезло его тело – оболочка разума. Там, внутри притаилось испуганное, ужаснувшееся, но такое любопытное Я. Если бы у Корнелия все еще имелись глаза и веки, он бы зажмурился, закрылся от уплотнявшихся потоков, волн света, обретавших плотность, упругость взамен эфирности.

Что это? Что это такое? Где я? Зачем? Вихрь вопросов, не имеющих ответов. И Корнелий подумал, что в этом и заключается суть мироздания – лабиринт вопросов, и нет ответов, а так как даже вопросы не терпят пустоты, то они порождают из экзистенциальной пустоты того, кто если не найдет верные ответы, то, во всяком случае, попытается это сделать.

Минотавра.

3. Сверхновая

Сначала он решил, что видит плотный клубок ослепительных нитей. Из таких в древности вязали шерстяные носки, свитера и варежки. Только здесь его не пустили по полу, где он мог стать легкой добычей игривого котенка, а повесили в пустоте ни на чем. Внутрь поместили нечто еще более ослепительное, скворчащее, будто в коконе шевелилась куколка, завершившая цикл метаморфоза и готовая прорвать плотную оболочку шелковых нитей, чтобы явить себя наблюдателю во всей славе. Однако нити растягивались, напрягались, на них возникали чередования вздутий. Корнелий протянул руки к этому клубку, и только в это мгновение понял, насколько могут не совпадать их масштабы! Крошечная точка, бестелесная, воображавшая, что у нее есть какие-то там руки, и огромная полыхающая звезда спектрального класса голубых гигантов, рядом с ней остро осознаешь собственное ничтожество.

И нити вовсе не нити, а колоссальное астроинженерное сооружение, нечто вроде Сферы Дайсона, собранное из замкнутых сегментов, охватывающих звездную систему по угловым направлениям к плоскости эклиптики. Если тело Корнелия не могло его слушаться ввиду полного исчезновения, глаза послушно различали то, что комиссар желал увидеть. Ему показалось, что в свете звезды возникли спеклы – темные точки временного ослепления, на самом деле – планеты, они вращались вокруг звезды. Планетарная система почти такая же, как и у Солнца, – ближайшие к светилу принадлежали земной группе, дальше – газовые гиганты, окруженные роскошными кольцами, им бы позавидовал и Сатурн. Мегаструктура учитывала орбитальное движение планет, плавно изгибаясь там и тогда, где могли пересечься их пути. Сфера инопланетного Дайсона казалась живой, а возможно, таковой и являлась. Может, Корнелий заблуждался, приняв ее за искусственное сооружение, а на самом деле она – разумное существо или, точнее, – вещество, в своем эволюционном развитии достигшее воистину космического масштаба? Точно так, как в романе древнего сочинителя Лема таинственный океан Солярис полностью поглотил родную планету, управляя ее движением в неустойчивой системе двойной звезды, так и здесь эволюция заставила некое существо развиться до космических масштабов, чтобы противостоять… чему?

И когда Корнелий понял – чему, он рванулся назад, прочь, обратно через запутанные извивы червоточины. Туда, откуда явился в этот мир, не соображая, не отдавая себе отчета, даже на

крохотные движения мысли не оставалось времени, лишь вопя на всех диапазонах излучения: «Прочь! Спасайтесь! Бегите!», ощущая – он не единственный наблюдатель этих последних мгновений, прежде чем сверхновая все же вспыхнула, невзирая на оковы, которые пытались на нее наложить творцы мегаструктуры. И он бежал, спасался, чувствуя вновь возникшим телом на спине и затылке адский жар. Раскаленная волна катилась за ним по пятам по узкому каналу червоточины, он несся среди толпы таких же любопытных и безалаберных, кого их любопытство и безалаберность застали врасплох, если не сказать – погубили, ибо кто мог тягаться со скоростью распространения ударного фронта взрыва сверхновой? И кто мог хоть что-то противопоставить катастрофе галактического, а может, и межгалактического масштаба? Вспышка по яркости затмила спокойное и беспокойное горение миллиардов звезд во всех спиралях Млечного Пути. Лишь творцы мегаструктуры в своей наивности, что сочеталась с поистине космическим могуществом, тешили себя уверенностью, что могут справиться с неизбежной гибелью своего светила. Не справились. Не смогли. Ошиблись в расчетах. И лишь одно искупало их гордыню – они пытались, и только одно казалось милосердным – они погибли мгновенно.

А потом Корнелий нашел себя все так же стоящим у огромного экрана, уткнувшись в него лбом и ладонями, будто стараясь выдавить его, прорвать пленку высокопроводящего слоя, чтобы оказаться на экспериментальной площадке, где происходило жуткое. Он в миниатюре видел взрыв сверхновой. Но если там ее пытались сдержать нити колоссального астроинженерного сооружения, то здесь над ее усмирением работали лазерные буры, перешедшие в импульсный режим излучения, награждая новоявленную звезду столь же колоссальными по мощности уколами. Они как хирургические инструменты пытались одолеть разрастающуюся опухоль, но получалось скверно.

– Канал выходит из-под контроля…

– Не удается закрыть червоточину…

– Класс сингулярности неопределен…

Тишина переполнялась голосами – поначалу холодными, бесстрастными, но затем все более паническими:

– Прошу срочно дополнительных мощностей…

– Прерывание квантовых цепей…

– Обнаружена паразитная модуляция исходящих…

Абракадабра, подумал Корнелий, для меня – абракадабра. Я ничего не понимаю в искусственных сингулярностях и червоточинах. Единственное, что я сейчас понимаю: эксперимент

вышел из-под контроля. Но даже в этом нет ничего экстраординарного. В играх с мирозданием всегда побеждает мироздание… Созданое не нами и не для нас… а мы с маниакальной настойчивостью пытаемся его перестроить, выковырять кирпичик оттуда, отсюда, стараясь разобраться – как оно устроено… И есть ли у мироздания защита от таких, как мы? Дураки в слепоте и гордыне однажды по чистой случайности могут выковырять краеугольный камень, отчего все рухнет и мокрого места от нас не останется… Глупец! Надо было все прекращать. Не тащиться на Амальтею, чтобы собственными глазами убедиться в достоверности информации, а в первый и последний раз применить силу. Тупую бюрократическую силу, она тоже – часть мироздания и охраняет его от таких, как Червоточин – гениальных безумцев…

Робот, стоявший как истукан, вдруг резко двинулся с места. Он с невероятной скоростью и невообразимой для машины ловкостью мчался к ближайшему треножнику. Перед ним бежал десяток людей в белых скафандрах с непроницаемыми колпаками, и казалось, будто они спасаются от преследующего их громадного Минотавра. Чудовище вдвое превосходило человека, растопырило трехпалые манипуляторы, став похожим даже не столько на беззаконную помесь быка и человека, сколько на хищного жука. Вот-вот он схватит ближайшего убегающего, раздавит в стальных объятиях и выбросит прочь, чтобы схватить следующего… Корнелию пришлось собрать все самообладание, чтобы не закричать от вспыхнувшей и не желающей исчезнуть с мысленного экрана сцены.

Судя по всему, Червоточину пришлось задействовать свой «ультима рацио». Тем временем круглая башка треножника повернулась, и лазерный луч чиркнул по поверхности планетоида. Затем еще раз и еще. Корнелий понял, что он пытается попасть в робота, но тот с невозможной для человека ловкостью и скоростью уклонялся от смертоносного луча. Там, где лазер вспарывал поверхность, в небо вздымались фонтаны раскаленного пара, застывали причудливыми колоннами, а затем медленно-медленно оплывали как толстые свечи. Однако люди не обладали такой скоростью реакции, и вот один, второй, третий перечеркнуты огненной нитью, пока остальные не догадались о неминуемой опасности и не упали навзничь, тем не менее продолжая ползти к треножнику.

– Сингулярность покинула область удержания! – Истошный крик, Корнелия продрал озноб. Он хотел обернуться, но взгляд приковало то, что происходило с пылающим шаром сверхновой.

Шар стянулся в ослепительную точку. Ее яркость превысила

возможности экрана передавать изображение, и мир словно вывернулся наизнанку. Там, где черное, возникло серое свечение, там же, где свет, проявилась тьма. Черная точка сорвалась с места и пулей пронзила пространство. Взвыли сирены аварийной герметизации. А Корнелий с ужасом смотрел, как вспучивается экран, а затем оглушительно лопается, распадается на лоскуты, и вслед за этим черная точка приближается к нему, но он не в силах пошевелиться, чтобы уступить ей дорогу. Ураган выходящего наружу воздуха сбивает с ног, переворачивает, швыряет на переборку. В этом жутко неудобном положении, вниз головой, Корнелий видит, как черная точка приближается к Червоточину и исчезает во лбу.

4. Червоточина-в-голове

– Чепуха, – сказал Червоточин. – Как примар я могу дышать в атмосфере Венеры. А сингулярность в башке как-нибудь переживу. – Он завернулся в простыню, словно римский патриций, а над ним раскинул гибкие манипуляторы киберхирург. Манипуляторы неуверенно шевелились, а по экранам прокатывались сполохи помех. Ариадна сидела перед высокой койкой в чертовски неудобной позе, да еще так близко к раскачивающейся ноге Червоточина, что Корнелий опасался, как бы он ее не задел. Поза Ариадны выражала беспокойство, тоску, злость, и возможно, от этих чувств, переполнявших ее, она и казалась застигнутым внезапной бурей деревцем. Оно чудом устояло под ударом стихии, но со скрученным стволом и переломанными ветвями не выжить. Корнелию было больно на нее смотреть, но смотреть на Червоточина он тоже не мог. Поэтому уставился на киберхирурга, напоминающего то ли спрута, то ли паука, в раздумье зависшего над жертвой и соображавшего – есть или ни есть? Из радиоточки звучал неизбывный джаз в исполнении Телониуса Монка.

– Ничего не понимаю, – еще раз повторила Пасифия, штатный врач базы, что-то переключая на пульте. По сложности тот не уступал пульту космического корабля, а может, и превосходил его. Ведь дело приходилось иметь не с предсказуемостью небесных траекторий, а с непредсказуемостью человеческого организма. – Какие-то наведенные помехи… все ведь экранировано! Всё! – Она подняла взгляд от пульта и посмотрела на Червоточина. Но тот излучал не помехи, а исключительное довольство – в превосходном состоянии своего здоровья он не сомневался. – Необходимо связаться с базой на Европе, чтобы прислали медицинский шлюп. И срочно. Боюсь, придется делать трепанацию…

Червоточин захохотал и захлопал в ладоши, будто Пасифия сказала это исключительно для того, чтобы его развеселить.

Ариадна шевельнулась, в руке возник серебряный цилиндр, она поднесла его к губам и сделала глубокий вдох. Запахло корицей.

– Еще раз попытайтесь… – сказала Ариадна оператору. – Прошу вас…

– Дорогая, к чему беспокойство? Право, ничего необычного. Чувствую себя великолепно, так великолепно, как никогда не чувствовал. На меня снизошла благая весть! Я могу все! К тому же пора привыкнуть – после каждого эксперимента на базе кавардак.

Тут даже механические арифмометры и логарифмические линейки врать начнут. – Червоточин нагнулся, пытаясь достать рукой ладонь жены, но та откинулась на спинку, не желая, чтобы он до нее дотянулся. – Как твой анклав? Я беспокоюсь за наших квакающих братьев по разуму…

Корнелию надоело рассматривать киберхирурга, и его взгляд соскользнул на Червоточина, и он вновь увидел то, что почему-то больше никто не видел.

Головы у Червоточина не было.

И вдруг Червоточин исчез с койки и возник перед Ариадной. От неожиданности она подалась назад, пытаясь отодвинуться подальше, но седалище не дало ей этой возможности. Червоточин стоял перед ней на коленях, и черное пятно на месте головы склонялось к коленям женщины. Ариадна хотела оттолкнуть Червоточина, но тот перехватил ее руки, черное пятно погрузилось в чрево. Выглядело пугающе, как в кошмарном сне, и Корнелий с трудом удержался не отвести взгляд от невероятной картины – будто голова Червоточина полностью уместилась во чреве Ариадны. На лице ее – выражение крайнего изумления, затем уголки рта поползли вниз, из глаз хлынули слезы, и только потом Корнелий понял, что он видел – выражение мучительной потери чего-то очень дорогого.

А затем наваждение прошло. Червоточин сидел все там же, и только Ариадна сложила на животе руки, запоздало пытаясь защитить нерожденного ребенка. Выглядела она опустевшим сосудом.

– Опять нет связи, – сказала Пасифия. – Я бы рекомендовала отправить вас на Европу самым быстрым планетолетом.

На врача никто не обратил внимания.

– Ну, раз вы не желаете меня отсюда выпускать… пока… – раздумчиво произнес руководитель базы с вполне довольным выражением. Он и сам не желал отсюда уходить до поры до времени, – тогда подайте сюда Тяпкина-Ляпкина!

– О ком вы? – прервал молчание Корнелий. – Я тоже не уверен, что вы в состоянии…

– Брута ко мне! – не сказал, а прорычал Червоточин, и Корнелий внутренне содрогнулся, потому что вдруг увидел… Или показалось? Бездна знает что! – Сейчас же! Ну!

– Патрон вызывает Брута в медотсек, – скороговоркой произнесла Пасифия в интерком. – Брут, прошу срочно прибыть в медотсек.

Ариадна растерянно посмотрела на Корнелия, тот еле заметно пожал плечами, качнул головой. Интересно, видит ли она то же, что и комиссар? Корнелий сомневался. Тем временем

Червоточин осторожно спустился с койки, поправил простыню и, держась рукой за поручень, обошел ее, шаркая ногами. Ариадна хотела поддержать его, но тот отмахнулся. Корнелий внимательно наблюдал, как передвигался Червоточин, и каждый новый шаг его все меньше нравился комиссару. Сначала он решил, что тот ничего не видит, поэтому и не отпускает леер, да и как Червоточин может видеть, если головы у него нет, а на ее месте – черная дыра? То, что другие этого не замечали, не имело значения, сам-то Червоточин знал, что лишился важной принадлежности тела.

Однако то, как шел Червоточин, отнюдь не напоминало неуверенные шаги слепца. Он видел, и видел, судя по всему, отлично, но вот там, где его ступня готовилась соприкоснуться с поёлами, происходило нечто невиданное. Корнелий присмотрелся. Возникало ощущение, что дырчатые пластинки вспучивались навстречу ступне Червоточина, а затем продавливались, когда тот переносил на ногу всю тяжесть тела. Твердая поверхность больше не являлась таковой, она колыхалась, по ней разбегались волны, и Корнелий еле удержался, чтобы не сделать шаг навстречу колыханию и убедиться в его реальности, а также не отпрянуть, когда некоторые из волн почти добегали до места, где он стоял.

Шестым чувством комиссар ощущал – он не должен показать Червоточину, будто заметил в нем хоть малейшую странность.

В медицинский отсек шагнул человек.

Брут.

– Вызывали, патрон?

Червоточин остановился. Сейчас он стоял спиной к вошедшему, но у Корнелия вновь возникло ощущение, что ученый очень даже хорошо видит Брута, более того – пристально вглядывается. Спина напряглась, взбугрились мышцы под тонкой материей простыни, опять же – как-то неправильно, чересчур, но тут и Ариадна, почувствовав некую несообразность, тихо сказала:

– Он сзади, дорогой. Повернись, если тебе не трудно.

Однако Червоточин не повернулся, а по-прежнему двигался вокруг диагностической койки и остановился там, где его глаза, имейся они у него, должны были узреть Брута. Тот стоял прямо, словно одеревенев. Бледное лицо, обескровленные губы.

– И ты, значит, Брут, – удивительно ласково произнес Червоточин. – А повернись-ка, сынку, дай взглянуть на себя со всех сторон! Как быстро растут отпрыски, Корнелий, вы даже себе не представляете! – Корнелий сдержался, ничего не сказал. Обращение к его персоне являлось фигурой речи. – Водишься с ними, воспитываешь, бьешь по рукам, когда они тянутся поднять

с пола каку, не в наказание, а исключительно блага ради, поешь колыбельные, помогаешь решать задачки… да, задачки… – Червоточин умолк.

– Да, – сказал Брут. – Это я. Я не собираюсь отпираться.

– Ну, еще бы! Сам великий Брут утер нос какому-то там Червоточину! Ткнул, как котенка в лужу. Ткнул ведь? Ткнул!

– О чем вообще идет речь? – Ариадна. – Кто-нибудь объяснит по-человечески?

– По-человечески? – переспросил Брут. Провел ладонью по выбритому до блеска черепу. – Только и могу все объяснить по-человечески. Дело в том, что изменил… нет, точнее сказать – внес коррективу в опыт по бурению тонкой структуры вакуума. Внес, ни с кем не согласовав. Это, конечно, неправильно. Но больше не мог смотреть, как продолжаем биться, словно мухи о стекло. Биться из-за того, что Червоточин, возомнил себя единственным, кто хоть что-то понимает в теории сингулярностей… Да, пошел на нарушение процедуры, но лишь потому… другого пути не было! Не хотел закончить жизнь так, как Цезарь!

– Как Цезарь? – спросил Корнелий. – А что с ним случилось?

– Это было до вас, – отмахнулся Червоточин. – Еще один умник, решивший поставить под угрозу жизнь товарищей во имя жалких амбиций. Не имеет значения!

– Он исчез, – сказал Брут. – При неизвестных обстоятельствах.

5. Исчезновение

– Халатность при соблюдении норм безопасности – преступление, – ледяным голосом произнес Червоточин. – Никаких сраных обстоятельств. Только преступная самонадеянность на авось и собственную гениальность. Знаете, Брут, скольких я повидал на своем веку? Только и мечтающих свергнуть с пьедестала учителя, наставника, которых, кстати, сами туда и вознесли! Это, наверное, у вас в крови? Восхищаться, возвеличивать, поклоняться, чтобы затем – петлю на шею и в грязь! В грязь! – Оттопырив большой палец Червоточин ткнул им вниз. – Из-за вашей безалаберности я вечность блуждал в лабиринте чисел, проголодавшись словно Минотавр! Вы представляете, Брут, сколько длится вечность? Гораздо дольше, чем можете вообразить. Гораздо дольше!

– Брут, – поспешил вмешаться Корнелий, – прежде чем наговорим друг другу черт знает чего, я предлагаю успокоиться. Зайдите ко мне сегодня же, и мы разберем несчастный случай на холодную голову. В конце концов это моя обязанность комиссара по братству. Главное – не горячиться… – Корнелий осекся. Если Брут до этого и волновался, то теперь он образец ледяного спокойствия. Руки скрещены на груди, огромная лобастая голова наклонена, будто собирается боднуть Червоточина.

Ученый отпустил поручень койки и шагнул навстречу Бруту. Киберхирург потянул вслед щупальца, желая остановить пациента. Поёлы прогибались сильнее, словно сделанные не из стали, а из тонкой резины. Фигуру окутала струящаяся оболочка, будто Червоточин погрузился в жидкое зеркало, и при каждом движении в этой субстанции возникало много отражающих поверхностей. Глаза отказывались воспринимать целостность, фигура распадалась на мириады частей и тут же вновь собиралась, тошнота подступала к горлу, виски пронзила боль, хотелось прислониться лбом к чему-нибудь ледяному, но из последних сил Корнелий заставлял себя смотреть.

Что-то должно случиться, что-то должно случиться – билась в висках паническая мысль. Нужно что-то делать, – вспыхнуло как озарение, и комиссар рванулся наперерез Червоточину, но с таким же успехом можно бежать на перехват стартующего космоплава. Пространство сгустилось, и Корнелий оказался крошечной мошкой, попавшей в каплю древесной смолы. Пропорции исказились. Огромная фигура нависла над крошечным Брутом, он воздел над собой руки, то ли пытаясь защититься, то ли совершая обряд поклонения грозному

божеству.

Клокочущая пустота на том месте, где когда-то находилась голова Червоточина, плеснула на Брута черным протуберанцем, слизнула, поглотила.

Корнелий попытался крикнуть, но горло перехватило и лишь отвратное карканье вырвалось вовне. И будто некто сдернул мутную кисею с реальности. Ничего не было, ничего не произошло. Кто такой Брут? Какой такой Брут? И с головой Червоточина все в порядке. Голова как голова. На плечах, блестит.

– Я нашла причину! – раздается торжествующий голос оператора киберхирурга Пасифии. – Сбой в блоке диагностики. Патрон, мигом выправим!

– Потом! – Червоточин машет рукой. – Нужно проверить результаты опыта, не так ли, уважаемый Корнелий? Кстати, Корнелий, ваша фамилия вызывает у меня немыслимую ассоциацию… Феодоров, Феодоров… что-то ведь такое – некое философское учение о братстве, о коллективном достижении бессмертия?

Корнелий тер виски. В голове сумбур. Будто каким-то образом удалось одновременно запустить два мыслительных процесса, вопреки уверениям психологов, что человек – существо простое, однозадачное.

– Нет-нет, ничего, – невпопад сказал комиссар. – Братство, да, конечно…

– Рада, что с тобой все в порядке. – Ариадна поднимается с седалища. – Мне пора к моим земноводным. Анклав завершает очередную варку.

– Тебя не тошнит? – с неожиданной заботливостью спросил Червоточин.

– Нет, с чего бы? – качнула головой Ариадна.

Но прежде чем она успевает выйти, Червоточин подхватывает ее под локоть и, нисколько не смущаясь посторонних, целует страстно и долго.

– У меня появилось несколько блестящих идей по поводу твоего лягушатника, – говорит он. – Надо обсудить на досуге.

– Ого, – говорит Ариадна, но Корнелий ощутил холодность в ее голосе. – Гений физики решил сделать вклад в эволюционную биологию? Не замечала за тобой интереса к моему, как ты выразился, лягушатнику.

– Я узрел перспективу! – Червоточин воздел руки к потолку, чуть не ткнув в сканирующий зрак киберхирурга. – Не поверишь, но я вижу: мировые линии наших исследований тесно сплетены друг с другом в путеводную нить, что выведет нас из лабиринта

незнания к блистающим перспективам творения!

– О боже, – пробормотала Ариадна и удалилась.

– Что вы с ним сделали? – резко спросил Корнелий, как только за Ариадной чмокнула перепонка двери.

Червоточин поворачивается и с нескрываемым удивлением разглядывает комиссара.

– О ком вы говорите… Корнелий, да?

– О Бруте.

Червоточин с той же задумчивостью проводит ладонью по бритому черепу:

– Брут… Брут… И ты, Брут… Что-то из римской мифологии, если не ошибаюсь?

– Не надо комедничать, – попросил Корнелий. – Я не понимаю, как вы это сделали… и что именно вы с ним сделали… Но я видел. И не только я.

– Кто еще? – с неподдельным интересом спрашивает Червоточин. – Вероятно, я что-то упустил в окружающем мироздании? Чью-то мировую линию, что столь назойливо сблизилась с моей? Эй, человек! – щелкает пальцами, привлекая внимание оператора киберхирурга. – Тебе ведом такой же человек, как и ты, но с именем Брут? Говорят, он посетил меня в сей юдоли скорби.

Оператор посмотрел на Червоточина:

– Не встречал такого, патрон… Но в последнее время появилось много новеньких…

– Говори, сынок, не бойся, – попросил Корнелий. – Я еще не выжил из ума, чтобы не верить глазам своим. Десять минут назад ты сам вызвал Брута по приказу Червоточина. Разве не так?

Глаза оператора округлились, на щеках проступили красные пятна.

– Извините, комиссар… но… – Он потянулся к пульту, щелкнул тумблерами. – Сюда никто не заходил. Вас было трое… то есть четверо, если и меня… да… И вот список сотрудников базы! Тут не значится никакого Брута! Извольте взглянуть!

Корнелий изволил.

Брут в списках сотрудников базы на Амальтее не значился.

6. Коатликуэ

– Кто? – переспросила Нить. – Нет, да нет же… Тут какая-то ошибка, комиссар. Я никогда не была знакома с этим вашим Брутом, и тем более не состояла с ним… – Она покраснела. – Комиссар, а может, вам привиделось? Приснилось? Не поверю, что такой человек будет подслушивать разговор двоих… любовный разговор, да?

Корнелий сидел на койке в своей каюте, рассеянно перелистывал книгу. Нить замолчала, догадавшись, что комиссар вряд ли ее слушает. Демонстративно посмотрела на запястье:

– У меня скоро эксперимент, комиссар. Отложим наш разговор на потом, мне нужно сделать ментограмму, при этом желательно находиться не в столь раздерганном состоянии.

Минотавр, который явился препроводить Нить, сделал движение, будто ему надоело сохранять неподвижность, дожидаясь когда комиссар по братству завершит положенную ему по праву беседу с сотрудником базы. Свирепая рогатая морда, полускрытая темнотой, и горящие красным фотоэлементы словно специально создавали ощущение угрозы, хотелось побыстрее выпроводить робота из каюты.

Корнелий оторвался от страниц старинного сборника фантастики с ужасающим названием «Пиршество демонов», непонимающе посмотрел на девушку:

– Простите, Нить, что вы сказали? Ментограмму?

– Ну да… ментограмму.

– Зачем?

– Что – зачем? – Нить стала сердиться. – Так нужно для эксперимента. Очередной серии бурения глубокого вакуума. Патрон решил, что сегодняшний эксперимент пройдет с использованием моей записи.

– Какое отношение это ваше бурение имеет к записи человеческого сознания?

– Это новая, многообещающая схема опытов, – сказала Нить. – Использовать для стабилизации сингулярности психоматрицы сознания. Патрон видит в этом большие перспективы… Понимаете, раньше когерентное излучение модулировалось наложением частот, которые должны были удерживать резонанс до достижения сингулярностью устойчивого горизонта. Вся проблема состояла в том, чтобы угадать спектр необходимых частот. Но с психоматрицей мы избавляемся от посредничества машины и можем сами, непосредственно управлять процессом глубинного бурения.

– Нам необходимо идти, – внезапно произнес Минотавр с глухим рычанием сервоприводов в старинном, давно не проходившем модернизации теле первопроходца. – Прошу прекратить допрос.

Но Корнелий как ни в чем не бывало беседу продолжал.

– Ничего не понимаю, – признался он. – По отдельности все слова вроде понятны, но складываться категорически отказываются… Вы, Нить, не можете объяснить…

– Нет, что вы! – Девушка на экране замахала руками. – Я и сама толком не понимаю… Тут надо к патрону обращаться, только ему под силу удерживать в голове всю теорию сингулярностей… да это и понятно, ведь он ее и создал. В одиночку! Представляете? В наше время, когда наука – удел не одиночек, а огромных коллективов. Поэтому он… – Она вдруг сбилась, Корнелий вглядывался в экран. – Он – гений.

– Не соглашайтесь, – попросил комиссар. Нить непонимающе посмотрела на него. – Очень прошу. Вы многое не понимаете… так всегда происходит с увлеченными личностями, но поверьте мне. Даже не голосу рассудка, ибо я и сам многого не понимаю, но моей интуиции. Откажитесь от эксперимента. Сошлитесь на здоровье, на плохое настроение, месячные, что угодно. А потом… потом я вам расскажу. Обещаю. Я с вами честен. Но мне не хватает информации, а точнее – понимания. И для этого как воздух необходимо время. Дайте мне его, очень прошу…

– Прошу прекратить допрос, – опять сказал робот. – Прошу прекратить допрос. Время эксперимента приближается.

Нить помолчала. Она теперь не смотрела на него с экрана, а с преувеличенным вниманием изучала пальцы – тонкие, длинные, с выраженными утолщениями суставов и узкими ногтевыми пластинами.

– Вы понимаете, если я откажусь, кто-то займет мое место?

– Да, понимаю, – сказал Корнелий.

– Чем моя жизнь, если вы уверены, что эксперимент окончится неудачно, ценнее жизни того, кто заменит меня? Разве вы, как комиссар по братству, не должны думать обо всех и каждом?

– Должен, – признался комиссар. – Наверное, мне будет стыдно. Очень стыдно. Но – потом. А сейчас я вижу – вам грозит смертельная опасность, а потому я должен спасать именно вас. Здесь и сейчас.

Нить встала, ничего не ответив. Повернулась к экрану спиной и исчезла. Словно ее и не было. А затем весь экран заполнило лицо с полуприкрытыми глазами и полуулыбкой на губах. Корнелий отшатнулся, настолько не ожидал увидеть этого

человека.

– Вы?

– Я, – подтвердил Червоточин. – И я хочу официально вас предупредить, комиссар, – у вас нет полномочий вмешиваться в дела фаланги. Это азы. Зато у меня есть право потребовать от вас удалиться с Амальтеи в ближайшие часы.

– Право есть, – согласился Корнелий. – Но почему-то я уверен, вы им не воспользуетесь, не так ли?

Веки Червоточина дернулись. Он открыл глаза. Точнее то, что таковыми казалось. А Корнелий ощутил затягивающий взгляд бездны. Ледяной и жуткой.

– Мы вошли в ненужную конфронтацию, – тем не менее миролюбиво сказал Червоточин. – Наговорили резких слов. Почему бы нам не сесть за чашкой кофе и не поговорить? Уверен, что смогу развеять ваше недоумение…

– Например – куда исчез некий молодой человек по имени Брут?

– И ты, Брут, – насмешливо сказал Червоточин, а Корнелий вздрогнул – он окончательно понял – ученый знает, о ком идет речь. А если это так… – Приходите, прямо сейчас и приходите. Постараюсь ответить на все, что вам только взбредет в голову меня спросить. Мироздание не злонамеренно, Корнелий, как бы нам не хотелось уверовать в обратное.

– И вы ради этого отмените назначенный эксперимент?

Червоточин покачал головой:

– Нет, не отменю. Скажу по секрету, комиссар, у меня зверский голод. Если я долго не провожу эксперименты, у меня появляется чудовищный аппетит… И его не утолить ничем, только…

– Новыми жертвами? – быстро спросил Корнелий. – На сегодня у вас запланировано блюдо из юной девушки по имени Нить Дружинина, не так ли?

– Вы меня принимаете за Минотавра. – Червоточин отодвинулся от экрана. – За Минотавра, ждущего в Лабиринте очередного жертвоприношения. Уверяю, я не питаюсь юношами и, тем более, девушками. А единственный Минотавр бродит по лабиринтам станции, он всего лишь робот и никого пожирать не собирается, ему достаточно элементов холодного синтеза. Что касается Нити… Нить добровольно решилась на важный эксперимент. Если у нас получится, это станет прорывом. Распахнутся невероятные теоретические и практические перспективы…

– Перед кем распахнутся? – Чем больше Корнелий наблюдал за Червоточиным, тем меньше тот ему нравился. Даже сейчас,

когда он присутствует лишь как трехмерное изображение, в нем ощущалось нечто ужасающее. Как тогда, в хирургическом блоке.

– Для начала – передо мной, – сказал Червоточин без тени иронии или намека на шутку. – А дальше… дальше посмотрим. – Помолчал, и Корнелий уже ждал, что разговор на этом прекратится, экран потухнет, а он, комиссар по братству, вновь ничем не сможет помешать Червоточину проводить безумные эксперименты на людях, но тот не отключился, продолжил:

– Скажите, Корнелий, когда вы последний раз думали о боге?

– Что?

– Возможно, вы давно сочли меня сумасшедшим, – губы Червоточина скривились, – как того и требует амплуа ученого-одиночки, чью теорию понимает лишь он сам, только он готов пожертвовать всем и каждым, доказуя собственную правоту, но сейчас не тот случай…

– Я вообще не думаю о боге, – может излишне резко сказал Корнелий. – Я предпочитаю думать о живых людях, им я могу и обязан помочь.

– Бог… бог… – задумчиво повторил Червоточин, словно пробуя на вкус. – Разве вас никогда не занимала мысль – откуда у человечества возникла столь странная концепция? Сущность, логос, который сотворил все, что есть, в том числе и нас самих. Согласитесь, идея гениальная…

– Обычные суеверия, – отмахнулся Корнелий. – Первобытные люди наблюдали природные феномены, не могли объяснить их, вот и придумали себе бога. Который может все, но ничего не хочет, даже пальцем о палец ударить, дабы сделать мир не столь скорбным.

– Какая самонадеянность, – себе самому сказал Червоточин. – Какая ужасающая самонадеянность. Придумать концепцию бога для первобытных людей ничуть не проще, чем им же придумать интегральное исчисление. И я скорее поверю в первобытного охотника, на досуге берущего интеграл по поверхности кремниевого наконечника своего копья, чем в охотника, приписывающего гром и молнию сидящему на небесах всемогущему существу по имени Бог. Конечная цель цивилизации, разумного вида – сотворить бога. Он взорвет сверхновую, из чьих клиппот будет воссоздан новый мир, новые разумные существа, в свою очередь, им придется творить своего бога и взрывать собственную звезду… Вы знаете, Корнелий, что вещество, из которого состоит наша Солнечная система, мы с вами, все живые существа – образовались внутри массивной звезды, родившейся за несколько миллионов лет до нашего Солнца и взорвавшейся, тем самым передав нам эстафету

существования… у нее даже есть собственное имя, у этой матери солнца. Коатликуэ. Праматерь всех нас. Наша благая весть…

– Послушайте, Червоточин, почему мы вообще об этом говорим?! – Корнелий возвысил голос. – У вас нет иных тем?

– У меня нет иных тем для разговора не только с вами, Корнелий, – сказал Червоточин. И повторил: – Не только с вами…

– Червоточин, я все же взываю к вам, – торопливо заговорил Корнелий, понимая, что тот в любое мгновение отключит видеосвязь, – взываю к вашим человеческим чувствам, если они еще сохранились в той бездне, в той черной дыре, что осталась на месте… впрочем, не важно, сердце-то у вас на месте, а значит и чувство братства… прошу вас, во имя братства…

Экран почернел.

7. Игра

Пасифия ждала Корнелия в его каюте, да не одна, а с ребенком. Малыш по-хозяйски и без церемоний, как свойственно всем детям, расположился за откидным столиком, забравшись с ногами на убранную до того койку с наведенными на краях одеяла стрелками – неизбывная военная привычка, впитанная комиссаром еще в бытность его службы в Первой Марсианской бригаде Сил Самообороны. Книжки мальчугана не заинтересовали, он сдвинул их к иллюминатору, а сам разложил на откидной столешнице настольную игру, расставил фишки и теперь сосредоточенно бросал кубики и двигал фигурки. Игра называлась «Преображение Венеры», а ее героями являлись легендарные первопроходцы, атомные первопроходческие танки, а также первопроходческие роботы. Среди опасностей Венеры с черной кляксой Голоконды – в далекие по геологическим и космическим масштабам времена на планету упал метеорит из антивещества – множился лабиринт тропок, по ним и должны двигаться фигурки, подчиняясь случайности выпадавших на гранях кубиков чисел.

Задержавшись на пороге каюты, Корнелий с удовольствием наблюдал за сосредоточенным и хмурым мальцом, пока Пасифия не сказала:

– Прошу прощения, комиссар, что столь бесцеремонно вторглись к вам, да еще и с ребенком… но мне совершенно не с кем оставить Телониуса…

– О, Телониус! – воскликнул с преувеличенной сердечностью Корнелий. – Так вот чьи джазовые композиции изливаются из нашей радиосети и днем и ночью! Позвольте высказать вам, уважаемый маэстро, свое восхищение! И пожать руку!

Мальчишка исподлобья глянул на комиссара, удостоверился, что в словах взрослого нет ничего содержательного, к чему стоит прислушаться, и вернулся к игре.

– Он несколько… нелюдим, – с ноткой извинения сказала Пасифия. – По-хорошему, его следовало оставить на Земле, а не брать в такую космическую глушь, но я побоялась, что ему будет трудно в приюте…

– Вы ведь давно знакомы с Червоточиным? – спросил Корнелий, продолжая разглядывать мальчишку, хотя ощущал беспокойство Пасифии от столь пристального изучения комиссаром ее отпрыска. Возможно, она жалела, что привела ребенка с собой.

– Да, мы обучались и жили в одном приюте, – сказала

Пасифия. – На Крите…

– Все критяне – лжецы, – сказал Корнелий. – Я – критянин, лжец ли я?

– Что вы говорите?

Комиссар не ответил, сел на приступочек в тамбуре – смесь платяного шкафа и кухни, расшнуровал ботинки и поставил в сушильню. После пробежки не помешал бы ионный душ, на водный надежды не было. На него был жесткий лимит воды на Амальтее, отрезанной от всех других обитаемых спутников Юпитера, но до ухода посетительницы об этом можно только мечтать. Такова работа комиссара по братству – люди прежде всего. Единственное, что позволил себе Корнелий, – обтереть полотенцем лицо, градины пота так и катили. Пробежка по лабиринту коридоров базы выдалась на славу.

– Представляете, Пасифия, я сегодня заблудился, – с наигранной веселостью сказал Корнелий. – Здешние коридоры и так напоминают критский лабиринт, но, мне казалось, за предыдущие дни я изучил маршрут. Однако сегодня, какой бы коридор я не выбирал, он вел не туда, куда нужно. Так что утренняя дистанция удлинилась на… на… – Комиссар посмотрел на шагомер. – Гм… и с приборами творится неладное, вряд ли бы я осилил пробежку в пару астрономических единиц… – Корнелий продемонстрировал Пасифии экранчик.

– Я пришла поговорить с вами, комиссар, – заявила Пасифия, не обратив внимания на демонстрируемый ей шагомер. – Мне нужно кое-что вам сказать… открыть… – Платок в руках она даже не теребила, как это делают в сильном волнении, а рвала ногтями. Если бы не прочная ткань, тот немедленно превратился бы в лоскуты.

Корнелий шагнул к Пасифии, положил руки на ее, сжал сильнее, остановив истязание над платком, наклонился к ней со своего высоченного роста и прошептал на ухо так, чтобы больше никто не мог его услышать:

– Время и пространство сошли с ума, Пасифия. И мы оба это чувствуем, не так ли?

– Что вы имеете в виду? – так же шепотом спросила она.

– Ребенок, Пасифия. Ребенок. Еще вчера у вас не было никакого сына, и я прекрасно об этом знаю.

– Я… я… плохо… помню… – залепетала Пасифия, теперь с явным страхом разглядывая маленького Телониуса, как ни в чем не бывало двигавшего фишки по полю Венеры, разыгрывая мистерию преображения багровотучной планеты. Корнелий пользовался книжным светильником, когда приходилось ночевать в общих кубриках и не хотелось никому мешать своей

литературной бессонницей. Малыш взял и подвесил его над игрой, судя по всему, не для освещения, а в качестве предмета игры. Водрузил на него одного из первопроходцев в весьма древнем скафандре с выступающим рылом охладителей, рогами-антеннами и трехпалыми перчатками-компенсаторами. Фигурка наблюдала за происходящим на поверхности, устроившись на светильнике, словно на атмосферном городе, какой когда-то планировали соорудить и пустить плавать в плотном облачном слое Венеры, однако подобная идея мало кого захватила. Отряд первопроходцев закрепился на ближайших отрогах Голоконды и сооружал укрепленный лагерь и космодром для приема людей и грузов.

Корнелий тряхнул головой, избавляясь от ощущения, будто детская игра затягивает, превращая и его в одну из фигурок.

– Что происходит? – Пасифия смотрела на комиссара так, будто он не только готов, но обязан дать все ответы на вопросы бытия.

– Червоточин, – сказал Корнелий. – Вот что происходит. Сингулярность головного мозга…

– Что вы такое…

– Пасифия, – сказал Корнелий, понимая – медичка находится на той последней ступени, когда достаточно легкого толчка, и она полетит в бездну отчаяния, а может, и безумия, – Пасифия, послушайте меня… Вы его осматривали… Что-то необычное, непонятное… вспомните, прошу вас.

– Не с ним, – выдавила из себя женщина, темное лицо стало серым, полные губы словно выцвели, увяли. Красный тюрбан поизносился, истрепался и, кое-как свернутый, криво водружен на смоляные курчавые волосы. – С Ариадной… она сегодня приходила на обычную процедуру обследования…

– Обычную? Что с ней? – Корнелий взял руку женщины и провел ладонью от сгиба локтя до запястья, пытаясь хоть немного передать ей сил и уверенности. Но исходящий от нее страх оказался столь велик, что рот наполнился горечью.

– Я не уверена, что могу рассказать…

– Пасифия, я – комиссар по братству, мне вы можете рассказать все. – Корнелий крепче сжал ее запястье, отчего покалывания в ладони усилились до болевого порога. Хотелось разжать пальцы, но комиссар только скрипнул зубами. – Прошу… я помогу… она – беременна? Так?

– Была, – сказала Пасифия. – Но теперь – нет.

8. Сон

Каждую ночь снился один и тот же сон. Стоило закрыть глаза, и некто нажимал в голове кнопку воспроизведения все той же записи. Без отклонений и вариаций.

Он лежит на жесткой койке в своем отсеке и почему-то не спит. Тусклый ночник не в силах одолеть тьму, в ней тонет большая часть его временного пристанища. А по коридору разносится мерный лязгающий топот. Металл бьется о металл. Ближе и ближе. Громче и громче. И сердце колотится так, будто жаждет вырваться из груди. И проступает пот на лбу. И в руках дрожь. Это за ним. Он знает точно. И еще он знает: бежать некуда, спрятаться негде, но лежать на койке – невозможно. Ведь он не маленький. Укрывшись с головой одеялом, не изгонишь детский кошмар. Теперь кошмар взрослый. И от него надо бежать. Он вскакивает и бежит. Даже не понимая – как удалось выскользнуть из отсека, минуя тяжелую дверь, в которой протекает гидравлика, и пришлось бы приложить изрядно сил, сдвигая ее. Вместо знакомых радиальных и таких логичных в своей космометрической простоте коридоров базы перед ним полутемные извилистые ходы, то расширяющиеся, то сужающиеся настолько, что не протиснуться даже ему, чье облачение лишь стандартное термобелье. Однако некогда размышлять! Нужно бежать, металлические шаги продолжают мерное и неостановимое преследование. Неважно – куда, главное – быстро, быстрее, еще быстрее, покуда хватает сил и дыхания. Но кошмар на то и кошмар, ноги становятся ватными, воздух густеет, превращаясь в липкое желе, однако он безнадежно пытается оторваться от погони, неимоверными усилиями делает шаг за шагом, с отчаянием понимая – все, все, все, поздно… И металлическая рука опускается на плечо, сдавливает его до хруста, до простреливающей тело боли, кажется уже не наказанием, но освобождением. Робот. Всего лишь робот! Кошмар, лишенный анонимности, обязан рассеяться, оставив неприятное послевкусие стыда за пережитой атавистический страх. Он вдруг понимает: облегчения не будет, как не может его быть для ведомого на казнь. И не важно, что теперь знаешь металлическое лицо палача и даже подозреваешь, как именно свершится казнь, но ужас предстоящей смерти знанием не излечивается и не анестезируется.

Он покорно следует по лабиринту, подчиняясь стальной длани, стискивающей плечо. Его бьет крупная дрожь. Из раззявленного рта вырывается хриплое дыхание пополам со

всхлипами и стонами. Слезы по щекам. Мама… мама… мамочка… как мало нужно, чтобы напрочь содрать с человека воображаемую самоуверенность в своей безопасности! Он плохо видит сквозь пелену слез. Спотыкается, но робот держит крепко. Не дает упасть и направляет. Стальная нить Ариадны. Прямо. Лево. Право. Опять прямо. Куда? Зачем? Не хочу! Чую, зло грядет… О каком научном мировоззрении может идти речь? Где рациональный скептицизм? Нет… ничего не осталось, лишь иррациональный ужас и уверенность: его ожидает нечто… некто, похуже смерти!

Он ничего не узнает вокруг. Словно из светлых коридоров базы переместился сквозь червоточину в жуткое подземелье, лабиринт, тот самый, мифический, который скрывает в коридорах и тупиках истлевшие останки тех, кто не смог выбраться. Он теперь точно помнит! Они были! Имена… нет, имена стерлись, но память проявилась, до того скрытая, как изображение на древней фотопластине под воздействием проявителя – ужаса. Он знает – здесь нет никаких останков. То, что творит из живых Минотавр, не оставляет следов, никаких, даже памяти о тех, кого чудовище пожрало, но ему все равно страшно оглядываться по сторонам. Бурые натеки на металлических стенах, сводах, поёлах так похожи на кровь, что лилась здесь щедро…

Но им встречаются более диковинные существа – не машины, не люди, а что-то промежуточное, трудноописуемое, нелепое в своей сложности, будто собранное из первого попавшегося под руку хлама, с множеством экранов на кронштейнах. И возникшее помимо его умственных усилий название – «гипостазис», те самые платоновы идеи, им дозволено отбрасывать тени на стены пещеры. Там заключены люди, по форме теней они тщатся угадать истинную форму сущего.

И вот пришли. Стальная рука робота еще сильнее стиснула плечо, и боль пронзила тело огненной молнией. Похоже, через каждую мышцу пропустили электрический заряд… Или так и есть? Необходимо, чтобы окончательно лишить воли к сопротивлению, а пуще того – к сомнению. Запертая дверь лязгает, отъезжает, открывая черную дыру, и он готов упираться руками и ногами, кричать, слезно молить о пощаде, но тело не слушается. Воли больше нет.

Минотавр ждет.

Он шагает во тьму.

– Не бойся, – ласково говорит чудовище, но его еще сильнее бьет озноб. Мочевой пузырь сжимается, и он чувствует, как намокают кальсоны. – Не бойся, дурашка, на этот раз все будет по-другому, я обещаю. – Он приближает лицо к нему,

всматриваясь бездной оттуда, где должна быть голова. – Ты думаешь, остальных пожрала сингулярность, которую я раз за разом пытаюсь устроить в их мозгах? Уверяю, ты ошибаешься… Только мне под силу удержать в голове космологический объект, только мне под силу удержать в разуме всю полноту теории сингулярностей… Здесь – мудрость. Помнишь принцип Эйнштейна об эквивалентности? Масса инерции эквивалентна массе покоя. Феномен разума эквивалентен феномену мироздания! Е равно пси цэ квадрат. Как только разум вместит в себя полноту знания о сингулярности, он сам станет сингулярностью… И наоборот, помести в своей голове сингулярность и овладеешь полнотой знания о мироздании… Разве тебе не хочется этого, Брут?

Он силится сказать, что здесь ошибка, он не Брут…

Но чудовище разевает пасть – шире и шире, так что она превращается в разверстый зев, куда можно засунуть голову, и оттуда выплескивается блестящее, зеркальное, раз за разом, раз за разом, множество зеркальных блевотин покрывают поёлы, но не просачиваясь в дренажные стоки, а наоборот, набухают, округляются, словно икринки, родильные колбы, матки, в которых растут плоды, увеличиваясь до тех размеров, когда им не под силу вместить содержимое, и они с хлюпанием рвутся, выпуская наружу то, что в них созрело – свернутые в позы эмбрионов вполне сформировавшиеся тела, мужские и женские. Главное, что их роднит, они будто сделаны из жидких зеркал, но это не мешает им шевелиться, ворочаться, возиться, подниматься с поёл, двигая руками и ногами, вертя головами, будто привыкая к своим еще не вполне послушным телам. Они встают по правую и левую сторону от него, строятся в ряды, ничуть не смущаясь наготы, взирая на него – охваченного ужасом, обессиленного ужасом, раздавленного ужасом, потому как он узнает всех и каждого, вспоминает по именам и в то же время понимает – все они лишь подделка, безмозглые, а главное – бездушные куклы, какой придется стать и ему, когда Минотавр его пожрет…

И вздрагивает от пробуждения, осознавая – кто он и где находится. А затем – еще раз, рекорд на сегодняшнее утро, и обнаруживает – в каюте он не один.

Сначала ему показалось будто это Нить. Но на чертовски неудобном седалище, проектировщику которого следовало оторвать руки, в чертовски неудобной позе – левая нога на правой ноге, локоть правой руки упирается в колено, левая же рука совершает в воздухе нечто вроде колдовских пассов – устроилась Ариадна собственной персоной. Она курила, и Корнелий поначалу не мог сообразить – почему не ощущается запаха.

Понаблюдав за незваной гостьей, догадался, что та весьма ловко направляет дым в вентиляцию.

Решив сделать вид, будто ничего особенного не происходит, словно каждое его пробуждение сопровождается присутствием в каюте гостьи или гостя, прошеного или, как в этот раз, незваного, Корнелий сел на дьявольски неудобной и жесткой койке, тщательно растер мышцы лица обратной стороной ладони, налил из кувшина воды, благо до всего в каюте можно дотянуться, не вставая с койки, жадно выпил, затем налил еще и стал пить медленнее, глоток за глотком. Ариадна наблюдала за ним. Лицо оставалось бесстрастным. Выспрашивать, что случилось и каким ветром ее сюда занесло, Корнелий посчитал невежливым. Когда второй стакан с водой опустел, он знал о чем говорить.

– Опять плохо спал, – пожаловался комиссар Ариадне. – Нигде не встречал таких коек, как здесь. Будто специально сделаны, чтобы снились кошмары либо изнуряла бессонница.

Ариадна слушала молча.

– Поначалу мучила бессонница, но теперь организм адаптировался, и мои мытарства перешли в фазу кошмаров… точнее – одного кошмара. Будто некто ставит запись и проигрывает всю ночь напролет. Представляете?

Ариадна глубоко затянулась, чуть шевельнула плечами. Корнелий истолковал это как приглашение и дальше излагать содержание навязчивого кошмара. Он изложил. С подробностями. А когда завершил, тем же тоном добавил:

– И знаете, Ариадна, я не думаю, что это всего лишь плохой сон. Я уверен, что вижу тех, кого Червоточин принудил участвовать в экспериментах с сингулярностями и червоточинами. Я ничего не понимаю в этих экспериментах, но догадываюсь – ваш муж обрел способность поглощать мировые линии других людей. Понимаете? То есть не понимаете, конечно же… я и сам мало что понимаю, а проконсультироваться не с кем, связь с внешним миром отсутствует… так вот, память моя отказывается вспоминать то, что здесь было в начале моего прибытия на Амальтею, сколько людей, молодых, надо полагать, людей здесь находилось, преисполненных энтузиазма, с обожанием смотрящих на своего гуру, кумира, учителя Червоточина, каждое слов его – как откровение в теории сингулярностей…

9. Пытка

– Если мы пытаем Природу, стараясь вырвать ее секреты, то справедливости ради следует признать право Природы столь же жестоко пытать и нас. Особенно нашими собственными руками, – голос Ариадны надтреснут.

Корнелий поперхнулся. Схватил стакан и сделал несколько глотков. Оторвался, вытер рот. Ему показалось, что рука дрожит, он уставился на ладонь, стиснул и разжал кулак. Нет. Пока все под контролем. Выдержка. Главное – выдержка.

– Спорный тезис. – Он поднял взгляд на Ариадну, чья неподвижность тревожила. Если бы не движение губ, ее можно было принять за фантом или, того пуще, – галлюцинацию. – Не следует приписывать природе наши собственные пороки. Или… Или вы приписываете Червоточину атрибуты божества? Оправдываете его право воздавать грешным за излишнее любопытство?

– Я ничего и никому не приписываю. – Ариадна качнула головой. – Вы, наверное, не знаете, кем в действительности являются примары…

– Гм… как рассказал ваш супруг, примары – второе поколение населения Венеры, рожденное на ее поверхности. Потомки первопроходцев.

– Такова официальная версия. Миф. Предание. Но есть реальность, – сказала Ариадна. – Багровотучная страна медленно, но верно пожирала своих завоевателей – одного за одним, одного за одним, а те, кто рождался в купольных поселках на ее поверхности, редко доживали до совершеннолетия, умирая во младенчестве в страшных муках от болезней и физических уродств. Когда первопроходцы осознали, что несмотря на все их победы над планетой, они терпят поражение, тогда и было решено срастить себя со специальной культурой наноботов. Она-то и приспособит людей к условиям Венеры. Понимаете? Венера – первый мир, где люди решили себя приспособить к условиям планеты, а не планету – к себе, как это стало привычным на Земле, Марсе… вот только насколько после этого они остались людьми…

– Вы изучали их, – догадался Корнелий. – И Червоточин…

– Да. Дьявольски талантливый ученый, легко постигающий то, что никто не мог больше постичь, то ли потому что одарен, то ли потому, что…

– Был примаром. Симбионтом с этими самыми наноботами, так?

– Я ведь тоже ученый… и мне казалось, если удастся доказать способность наноботов качественно улучшать умственный потенциал, то перед человечеством откроются совершенно иные возможности.

– Люди как боги, – пробормотал Корнелий. Ариадна услышала, криво усмехнулась.

– Вы знаете, примары искренне уверены – не существует ничего, что не имеет гипостазиса.

– Гипостазиса? – переспросил комиссар. – Это ведь…

– Материальное воплощение идеального. Например, совести. Или страха. Радости. Ностальгии. Злобы. Чего угодно, какого угодно феноменологического конструкта. Поэтому примары собственными руками создают гипостазисы всего этого. Точнее, не только руками, конечно же… Наноботы-симбиоты формируют двустороннюю связь между примарами и всем, что их окружает… Их разум порождает из их же мира все эти гипостазисы, в том числе гипостазис их собственного эго, их личности…

– Робот-первопроходец… – задумчиво сказал Корнелий. – То есть эта машина… этот Кащей Бессмертный…

– Гипостазис личности Червоточина, комиссар по братству, – сказала Ариадна. – И бессмысленно апеллировать к его совести, благоразумию, чему угодно, что есть человеческое, слишком человеческое. Если нет гипостазиса братства, никакого братства для Червоточина не существует.

Корнелий хотел спросить еще, но Ариадна встала:

– Он приглашает вас на совместный завтрак. Кажется, соскучился по беседам с вами.

– И поэтому прислал вас? – уточнил Корнелий. – Не своего железного гипостазиса, отлавливающего несчастных юношей и девушек для очередного жертвоприношения на алтарь науки? Как любезно со стороны Минотавра. А если я не пойду? Особенно после того, что вы рассказали… Во-первых, я не ем человечины, а на иное жаркое за столом Астерия нечего и надеяться. Во-вторых, я совершенно непригоден для его экспериментов, ибо ничего не понимаю в физике сингулярностей и червоточин. В-третьих… в-третьих, я вообще малосъедобен – худ, жилист и желчен.

– Умоляю, Корнелий, не изгаляйтесь. Мне, право, не до этого… Поговорите с ним! Кажется, вы единственный, с кем он говорит серьезно.

…Нить прислуживала Червоточину, а робот возвышался за спиной хозяина огромным металлическим стражем, расставив одну пару рук, будто огораживал его, вторую пару скрестив на груди, а третью держа на бедрах, где болтались атомные резаки. Когда они вошли в кают-компанию, то Корнелию вновь

почудилось, будто у Червоточина отсутствует голова, а вместо нее клубится черное облако, но морок немедленно рассеялся – лицо как лицо, столь же хмурое и с презрительно выпяченной нижней губой. Разве что под глазами залегли еще более темные тени.

Это никак не вязалось с тем, что на его коленях восседал уже знакомый Корнелию Телониус и возился со все той же настольной игрой, только в ней, как он заметил, кроме фигурок первопроходцев возникли желтые кубики с дырчатыми гранями, а также красные колечки и похожие на кукол-неваляшек светящиеся фигурки. Из кубиков еле заметно курился черный дымок, словно внутри горело. Ребенок сосредоточенно двигал все это по разложенному на столе полю. Если Червоточин пытался что-то подсказать или переместить фигурку, Телониус отталкивал его руку, тряс крупной головой, кусал губы.

Больше никого в кают-компании не было. Даже Пасифии. Столики выстроены в один ряд, на одном конце восседал хозяин пиршества, а на другом сиротливо приткнулись два обычных седалища – для Корнелия и Ариадны.

Червоточин распростер в стороны руки, на манер древнего патриарха благословляя трапезу, и провозгласил:

– Мира и хлеба вам, добрые люди!

– Благодарю, – слегка поклонился комиссар, решив подыгрывать безумцу и не навлечь раньше времени гнев и кары. Наверняка атомные резаки болтались на бедрах робота не ради украшения. – Надеюсь, мы не припоздились, ибо вижу – остальные еще не явились на званый пир.

– О ком вы толкуете, комиссар? – нахмурился ученый, воздух вокруг его головы задрожал, и Корнелию показалось будто лицо исказилось, превратившись в жуткую бычью личину с выпученными и налитыми кровью глазами. Такое он видел лишь однажды, когда во время аварийной разгерметизации внутреннее давление раздуло череп несчастного, не успевшего захлопнуть гермошлем. – Мы проживаем на Амальтее тесным семейным кружком. Благодаря тем безумным слухам, что распускают обо мне всяческие бездари от физики сингулярности, иметь со мной дело – навсегда испортить научную репутацию. Кстати, прошу познакомиться с Телониусом… – Червоточин приобнял ребенка за плечи. – Весьма одаренный мальчуган. Я наградил его игрой, в нее играют все примары Венеры. Это отдаленная родственница шахмат, но с более сложными правилами и стратегическими композициями. Мальчуган быстро ее освоил и даже свел некоторые партии почти к ничьей…

Червоточин сделал вид, будто говорит так, чтобы мальчуган

его не услышал – наклонившись в сторону Корнелия и приставив ко рту руку, с преувеличенным шепотом:

– А знаете главную тайну этой игры? Знаете?

Корнелий пожал плечами:

– Нет. Откуда? Я же не примар.

– Ее главная тайна в том, что в ней невозможно победить. – Червоточин откинулся на спинку седалища и засмеялся. – Представляете, комиссар? Единственная игра, придуманная человеком таким образом, что в ней нельзя выиграть! Но… Телониус упорен и продолжает играть. – Ученый погладил мальчишку по курчавой голове.

– Зачем нужна такая игра, да еще для детей? – спросил Корнелий.

– Вот! – Червоточин поднял руку с выставленным указательным пальцем, словно собираясь погрозить комиссару. – Это вопрос вопросов. Все дело в том, что это – игра детей-примаров, потомков тех, кого просто-напросто бросили на Венере, тех первопроходцев, которые, завоевав в огненно-радиоактивном аду плацдарм, вдруг обнаружили – помощи ждать неоткуда. Остается либо сгореть, либо выжить… И никаких богов, которым стоило молиться! Вот вы, комиссар, будь ваша воля, какого бога выбрали для нашей Солнечной системы? Бога-ученого? Ведь наука, словно кукушонок, вытеснила из гнезда сознания человечества породившую ее религию, объявив ту примитивным суеверием! Или вы предпочли бога… гм… ребенка? – Червоточин возложил длань на курчавую голову Телониуса, тот попытался скинуть ее с себя. – Ведь у нас культ детей и молодежи! Мы, престарелое человечество, все еще тщимся ощутить в себе младые силы, наскрести порох в пороховницах и готовы пожертвовать любыми достижениями науки, если некто поставит перед нами выбор – кого спасать в случае глобальной катастрофы – детей или ученых? А может, вас устроит бог-демиург? Первостроитель мироздания, ведь нас хлебом не корми дай хоть что-то изменить в том жилище, куда нас пустили временно, а мы тут же вколачиваем гвоздь в стену и начинаем проламывать окно в стене, а за ней нет ничего, кроме заброшенного пустыря!

– Я бы выбрал милосердного бога, коли вы так ставите вопрос, – сказал Корнелий. – Но, боюсь, в предложенном вами выборе данный вариант отсутствует.

– Нелепо ждать от примара милосердия к человечеству, – сказала чернота на месте головы Червоточина, и Корнелия окатило ледяным потом. Ему показалось, будто она разверзлась лишь для того, чтобы проглотить Телониуса, как ни в чем не бывало возившегося с игрой, в которой невозможно победить.

– А знаете, как они меня называют? За глаза, конечно, ибо осмелились бы они… – Кулак с грохотом обрушился на столешницу так, что расставленная посуда жалобно зазвенела.

– Минотавр? – попытался догадаться Корнелий.

– Минотавр? – усмехнулся Червоточин. – Нет, на роль Минотавра предназначен иной герой… Хотя от подобного прозвища я бы не отказался. Так и не терпится пожрать парочку бездарей, заставивших перебраться на эту богом оставленную Амальтею… что таится в сердце лабиринта мыслей, как не сингулярность, вот она и есть истинный Минотавр. Хотя… может, мне повезло… Так вот, они прозвали меня Клокочущей Пустотой! Каково? Пустотой, да еще и клокочущей!

– Так назывался научно-фантастический роман одного ныне забытого писателя двадцатого века, – сказал Корнелий. – Воистину странное совпадение. В нем речь шла о великом утописте Томмазо Кампанелле и ученом, а по совместительству писателе Сирано де Бержераке, он, по мысли автора романа, вступил в контакт с более развитой внеземной цивилизацией и даже побывал на их планете.

– И что в этом странного? Прозреваете за моими бездарными коллегами несвойственный им глубокий символизм? Ну-ну, комиссар, вас всегда любопытно послушать. Еще немного, и я признаю в вашем увлечении научной фантастикой двадцатого мохнатого века действительно полезное и рациональное зерно. Но, следуя логике вашей реплики, я чем-то схож с позабытым романом позабытого писателя, не так ли? Чем? Я настаиваю! Я – утопист? Или, прости господи, тайно вступил в контакт с инопланетянами? Стал их зловещим комиссаром? – Червоточин захохотал, запрокинув голову так, что Корнелий видел его кадык, скверно выбритый, с островками седых волосков. Хохотал ученый не менее неприятно – натужно, искусственно, словно выдавливая из себя даже не смех, а вой. Но когда он внезапно прервал хохот и вбуравился взглядом в Корнелия, комиссар содрогнулся вновь – он увидел множество ликов, проглядывающих сквозь морщинистую маску лица Червоточина, будто сквозь мутное стекло пытались рассмотреть – что происходит вовне, за пределами тесного и душного мирка, где спрессованы сотни невинных душ, отданных на пожирание Минотавру. Комиссару даже показалось, что он узнает некоторых – вот, кажется, тот, кто объяснялся с Нитью на галерее базы, а он, Корнелий, случайно стал свидетелем их милой брани…

Комиссар зажмурился, ибо кают-компания пришла в быстрое, все ускоряющееся вращение, центром его являлся Червоточин, но он вновь не владел собственным телом. Гравитирующая масса

ученого исказила перспективу, преломила ее и притянула к себе. Кают-компания сплюснулась в плотный аккреционный диск. Чернота на месте головы Червоточина засияла вынужденным излучением частиц, разогнанных вблизи сингулярности до релятивистских скоростей.

10. Каннибал

– Что вы видели тогда, комиссар? – Червоточина затягивала глубже и глубже, и Корнелий ощутил себя космическим телом, угодившим в поле гравитации сингулярности. Он не в силах сопротивляться, ведь законы небесной и релятивистской механики сломят любую волю. – Не искажайте воспоминаний! Мне важен ваш взгляд на благовесть. Или вы так и не поняли, что весть благая?

– Вспышка сверхновой, – говорил какой-то иной Корнелий, не он. Теперь их чересчур много – для каждого хроносреза свой комиссар. Бесконечное их число отказывалось разговаривать с Минотавром, но столь же бесконечное число говорить соглашалось. – Я видел взрыв сверхновой, который уничтожил цивилизацию! – И перед глазами предстала опутанная паутиной колоссального астросооружения звезда. – Они пытались предотвратить взрыв, но не смогли!

– Предотвратить? – Червоточин протянул руку, и крошечное светило в паутине Сферы Дайсона опустилось ему на ладонь. – Нет, уважаемый Корнелий, не предотвратить, а использовать взрыв сверхновой для той благой вести, которую они должны по эстафете передать следующей цивилизации, своим духовным наследникам. Сфера Дайсона – это модулятор излучения, колоссальный записывающий аппарат. Суть послания – благовесть. Даже мне трудно представить, сколько погибло цивилизаций от начала мироздания, в последней вспышке синтезируя квинтэссенцию своего существования.

Он сжал кулак, но даже сквозь плоть Корнелий видел пульсирующий огонь.

Червоточин прошептал ему в ухо, словно боялся, что кто-то в их бесконечном одиночестве гравитирующих масс может проникнуть за горизонт событий и подслушать разговор. Самый важный разговор за всю историю человеческой цивилизации.

– Как наши тела состоят из вещества, что наработали первосветила из водорода и гелия, так и наш разум состоит из идей, которые наработали и передали по эстафете времени предшествующие нам цивилизации. Вот причина парадокса молчания Вселенной – мы не там ищем следы сверхцивилизаций. Их не осталось в физическом мироздании, но их квинтэссенция – в нас, в наших идеях, мы столь самонадеянно принимаем их за свои собственные. Но среди этих идей имеется самая важная, быть может та единственная, только и заслуживающая наследования. Благовесть.

Корнелий вновь в кают-компании. Нет ни сингулярности, ни аккреционного диска, и даже сам Червоточин выглядит почти человеком. Он протянул руку над столом, держа ее ладонью вверх, подавая нечто невидимое комиссару.

– Преломите со мною хлеб, Корнелий, пригубите вина. Не могу с полной уверенностью сказать, что они есть плоть и кровь моя, но учитывая, что синтезаторы скармливаются нашими отходами, почему и нет? Я не чересчур кощунствую? – Червоточин изобразил высшую степень заинтересованности, будто обращал вопрос не к комиссару, а церковному иерарху. – Кстати, Корнелий, вы никогда не задумывались о причине упадка и исчезновения всех мировых религий?

– Прогресс науки, надо полагать?

– Вы невнимательны, комиссар. Это не делает вам чести, ибо внимание к деталям составляет изрядную долю ваших занятий, не так ли? Разве я не сказал, что пища в космосе является продуктом переработки наших собственных отходов? Как ни скверно звучит, но в космической пустоте нам не отыскать лучшего источника белков, углеводов и жиров, нежели мы сами. И даже те, кто в космосе обретал последнее пристанище, отнюдь не возвращались в качестве промороженных тел безутешным родственникам, а утилизировались…

– Я что-то слышал о хлорелле, – пробормотал Корнелий. До этого он не задумывался над тем, чем питается.

– Вам следует проконсультироваться у моей супруги, – хохотнул весьма довольный собой Червоточин. – Она посвятит вас в малоаппетитные подробности замкнутых экологических циклов. Увы, комиссар, но правда такова – за покорение Солнечной системы нам приходится расплачиваться каннибализмом. И вот вопрос вопросов – в какой форме вы с этим примиритесь? Ужаснетесь и сбежите на Землю, в полном соответствии с лозунгом: «Главное всегда остается на Земле», либо постараетесь забыть столь прискорбный казус, явно вопиющий к совести и нравственности человека, либо сублимируете его, обрядите в новые ризы, зальете в новые меха, как угодно.

– Вы оправдываетесь, Червоточин, – сказал Корнелий. – Вы на самом деле оправдываетесь за то, что сотворили. И подгоняете под свое преступление мироздание. Чудовищными опытами вы угробили десятки молодых жизней, сожрали, как сжирал Минотавр ежегодную дань от царя Миноса…

– Ах, Корнелий, – покачал головой с наигранным сожалением Червоточин, – насколько вы антропоцентричны! Воистину не первый раз я встречаю подобное отношение, когда меня пытаются уличить в стремлении к превосходству. Но если научное

сообщество вполне допустимо уподобить паукам в банке, то что вам, комиссару по братству, до каких-то склок? Знаете, Корнелий, порой я сожалею, что в нашем мире нет идей. Представьте, что у нас имелись бы гипостазированные образцы категорий разума, сознания, морали, нравственности. Тогда бы человечество избавилось от разночтений в понимании того, что есть долг, дружба, любовь, бескорыстие… Будь я творцом, творцом не всего сущего, конечно, но некой небольшой области, домена мироздания, право, я бы создал разумных существ, положившись не на врожденность идей, где каждый волен толковать категории так, как заблагорассудится, но гипостазировав их, придав идеальному вполне материальную форму. Разве подобный опыт не оказался полезен?

– Ты не посмеешь! – Крик настолько резкий, что Корнелий не сразу сообразил – чей. – Ты не посмеешь притронуться к ним и пальцем, ты понимаешь? – Ариадна стояла, седалище опрокинулось.

Червоточин с задумчивостью посмотрел на свои пальцы так, словно в первый раз увидел их. Согнул и разогнул, разминаясь. Суставы хрустнули – результат слишком долгого пребывания в условиях пониженной гравитации, почему-то отметил Корнелий. Как называется этот синдром… «Какого черта! – тут же одернул себя. – Какого черта я об этом думаю?!»

– Я – ученый, дорогая, – мягко сказал Червоточин. – Даже став богом, я нуждаюсь в модели, понимаешь? Мушки, дрозофилы, головастики, в конце концов… Какая разница? Главное – результат. А результат я тебе обещаю потрясающий. И если вы еще тешитесь надеждой остановить меня, комиссар, советую отказаться от применения силы… Попробуйте сломить меня идеей, это забавнее. Стать чистой идеей и внедриться в мой разум, взывая к братству и всеобщей любви!

– Я так и сделаю, – пообещал Корнелий. – Я стану вашим персональным безумием, Червоточин.

11. Побег

Скафандр, а точнее – погрузочно-транспортная оболочка типа «ЗМЕЙ», прозванная так из-за пугающего внешнего вида, рассчитана на двоих. И те, кто умел ею управлять, синхронизировали усилия и переносили грузы такой тяжести и габаритов, что не под силу специализированным роботам, а тем более – экзоскелетам. Однако ключевым словом являлось «уметь». Даже самыми базовыми навыками подобной работы ни Корнелий, ни Ариадна не обладали. Они походили на Тянитолкая, на двухголовую змею, которая хоть и тащила в своих кольцах драгоценный анклав, но рывками и подчас в противоположных направлениях.

Анклав оказался чудовищно громоздок. Корнелий проклял все на свете, решив, что в условиях ничтожной гравитации на Амальтее вполне справится с его транспортировкой сам, без всякой помощи тележек и иных подручных средств. Вполне разумно, ибо все эти средства могли сообщать в центр управления о своих передвижениях. За исключением оболочки «ЗМЕЙ», конечно же, и если не учитывать разветвленную систему видеонаблюдения внутри станции. Однако лихорадочная подготовка к бегству из лабиринта, как про себя назвал эту операцию комиссар, заставила забыть о миллионе банальностей, забывать о чем ему совершенно непростительно. План шили белыми нитками, и просто удивительно, что удалось допереть анклав до грузового шлюза, откуда рукой подать до «Тахмасиба». Но именно там, перед шлюзом, их везение завершилось.

Ариадна поначалу пыталась помогать Корнелию, но от этого становилось только хуже. Анклав с еще большим остервенением цеплялся за всевозможные выступы и трубы собственными выступами и трубами, и приходилось молиться о том, чтобы от взаимного цепляния случайно не заклинило яйцеподобное устройство. Со стороны их передвижение наверняка напоминало то ли агонизирующую огромную змею, то ли змею, мучительно пытающуюся содрать с себя старую кожу.

– Сам справлюсь… с этим вашим океаном душ… – цедил сквозь зубы Корнелий, вспомнив, как Ариадна назвала свой анклав, и обращая все известные ему космические заклятья к стихиям вакуума, чтобы они умирили свою зловредную сущность хотя бы до того, когда громоздкая черепаха фотонного прямоточника оторвется от ледяной картофелины Амальтеи. А заодно, дабы припугнуть все эти суеверные зловредные сущности, даже не суть порождение объективной реальности дальнего

Внеземелья, сколько субъективного ужаса даже самых закаленных представителей человечества перед космической бездной, которая сглотнет и не поперхнется, как сглотнула до того сотни и сотни не менее отважных первопроходцев. Припугнуть угрозой стартовать не на ионно-импульсных движителях, а прямо, как говорится, «на зеркале», зажечь над мрачным пристанищем Минотавра еще одно солнце, не такое мощное, как истинное светило, но столь близкое, что его излучения вполне хватит выплеснуть из снежного кома Амальтеи волну раскаленного пара. И он сметет с космодрома все, что способно набрать вторую космическую скорость.

Все эти мысленные заковыристые заклятья требовали такого сосредоточения, что Корнелий не сразу осознал, когда анклав все-таки уперся в неодолимую преграду. Ему показалось, будто тот вновь зацепился каким-то особо зловредным выступом, крошечным, но достаточным, чтобы на его острие разместился десяток в восьмой степени зловредных сущностей, которые и привели к столь досадной заминке.

Комиссар сделал шаг назад, затем с новой силой подался вперед, но безуспешно.

– Ариадна… – прошипел он сдавленно. Крупные капли пота стекали по лицу, одна повисла на кончике носа, породив неприятно-щекотливое ощущение. – Ариадна… кажется, всё… – Он хотел признаться, что силы волочь эту штуковину, за что он столь опрометчиво взялся, все же иссякли, и ему нужна помощь, иначе бросит анклав прямо здесь. А до шлюза считаные шаги, но громоздкая бочка зажила собственной жизнью. Она резко двинулась и вырвалась из рук Корнелия. Он так и остался стоять, нелепо растопырившись, будто мим, решивший в столь неподходящем месте, в лабиринте станции Амальтеи, изобразить классическую сценку.

– Не следует утруждаться, – прогудел знакомый голос. – Инерционная масса в условиях пониженной гравитации является весьма коварным свойством габаритных предметов. Кроме того, можно повредить тонкую настройку анклава, и генетический материал погибнет.

Робот! Минотавр! Стальной клеврет Червоточина перехватил их тогда, когда до желанной свободы оставалось всего ничего.

– Вам следовало оставить заявку на предоставление транспортировочной платформы. С ее помощью мы могли без труда и со всеми подобающими предосторожностями переместить анклав… кстати, поясните, пожалуйста, в чем состоит цель извлечения данного устройства из лаборатории по изучению земноводных форм жизни?

– Поясню… – пообещал Корнелий, переводя дыхание. Инерционная масса, черт ее дери. От нее не избавиться и в условиях самой глубокой невесомости, она становится столь распространенной шуткой для испытания зеленых юнцов, впервые совершающих перелеты и еще не познавших в полной мере ее коварства. Для чего им предлагается с совершенно невинным видом и под надуманным предлогом вручную оттранспортировать массивную болванку из пункта А в пункт Б. – Ох, как я поясню, дай только отдышаться, бык стоеросовый…

Огненная игла прошила коридор, чуть не насадив Корнелия, как бабочку на булавку. Но если у комиссара оставалось место для маневра, чем он и воспользовался, отшатнувшись от набирающей мощность плазменной реки, прижавшись к стене, а затем рухнув на поёлы, то у громоздкого наследия первопроходческих экспедиций такого пространства не существовало. Он бронированной глыбой плотно запирал переход в шлюзовой отсек, и грудью встретил когерентный поток высокоэнергетических фотонов. Корнелий на какое-то мгновение решил, будто броня первопроходца выдержит лучевой удар, но в следующую секунду изъязвленная плита, прикрывавшая бочкообразную грудь машины, вскипела, брызнула тяжелыми каплями расплава. Робот, подчиняясь третьему закону роботехники, заменявшему инстинкт самосохранения, попытался прикрыться могучими руками, отступить дальше к шлюзу, но ревущий огненный поток в клочья разорвал верхние манипуляторы, глубже вгрызся в грудную область машины и добрался до скрытой там батареи.

Взрыв! Минотавр содрогнулся, и у Корнелия мелькнула мысль: у машин тоже бывает агония. А огненная игла тем временем прошила робота насквозь и воткнулась в шлюзовой люк. Немедленно взревела сирена, свет в коридоре сменился на тусклый аварийный, на потолке лопнули многочисленные отверстия, из них водопадом хлынул хладагент, предупреждая разгерметизацию станции.

– Прекратить! – неожиданно для самого себя завопил Корнелий, не совсем соображая, к кому крик может обращаться – к идиоту, который воспользовался промышленным лазерным резаком внутри станции, превратив его в чудовищное оружие, либо к противопожарной автоматике, грозившей затопить коридор вязкой ледяной субстанцией. В ней ничего не стоило замерзнуть до смерти. – Ради бога, прекратите!

Словно дождавшись обращения к божественной силе из уст комиссара, луч исчез. Еще через пару мгновений прекратился вой сирены и противопожарное семяизвержение.

Корнелий барахтался в ледяной суспензии. Тело сковывал холод, а пальцы упрямо игнорировали его команды уцепиться хоть за какой-нибудь выступ в стен. Над Корнелием склонилась Ариадна. Лазерный резак оставался при ней. Именно его она и протянула комиссару, а когда тот не колеблясь ухватился за раскаленный ствол, дернула, одним рывком подняв Корнелия на ноги. Малая гравитация – большое благо!

– Вы сошли с ума, – с безнадежностью простучал от жуткого холода зубами Корнелий. – Вы могли угробить всю станцию, и нас заодно с ней…

– Не худший исход, – заметила Ариадна. – Или вы предпочли бы сдаться?

12. Восхищение Европы

Труп Минотавра загородил шлюз. Пришлось повозиться, растаскивая останки первопроходческой машины, похожие на скорлупу вскрытого силурийского моллюска. Корнелий однажды наблюдал за таким на одном из тихоокеанских островов. Чудовищное создание с раздвижной раковиной занесло тайфуном, и там оно стало добычей биологов. Затем они с Ариадной перенесли анклав в шлюзовую камеру и облачились в громоздкие скафандры высшей защиты – других, более легких, каких хватило бы на недолгую прогулку до «Тахмасиба», здесь почему-то не нашлось. Корнелий, немедленно заподозрив неладное, запустил в скафандрах проверку всех систем жизнеобеспечения. Зажглись зеленые индикаторы и подтвердили, что скафандры функционируют нормально. Время поджимало. Ему самому не терпелось убраться с базы и Амальтеи, он и Ариадна погрузили анклав на транспортную платформу, женщина заняла место водителя, а комиссару достался лазерный резак, который он принял от Ариадны с большим сомнением, что решится пустить его в дело. На базе не осталось роботов. Только люди.

Червоточин и Нить.

А еще – Пасифия и Телониус! Вспомнив о них, Корнелий мысленно застонал, но ничего нельзя поделать – возвращаться значит предать себя в руки Червоточину. Остается надеяться, что до того времени, когда здесь высадится эвакуационно-карантинная команда, с этими четверыми ничего не произойдет.

Юпитер заполнял все небо Амальтеи, настолько похожий на облитый слоистой глазурью сладкий леденец, что хотелось его лизнуть. Сияние планеты-гиганта почти перекрывало блеск ярчайшей звезды небосвода – Солнца. Серпы и диски множества лун любвеобильного гиганта плыли по сложным орбитам. Если присмотреться, то можно заметить серебристую полоску кольца – не столь роскошного, как у Сатурна, но весьма приметного. Освещение космодрома изгоняло последние тени, и громада «Тахмасиба» выделялась среди челноков. И только сейчас Корнелий сообразил, что на Амальтее не имелось ни единого корабля, который мог эвакуировать персонал на другой спутник системы Юпитера. Вряд ли это случайность. Червоточин сделал все, чтобы никто не смог вырваться за пределы его лабиринта. Минотавр не привык упускать добычу. И потому следовало быть начеку. Никто не знает, что сделает Червоточин, дабы помешать Корнелию и Ариадне бежать.

Когда они добрались до «Тахмасиба», похожего на пятиногую неуклюжую черепаху, Корнелия одолело подозрение: за время стоянки планетолет могли заминировать – подсунуть в реактор проходческую мину не составляло труда. Детонация, вспышка, и они с Ариадной разлетятся на молекулы, чтобы со временем стать строительным материалом для иных звезд, планет или даже живых и разумных существ. Впрочем, подобные кармические соображения не утешали.

– Его нужно разместить в наиболее защищенном месте, – показала на анклав Ариадна. – На вашей… гм… на вашем корабле имеется гравитационный компенсатор? Или хотя бы инерционный буфер?

– На моем корабле имеется пять водородно-импульсных движителей и прямоточный фотонный привод, но ничего из того, что вы назвали. Честно говоря, о таком даже и не слышал, – признался Корнелий. – Однако устрою ваш анклав так, что ему не повредят даже самые сложные маневры планетолета.

– Как насчет поля Юпитера? Что, если придется использовать гравитационный разгон?

– Думаете, Червоточин будет нас преследовать? И даже… даже попытается взять на абордаж? – позволил себе пошутить Корнелий, но Ариадна оставалась серьезной.

– Абордаж? Абордаж анклава с зародышами… с него, пожалуй, станется…

Тем временем «Тахмасиб» спустил грузовую клеть, и Корнелий с Ариадной уместили в ней анклав. Затем избавились от «ЗМЕЯ», который золотистой пустой оболочкой лег на плиты космодрома, словно издохшая гигантская анаконда, и тоже забрались в лифт. В шлюзе они освободились от громоздких скафандров и остались лишь в изрядно пропотевшем исподнем, менять белье не оставалось ни времени, ни сил, совместными усилиями запеленали анклав в страховочные ленты. Он повис между полом и потолком трюма огромным черным яйцом.

– Ионный душ принимать будете? – Корнелий старался лишний раз не смотреть на Ариадну, чье тело прикрывали лишь протянутые через грудь и бедра серые полоски ткани.

– Потом. Нужно немедленно стартовать, пока он… – Ариадна поколебалась. – Пока Червоточин не понял, что мы сбежали.

– После того как вы вскрыли робота резаком словно консервную банку, уверен – он неусыпно за нами следит, – буркнул Корнелий. – Хорошо. Пойдемте в рубку.

– Если знает, почему не действует?

– Это меня и беспокоит. – В рубке Корнелий привычно уселся на место пилота и показал на соседний ложемент. –

Устраивайтесь. Взлет будет жестким…

– Мы можем это сделать на фотонном приводе? – Ариадна возилась с застежками ремней и казалось, что бросила вопрос невзначай, на всякий случай. Из любопытства.

– На фотонном приводе? – потер щетинистый подбородок Корнелий, словно размышляя над вопросом Ариадны и решая – можем или не можем. – Нет… пожалуй. Иначе пробьем в этом комке льда и снега огромную дырищу, а после экспериментов Червоточина Амальтея держится на честном слове. И мне бы не хотелось его нарушать.

– Тогда он нас догонит, – устало и безразлично сказала Ариадна.

– Вблизи гравитационного предела Юпитера? Фотонный планетолет, после того как он перейдет на прямоточник? Когда в нашем распоряжении уйма запасов водорода и гелия гиганта и ничто не помешает разогнаться до десяти процентов цэ? – Корнелий вопрошал риторически, одновременно бегая пальцами по клавиатуре. Ну прям органист, готовящий громадный инструмент к исполнению сложнейшей фуги. – Невозможно даже для такого… гения, как Червоточин.

– Сумасшедшего, – поправила Ариадна. – Ведь ты это хотел сказать?

– Верно, сумасшедшего, – кивнул Корнелий. – Извини.

– Ты меня ничем не оскорбил.

– Я не специалист по девиантному поведению, а потому должен воздерживаться от диагноза.

– Какая щепетильность, – пробормотала Ариадна. – Тогда побыстрее уберемся отсюда?

– Уже. – Корнелий ткнул в клавишу зажигания.

И только затем взглянул на обзорный экран, издав звук, будто что-то встало поперек горла. Попытался высвободиться из укутывающих компенсаторных нитей, которые его ложемент в изобилии выкинул согласно программе старта. У Корнелия хватило свободы лишь ударить кулаком по клавишам, отчего на пульте замигали тревожные огоньки, однако фуга отрыва от поверхности космодрома и набора скорости ухода со спутника продолжала исполняться.

Две крошечные фигурки, стоящие у подножия одной из башен «Тахмасиба», поддерживающих неуклюжий купол отражателя, скрылись в изрыгаемом ионно-импульсными ракетами пламени.

Словно их и не было…

13. Бог

Отсюда, из кольцевого коридора, опоясывавшего базу, где когда-то в любое время суток толпился народ, любуясь Юпитером, старт «Тахмасиба» был столь же прекрасно виден. Нелепая пятиногая черепаха фотонного прямоточника тяжело поднималась на огненных колоннах ионно-импульсных движителей. Завершив, Нить отстранилась. Червоточин провел ладонью по магнитной застежке, положил ладонь на макушку так и оставшейся стоять на коленях девушки:

– И все-таки они вертятся…

– О чем ты? – Нить перевела взгляд на своего повелителя и вновь ей почудилось, будто у него нет головы, а на ее месте клубится нечто черное, непроницаемое, жуткое.

– О словах Галилея, он их произнес, когда его хотели заставить отказаться от открытия спутников Юпитера, – улыбнулся кончиками рта Червоточин.

– Ты… ты… – Нить поколебалась. Но продолжила: – Ты путаешь. Ты снова все путаешь. Он сказал это про Землю! Что она не покоится на трех слонах и черепахе, а вращается вокруг своей оси, а еще вокруг Солнца.

– Благодарю за урок истории, в котором я не нуждаюсь, – желчно произнес Червоточин.

– Прости. – Нить поднялась и тоже посмотрела на стартующий планетолет. К этому времени он превратился в ослепительную звезду, соперницу по яркости с крошечным Солнцем. Юпитер заслонял почти весь небосвод, и казалось, что траектория корабля пролегает в экзосферу газового гиганта. Туда, где царил атмосферный хаос, не уступающий солнечному, и Нить подумала, что эта планета завидует своему светилу. Сложись эволюция Солнечной системы иначе, на месте газовых гигантов могла сформироваться полноценная звезда – тусклый карлик класса М, столь неторопливо расходующий запасы водорода, что дотянул бы до той поры, когда Солнце эволюционировало в красного гиганта и поглотило двойника. Солнечная система с ее одиночным главным светилом – исключение в обширной статистической выборке планетных систем в Галактике. Звезды предпочитали рождаться по двое, по трое, нежели по одиночке.

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – спросил Червоточин. – Наверное, не стоит их отпускать вот так, не попрощавшись? Это вопиющее нарушение кодекса гостеприимства. Как комиссар, я сам себе вынесу строгое предупреждение.

– Отпусти их, – попросила Нить.

– Если бы они оставили анклав здесь, им ничего не стоило сбежать. Но какой бог без сотворения человечества?

– Позволь им убежать от тебя, Минотавр.

– Скверно ты знаешь мифологию, – усмехнулся Червоточин. – Минотавр не может никого отпустить, это противоречит природе чудовища. Минотавра надобно убить, убежать от него невозможно. И знаешь, кто настоящий Минотавр, заключенный в лабиринт?

Нить прикусила губу с такой силой, что выступила капелька крови, а глаза наполнились слезами.

Червоточин взял ее за подбородок, вздернул, чтобы девушка посмотрела на него – не отводя взгляда, и сказал:

– Лабиринт – вот кто настоящий Минотавр, поглощающий всякого, кто попадает в его коридоры. А Минотавр… Минотавр всего лишь падальщик, прибирающий остатки пищи за своим повелителем. Глупцы, что думают, будто в лабиринте они могут найти выход, даже с помощью прямоточного фотонного привода. – Червоточин приобнял Нить, подтолкнул ее к стеклу, что отделяло кольцевой коридор базы от поверхности Амальтеи, вытянул руку и приложил растопыренную ладонь к поверхности. А потом потянул зажмурившуюся от ужаса Нить за собой, дальше, вперед, туда, где не могло быть ничего иного, кроме мерзлого комка снега со льдом.

«Тахмасиб» качнулся, словно он был не тяжелым фотонным прямоточником, а утлой лодочкой, в которую с берега прыгнул рыцарь в полной боевой выкладке – кольчуге, панцире, со щитом и двуручным мечом. И, возможно, даже на коне. Корнелий при всем желании не смог отыскать, откуда произросла в затуманенном перегрузкой сознании подобная метафора. Вполне возможно, именно лишний десяток «же» и стал ее источником. Фотонный движитель выходил на рабочую тягу, но Юпитер по-прежнему крепко стискивал в объятиях нежданную добычу. Приборы неумолимо показывали, что планетолет погружается в экзосферу газового гиганта. Если бы Корнелий нашел силы всмотреться в обзорный экран, он несомненно увидел, как ближе становится облачный слой планеты, эти гигантские кучевые облака всех леденцовых оттенков, которые хотелось бы лизнуть, сложись обстоятельства иначе. Каждое облако величиной с Землю или, по крайней мере, с Луну. И ослепляющая звездочка «Тахмасиб» по сравнению с ними не больше булавочной головки. Океан водородно-гелиевой смеси – неиссякаемый источник фотонной тяги, но по иронии планетолет, как Мюнхгаузен, пытался вытащить себя за волосы из болота, однако в отличие от

бравого барона, с гораздо меньшим успехом.

– Падение на Юпитер – не есть ли это гипостазированная метафора приближения к божеству? Взгляни на них, дитя, – с легкой иронией указал на распростертые в ложементах тела Червоточин. – Не есть ли их положение воплощением метафоры общего состояния человечества? На заре восхождения к высотам разума оно получило благовесть, весть, переданную ей ценой собственного существования цивилизацией-предшественницей. А та в свою очередь получила ее от иной, прежде погибшей цивилизации-предшественницы и развивала благовесть миллионы лет своего существования. Но в отличие от этой эстафеты на миллиарды лет, уводящей к пределам Большого взрыва, а может и за его пределы, от благовести отказавшейся, объявив ее всего лишь одной из форм заблуждения, суеверия, первобытного мифологического мышления!

– Что… – прохрипел с неимоверным усилием Корнелий, чувствуя – еще немного, еще каких-нибудь десятых долей «же», и организм не выдержит, начнут рваться сосуды, а кровь сворачиваться.

И словно только сейчас Червоточин заметил в рубке еще двух человек. В отличие от них с Нитью, стоявших так, будто никаких десяти «же» не было, эти двое находились в антиперегрузочных коконах. Коконы от перегрузок почти не спасали, к тому же лишали любой возможности что-то предпринять для своего спасения. Бывалые космоплаватели их люто не любили и выводили из строя сразу же, как вступали в командование кораблем.

Шутовски приложив палец к губам, Червоточин на цыпочках подобрался к Корнелию и склонился над ним, рассматривая лицо комиссара, превращенное перегрузкой в жуткую маску.

– Корнелий, – позвал Червоточин, и когда комиссар приподнял веки, открывая залитые кровью глаза, удовлетворенно кивнул и продолжил: – Комиссар, как человек чести вы можете обещать стать адептом благовести, если вытащу вас из переделки? Я не требую от вас религиозного фанатизма, схизмы и прочего флагелланства. Мне безразличны клятвы верности и договора, подписанные собственной кровью. А тем более кровью чужой… – Червоточин перевел взгляд на соседний кокон. И неожиданно для себя встретился глазами с Ариадной. Он продолжил, вновь обращаясь к Корнелию: – Единственно, я заберу необходимую для дальнейшей работы вещь. Понимаю, что не вправе претендовать на плоды труда той, кого долгое время считал своей супругой, но, поверьте, комиссар, не ради себя, а

исключительно во благо и торжество человечества. – Червоточин сухо рассмеялся. Разогнулся, демонстративно потер поясницу, будто затекшую от неудобной позы, повернулся к пульту и ткнул пальцами в клавиши.

Включилась тревога. Сигнал предупреждения залил рубку переливчатым сине-оранжевым огнем, наполнил звоном и отсчетом метронома.

– Они смогут спастись? – Нить так и не сдвинулась с места, разглядывая коконы Корнелия и Ариадны. – Ты ведь не обманываешь?

– Смогут, смогут, – с нотой раздраженного нетерпения ответил Червоточин. – Пойдем. Чем дольше я здесь присутствую, тем больше времени им понадобится для достижения горизонта событий. Каждая секунда – столетие. А может, и тысячелетие… Старик Эйнштейн во многом не прав, но в первом приближении сгодятся и лоренцевы преобразования. Ты чувствуешь? – Червоточин щелкнул пальцами. – Тысячелетия как не бывало! А вот еще… и еще…

– Ты… их… не… получишь… – голос, полный боли, перекрыл какофонию тревоги. – Даже… не… думай…

– Ари? Где ты, дорогая? – Червоточин деланно покрутил головой, выискивая говорившего.

– Это не она, – быстро сказала Нить, наклонившись к кокону женщины. – Она в беспамятстве…

– Это она, – сказал Червоточин. – Частичная загрузка личности в ячейки управляющей системы корабля. Варварская технология, чреватая нехорошими последствиями, но в условиях запредельных перегрузок единственно возможная… Умница! – Он демонстративно сделал несколько хлопков ладонями.

Книга IX. Благовесть

1. Через миллиард лет после конца света

– Ну вот, и я вновь твой лоцман-вергилий, – сказала Нить. – Первый круг познания благовести тобою пройден.

Телониус ничего не ответил. Он сидел и смотрел вверх – пристально, не отрываясь, вглядываясь в пустое небо так, словно от напряжения глаз появится на небе столь привычный когда-то рисунок звезд. Но то, что там происходило, при всем желании нельзя назвать ни звездным небом, ни небом вообще. Казалось, сумасшедший художник узрел во тьме колоссальные космические течения, они сталкивались, переплетались, закручивались спиралями, увлекая за собой мириады лазоревых мазков. Переливчатое великолепие вызывало головокружение и тошноту, но Телониус упрямо вглядывался в хаос вихрей, пытаясь уловить в нем хоть какую-то регулярность. Почему-то это казалось ему сейчас важным. Небо – источник закона и порядка, как утверждали древние.

– Не молчи, – попросила Нить. – Ты должен тоже задать мне вопрос. Понимаешь?

– Какой? – спросил Телониус. – Подскажи, и я задам.

– Ты должен спросить: что такое первый круг познания благовести?

– Что такое первый круг? – послушно повторил он. Препираться с Нитью не хотелось. – И есть ли второй, третий? Сколь их еще, этих кругов?

– Я не знаю, – призналась она. Призналась с такой грустью, что Телониус оторвался от созерцания небес и посмотрел на нее. Перед глазами все еще плыли грандиозные космические вихри, пришлось несколько раз сморгнуть, прежде чем на фоне унылого мертвого пейзажа проступила фигурка Нити. – Но точно знаю, что так полагается. Ну, сказать про первый круг. И выслушать вопрос, и дать еще ответ. Наверное, это такой код. Понимаешь? По отдельности слова понятны, но их смысл утрачен миллиард лет назад. Остался ритуал, который кажется столь глупым.

– Мне не кажется, – покачал головой Телониус. – Порой, чтобы запустить какую-то машину, требуется сделать нечто на первый взгляд глупое. Сказать кодовое слово, например. И тогда…

– Что – тогда? – Нить собиралась еще что-то добавить или спросить, но земля под ногами дрогнула. Сначала слабо, еле заметно, затем тряхнуло сильнее, отчего Нить чуть не упала, но Телониус подхватил ее под руку. Он озирался, пытаясь отыскать источник землетрясения, но вокруг простирались все те же,

ставшие привычными, черные глыбы.

Затем вновь наступили тишина и покой. Когда Телониус уже готов был с облегчением перевести дух, земля с оглушительным треском лопнула. Трещина пролегла в десятке шагов от них и стремительно расширялась – идеально прямая, как хирургический разрез. Сообразив, что разлом может поглотить их, Телониус побежал и потащил Нить за собой. Та запиналась, падала, приходилось останавливаться и поднимать ее. А разлом стремительно разрастался. Похоже, им ни за что не поспеть выбраться на твердь. А потому, когда почва под ногами осела, Телониус сделал единственное, что мог – со всей оставшейся силой бросил Нить вперед, надеясь, что толчка хватит и ей удастся уцепиться за валун. К началу береговой гряды трещина вряд ли доберется. Сам при этом качнулся назад, сгруппировался, упал на спину, перекувыркнулся и покатился в бездну, сильнее прижимая колени к груди, вцепившись в лодыжки, отчего походил на мячик, катившийся по склону, подскакивая на попадающихся на пути выступах.

Склон становился круче. Еще немного, и Телониус полетит в бездну, но тут он достиг дна. Телониус ощупал себя как смог. Тело ныло от синяков, но ни вывихов, ни переломов он у себя не обнаружил. Лишь голова слегка гудела и кружилась. Он встал и осмотрелся.

Их масштабы настолько не совпадали, что Телониус не сразу его заметил. Это казалось невероятным, но взгляд его скользнул по колоссу не один, не два раза, но остановился на гигантской фигуре лишь когда она шевельнулась, а затем с грохотом склонилась к Телониусу, желая поближе рассмотреть крохотное создание, что осмелилось потревожить ее. Фигура выглядела настолько огромной, что трудно понять – на что она походила. Телониусу казалось, будто ее вытесали из плохо обработанного куска скалы. Тело колосса бугрилось безобразными наростами. Колосс сложился пополам, припав на одно колено, протянул руку к Телониусу, а другую прижал к бедру, склонившись так, что огромная башка оказалась над Телониусом – каменная глыба, покрытая отметинами времени, без всяких признаков глаз. Нечто похожее на рот у глыбы имелось – отверстие в скальной породе, нависшей над Телониусом.

Телониусу захотелось смыться. Гигант понял это и опустил руку так, что она отрезала путь к берегу Океана Манеева. Тем не менее Телониус сделал несколько шагов назад, пока не уперся спиной в каменную длань. Глыба башки над ним загудела, из пещерного зева исторглось:

– Минотавр!

Акустический удар бросил Телониуса на колени. Он заорал, стиснул ушные отверстия ладонями, но безуспешно – звук рождался внутри его собственной головы. Еще немного, и череп не выдержит – взорвется, и не остается ничего, кроме как, чуть ли не разрывая рот, кричать в ответ:

– Те-ло-ни-ус! Те-ло-ни-ус! Те-ло-ни-ус!

Он вступил в безумную перекличку с каменным чудовищем, в безнадежное соревнование – кто кого перекричит, заранее зная, что проиграет. Звуковые волны накатывали со скоростью штормового прибоя, он всем телом ощущал удары, а когда, воспользовавшись мгновением затишья, взглянул на нависшее над ним чудовище, чуть не завопил от ужаса. Зев наполнился клубком нитей, которые выпали, повисли над Телониусом, а затем превратились в щупальца, тянущиеся к нему. Они опутали его плотным коконом, подняли, стиснули так, что он не мог вздохнуть, и втащили в глотку чудовища, которая тут же сглотнула. Его потащило вглубь. Туда, где располагался столь же каменный желудок.

2. Новое тело

Нужно сопротивляться, думал Телониус, проваливаясь в бездну. Нужно встать поперек горла, продолжал он думать даже тогда, когда каменная глотка расширилась настолько, что в кромешной тьме он перестал ощущать ее даже тем зыбким чувством, которое предупреждает: хотя преграды нет, но она здесь, рядом, притаилась, и только ждет малейшего неверного движения, чтобы вновь обрушиться на колено, на ступню, пальцы. Он больше не падал. Щупальца исчезли. Телониус висел в гулкой тьме и пустоте. Его не оставляло странное чувство будто тело стремительно расширяется, как оболочка сверхновой, стремясь достигнуть хоть какого-то предела в беспредельном космосе.

– Минотавр! Минотавр! – повторял как заклинание Телониус, ожидая, что имя это явит чудодейственную силу. И что самое удивительное, именно так и произошло. Не сразу. Не в одно мгновение. Возможно, прошла тысяча мгновений или миллион. А может, и миллиард. Миллиард мгновений понадобился свету выделиться из тьмы. Свернутый эмбрион Телониуса, висевший в безбрежной тьме, наконец-то открыл круглые глаза.

Гдеячтоязачемяотчегоявчемяктоягдея…

Вопросы неразличимым потоком устремились сквозь него, эти первочастицы разумного бытия. Что есть разум, как не вопросы? Бесконечное количество вопросов о бесконечности мира. На самый первый вопрос Телониус удосужился получить ответ, И заключался он в том, что ничего не изменилось. Или почти ничего. Он пребывал во все том же мире, чьи берега омывал Океан Манеева, вот только масштаб исказился. Вернее, перешел в иное соответствие. Телониус отныне не был крохотным существом у подножия каменного колосса. Теперь он и был этим колоссом – весь, целиком, будто натянул на себя кожу не по размеру, но умная ткань немедленно сжалась, облегая словно вторая, а точнее, – первая кожа. Будь мир вокруг больше, он вряд ли ощутил, как стал титаном. Но мир Океана Манеева оказался весьма недолог по размерам. Неровный горизонт, близкий настолько, что Телониус в два скачка мог его достигнуть.

Новое тело село идеально. Не давило, не жало, не натирало. Если бы не память о том, каким он, Телониус, был раньше, вполне можно утверждать, что именно таким и уродился в этом мире… а каком, кстати, мире? Телониус сделал шаг, другой, еще раз поразившись идеальному слиянию с гигантским телом, а затем, оглядевшись, пошел прочь от белесых вод Океана Манеева вглубь черной земли. Там, он почему-то был убежден, найдет

интересующий его ответ.

Масштаб и впрямь разительно изменился. Для Телониуса номер один местность выглядела как непроходимое нагромождение скал, и чем глубже в сушу, тем хаотичнее представал окружающий пейзаж. Вряд ли номер один смог бы сильно продвинуться среди этого следствия какой-то геологической катастрофы. Но для Телониуса номер два катастрофа представала всего лишь изрытой ямами, испещренной трещинами антрацитовой поверхностью. Шагать по ней требовало внимания и сосредоточенности, дабы не угодить в неприметную рытвину, зато позволяло окидывать взглядом близкий горизонт в поисках приметы, которую можно выбрать направлением движения.

Но самые удивительные перемены происходили в небесах. Потоки крупных мазков разноцветной краски выцветали, бледнели, студенисто дрожали, прежде чем окончательно исчезнуть, оставив после себя черноту. Процесс охватывал всю небесную сферу целиком. Казалось, что нарисованный холст под воздействием сверхнизкой температуры скукоживается, нанесенная краска хлопьями отпадает, открывая бездну грунта, в которой, в свою очередь, присмотревшись, можно углядеть движение сверкающих точек.

Телониус, завороженный зрелищем, ускорил шаг. Он торопился дойти до предела близкого горизонта, когда небо окончательно очистится, а потому перестал смотреть под ноги, и на очередном шаге ступня внезапно не ощутила тверди, ухнула в пустоту, он попытался сохранить равновесие, замахав руками, но безуспешно. Оставалось только хоть как-то приготовиться к падению, собраться, но Телониус тут же потерял контроль над телом. Он вновь оказался крошечным существом внутри поглотившего его колосса.

– Не сопротивляйся, – шептал успокаивающий голос. – Демиургу требуется новая оболочка. Позволь помочь. Отступи, и все будет хорошо.

Телониус сделал так, как просили. Отступил и позволил. Как раз вовремя. Гигант выбросил вперед руку, ударил сжатым кулаком в грунт, а когда колено коснулось земли, бедро переломилось в дополнительном изгибе. Подобное нарушение анатомических стереотипов движения оказалось вполне эффективным. Тело вновь обрело управляемость.

3. Задание

– Нить?! Это ты?! – крикнул Телониус, вновь поднимаясь. – Где ты?

– Здесь, – сказала Нить со знакомой интонацией отпрыска, решившего сыграть в прятки. – Здесь. Я – это ты. Ты – это я.

– Не понимаю… – начал было Телониус, но тут же сообразил. – Подожди, так ты – эта оболочка?

– Шкурка, – хихикнула Нить. – Знаешь сказку про царевну-лягушку? О том, как один царевич нашел на болоте лягушку, а она оказалась царевной и каждую ночь скидывала с себя лягушачью шкурку… А потом он решил сам узнать – каково это быть лягушкой, и натянул шкурку на себя…

– Нет, – признался Телониус. – Большей белиберды не слышал.

– Да, действительно. – Нить стала серьезной, будто допустила досадный просчет, свидетелем чему стал Телониус. – Приступаю к инструктажу. Прошу подтвердить готовность.

– Готовность подтверждаю, – на автомате проговорил Телониус. – Постой… подожди… о чем ты?

– Вам надлежит в установленные процедурой сроки исследовать состояние планетарной системы, оценить ее стабильность и в случае необходимости внести коррективы. Оценку лучевого потока надлежит осуществить по следующим параметрам из точек Лагранжа. – Перед взором Телониуса поползли строчки уравнений. – Гравитационные флюктуации не должны превышать усредненные по выбросам за период в десять тысяч естественных оборотов…

Нить монотонным голосом зачитывала инструкцию. Та становилась не только все более подробной, но содержала параметры и величины, которые Телониусу надлежало не только замерить, но при необходимости подправить, включая проверку и исправление эксцентриситета орбит, постоянных убегания, резонансов и параметров эволюционной сходимости рядов для задачи множества тел. А подобное разве в его воле?

Телониус вполне приготовился услышать в инструкции пункт, касающийся мировых констант, вроде скорости света и постоянной тонкой структуры. Их ему также надлежало со всей тщательностью измерить и при необходимости внести поправки неведомым ему способом, будто они характеристики обычного механизма, в котором предусмотрена система внешней регулировки. Тут Нить умолкла, долго молчала, еще раз, мысленно, пробежала по озвученным пунктам и убедилась, что

ничего не упустила, а затем спросила обычным своим голосом:

– Вопросы имеются?

– Нет, – произнес Телониус, но тут же сообразил, о чем его спрашивают, и почти возопил: – Есть! У меня миллион вопросов!

– Задавайте ваш миллион вопросов. Резервирую слот времени для уточнения инструктажа, – невозмутимо сказала Нить, и Телониус не усомнился, что она восприняла его восклицание буквально-серьезно, и при необходимости выслушает миллион вопросов, но только миллион и ни одним вопросом больше.

– Инструкция по неизвестным мне причинам полагает, будто планетарная система – механизм, поддающийся регулировке и управлению… – начал Телониус, но Нить прервала:

– Кроме того, вам предстоит трансформировать небесное тело, именуемое Венерой, и сделать его пригодным для существования разумных существ. Основные параметры трансформации и необходимые материалы вы получите в назначенный срок демиургии. Инструментарий диагностики и ремонта будет предоставлен вам в ближайшее время, можете не беспокоиться.

– Я не беспокоюсь, – проворчал Телониус. – Я совершенно спокоен. Когда предстоит исправлять мироздание, я ныряю в работу с головой.

– Больше вопросов нет? – осведомилась Нить.

– Больше вопросов нет, – подтвердил Телониус. – Готов ознакомиться с объемом работ.

Словно дожидаясь лишь этих слов, окружающий его мир стал скукоживаться, уменьшаться. Вполне возможно, происходило иное – он, Телониус, увеличился в размерах столь стремительно, что вскоре висел в пространстве, провожая взглядом медленно вращающийся шарик, почти полностью залитый океаном с черными брызгами редких островков. Хотелось протянуть руку, ухватить его, пытаясь убедиться – это происходит в реальности, а не в пространстве грез, но масштаб продолжал меняться. И хотя такого не могло быть, он был убежден, будто действительно раздувается в размерах, расширяется за счет изменения межатомных расстояний в теле, становясь из субстанции твердой и упругой субстанцией газообразной.

«Я – мера всех вещей», – подумал Телониус.

И вот он, подвешенный ни на чем, достиг размера, позволявшего взглядом окинуть главное светило и вращающиеся вокруг планетоиды, большие и малые небесные тела, облака газа, пыли, крошечные металлические пузырьки и скорлупки, в них Телониус признал космические корабли, но не это оказалось удивительным, не привычное небесномеханическое воинство, а

иное, чему Телониус поначалу и названия не мог подобрать, и лишь потом он даже не вспомнил, а некто внутри (Нить?) услужливо подсказал: аккреция, диск аккреции.

Новое небесное тело вращалось столь близко к поверхности светила, что разглядеть черный шарик, не будь он окружен диском аккреции, вряд ли было возможно. Телониус не сразу понял, что за сияние его окружает, будто марево дрожит над раскаленной поверхностью – могучая гравитация объекта скручивала пространство, а вместе с ним экзосферу светила. Светило из всех сил своего тяготения противостояло темному соседу, но пылающая поверхность восходила колоссальной волной, бежала по поверхности, закручиваясь на вершине гребня в тугую спираль, в центре которой и находилась сингулярность. Новый спутник высасывал из огненного соседа звездное вещество.

Но вот плотность аккреционного диска достигла критического, а затем сверхкритического уровня, и с его полюсов ударили в зенит и надир великолепные струи, делая сингулярность похожей на небесный гироскоп.

4. Вечерний джаз в четыре руки

Сингулярность впитывала Телониуса, как губка воду. Он оказался до чрезвычайности неопытным небесным телом, этаким облаком в штанах, неуклюжим и самонадеянным. С отчаянием наблюдая, как волны гравитации в клочья рвут его тело, достигшее такой степени разрежения, что назвать его газообразным значило польстить ему сверх меры, но даже в столь разреженной субстанции поддерживалась связность, и Телониус погружался в сингулярность так, как погружается пловец в захвативший его водоворот, не в силах совладать со стихией. Он бился среди гравитационных эквипотенциалов, ценой неимоверных усилий порой удавалось высвободить руку, но при этом нога, вроде бы нащупавшая опору среди космического хлама, которую можно использовать, чтобы все же вырваться из воды на берег, нога, обретшая упор, этот упор тут же теряла, и он рывком погружался еще глубже – по колено, по пояс, по грудь, осознавая безнадежность попыток, но не в силах заставить себя покориться неизбежности.

Ему показалось, будто гравитационное чрево, проглотившее его, издало сытую отрыжку, а затем его принялись уминать во все меньший и меньший объем пространства, вынуждая на обратный метаморфоз – из космической туманности в плотное тело. Однако окружающее пространство, даже вывернутое наизнанку сингулярностью, не изменилось. Планетоиды двигались вокруг, будто Телониус занял место главного светила, и он, отыскав знакомый пятнистый шар Венеры, протянул руки к старой знакомой. Планетоид, ощутив его движение, дрогнул, сбился с орбитального ритма, и резко изменился. Телониус не помнил, где он видел, как совершает первое деление зародышевая клетка, но происходившее очень походило на метоз.

Мельтешение картин, столь быстрое, что даже его ум выхватывал лишь некоторые: огненное варево поверхности планетоида, сумасшедшая ротация багровых облаков, отчего голова кружится, если долго смотреть в небо, примары не смотрят в небо, говорит кто-то, и вот…

…по раскаленной, истресканной поверхности бредут две фигурки, а позади остался похожий на огромного жука атомный танк, бессильно разбросавший боковые манипуляторы, словно на него встали и раздавили. Телониус чувствует эти фигурки, ощущает, как с каждым разом им труднее дышать, и тогда большая останавливается, опускается на колени, притягивает к себе меньшую, неуклюже обнимает, насколько позволяет

громоздкий скафандр, отсоединяет грудные баллоны и заменяет на те, что у маленькой фигуры. Падает и остается лежать неподвижно, а тот, меньший, бредет дальше, туда, где полыхает огненное зарево…

…сделай это, не бойся, глупый, говорит она, ее удивительно широкий рот улыбается, делая его еще шире, как у лягушки, и ему ничего другого не остается, как тоже улыбаться, все это делают, ведь ты – примар, это твой мир, неужели боишься, что он враждебен тебе? Хочешь, покажу, что так можно? И он видит, как ее пальцы пробегают по застежкам, он знает – ничего не получится, сработает принудительная защита, но защита почему-то не срабатывает, и вот колпак скафандра откинут на спину, а он не верит собственным глазам – она должна погибнуть мгновенно, но ничего не происходит, она продолжает улыбаться, протягивает к нему руки и показывает – теперь твоя очередь, но он пугается, он чувствует, как от ужаса опорожняются мочевой и кишечник, малоприятно даже когда на тебе подгузник, а затем поворачивается и бежит, бежит, бежит…

…похожий на опаленный кусок камня с пробуравленными отверстиями, из них тянется много нитей, по которым скатываются похожие на капли ртути фигуры. Стоит им коснуться земли, как капля оборачивается разумным существом, если только бывают такие – громадные, с выпирающими мордами, огромными рогами и трехпалыми ручищами, сжимающими сети и трезубцы-разрядники. Они безошибочно ориентируются в лабиринтах поселка, не убежать, не укрыться, а главное – не выдать себя за обычного, потому что обычный не может ходить по поверхности без шлема, без скафандра. Если кто-то попытался маскироваться, то вряд ли нашел хоть один целый скафандр в хранилище, где они свалены бесполезной грудой, похожие на сброшенные лягушачьи шкурки. Поэтому остается только сопротивляться, и он стреляет в минотавров, которые ловко продвигаются к баррикаде, а затем разносят ее в клочья прямым залпом из лазерных мортир. Он хочет спасти ту, с кем сражался рука об руку, плечом к плечу, но она смеется, а затем стреляет себе в рот, голова взрывается и разлетается ошметками. И многие вокруг делают так же, но только не он, он не может, не в силах, он пытается убежать, но сеть опутывает, он бьется, вырывается, но дальше нет ничего, кроме темноты…

…твое понимание теории сингулярностей обусловлено происхождением, как не грустно признать, мальчик мой. Ведь ты родом с Венеры, ты – примар, хотя в наше время это слово стараются не произносить в приличном обществе, кому же понравится симбионт, в чьей крови наноботы, и кому предписан

регулярный гемодиализ, иначе микромашины вновь достигнут той критической насыщенности, когда… впрочем, не тебе объяснять, но все же вижу незаконность твоего понимания. Незаконность в том смысле, что твое понимание не есть полноценный продукт собственного ума, сам по себе он обладает весьма умеренным потенциалом. На квантовую хромодинамику его еще хватит, но на теорию сингулярностей – увы, я в этом кое-что понимаю. Сколько выдающихся умов, не чета тебе, пытались стать учениками самого Манеева, но их не хватило даже на вводные части теории. Ты же, благодаря наноботам, продвинулся дальше иных, но вступил в область, где перед тобой выбор – прекратить гемодиализ и превратиться в того, кем ты и был – примара-изгоя, либо оставаться в большей степени разумным существом. Увы, суха теория, мой друг, а древо жизни зеленеет…

…как же я ошибся, пригрел на груди змею. Мне казалось, ты идешь путем, какой указал я, но ты заплутал, заплутал в этом чертовом лабиринте теории сингулярностей, и тебя пожрал Минотавр. Да-да, именно так это называю, когда те, кто шел со мной, вдруг возомнили будто могут дальше двигаться сами. Им не нужна нить Ариадны. Они лучше, чем сам Дедал, творец лабиринта, способны разобраться во всех хитросплетениях моей теории. Я даже хотел назвать ее уравнения именами мифических героев, предупреждая опрометчивость, но для кого это делать, вот и ты свернул не туда, отверг руку помощи…

…буду звать тебя Ариадной, это мой счастливый миф. Мне безразлично, как тебя звали раньше. Мне безразлично, каковым было и мое имя, ибо имя мое Червоточина, и теория моя – о червоточинах и сингулярностях. Теория – это я, я – это теория, а ты – моя путеводная нить. Мне не обойтись без семьи, ведь даже и особенно демиурги так одиноки. Мне плевать на твое мнение, ты будешь моей и только моей. Неужели тебя не прельщает стать возлюбленной величайшего в истории? Да, конечно, я – сумасшедший. Того, кого ты сейчас слышишь, нет, это симулякр, социальный симулякр, тогда как мое истинное Я по-прежнему скитается в лабиринте теории, словно Минотавр в поисках жертвы. Можешь заниматься чем угодно, хоть лягушками, хоть змеями, меня это не интересует. Главное, чтобы ты всегда была рядом, мы с тобой – квантовая пара, неразлучны даже в бесконечности, пространство и время нам не преграда, ты – это я, я – это ты…

…я вдруг понял – мир вокруг, Солнечная система, Земля, Галактика, метагалактика, мироздание, все-все, что составляет бытие, на самом деле создано мной, мной одним, понимаешь. Это прозрение столь захватило меня, оно так очевидно, что

невероятно – как я не подозревал об этом, вот что значит пресловутая забывчивость и рассеянность творца науки. Осознав себя творцом всего сущего, я понял, что могу перетворить вселенную, переделать разумных существ. Говоришь, во мне живет чувство обиды на то, что сделали с нами, примарами. Это чепуха, мелочи. Творцу не стоит на них обращать внимание, мне под силу сделать разумных тварей из чего, из кого угодно, хоть бы из твоих земноводных. А чтобы они не совершали ошибок, чтобы у них не болела совесть, достаточно воплотить в материи те феномены сознания, которые само общество склонно объявлять химерой – совесть, здравомыслие, справедливость. Взять какой-нибудь планетоид и заселить подобными созданиями, можно даже зажечь для них одну из планет-гигантов…

Затем все опять сместилось. Не было ни переваривания, ни метоза, ни иных физиологических ассоциацияй. Странное ощущение явилось им на смену. Будто Телониус стал частью мыслительного процесса. Именно так – он был не мыслью, конечно же (хотя почему бы и нет?), но частью мысли, ее посылкой, природным основанием, феноменом. Мыслительный процесс скопировал ее, очистил от любых физических коннотаций, обратил в нечто, что даже энергией не назовешь, ибо мысль не содержит в себе ничего, что входит в знаменитый массово-энергетический эквивалент. Даже квадрат скорости света к ней неприменим, сама по себе мысль распространяется безо всякого света, и тем более его квадратов. Что стремительнее мысли? И не в том ли трагическая ошибка цивилизации – она пытается уловить мысль в тенета алфавита, свитка, глиняной таблички, а затем и вовсе вступает с мыслью в мучительное и заведомо проигрышное единоборство, дабы довлеть над мыслью, подчинить ее внешним обстоятельствам грубо материального мира.

И мысль длилась, длилась, длилась, выстраивая точную картину бытия-без-бытия. А Телониус стоял, прислонившись плечом к косяку двери, сложив руки на груди, и вслушивался в заполнявшие комнату звуки, понимая – что-то в них не так, но в чем причина? Понять он пока не мог, а потому разглядывал сидящую за роялем знакомую женщину и развалившегося в плетеном седалище мужчину, тот казался ему знакомым.

Первым его увидел мужчина. Немудрено, он сидел лицом к двери, тогда как женщина – ко входу спиной, и если заметила Телониуса, то лишь в зеркально-металлической полировке музыкального инструмента. Сидящий нисколько не удивился, приложил щепотку пальцев к виску в древнем приветствии, а

затем тронул ими губы – мол, постарайтесь не мешать, ибо… Но предупреждение оказалось напрасным. Мешать Телониус не собирался, а женщина, все же ощутив его присутствие, играть не перестала, а повернула голову, чтобы он попал в поле зрения выпуклого глаза.

– Телониус! – только и произнесла она, а он сорвался с места, подбежал и взял за узкие плечи. Пасифия! Его Пасифия, мать, а стоящий на инструменте невообразимо древний аппарат наверняка был тем волнофоном, через который они общались все то время, что он пребывал на Венере. Он мельком отметил – волнофон работает, но включен на мертвый канал. Затем его пронзила догадка! Сама загадка, как оказывается, подспудно грызла его, – чего же не хватает музыке, извлекаемой Пасифией из клавиш, труб и рычагов инструмента. Да и сама Пасифия пододвинулась, освобождая место рядом с собой, и он умещается на клочке пространства, вытягивает руки, заносит пальцы над рычагами и клавишами.

Игра в четыре руки!

5. Смерть-цивилизация

Именно так, в четыре руки! Пальцы движутся, игра на инструменте – самое привычное, чем только и мог заниматься Телониус. А Пасифия, довольная его присутствием, и его помощью, на мгновение положила голову ему на плечо, а затем, полуобернувшись к Корнелию, с вызовом произнесла:

– Теперь-то вы понимаете почему он – Телониус?! Понимаете?!

Сам Телониус ничего не понял и даже не представлял, какой спор мог возникнуть между Пасифией и Корнелием, да еще и по его поводу, но в ответ ободряюще потерся предплечьем о мать. Корнелий кивал, будто болванчик – древняя игрушка с приставленной головой. Однажды тронутая, она качается от одного плеча к другому, изображая высшую степень изумления. А еще он с силой ударял ладонями по костистым коленям, на свой манер пытаясь аккомпанировать дуэту.

Мелодия складывалась из многих ритмов с различными периодами и амплитудами. Она казалась планетарной системой, там десятки больших и малых небесных тел связаны друг с другом весьма непростыми отношениями.

– Воистину так, Телониус, – сказал Корнелий, и хотя комиссар продолжал сидеть в плетеном седалище, Телониусу показалось, будто он доверительно прошептал эти слова ему на ухо. – В нашем мире… нет-нет, не этом, но весьма похожем, жил-был музыкант по имени Телониус, он играл великолепный джаз. Почти такой же великолепный, – неожиданно хихикнул комиссар, – хотя и сыграно было на другом инструменте, в других мирах и по другому случаю… Но результат! Взгляните на результат, мой друг!

И вновь плыли по запутанным орбитам небесные тела, одно из них столь хорошо знакомо Телониусу – Венера! Под толстой оболочкой атмосферы скрывался раскаленный ад. Планетоид приближался, и нечто в нем происходило. Будто продолжалась невидимая до поры работа фабрик, Телониус и его работники тяжким трудом устанавливали их на поверхности планеты, чтобы запустить цикл терраформовки…

– Терраформовки? – переспросил Корнелий, продолжая сидеть в плетеном седалище, продолжая стоять рядом с ним, придерживая за плечи, продолжая шептать в ушное отверстие. – О да! Червоточина водой не пои, дай поиграть любимыми игрушками. Впрочем, как и с нелюбимыми, но он предпочитает их ломать. – Корнелий ткнул в клавишу стоящего на инструменте

волнофона.

Возникло лицо. Глубоко залегшие вертикальные морщины на щеках, полуприкрытые глаза. Знакомый рисунок пятен. Конечно же! Он! Собственной персоной!

– Вы еще скажите ему, что у Венеры в девичестве имелось более короткое имя, – скривил губы Червоточин.

– Зачем? – Корнелий, сидящий в плетеном седалище и придерживающий Телониуса, будто направляя игру в четыре руки, пожал плечами. Ему наверняка пришлось долго искать в бесконечности действий крохотное мгновение еще и на это телодвижение. – Вы всё затеяли, Червоточин, вам и расхлебывать. У меня всегда имелось подозрение, что бог, создавший Землю, был подобен нам… Сколько ему еще догорать? Считаные эоны?

Червоточин поманил Телониуса, но он продолжал играть. Пасифия и вовсе не замечала происходившее вокруг нее, лишь изредка подталкивала локтем сидящего рядом сына, будто подначивая. А Корнелий, сидя в плетеном седалище, и Корнелий, стоящий рядом с ним, и Корнелий, вещающий из каких-то и вовсе невообразимых далей через самого себя, крошечной своей копии, «януса», попытался удержать его, но у него и на этот раз не получилось. Притяжение Венеры, его, Телониуса, Венеры, оказалось намного сильнее. Ведь мириады наноботов, изменивших ее, несли частицы наследственности его, Телониуса, а значит и Венера в какой-то мере дочь своего творца, огромная, пылающая, изрыгающая магму. Тяготение увлекало его, ее творца и отца, за собой. Диск планетоида стал плоским, потом вогнутым, а затем и вовсе провалился внутрь бесконечности, сингулярности. Такой же, что пожирала светило, но в то же время и другой, рассчитанной на Телониуса, и только на него, ибо когда открывается колодец на эоны эпох тому назад, малейшая неточность оборачивается смертельной опасностью, а какой еще может быть опасность, если цель твоего падения – смерть-цивилизация?

– Я вздрагиваю, когда слышу столь неуклюжий термин, Червоточин, – пожаловался сидящий в плетеном седалище Корнелий. – У вас дар на неудачные имена. Вы не могли придумать нечто благозвучное? А это ваше самоназвание – Червоточин! Словно вас до сих пор точит червь сомнения, право же! Чем не угодила исконная самоидентификация? Но смерть-цивилизация… я умываю руки! Единственное, в чем вы попали в цель, возможно и не целясь, так это с Телониусом. Хотя никто, кто знал вас, а я говорил почти со всеми, не упомянул ваш интерес к джазу… Или я приписываю вам то, чего и не было, а? Червоточин? – Корнелий стиснул костлявыми, без перепонок,

пальцами плечо Телониуса, наклонился к волнофону и постучал по экрану.

И вдруг Телониус понял, что инструмент, из которого извлекает мелодию, на самом деле весьма древний анклав для проведения эволюционных экспериментов над популяциями, а то, что он принимает за клавиши, – геномодифицирующие программаторы, преобразующие его игру в программу, которой следует подчинить ход эволюции. Он хотел отдернуть руки от клавиш, но пальцы продолжали ударять по ним, словно существовали отдельно от него.

– Я думал, ты никогда не догадаешься, – сказал Брут, опираясь на анклав и задумчиво выдергивая остатки нити из того места на мундире, где когда-то красовался шеврон. – Впрочем, тебя создавали не для этого, ты должен как бык вспахивать порученное тебе поле, не отвлекаясь на кусающих шкуру оводов. Наподобие меня. Что ж, предлагаю последовать за мной и взглянуть на то, как все началось, Телониус…

6. И опять Корнелий

Телониус хотел попросить Корнелия перестать. Перестать все. Сидеть в плетеном седалище, развалясь в нем и изображая знатока какого-то там джаза, стоять рядом, впиваясь пальцами в плечо, будто пытаясь перелить свою волю в его руки, наклоняться к экрану волнофона и постукивать по поверхностному натяжению передающей мембраны, словно приманивая обитающую в глубине водяного пузыря крошечную рыбку – приемник гравитационных волн, которые только и обеспечивали сверхсветовое распространение сигналов. Им понадобилось бы миллиарды лет плутать в лабиринтах туго свернутой сингулярности, через аккреционный диск высасывающей материю из светила.

Но не успел. Потому что мембрана волнофона подалась внутрь, завернулась спиралью. Могучий язык гравитационного коллапса еще одной червоточины, смутно Телониусу знакомой, втащил их внутрь, перемалывая материю и энергию, в полном соответствии с законом эквивалентности, превращая всех и вся в квадрат постоянной скорости света. Даже не в нечто осязаемое, а исключительно интеллигибельное, ноуменальное, которому ничего не стоит преодолеть пространственно-временной континуум, совершить сальто-мортале, туда, где если все не начиналось, то уж точно продолжалось.

И там свет, и ничего кроме света. И даже набивший оскомину Корнелий тоже сгусток света. Светляк, вылетевший из болота в прохладу ночного леса, приманить стайку таких же брызжущих светом созданий. Смерть-цивилизация ткалась из света, и фотонные потоки оказались фундаментом их существования, каким для иных являются камни или поверхностное натяжение.

Светоч. Светило. Звезда. Люцифер. Им повезло родиться у массивной и яркой звезды – идеального материала для последующего превращения в сверхновую. Казалось, пространство вокруг нее тоже светится, каждый гран материи – источник фотонов, самый распространенный здесь строительный материал. Лучевая форма существования разумных тел – определил бы какой-нибудь земной ученый, окажись на месте Телониуса. Но на месте Телониуса только сам Телониус и никого кроме Телониуса. И он видел – Светоч упрятан в плотную и сложнейшую паутину силовых полей, генерируемых чем-то, что также сплетено из света, своего рода фотонной машиной. Как такое возможно с частицами нулевой массы покоя – пусть разбираются физики. Для Телониуса важно лишь то, что он в финишной точке существования светоносной смерть-цивилизации, квантовый

свидетель, без него Светоч не может перейти в новое фазовое состояние. Но если Телониус – квантовый свидетель, то его представление о происходящем облекается в театр уже знакомых ему действующих лиц.

Есть ли они на самом деле? Телониусу неведомо и ведать не интересно, ему интереснее вникнуть в происходящее, облекая взаимодействие светоносных форм представителей смерть-цивилизации в привычные взаимодействия материально-разумных тел.

И вот внутри мегаструктуры Сферы Дайсона по бесконечной и совершенно пустой лестнице поднимается, насвистывая, разумное существо, похлопывая по широким перилам ладонью. Колоссальные кубатуры сотен астрономических единиц этажей медленно сменяют друг друга, не открывая идущему ничего нового, но он невозмутимо идет к известной ему цели. Иногда разумный останавливается, устав, но незримый Телониус понимает – об усталости нет и речи. Он замирает на месте еще раз оглядеть мегаструктуру, заполненную желтоватым маревом, пронизанную столь же колоссальными лестницами и еще более замысловатыми конструкциями. Они похожи на искривленные башни с мириадами крошечных светящихся огоньков, каждый такой огонек при ближайшем рассмотрении – кластер обжитых миров, на пресловутой оконечности булавки танцуют миллионы люциферов. А еще сквозь марево двигаются колоссальные машины – многоногие, многорукие, многоглазые – неторопливые строители этого крошечного отсека несоизмеримо великой Сферы.

Сферы, предназначенной для…

Для чего?

Предстояло выяснить. Почему-то это казалось очень важным – выяснить. По сравнению с этим возможным пониманием, если смерть-цивилизация в своей светоносной природе вообще поддавалась хоть какому-то осмыслению, остальное выглядело неважным, преходящим. Лишь для этого он здесь и оказался, облеченный в такой же цвет, скрытый за светоносной оболочкой здешних обитателей, но еще и вооруженный оптикой интерпретации. То, что происходило на самом деле, переводилось в символизм понятных ему картин, черпая эти картины из его же памяти.

А потому не стоило удивляться, если разумный, остановившись на площадке бесконечной лестницы, вдруг сделал шаг к неприметной железной двери с кодовым замком, приложил к нему растопыренную ладонь. Когда дверь отъехала, шагнул внутрь, предусмотрительно пригнувшись, дабы не задеть

нависающие прямо над входом пучки разнокалиберных труб.

7. Спор с Брутом

Замешкав, Телониус кинулся вслед за ним, но торопился напрасно. Дверь оставалась распахнутой, а сделать предварительный поклон он пренебрег, уверовав в нематериальность своего здесь пребывания, за что и поплатился, врезавшись макушкой в халтурно сделанную гидравлику. От боли он присел на корточки, зашипел, прижал к вискам ладони, в злобной уверенности, что иначе расколотый череп распадется на половинки, открывая на всеобщее обозрение свою позорную пустоту.

Но беспокоился и проклинал себя Телониус напрасно. Боль напоминала ему – вокруг настоящий, хотя и пропущенный через горнило интерпретации, мир смерть-цивилизации. Ему предстоит стать свидетелем беседы… а может, и не совсем беседы, но, во всяком случае, предлагалась именно такая трактовка событий давно минувших эонов, а потому боль лишь эпифеномен происходящего, а сам феномен – вот, перед ним.

Корнелиус и Брут. Брут и Корнелиус.

Брут на низком топчане в арестантском комбинезоне, именно таком, в каком Телониус его видел, когда заговор на Лапуте раскрыли, а все причастные изолированы. Лапута не имела тюрьмы, да и кому могло прийти в голову, что она необходима на столь грандиозном проекте терраформовки? Терраформовки… Телониус хотел очистить слюнные железы, но остерегся выдать свое, как оказалось, отнюдь не призрачное присутствие. Корнелиус привычно разлегся в плетеном седалище, выдвинув вперед длинные тощие ноги, словно перенесся сюда прямиком из пристанища Пасифии. Единственно, что отличало этого Корнелиуса от того, – тонкая черная палочка, ее он осторожно раскатывал между пальцами, а затем, раскатав до нужной консистенции, сунул в рот, сомкнул на ней бледные губы и глубоко втянул воздух. Кончик палочки вспыхнул.

Рассматривал эту картину Телониус словно через электронно-оптический преобразователь с рассинхронизированным изображением: левый окуляр преобразователя уставился в звездное небо, впитывая световые кванты, а второй транслировал костюмированную передачу из жизни древних. Тогда подобные коллизии случались сплошь и рядом, и социум, еще не пришедший к идее самоуправляемых фаланг, представлял жесткую иерархию. За каждым закреплялась его роль, его обязанности, а отказ от исполнения оных карался изоляцией или даже обезвоживанием.

И вот два сверкающих облака сближались по кривым, нарушая законы небесной механики. Это выдавало в них хоть и космические, но разумные космические тела, обладающие свободой воли влиять на векторы своих перемещений, а на эту картину накладывался образ тюремной камеры, где продолжали беседу двое, принявшие столь знакомые Телониусу образы.

– Вам не видится, Корнелиус, что благовесть не свет, но тьма? – лучился вопрошанием Брут. Если бы не гибкий жгут, притягивающий его к койке, он наверняка вскочил бы с места и принялся бегать по камере, но сейчас его движения нейтрализовались. Корнелиус спокойно выдыхал клубы дыма. – А есть вечные существа, что придумали когерентный способ обеспечить свое переизлучение в вечности мироздания? Представьте этаких суперпаразитов, под видом некоей мифической благовести пересылающих собственный фотонный информационный код от звезды к звезде, от цивилизации к цивилизации, обеспечивая личное излучение?! Как вам такой свет истины?

– Это все тот же древний спор, Брут, на него давно брошен свет. Похоже, только вы уверены в его актуальности. Ну, хорошо. Если вам хочется повторно осветить прописные истины, давайте вспомним ответ. Сформулируйте сложный вопрос относительно основ бытия, Брут. При соблюдении когерентности мыслительных процедур, какую бы световую траекторию вы не избрали, неминуемо столкнетесь с тем, что не сможете осветить ни при каких сколь угодно сложных усилиях. То, на что вы наткнетесь, окажется несоизмеримо сложнее, необъятнее, непостижимее… Вы придете к световому пределу любой мыслительной категории – богу. Как невозможно преодолеть световой барьер, так мысль не может преодолеть бога. Хотите вы этого, Брут, или нет. За миллиарды оборотов вокруг светила мы лишь немного приблизились к загадке бога, но лишь потому, что оказались не первыми в световом потоке цивилизаций, они переизлучают своим наследникам по разуму кванты, добытые ими. У нас мало света о миросвете, но еще меньше – о боге. За те эоны свечения миросвета, мы уловили кванты, что бог возжег его, но причина и цель творения для нас темны. Возможно, мы вообще неправильно излучаем о боге. Может, здесь необходимы не световые процедуры, ибо невозможно осветить светом, что уже есть свет. Но тогда наше свечение должны уловить другие, и этим другим мы обязаны переизлучить весь собранный нами свет, прибавив кванты, излученные нами. Понимаете, Брут? Законы миросвета запрещают сосуществование цивилизаций, на это наложен запрет, как два кванта не могут занимать один энергетический уровень. А

потому нам предстоит погаснуть. И мы погаснем, породив Вспышку. Мы чересчур световидны для миросвета, необходима плотная материя. На смену Первому поколению водородно-гелиевых звезд пришло Второе поколение, чей состав содержал тяжелые элементы. В эоне Третьего поколения звездная материя затемнена металлами, наступил Железный эон.

– Возможно те, кто устроил изначальный взрыв, не являлись богом, они лишь создали лабиринт, во тьме мы блуждаем, пытаясь в хаосе отыскать свет, Благосвет, передавая кванты найденного тем, кто осветит в лабиринте больше нас…

– Звезда, которую не уравновешивают волны гравитации и излучение термоядерного синтеза, либо гаснет, либо вспыхивает, – сказал Корнелиус. – Какой вариант вам светлее для тех, кто испустит путеводный луч Благосвета и выйдет из лабиринта? Сингулярность? Большой взрыв?

И вновь оптика зрения сбивалась, Телониус видел два сверкающих и соприкасающихся облака, отчего внутри вспыхивали гроздья световидных точек, проявлялось и тут же исчезало струение, словно в разреженной среде космических облаков возникал ветер. Их внутренняя структура усложнялась, приобретая дополнительные измерения, они с трудом манифестировались в метрике пространства. И Телониус понял, что наблюдает спор, происходящий на ином уровне бытия, несоизмеримо более сложном, чем даже те малопонятные слова, которыми обменивались Корнелиус и Брут.

8. Вспышка

И вновь – упрощение. Незримое присутствие в камере, где в плетеном седалище сидит, развалившись, Корнелиус, совершая невероятное, до сих пор Телониусом невиданное, – вдыхает дым тлеющей палочки. Поневоле задумаешься – откуда взялась подобная деталь реконструкции и что может означать на уровне существования индивида в его истинном обличии космологического объекта? Брут же стоит перед собеседником, возвышаясь под потолок. Он и так, вне камеры, гораздо крупнее Корнелиуса. Может потому, что моложе на пару миллиардов эонов?

Арахнид растопырил поросшие жесткими волосками лапки, выдвинул жвала, по ним стекает яд, чьи смертельные испарения – оттенки изощренного мыслительного процесса о том, кто он, что он…

Огромная водяная капля создает и разрушает миллионы и миллиарды ионных связей, взгоняя мысль о боге и личности…

Идеальная монада – сфера, настолько простая и неразложимая в своей сущности, что не находится предикатов для ее описания, вмещает бесконечное разнообразие, оно тоже есть / был разум, сделавший вклад, как и иные разумы, в создание благовести…

Длинная-длинная цепь причудливых созданий, внесших лепту в Благовесть / Благосвет / Благоводу / Благояд / Благомонаду и передавших эстафету дальше ценой собственного существования. Иначе ее / их / всех / ничто невозможно передать…

– Пусть видит этот ваш бог, если он вообще существует – я создавал Сферу не для того, чтобы уничтожать наш мир!

– Вы противник эволюции, Брут? – осведомляется Корнелиус. Судя по выражению лица, разговор его забавляет. – Вы относите себя к тем сектам, которые утверждали, будто Вселенная пребывает вечно?

Брут склоняет голову, могучая шея напрягается, краснеет, словно ему на плечи водрузили небесный свод.

– Это данные физики, Корнелиус! Вот, что вы скрывали! Нет красного смещения и реликтового излучения! Нет начала и нет конца в этом бесконечном мире. И если чему-то полагается предел, то следует разобраться – кому это выгодно… Сколько вам, Корнелиус? – Брут делает еще шаг к собеседнику и видно, что он дался ему невероятным напряжением сил. – Сколько вам эонов, Корнелиус?!

Корнелиус делает странное движение рукой. Телониус готов поклясться, что видел, как на ее месте мелькнуло нечто, напоминающее клешню, Брута отбрасывает на койку, лицо заливает кровь из жуткого разреза на лбу. Словно кто-то попытался содрать скальп.

– Я так и думал, – прохрипел Брут, поднял руку и приладил обратно вырванный клок кожи. – Все – вранье! Нет никакой благовести, а есть древние паразиты, они переселяются из тела одной цивилизации в тело другой, выжирая каждую, а когда не остается ничего, кроме пустоты, вновь устраивают Вспышку… именуя ее Благосветом или Благоядом?! Так?! Скажите, Корнелиус, ведь здесь больше никого! Никого!

– Вы столь страстно это утверждаете, Брут, что поневоле начинаю сомневаться в ваших словах… – Корнелиус осмотрелся с деланной внимательностью, и Телониус пережил жуткое мгновение, когда его взгляд столкнулся с взглядом этого существа. Он вновь ощутил внутри телесной оболочки нечто настолько громадное, древнее и могучее, словно на него надвинулся пылающий извержениями планетоид и предстоит удержать его на орбите голыми руками. – Мне вас искренне жаль… Вы заблуждаетесь, и в иных обстоятельствах я бы постарался рассеять ваши сомнения, но… – он взглянул куда-то поверх Брута, – наше время иссякает. Наше время как цивилизации. Пора исполнить предназначение и передать эстафету. Я не знаю, почему так устроено мироздание и почему только одной цивилизации дозволено существовать на выделенном отрезке пространства – времени. Наверное, любопытно встретиться с иной разумной жизнью… Хотя… вряд ли бы мы смогли их понять… – Корнелиус подбросил на ладони блестящий цилиндр, его он использовал для того, чтобы поджечь ту палочку, из которой вдыхал дым.

Брут бросился на него. Со звоном лопнула державшая его цепь, руки сомкнулись на шее Корнелиуса, резкий рывок, хруст, и тело сползает из плетеного седалища на пол. Брут шарит вокруг и поднимает цилиндр.

– Я не вижу тебя, но ты должен быть здесь, – говорит Брут, и Телониус не сразу понимает, к кому тот обращается. И вновь на месте Брута огромное переливчатое тело, внутри разгораются и гаснут разноцветные огоньки. Тело его оппонента потеряло форму, расплывается безобразной кляксой, стремительно темнея. – Механизм возврата должен сработать, по крайней мере, очень на это надеюсь. Не пытайся отвечать, между нами нет взаимодействия. Только информация. Единственное, что одна цивилизация может передать другой цивилизации, – это

информация.

9. Благая весть

И вновь смещение масштаба. Теперь сам Телониус обретает космические масштабы – протяни руку, и пульсирующая звезда, опутанная клубком силовых нитей, уместится на ладони. Если присмотреться внимательно, заметишь, как между слоями клубка скользят расплывчатые искорки световых облаков. Словно крохотные лейкоциты вокруг огромного и враждебного организму существа, что прорвало переднюю оборону иммунной системы и вторглось в святая святых.

Святая святых…

А тот, кто принял облик Брута, никаким Брутом не был и быть не мог. Он говорил все тише и тише, и приходилось напрягать слух, чтобы не упустить ни единого логоса.

– Модулированная энергия вспышки сверхновой прокатится по галактике, затмевая светимость всех ее звезд, но самое главное – понесет закодированную в ней энергию, благовесть, спираль знания по крупицам собирает каждая цивилизация от начала мироздания. Крупицу за крупицей, виток за витком наследие сотен и тысяч сообществ разумных существ, от них не осталось ничего, кроме самой благовести… какая несправедливость! Мы даже не знаем тех, чьими прямыми наследниками стали… какие они? Как выглядели? Рождены в экзосфере своего солнца или возникли на его спутниках? Хотя подобное еще труднее вообразить. Через какие метаморфозы придется пройти этим существам, чтобы оторваться от планет, выйти в космос?! А может, как раз это и сделает их сильнее нас, получивших все от рождения? Не знаю… Но я не могу остановить Вспышку, зато могу сохранить то немногое о нас, что уместится в пределах сингулярности… очень небольшой сингулярности… Краткий срок жизни, придется упрятать в червоточину, надеюсь, вы будете исследовать червоточины и наткнетесь на послание… и тогда…

Фразы стали отрывочными, гасились воем помех, нарастающим гулом, Телониус с трудом их разбирал.

А затем все стерла ослепительная вспышка, затмившая триллионы звезд в миллионах галактик. И даже эфирная плоть Телониуса не выдержала напора светового ударного фронта. Поверхностное натяжение пространственно-временного континуума лопнуло, словно и не было между ними миллиардов расстояний и миллиардов времен. Телониус закричал, ощутив, как материя его плоти и мысли испаряется в раскаленном выплеске, раздирается на кванты и, вплетенная в мириады таких

же частиц, когда-то живых и мертвых, но сейчас спутанных в неопределенном единстве, устремляется по всем направлениям небесной сферы. На пути расширения она пожирает и уничтожает все – холодные облака межзвездного и межгалактического газа, пылевые туманности, кластеры звездообразования и мертвые поля коричневых звезд, а точнее – их окоченевших трупов. Она стремится все дальше и дальше, могучим напором сминая мировые линии, заставляя обращаться вспять потоки не только материи, излучения, но и времени, преодолевая опережающими выплесками темпоральных флюктуаций всеуничтожающую волну, тонкими иглами пронзая встреченные на пути звездно-планетарные системы, где теплится жизнь, еще не осемененная светом благовести. Многим из них не повезет, свет благовести окажется чересчур ослепителен. Вспыхнут атмосферы планет, уничтожая все на поверхности, утратят нелокальное термодинамическое равновесие звездные атмосферы, взрываясь слабым подобием новых, развеивая в прах обитающих в экзосфере существ. Сложись иначе, они могли унаследовать благовесть тех, кого увидел в последние мгновения их существования Телониус.

Арахниды…

Капли…

Монады…

Океаны…

Двутелы…

Парусники…

Странники…

Багрянцы…

Планетоиды…

Он пребывал везде, энергетическая волна, сингулярность сознания, свидетель конца и начала цивилизаций, он понимал, что увидит в конце невероятной гонки от смерть-цивилизации к жизнь-цивилизации. Ей и будет вручена эстафета благовести, а вместе с нею и дар разума. Предназначение этого разума – продолжить труд предтеч.

10. Пленники

Он бежал сквозь лабиринт, подгоняемый ураганом вспышки сверхновой, держась путеводной нити благовести, и за новым поворотом внезапно открылась не очередная пещера, не выход, а рубка космолета.

Более всего они походили на статуи, отлитые из отполированного до зеркального блеска металла. Застывшие в последнем движении, как, наверное, и задумано тем, кто их изваял. И скорее всего, они изображали высшую степень отчаяния от того, что происходило с кораблем, в рубке так их расставил неизвестный творец. Корабль тонул. Телониус не был знаком с устройством космолетов подобного типа, но россыпь тревожных огней, красноречиво пульсировала. Разобраться – что и зачем пульсирует, не столь сложно для демиурга его квалификации, он сидел за пультами десятков кораблей различного типа, ведь и тут весома доля унификации. А если разобраться, то можно определить сошедший с ума альтиметр, свихнувшийся показатель плотности светового поля. Счетчик внутрибортового излучения преодолел все допустимые пределы, но самым наглядным являлся экран, на него выводился диск отражателя, а разноцветные блестки сигнализировали о состоянии мезонного слоя.

Отражатель умер. Кое-где еще сохранялись зеленоватые островки, но большая часть площади сияла мертвенной краснотой, змеились черные линии, пока еще тонкие, едва различимые, но сигнализирующие, что мезонный слой лишился не только способности отражать потоки частиц, но вошел в фазу саморазрушения. Даже если каким-то чудом удастся запустить прямоточный фотонный движитель, корабль сгорит – весь и без остатка, превратившись в беспримесное излучение в полном согласии с формулой эквивалентности массы и энергии. Да и кто гарантирует, что включение прямоточного фотонного двигателя в водородной атмосфере такой плотности не вызовет колоссальный взрыв с теми же последствиями для космолета и его экипажа? И всей планеты-гиганта.

Но продолжаться долго это не могло. Гравитация приближается к запредельному уровню. Их похожие на жидкие зеркала демпфер-скафы предназначены для случаев, когда корабль совершает маневр вблизи гравитирующей массы для набора скорости, корректировки траектории или погашения излишнего момента движения. Если они все же выдержат и продлят сопротивление приливной силе, грозящей разодрать

сосуды и мышцы, то для машинной начинки корабля наступят последние минуты жизни. Лопнет гидравлика, полетит в тартарары электропитание, а затем наступит очередь электроники, всех этих мыслительных ядер, обеспечивающих кораблю особую форму жизни. И жизнь эта прекратится.

И когда он понял такое очевидное, кто-то соизволил запустить в рубке застывшее время. Стеклянистый поток тронулся с места, поначалу неторопливо, может даже неохотно, но с каждым тактом быстрее и смелее. За перемигиванием огоньков на пульте пришла очередь зеркальных статуй ожить, шевельнуться, и Телониус услышал, как в тишине родился протяжный гул и тут же сгустился до речи:

– Мы падаем, повторяю – мы падаем… Всем, кто слышит! Говорит «Тахмасиб». Повреждение зеркала. Запуск прямоточного фотонного движителя невозможен. Погружаемся в атмосферу Юпитера. Уровень гравитации критический. Просим помощи. Всем, кто нас слышит…

– Корнелий, отключите шарманку. – В механику аварийного передатчика втиснулся брезгливо-раздраженный голос. – Никто не услышит, никто не спасет.

– Мне бы частицу вашего оптимизма, – ответил Корнелий. – Где чертова кнопка? – Облитая зеркальной оболочкой фигура склонилась над пультом. Трехпалая лапа в нерешительности двинулась над рядами тумблеров, клавиш и кнопок. Свет индикторов отражался от поверхности демпфер-скафа.

Голос бездушного робота замолк на полуслове.

Воцарилась тишина, блаженная до тех пор, когда ее нарушил хруст. Рвали бумагу. Плотную бумагу, подумал Телониус. И даже представил – толстую, зеленоватую, выделанную из хлореллы, а потому съедобную. И вот некто рвет ее на тонкие полоски. Вроде бы ничего неправильного в этом звуке нет, но слушать его – еще более невыносимо, чем вопли о помощи.

– Что это? – Статуя Ариадны. – Кто-то слышит или только у меня галлюцинации? – Фигура подняла руки, словно пытаясь зажать ушные отверстия, скрытые под слоем скафандра. Телониус увидел проявление гравитации, преодолевшей границу допустимости, – на зеркальной поверхности демпфер-скафа Ариадны прорезались бугры и переплетения экзоскелета, помогая телу совершать движения если не с легкостью, то с вполне терпимым усилием. Пока.

– Хрустит коробочка, – сказал Корнелий. – Это корпус «Тахмасиба».

– Вот бездна, – ответила Ариадна. – И его не заглушить?

– Ну почему. – Корнелий сделал движение, и музыка сменила

хруст. – Героические космоплаватели погибали под звуки марша. Или предпочитаете менее патетическое?

– Сколько нам осталось? – Новый голос. Фигура с именем Нить.

– Бедная, – тихо сказала Ариадна.

– Вечность, – сказал Корнелий. – Почему-то мне кажется, в нашем распоряжении вечность.

11. Зеркало

С гравитацией творилось непонятное. Вектор поля планеты-гиганта, в чьей атмосфере тонул корабль, должен был четко определять верх и низ «Тахмасиба». Система стабилизации удерживала коллениарную ориентацию дюз носителей и зеркала к центру Юпитера. И Телониус, выбравшись из шлюза на смотровую площадку, должен был ощущать себя висящим вниз, и лишь магниты демпфер-скафа удерживали от падения в бездну. Однако ничего подобного – вестибулярный аппарат коварно утверждал – Телониус крепко стоит на ногах, а отнюдь не висит вниз головой. Если подобный феномен и озаботил Телониуса, то лишь на миг, в следующее мгновение он почти захлебнулся от открывшегося перед, над и под ним вида. Он оказался в магическом, гипнотизирующем пространстве, в жидкой стихии, где медленно и медитативно двигались окрашенные во все оттенки розового, коричневого, желтого могучие течения. И если вестибулярный аппарат исправно выполнял свою функцию, то самому Телониусу захотелось найти выход из решетчатой фермы, опоясывающей зеркало, и нырнуть в глубину, в бездну.

Юпитер оказался колоссальным океаном. Причудливые тучи, в чьих разрывах двигались еще более причудливые волны, каждое мгновение складывались во все новые картины. Взгляд порой выхватывал нечто знакомое, чаще всего – чей-то лик, всплывающий из бездны, но каждый раз в этой бездне тонувший.

Внешним телом Телониус управлял, оно слушалось без задержки, но и в нем он ощущал нарастающее тяготение, что отдавалось в его собственных мышцах необходимостью прикладывать больше усилий при движении. Но наверняка ему легче, нежели экипажу «Тахмасиба», их единственная защита – демпфирующие гравитацию скафандры.

Когда Телониус вглядывался в зеркало корабля через очередной визор, ему вдруг увиделось, как сквозь мезонный слой проступило отражение лица. Единственным изъяном являлась паутинистая трещина на лбу, но во всем другом оно было столь отчетливое, что Телониус оторвался от визора и вгляделся в океан Юпитера, ожидая там обнаружить оригинал. От взгляда в бездну закружилась голова. Он ощущал физическую тяжесть пристального взора оттуда, из-за пелены облаков.

Пришлось закрыть глаза, подождать, а затем отрегулировать визор, чтобы различать лишь имеющее отношение к кораблю. При этом у Телониуса возникла мысль: починка зеркала – ничто иное, как починка лика, отраженного в нем, устранение повреждения,

трещины-во-лбу. Он отогнал столь нелепую идею и приступил к осмотру мезонного слоя отражателя. Для этого следовало совершить полный обход зеркала по периметру, от одной башни импульсного движителя к другой, от одного спектрального перископа, похожего на громоздкий стояк со вздутиями окуляров, к другому. Система на первый взгляд архаичная, но в подобной архаичности на деле крылся высочайший уровень надежности. Ничто в ней не могло дать сбой, даже в случае тяжелой аварии, разве что не нашлось бы никого, кто смог бы ею воспользоваться, но в подобном гипотетическом случае нечего и пруд городить. Даже в самих визорах отсутствовала электроника, все построено на примитивной системе призм. Система преобразовывала отраженный от мезонного слоя поток в чередование ярких радужных полос, а любая аномалия в отражателе превращалась в темную линию поглощения – толстую или тонкую, как нить, в зависимости от обширности повреждения. Встроенный калибратор – обычный верньер, он подкручивался и фиксировал места повреждений. Ничего сложного, справится и отпрыск, и космоплаватель, которого крепче и крепче сжимало в тисках растущей гравитации.

Неудобством калибровочной системы являлось количество перископов, через которые делались замеры. Размер зеркала чудовищный – почти тысячу прыжков в поперечнике Для проведения этой работы необходимо участие двух-трех членов экипажа, чтобы уложиться в стандартную вахту, но Телониус был один, и сколько потребуется на диагностику – никому не ведомо. Когда он это понял, сделав четыре замера, то связался с мостиком.

– Дистанционной калибровке доверять не следует, – сказала Ариадна. – Судя по данным с интерферометров, расхождение значительно.

– Он не успеет сделать все замеры, – сказал Корнелий. – Градиент гравитации растет быстрее стандартной модели Лавуазье – Юрковского, а следовательно…

– …следовательно, пойду я, – сказала Нить. – Мне на мостике делать нечего. Импульсные движители сдохли окончательно. Если прорываться на поверхность, то лишь на прямоточнике. Я не специалист по прямоточнику.

– Гм, – с сомнением пробурчал Корнелий. – А как с переносимостью перегрузок?

– А как вообще с пониманием происходящего? – парировала Нить. – Вас беспокоит гравитация или вы не понимаете, как вообще возможно макроквантовое смешение? Спутанность времен, пространств и состояний? Вы, Корнелий, понимаете, что

происходит?

– Нет, – сказал Корнелий. – И я с трудом заставляю себя об этом не думать. Иначе… иначе мы сойдем с ума. Хотя… я верю в разум и его способность выдерживать и не такие парадоксы. Поэтому… воспринимай его как вспомогательного кибера, который вообразил себя личностью.

– Если вы мне еще объясните, почему осознавший себя кибер именуется Телониусом. – В голосе ее слышалась улыбка, но саму улыбку, конечно же, никто не увидел.

– Не могу сказать точно, я не специалист в позитронных мозгах, – ответил Корнелий, – но в качестве рабочего предположения как вам такое: он взял имя джазового музыканта двадцатого века. Было в то время популярное направление в музыке – джаз. И Телониус, точнее – Телониус Монк был джазовым пианистом. Если хотите, могу отыскать кристаллозапись в библиотеке.

– Чем он еще был знаменит? – Нить поднялась из ложемента, гладкая поверхность демпфер-скафандра прорезалась экзоскелетными усилителями, сделав его похожим на скафандр высшей защиты. Их любили изображать в изданиях старинной фантастики. Демпфер-скаф увеличился в объеме, и не верилось, что внутри находилась миниатюрная хрупкая девушка.

– Ну… – потянул Корнелий, – например, тем, что вел себя эксцентрично даже на фоне коллег-музыкантов… у него была весьма оригинальная манера игры на рояле… впрочем, это не имеет отношения к делу. Главное, воспринимайте его… воспринимайте его…

– Не беспокойтесь, – сказала Нить. – Я постараюсь себе внушить, что ничего необычного не происходит.

– И постарайся не спрашивать, что случится через миллиард лет после конца света, – сказала Ариадна. – Обещаешь?

– Нет, – ответила Нить. – Вот этого обещать не могу. Я жутко любопытная. Будь здесь примары, они бы научились дышать Юпитером. Вот я и попробую.

12. Ленты

Телониус заметил Нить одновременно с лентами, как он их про себя назвал, хотя их сходство с информационными носителями – теми бумажными лентами, которыми скармливались шкафы электронно-вычислительных машин, являлось весьма и весьма относительным. Скорее они походили на водоросли, чьи длинные отростки тянулись сквозь толщу океанской тьмы в узкий слой у поверхности. Туда проникали солнечные лучи, и их хватало вызвать в бледной ткани водоросли бурную реакцию фотосинтеза. Здесь же эти странные образования прорастали из невообразимых глубин атмосферы планеты-гиганта, поначалу сливаясь окраской с охряными оттенками облачных потоков, но вблизи слоя, сквозь который продолжал медленное, но неотвратимое погружение «Тахмасиб», они меняли окрас на радужные оттенки. У Телониуса возникло ощущение, что буйство красок – не случайность, что эти диковинные создания ощущают присутствие терпящего бедствие корабля и таким образом то ли приветствуют его, то ли сигнализируют о готовности помочь. Наверное, по такому же совпадению, когда он пробормотал самому себе, что-де помощь не помешает, равномерное гудение в наушниках нарушилось деланно бодрым голосом:

– Третий пилот Нить Дружинина прибыла в ваше распоряжение. Готова приступить к осмотру отражателя!

– Приступайте, – буркнул Телониус, но тут же передумал. – Отставить, Нить Дружинина. Скажите, вы их тоже видите?

Нить помолчала, скорее всего пытаясь сообразить, что имеет в виду Телониус, но он не дал никаких вводных, подозревая, что прорастающие сквозь толщу атмосферы Юпитера невероятные по размеру образования могут оказаться его галлюцинацией в условиях растущей гравитации. Потом неуверенно спросила:

– Имеете в виду причудливые образования, похожие на пучки волос?

И хотя подобное описание нисколько не соответствовало тому, что видел сам Телониус, он с облегчением произнес:

– Так точно! Значит, не показалось…

– Не показалось, – подтвердила Нить. – Я их вижу. Что это, Телониус?

Но он уже полностью овладел собой. Отметил, сколько потеряно времени на то, что не имело никакого отношения к спасению корабля, – непозволительно много, а значит, следует торопиться.

– Не знаю. Не важно. Сейчас не важно. А что важно, знаешь?

– Проверить отражатель и отмаркировать поврежденные участки мезонного слоя, – отрапортовала Нить.

– Правильно, – одобрил Телониус. – Но у каждой работы должен иметься практический смысл. Для чего маркировка поврежденных участков?

– Согласно инструкции так положено действовать в аварийной ситуации, – отрапортовала Нить, и только теперь сообразила, что в инструкции этого самого практического смысла в явном виде не указано. Хотя он наверняка имелся. – Для того, чтобы их отремонтировать, так? – неуверенно спросила она.

Строго говоря, подобная возможность на прямоточнике предполагалась. В несущих импульсных движителях имелись реакторы по производству мезона, а также аварийные роботы-мезоноукладчики. Они могли устранить повреждения в отражателе, однако загвоздка в том, что рассчитаны они на восстановление небольших участков – считаные проценты поверхности зеркала, да и времени такой ремонт отнимал непозволительно много. В общем, собственными ресурсами «Тахмасибу» отражатель не восстановить, а значит – не запустить и прямоточник. Все это Нить поняла, прежде чем Телониус заговорил:

– Отражатель нам не починить. А заниматься безнадежным делом, да еще и в безнадежном положении – верх глупости и расточительства скудных ресурсов, не находишь? – Он вспомнил отражение в зеркале загадочного лика из глубин атмосферы Юпитера. Что ж, так и пребывать тебе с трещиной на все времена, увы…

– Нахожу, – согласилась Нить. – Но их все равно больше не на что тратить. Скоро гравитация возрастет настолько, что… демпфер-скафандры не помогут… – К изумлению ее самой, у нее дрогнул голос, а глаза подозрительно увлажнились, как у какой-нибудь стажерки, в первый раз попавшей в учебную аварийную ситуацию и вообразившей, будто ей грозит смертельная опасность.

– Надежда есть, – сказал Телониус нарочито бодро, словно ощутив слабину в голосе девушки. – Наша с тобой задача, Нить, отыскать в этом лабиринте достаточно большой участок, где мезонный слой отражателя не поврежден. Понимаешь?

– Нет, – ответила Нить. – То есть пока нет… Зачем?

– Затем, чтобы перенастроить ковши-заборщики на уцелевший участок и попытаться развить тягу, которая поднимет корабль отсюда. Виды здесь великолепны, но не вечность ими любоваться. Не находишь?

– Думаете, это… это сработает?

– Ну, кибернетический мозг корабля пока не нашел ошибок в моих частных предположениях, – сказал Телониус. – Он даже выдал оценочную площадь нужного нам участка, так что дело за малым… с твоей помощью, конечно. Ты готова?

Нить прислушалась к себе. Сказанное Телониусом внушало надежду, крохотную, но все же надежду. ибо где гарантия отыскать участок нужной площади, а главное – развить необходимую для всплытия из атмосферы планеты тягу. Планета… Нет, Юпитер не планета. Сложись обстоятельства иначе, и в его недрах вспыхнула бы термоядерная реакция, превратив газовый гигант в полноценную звезду. То, что известно о рождении звезд и формировании планетарных систем, одиночная звезда, какой являлось Солнце, – скорее исключение из правил. Звезды обычно рождаются парами, чаще двойными парами, а еще чаще – скоплениями, которые затем под влиянием внутренних и внешних гравитационных резонансов разрушались на двойни и тройни. Однако двойнику Солнца родиться не удалось, скорее всего случилось нечто катастрофическое, и зародыш звезды-двойника распался в утробе звездообразования на отдельные сгустки. Вот так и возникли газовые планеты-гиганты – Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун. Рудименты неудачного звездного метоза.

13. Слой Юрковского – Крутикова

Червоточин стоял спиной к Корнелию и смотрел в бездну, куда падал «Тахмасиб». Чередование облачных слоев создавало ощущение нереальности происходящего словно вокруг простирался нарисованный мир, пространство объемной картины, кем-то и когда-то нарисованной. Туда их угораздило попасть. А может, они – часть этой картины? Неотъемлемый мазок пейзажа, нарисованного художником. Вырваться невозможно. Не может стать реальным то, что кем-то и когда-то придумано… или может?

– Знаете, Корнелий, как называется данный слой атмосферы? – Червоточин приложил облитую зеркальным слоем демпфер-скафа руку к экрану. – Слой Юрковского – Крутикова…

– Я не силен в физике Юпитера, – сказал Корнелий. – Меня занимает иной вопрос.

– Какой?

– Как выбраться из положения, в котором мы… мы оказались. – Корнелий хотел добавить – благодаря кому они в нем оказались, но удержался. Хуже нет в данном случае искать виновных. Из аварийной ситуации надлежало выбираться. А поиск виновных поручить специально для этого сформированной комиссии. Из обладающих холодной головой и не склонных к скоропалительным выводам.

Однако Червоточин что-то уловил в словах Корнелия:

– Если желаете обвинить меня, скажите прямо, комиссар.

– Я никого и ни в чем не обвиняю… Этот слой Юрковского – Крутикова не располагает к обвинениям. Наоборот, необходимо совместными усилиями убраться отсюда…

– Вы полагаете, комиссар? – В голосе Червоточина усмешка. – А как же интересы науки? Мы находимся там, куда смогли спуститься только отважные исследователи Юпитера Юрковский и Крутиков. Но им не удалось вернуться и рассказать о том, что перед ними открылось…

– С таким же успехом можно погружаться в сингулярность, – сказал Корнелий. – Наверное, для тех, кто нырнет за горизонт событий, откроется много интересного с точки зрения физики сингулярностей, но вот донести эти знания до внешних наблюдателей они никогда не смогут.

– А вы считаете, полезно лишь то знание, которое стало достоянием социума? Знание, полученное отдельной группой лиц и не вышедшее за ее пределы, бесполезно?

– Разве не так? – поразился Корнелий. – Только социум в

целом может обеспечить верификацию полученных знаний, а также их кодирование, сохранение и передачу последующим поколениям.

– А если этому вашему социуму не нужны знания, полученные группой исследователей? – Червоточин обернулся к Корнелию. – Что, если это знание, несмотря на его доказанность, верифицированность, все равно считается ложным, поскольку не вписывается в господствующую парадигму? Да-да, я знаю теорию научных революций, Корнелий, но я так же знаю, что теория и практика, особенно в вопросах личности и социума, далеко не всегда соответствуют друг другу. Или вы думаете, моя исключительная гордыня загнала нас на Амальтею? Кстати, а как вам такой ответ на парадокс Ферми – сосуществование нескольких цивилизаций в пределах единого горизонта событий не имеет смысла в силу неодолимых препятствий к обмену между ними информацией? Зачем мирозданию плодить лишние сущности, если эти сущности все равно никогда не поймут друг друга, вернее – не захотят понять?

– Послушайте, Червоточин… – Корнелий поднес руку к лицу, словно хотел потереть пальцем висок, где внезапно вспыхнула резкая боль, но тут же убрал, вспомнив про демпфер-скаф. – Что-то я вас не пойму. Если вы не желаете делиться своими знаниями, зачем преследовали нас? Вам следовало позволить нам уйти на «Тахмасибе», ведь из-за вашего безумства мы оказались… мы оказались в слое Юрковского – Крутикова, откуда нет возврата.

– Если бы в мироздании обитал бог, он бы нуждался в собеседниках, – усмехнулся Червоточин. – С некоторых пор я стал тяготиться одиночеством, уважаемый Корнелий…

– И я даже догадываюсь с каких, – пробормотал комиссар.

– Но больше меня расстроило ваше похищение анклава. У меня на него весьма интересные планы. Жена вложила в эксперимент массу усилий, но зашоренность не позволяет ей взглянуть на творение рук своих в более широкой перспективе.

– Я подозреваю, что на «Тахмасибе» заперты только мы трое, а вы способны покинуть корабль в любое время. Так?

И тут Червоточин сделал нечто ни на что непохожее. Он поднял указательный палец, облитый зеркальной пленкой демпфер-скафа, к глухому зеркальному кругляку шлема и резким движением пересек его на том уровне, где следовало находиться рту. Палец погрузился в похожую на ртуть субстанцию, сделал полукруг, а когда Червоточин опустил руку, то Корнелий содрогнулся от отвращения – на безликой маске возник широко улыбающийся рот, причем во всех анатомических подробностях, вплоть до того, что между приоткрытых в усмешке губ виднелись

такие же зеркальные зубы. И еще Корнелию почудилось – захохочи Червоточин во все горло, и возникнет язык. Такой же зеркальный. Но раздвоенный. Как у змия.

– Не переживайте, Корнелий. Право, я не самый положительный герой в системе Юпитера, но не покину вас до самого конца. Конечно, я и пальцем не ударю починить древнюю колымагу, вынырнувшую из недр вашего сознания, Корнелий, или, точнее, сошедшую со страниц одной из ваших книжек, потому как не вижу смысла тянуться к правому уху через левое колено. Но у вас всех будет выбор. Вы всегда можете присоединиться ко мне. – Движение губ из зеркальной субстанции полностью соответствовало артикуляции слов. – Слиться со мной так, как сделали остальные. Вы не представляете, какой уровень возможностей вам откроется… Впрочем, не смею настаивать. Свобода воли – есть свобода воли, и даже творцу негоже ее нарушать.

– То есть, – уточнил Корнелий, – вы будете сидеть и смотреть, как мы подыхаем от предельных перегрузок. Смотреть до тех пор, пока нам не надоест подыхать от гравитации, и мы решим отправиться к вам в утробу? Гравитация в обмен на желудочный сок. Все богатство выбора…

– И его необходимо сделать до тех пор, пока я не превратил эту недозвезду в звезду настоящую, дабы излиться благовестью на ее спутники.

– Это невозможно! Послушайте, Червоточин, эта ваша сингулярность в голове… – Корнелий запнулся.

– Невозможно? Для бога все возможно в этом мире, Корнелий, даже сотворить камень, который и сам не смогу поднять. А здесь… здесь нужно всего лишь слегка поправить химический состав. Тем более что пытаться сотворить жизнь здесь, в газовом пузыре, не просто даже для меня. Пожалуй, перенесу шестой день творения в более благоприятные места. Что вы думаете о Европе, Корнелий?

14. Тяготение

Поначалу работа изматывала монотонностью и необходимостью тонкой настройки верньеров. Это весьма непросто, когда пальцы упрятаны под оболочку демпфер-скафа, но затем добавилась гравитация. Теперь ее воздействие полностью не компенсировалось, и Телониус ощущал, как некто с завидной регулярностью возлагал на его плечи по антирадиационной бронированной плите, какими обшивались жилые отсеки на астероидных рудниках. Один шаг – одна плита. Один шаг – полторы плиты. Один шаг – две плиты. Нарастание гравитации ускорялось. Если бы не помощь Нити, а она двигалась навстречу, снимая данные с интерферометров, ему вряд ли удалось добраться до последнего прибора. Даже ползком.

Однако Нить вызывала наибольшую озабоченность. Заканчивая очередную серию измерений, он посматривал на нее, пытаясь оценить – насколько ее хватит. Нить тяжело передвигалась от прибора к прибору, держалась обеими руками за леера. Вообще-то они служили для страховки ремонтников, работающих в условиях невесомости, а теперь выполняли роль перил, можно переносить на них хоть часть веса и затем переставлять ноги. Переход от прибора к прибору отнимал у Нити все больше времени. Но Телониус надеялся, что она удержится на ногах до их встречи. Сесть, тем более лечь, означало остаться в принятом положении, если только кто-то не поможет подняться.

И еще беспокоили Телониуса юпитерианские ламинарии, все гуще прораставшие из невообразимых глубин планеты, коконом окружая «Тахмасиб».

«Мы – чужеродное тело в организме планеты, – думал он. – Ламинарии – иммунная система, фагоциты, они пытаются изолировать нас, а затем уничтожить… И хочется сказать – не беспокойтесь, лейкоциты! Еще чуть-чуть, и гравитация вашей несостоявшейся звезды сокрушит нас!»

Тем временем ламинарии входили в новую стадию метаморфоза. Некоторые из них оторвались от глубинного корня и теперь плавали в необозримом пространстве слоя Юрковского – Крутикова, между коричневатыми облаками, больше похожими на плотные сгустки краски. Но вот одна ламинария, другая, третья, а затем, будто сигнальная волна распространялась из единого центра, которым оказался «Тахмасиб», стали медленно перекручиваться, образуя кольца односторонней поверхности, а затем началось их деление. Вдоль плоскости возникал разрыв, он

расширялся, и Телониус невольно задался вопросом: что будет, если одностороннюю поверхность разделить? Вскоре получил ответ: кольцо ламинарии, прошедшей этап деления, не распадалось, как можно было ожидать, на две половины, но удлинялось, затем вновь разрывалось, скручивалось, и новое деление, но теперь волшебством топологии односторонних поверхностей возникали два кольца, продетые друг в друга. Наблюдать за этими превращениями можно было до бесконечности. Они завораживали точно так, как отпрыска завораживает калейдоскоп. Телониус с усилием стряхнул оцепенение, и лишь тогда понял, что потерял Нить.

Ее не было видно на галерее. Он поначалу решил, что она вернулась в корабль, отдохнуть в компенсаторном ложементе, наполненном вязкой жидкостью, погружение туда создает иллюзию частичной невесомости, но тут же отказался от этой мысли. Не такова Нить без предупреждения покидать пост. А потом рассмотрел сквозь решетку галереи лежащую фигуру. Нить! Гравитация превысила допустимый предел, раньше она еще хоть как-то удерживалась на ногах. Теперь ползла. Упрямо ползла к очередному интерферометру. Жутко представить, как ей придется подниматься, цепляясь за поручни, скрипя зубами, издавая стоны, чтобы только утвердиться в позе, позволяющей сделать нужное измерение.

– Нить… – позвал он шепотом, а затем чуть громче: – Нить… как меня слышишь, Нить…

– Слышу, – отозвалась она, и по прерывистому голосу Телониус догадался – дела скверные. – Продолжаю… работать… знаешь… я поняла, почему его назвали Юпитером… Хочешь… скажу…

«Бред», – решил Телониус. Совсем скверно, вслед за телом пришел черед угнетения высшей нервной деятельности. Сверхвысокие гравитационные нагрузки влияли на мозговую активность. Согласно теоретическим выкладкам. Их, конечно, никто и никогда не мог проверить. Квантовая машина сознания испытывала в гравитационном поле предельных значений искажающие воздействия отнюдь не физиологического, а квантового уровня. «А каково, если в голове засела целая сингулярность?» – подумал Телониус, и сам поразился вопросу. К чему? Почему вообще об этом думает? Или он все же подпал под воздействие на мыслительные процессы гравитационного поля Юпитера? И сейчас его черед вещать в унисон с Нитью, что внезапно прозрел роль Большого Красного Пятна в формировании модулирующего излучения благовести…

Стоп… стоп… или нет? Вот, серебристый лепесток

ламинарии просачивается сквозь решетки галереи, приближается. У Телониуса нет ни сил, ни возможности отступить, уклониться от касания, одна надежда – на зеркальную поверхность демпфер-скафа, он щетинится иглами, ощущая близость неведомой опасности, на остриях вспыхивают эльм-огни, готовые разрядиться высокоэнергетическими импульсами, оружие не столько поражающего, сколько отпугивающего действия. Хотя кто сказал, что ламинарии – живые?

15. Прямоточник

– Сможем запустить прямоточник, – сообщил Телониус. – Слышите, Корнелий?

– Слышу вас, Телониус. – Корнелий оглянулся на Червоточина, чей прорисованный рот теперь изображал презрительную ухмылку. – Каким образом? Повреждения мезонного слоя…

– Перенастроить магнитные кольца и направить поток водорода и гелия на уцелевшие участки. Единого вектора движения не получится… возникнут сильные колебания по тангажу… но корабль должен выдержать… Выдержит, Корнелий?

– Выдержит, – сказал Корнелий. – Еще как…

– А люди? – спросил Червоточин, чья улыбка стала еще кошмарнее. Не улыбка, а дыра в демпфер-скафе. – Люди выдержат, комиссар?

– …есть жизнь… – Корнелий отвлекся на Червоточина, и сказанное Телониусом не сразу дошло до сознания. – В глубинах Юпитера есть жизнь, – повторил Телониус. – Эти ламинарии… то есть не ламинарии, так их назвал… неважно… одна проникла сквозь решетку галереи и дотронулась… это как… как слияние… стал тем, что она… нет слов… иной уровень существования… невообразимое давление, гравитация, температура…

Плохо дело, решил Корнелий, вслушиваясь в прерывающийся голос Телониуса. Очень плохо… тело пока выдерживало, но разум отказывался функционировать, хотя обычно происходит наоборот. На предельных «же» сначала отказывает тело, а затем сознание вступает в жуткое состояние мерцания. Включения и выключения, спутанность, где не отличить наваждение от яви.

И, словно подслушав его мысли, Телониус сказал:

– Не бред, Корнелий… поверьте…

– Верю-верю всякому зверю, а тебе, лягуху, погожу, – пропел Червоточин. – А вот это называется безвыходной ситуацией, не так ли, комиссар?

Корнелию захотелось отвесить Червоточину оплеуху. Со всей силы. Хотя столь резкое движение, даже если хватит на него сил, порвет ему мышцы и связки.

– …не самое главное, – продолжал Телониус. И Корнелию пришлось приложить изрядное усилие к тому, чтобы слышать то, что он говорил. – Внутри Юпитера… не знаю, как назвать… резонатор… излучатель… передатчик… да, наверное, передатчик…

– Телониус, – сказал Корнелий, – о чем вы? Какой

передатчик?

– Сингулярность, – сказал Червоточин. – Внутри Юпитера, как внутри любой звезды, сингулярность, Корнелий. Именно ее имеет в виду наш дорогой Телониус. Сингулярность, пульсирующая в такт передаваемой информации. Собственно, ее пульсация и есть информация. Вот что вам хочет открыть Телониус. А эти ламинарии – лишь случайные создания, оказавшиеся вблизи источника. Источника информации, предназначенной для… в общем, предназначенной отнюдь не им.

– Так вот в чем дело… – самому себе сказал Корнелий. – Вот что держало вас на Амальтее… не сингулярности вы изучали…

– Помните наш разговор о принципе единственности разумной жизни в мироздании? Каждая цивилизация завершает существование передачей накопленного знания… Благовести, как я кратко это называю, другой цивилизации, цивилизации-наследнице. Возможно, триллионы лет тому назад этот процесс был случайным, эстафета благовести прерывалась, информация терялась, рассеивалась, но потом был создан механизм, он гарантировал смерть-цивилизации сохранение накопленного за миллионы лет своего существования. Цивилизации смертны, Корнелий, длительность их жизни несравнима с существованием космических объектов – звезд, планет. И чтобы обеспечить восхождение разума по спирали развития, каждая новорожденная цивилизация не должна начинать на пустом месте. Это как икринка, из нее появляется головастик. А сама икринка – запас пищи, обеспечивающий его развитие до взрослой особи.

– Глас Господа… – сказал Корнелий. – Вы об этом, Червоточин? Хотите сказать, что на начальном этапе развитие человечества управлялось извне программой, составленной неведомыми нам смерть-цивилизациями, и эту программу вы называете благовестью. Так?

– Вы быстро уловили суть дела, – сказал Червоточин. – Это делает вам честь. В отличие от тех умников, кто отказался принимать мою гипотезу формирования Большого Красного Пятна… Да и само название – Юпитер – разве не символично? Не находите? Вы знакомы с мифологией?

– Господи, не ведают они, что творят… – тихо сказал Корнелий. – Не ведают, и ведать не хотят…

– И чего же я не ведаю, комиссар? Что скрыто от моего взора?

– То, что происходит вокруг вас, Червоточин… Возомнили себя творцом, богом? Да как угодно! Каждый имеет право на сумасшествие… Но знаете ли вы, Червоточин, в чем коренное различие бога и человека?

Червоточин деланно всплеснул руками, но с такой силой, что

ладони проникли друг в друга, руки слились в единое целое, отчего он вдруг стал похож на огромную амебу или, вернее, на живую демонстрацию задачки из учебника по высшей топологии.

– Неужто вам, Корнелий, это открыто? Впрочем, о чем я? Почему комиссару по братству не иметь прямого канала связи с высшим существом?

– Бог творит из ничего, а человек не обладает такой способностью, Червоточин. Человек не может творить из пустоты, из нуля, из абсолюта, что, кстати, доказывает ваша гипотеза благовести. Человеку нужен исходный материал… Даже добро он творит из зла, потому что его больше не из чего сотворить. И вам, возомнившему себя Господом, требуется исходный материал для создания грандиозной иллюзии, туда вы всех нас погрузили, включая и себя самого!

– И какой же материал я, по вашему уверению, использовал? Позвольте поинтересоваться.

– В том числе и мой. – Корнелий поднес указательный палец к виску. – Мое увлечение древней научной фантастикой вас столь потешало. А большая часть того, что я наблюдаю вокруг со своего прибытия на Амальтею, взята именно оттуда. Я могу указать цитаты, Червоточин. Ведь именно так и должно поступать при написании научных работ? Точно указывать, что данное утверждение – цитата, и скрупулезно делать ссылки на первоисточник – автора, название, страницу. Но вы, взявшись творить собственный мир, не озаботились подобной мелочью – имена Стругацких, Лема, Кларка и других фантастов для вас ничего не значат! Свой мир вы сотворили из обломков их воображаемых миров. Хотите знать, откуда вы извлекли идею падения «Тахмасиба» на Юпитер? А идею Гласа Господа? Я сомневаюсь, что и теория червоточин разработана вами. Возможно, и ее вы позаимствовали…

Корнелий не успел закончить. Слитые воедино руки Червоточина внезапно вытянулись, раскрылись хищным зевом. Создалось впечатление, что к комиссару рвануло жуткое чудище – безглазое, но зубастое. Из разинутой пасти также внезапно, на грани восприятия вырвалась еще одна пасть, поменьше, и проломила грудную часть демпфер-скафа.

Книга X. Вода Большого канала

1. Большой канал

Посадка получилась жесткой. Ее даже и посадкой нельзя назвать – последние сотни метров они падали, так как ионные движители сдохли окончательно, и лишь система стабилизации поддерживала планетолет в вертикальном положении. Впрочем, и она давала ощутимые сбои. При сближении с тяготеющей массой возникает осевая раскачка корабля. И Телониусу приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы компенсировать ее. Если бы не помощь Ариадны, вряд ли удалось установить планетолет вертикально, условно вертикально, конечно.

Больше всего Телониус опасался насадиться дюзой на кальгоспору, а их здесь, в экваториальной зоне, особенно много. В некоторых областях планетоида они образовывали непроходимый частокол, густо усеивая поверхность ледяными пиками. Однако имевшаяся на борту лоция предупреждала о столь необычном феномене, присущем лишь Европе, и в зоне аварийной посадки отмечала их умеренное количество.

Когда выбросы пара рассеялись, обнаружился крен – достаточный, чтобы ощутить неудобство от поверхностей, которым следовало оставаться вертикальными и горизонтальными, но пренебрежимый для живучести корабля. Телониус попытался выровнять планетолет выдвижными опорами, но, судя по всему, они оказались повреждены.

– Можно отстегнуться, – сказал он Ариадне и поднял над клавиатурой руки, демонстрируя, что больше не намерен к ней прикасаться. – Лучшее враг хорошего, так говорят?

– Надо проверить анклав. – Ариадна легко поднялась, будто и не было перегрузок, когда планетолет упрямо преодолевал атмосферу Юпитера. Даже демпфер-скафы не могли компенсировать торсионные гравитационные поля, отчего казалось, что тело скручивают, а затем раскручивают. – Определите толщину льда на тот случай, если придется бурить.

– Придется, – сказал Телониус, – иначе бы мы его проломили. Займусь буровой установкой.

– Трещины. – Гладкая зеркальная поверхность скрывала лицо Ариадны, но Телониусу показалось, будто она недовольна. – Здесь уйма трещин, сквозь них просачивается вода. Будьте предельно осторожны.

Телониус промолчал. Не имело смысла говорить. Каждый занимается своим делом.

Лифтовая платформа опустила его, он соскочил на лед, не испытывая трепета первооткрывателя. Кальгоспоры, торчавшие

там и тут, походили на громадные, покрытые инеем деревья, и намного превосходили высоту корабля. Упади планетолет на одну из таких игл, потеря дюз и общей центровки была бы неминуема. Судя по всему, процесс их образования шел постоянно, они прорастали из ледяного панциря, достигали предельной высоты и обрушивались, образуя причудливые формы.

Телониус обошел планетолет, похлопав трудягу по напряженным опорам, отметил, что одна из них утонула в рыхлом снеге и нельзя исключать, что там скрывается трещина. Поколдовал с автономной заморозкой, и опора окуталась плотным облаком хладагента. Не слишком надежно, но хватит, по крайней мере, на отведенное для операции время. А дальше… дальше времени не существовало.

И тут Телониус почувствовал словно мозга коснулись влажные липкие щупальца. Это ни с чем не сравнимое ощущение – пугающее и одновременно завораживающе-приятное. Он резко обернулся, но ничего не заметил, да и не удивительно – взгляд отказывался зацепиться хоть за что-то в нагромождении торосов, играющих всеми оттенками голубого и синего. Большую часть Европы занимал океан, укрытый под слоем льда, но в приполярной области планетоида имелись обширные участки суши, архипелаги или даже материки. Однако Ариадна выбрала экваториальную область, где приливное воздействие Юпитера сильнее всего подтапливало ледяную оболочку океана. Над горизонтом расплывалось розовое зарево, возвещая скорый восход планеты-гиганта, и если Ариадна хотела сделать задуманное без помех, им следовало поторопиться.

Из-за ничтожности атмосферы планетоида, вода, проступающая сквозь трещины, немедленно испарялась и вновь покрывалась коркой льда. Телониус отыскал неподалеку от корабля полынью подходящих размеров, где еще колыхалась темная, вязкая жидкость, над ней клубился туман испарения, а там и тут на ее поверхности проступали и ломались паутинообразные льдины. Он отметил полынью маячками и вернулся к планетолету.

– Я нашел, что нужно, – сообщил Ариадне. Язык чесался спросить: не почувствовала ли она нечто особенное, но сдержался – у нее и так забот полон рот. Сам он не разбирался, как работает анклав, поэтому лучше позволить Ариадне полностью сосредоточиться на задаче, а ему – быть на подхвате.

– Отлично, – ответила Ариадна. – Спускаюсь с анклавом.

«Жду», – хотел сказать Телониус, но не успел – лед под ногами дрогнул, сдвинулся, а затем вздыбился так, будто изнутри

его подорвали мощным фугасом. Высоко ударил фонтан воды, посыпался град ледяных обломков, и Телониус, опрокинутый на спину, почувствовал, как скользит вниз, к черной и маслянистой поверхности океана. Он попытался уцепиться за ледяные осколки, но те легко ломались. Вода совсем рядом, еще немного, и он погрузится в океан и камнем пойдет ко дну, но тут чудом удалось обрести опору, повиснуть над водой, вцепившись, как оказалось, в веревочную петлю.

– Как вы, Телониус? – спросила Ариадна. – Держитесь крепче, я вас вытащу…

Веревка резко дернулась, он ее чуть не выпустил, но, приноровившись, стал упираться и отталкиваться пятками от ледяного склона каверны. Тем временем сквозь воду проступили какие-то огни – все ярче и ярче, затем поверхность выгнулась, лопнула, и нечто необыкновенное заполнило всю полынью. Ну прямо гигантская актиния распускалась огромным цветком, шевеля длинными щупальцами-лепестками. Каждое щупальце оканчивалось ярко светящимся шаром, а по всей длине их покрывали полупрозрачные наросты, в них туго свернулись острые стрекала. Телониус не сомневался – коснись его одна из этих штук, и наросты лопнут, выпуская упрятанные в них иглы. На нем скафандр, но выдержит ли он?

Проверять не хотелось, и Телониус крикнул:

– Быстрее… быстрее… быстрее!

Щупальца достигли Телониуса, но не коснулись его, ощупывая пространство вокруг, само же тело «актинии» поднималось все выше над полыньей, туман сгустился, и трудно было рассмотреть, что происходит. Однако Телониус не сомневался – тварь собиралась выбраться на лед и открыть сезон охоты за оказавшимися поблизости космоплавателями.

Толчок ногами, рывок, и вот он на горизонтальной поверхности. Отползает от полыньи, вскакивает. Ариадна уже сгрузила на транспортную платформу анклав – шарообразное тело, утыканное отростками датчиков и управляющих систем, делавшими его похожим на морского ежа. Сама Ариадна в непривычной позе – безвольно опустив руки. Сквозь зеркальную поверхность скафа лица не рассмотреть, но Телониус уверен – она смотрит на Юпитер, заполняющий небо Европы. Восход гиганта продолжается, он распухает, поглощая последние клочья темноты, бросая розовые, красные и коричневые отблески на ледяной панцирь Европы.

Планета-гигант больше не выглядит полосатым леденцом, и его не хочется лизнуть и почувствовать во рту сладость. Грязное пятно ширится на диске Юпитера. Так художник, отчаявшись

составить нужный цвет, смешивает на палитре все краски, что попадали под руку.

Возникают и гаснут колоссальные вихревые огненные потоки, и невозможно представить, что на планете творится.

2. Лик Юпитера

Телониус завороженно наблюдал за трансформацией планеты-гиганта. Это казалось настолько невероятным, что сознание отказывалось присвоить увиденному надежный индекс реальности, поэтому происходящее воспринималось реалистичным сном – осознавая, что не спишь, не слишком удивляешься тому, что происходит. Где-то там, в обычном мире, осталась актиния, поднимавшаяся из полыньи колоссальным цветком на пульсирующем стебле. Остался лежать на транспортной платформе анклав, отпыхивая струйками пара, отводящими от содержимого отработанные вещества. Даже Ариадна, столь же завороженно взиравшая на Юпитер, тоже осталась где-то там, в ином пространстве и времени. Телониус ощущал себя крохотной частичкой множества. Того бесконечного множества Телониусов, что были лепестками распределены по великому смешению пространственно-временных континуумов, сложены вокруг червоточины щупальцами мировой «актинии», вытянувшейся настолько, что ее венчик навис над планетолетом. Рядом с ней он оказался поразительно малым. Их масштабы не совпадали настолько, что корабль выглядел беззащитным перед местной формой жизни.

– Ты гневаешься, Юпитер, значит ты не прав, – произнес кто-то громко и насмешливо, и Телониус вздрогнул, хотел осмотреться, но не нашел в себе сил отвести взгляд от метаморфоза планеты-гиганта. Впрочем, она не выглядела планетой. Она превратилась в лик, лик с пылающими красными пятнами глаз, глубокими морщинами облаков, пересекающих лоб и щеки, и прямым разрезом рта.

Словно колосс склонился над ними, рассматривая крошечных букашек, без его ведома ползающих по поверхности планетоида.

– Ты обманула меня, Ариадна. – Телониус видел, как шевелится рот невообразимого лика, но в силу неправдоподобности происходящего сознание не связывало движение губ с громовым голосом. – Сбежала, прихватив то, что мне необходимо! – Ледяной панцирь дрогнул. Стон прокатился внутри планетоида, а затем поверхность взорвалась обилием фонтанов.

– Я спасла тебя, Червоточин! – крикнула Ариадна. Она чудом удержалась на ногах. – Я спасла тебя от солипсизма! Ты лишился чувства реальности, черт тебя подери! Заплутал в лабиринте знаний и решил, что тебе под силу решить все вопросы мироздания.

Голос ответил не сразу. Он, похоже, ждал, когда бутон «актинии» обрушится на планетолет и сомнет его, как бумажный. Видимо-невидимо щупалец терзали корабль, разбрасывая в стороны обшивку.

– Так скажи мне, Ариадна, – почти миролюбиво прогрохотал глас. – Объясни свой проступок в ослушание воли моей!

– Ты поглотил всех, кто находился рядом. – Ее, казалось, не занимала «актиния», сокрушавшая планетолет, превращая его в груду обломков. – Даже здесь ты воспроизвел то, что выдумано не тобой. Ты расторг всякую связь с объективным миром, Червоточин… Ты – хаос личностей, ты их поглотил… И я всего лишь часть тебя. Ты этого не понял?! Есть только они, – она показала в сторону анклава на самом краю полыньи, – и ты… Юпитер…

– Я вижу еще кое-кого, кроме тебя, – сказал глас задумчиво. – Существо, что сопровождает тебя.

– Не верь глазам своим, – ответила Ариадна. – Ему предстоит появиться по твоей воле… Богу-отцу понадобится бог-сын… или демиург, и тогда, быть может, он создаст нечто свое!

– Я нашел ошибку, – провозгласил лик. – Ты выбрала сомнительный, но правильный путь. Бог не терпит одиночества, ему нужны собеседники. Что ж, довольно теней на стенах платоновских пещер! Я дам им все, даже идеи. Идеи будут существовать наравне с материальными вещами. Пора выйти из пещер к свету своего творца. Нужно прервать дурную бесконечность смерть-цивилизаций. Благовесть обретет наконец-то воплощение.

– Ничего не получится, – возразила Ариадна. – Для их эволюции необходимы условия – тепло и свет. Генетически они земноводные и хладнокровные…

– Хладнокровные? – переспросил глас. – О, хладнокровие нам всем не помешает. О тепле и свете не беспокойся, возлюбленная жена моя. Или я не бог?! Богом быть не просто, но дать свет чадам своим – это ли не его первейшее дело. Пожалуй, так и следует начать генезис мира – и создал Господь свет!

Телониус слышал глас, видел гибель планетолета, смотрел на Ариадну, Пожалуй, ей безразлично, что им не улететь с Европы. Спираль восприятия раскручивалась и вовлекала в сознание все новые и новые картины. А разум отказывался принимать это и пытался внести в лабиринт феноменов хоть какое-то подобие причинно-следственных связей. Он игнорировал то, что не могло существовать, происходить. Вихрь событий яснее открывался Телониусу. Ноги подогнулись, он упал на колени.

– Ариадна… – Вместо крика о помощи – тихий шепот,

который никогда не сможет одолеть всеблагой Глас Юпитера, взирающего на них с презрительной усмешкой. – Помоги… помоги… – Он повалился навзничь, но невероятным усилием воли приподнял голову, уперся локтями в лед. – Прошу… Ари…

Но перед ним нет ни Ариадны, ни ледового панциря Европы в районе Большого канала. Калейдоскоп мира чуть повернулся вокруг оси, и блестящие камешки мироздания, всегда одни и те же, сложились в новую картинку.

3. Калейдоскоп

– Не делай этого! – кричит Корнелий и протягивает руки к Нити, она держит у головы дуло ремонтного излучателя. Руки комиссара стремительно удлиняются, но натыкаются на невидимую преграду, ощупывают ее жутко отросшими пальцами, похожими на паучьи лапы.

– Я должна, – бесцветным голосом говорит Нить, а Червоточин с неизменной ухмылкой в голосе подтверждает:

– Она должна это сделать, Корнелий. И прошу, прекратите ваши фокусы! Я знаю, кто вы и откуда ко мне явились.

– Не дайте ей убить себя, Червоточин! – это Корнелий. – Во имя братства и человеколюбия!

– Братства и человеколюбия? – переспросил тот. – Боюсь, вы опоздали, комиссар. Создав бога, человек обрел иной предмет приложения своих чувств. Человеколюбие отныне не в моде. Возлюби Господа как самого себя, вот наш императив, единственно возможный модус вивенди. Давай, девочка моя, делай то, к чему тебя предназначили! Если уравнение не имеет решения, его уничтожают.

– Нет! – Корнелий кричит. – Не надо! – Его руки бугрятся невозможным количеством и объемом мышц. Удается немного сдвинуть невидимую стену, отделяющую от него Нить.

– Право, комиссар, разве не этого вы жаждали? – продолжает Червоточин. – Когда вы сообразили, что уравнение стабилизации сингулярности – это наша дорогая Нить? И если убедить ее пожертвовать собой, это уничтожит и вашего покорного слугу, не так ли? В сингулярности люди эквивалентны уравнениям, а уравнения – людям! Закон всемирной эквивалентности.

– Вы клевещете, Червоточин!

– Бог мой, как патетично, Корнелий! Вы обвиняете Господа вашего в клевете и навете? Тогда вы избрали себе неподходящее имя, комиссар. Вам более подойдет имя Иов. Не находите? Или в вашей коллекции не нашлось места одному из самых первых фантастических романов, который человечество измыслило о себе?

Нить не шевелится, обратившись в облитую мягким зеркалом статую, изваянную в страшной позе самоубийцы.

– Ну, каков выбор, Иов? Продолжить стенания на гноище или смиренно принять уготованное вам Господом вашим? Или полагаете в гордыне своей себя в полной безопасности? Может, имя ваше не Иов, а нечто более языческое? Янус, например? Янус-Корнелий!

И – вспышка!

Обезглавленная фигура продолжает стоять, сжимая в руке излучатель. Выстрел срезал две трети головы статуи, а то, что осталось, оплывает зеркальными потоками на грудь и плечи. Брызги зеркальной субстанции неправдоподобно медленно разлетаются по отсеку. Одна из капель легко преодолела невидимый барьер между обезглавленной Нитью и Корнелием, ударилась о его грудь и растеклась без следа по поверхности демпфер-скафа.

Но комиссар не смотрит на останки Нити, он не отводит взгляда от Червоточина, с ним творится столь же жуткое превращение. Тот кажется оболочкой. Внутри ворочается, пытаясь вырваться наружу из тесноты, нечто огромное. Фигура увеличивается в размерах, ее распирает, она утрачивает человеческие очертания, становится шарообразной. В зеркальной поверхности комиссар видит себя самого, невольно отступает, упирается в переборку, заслоняется. Все, что соприкасается с тем, что когда-то было Червоточиным, мгновенно превращается в ту же зеркальную субстанцию и поглощается ею. Когда кажется, что ничего не поможет, калейдоскоп опять делает поворот, меняя декорации. Теперь Телониус стоит на галерее, обрамляющей отражатель, и пытается удержаться на содрогающемся в конвульсиях прямоточнике.

Корабль теперь и впрямь похож на ожившую то ли черепаху, то ли медузу. Несущие отражатель башни ракет шевелятся, как огромные лапы животного, которому надоело погружаться в пучину, и оно само принялось за дело, выгребая к поверхности водородного океана планеты-гиганта. Но еще более непонятное происходит с отражателем – он утратил твердость, по мезонному слою прокатываются волны, он пучится и опадает, с каждым разом интенсивнее и интенсивнее, точно ветер набирал силу, а волны уже не в силах его погасить. Но вот вогнутый отражатель становится плоским, а затем вспучивается зеркальным куполом – выше и выше над Телониусом, будто из «Тахмасиба» выдавливается вязкая субстанция. Волны деформации сминают галерею. Телониуса швыряет на леера, страховочный фал рвется, галерея лопается в нескольких местах сразу. Телониус окончательно теряет опору.

Его бросает в бездну. Он летит, кувыркаясь, не знает, где верх, где низ, хочется зажмуриться. От мелькания калейдоскопа из желудка поднимается горькая волна тошноты, но Телониус усилием воли заставляет смотреть. Ему хочется видеть, что произойдет с кораблем. Это не так просто – сложить из мозаики целое изображение. Телониусу даже кажется – невозможно, но

неведомым чудом все же обретает картину происходящего.

Распиравшая корабль зеркальная масса отражателя, на котором теперь яснее проступила область повреждения – паутинистая трещина, сбрасывает ставшую ей тесной оболочку. Разлетаются куски обшивки купола «Тахмасиба», кувыркаются башни носителей, похожих на отработанные ступени первых примитивных ракет.

В демпфер-скафе включается система стабилизации, вращение затухает, и Телониус наблюдает, как огромная зеркальная капля – если она зеркальная, почему в ней ничего не отражается? – вступает в очередной метаморфоз. Она обретает полупрозрачность, в ней нечто темное, и лишь обманчивые масштабы мешают Телониусу сразу признать свернутый в первородной икринке зародыш.

4. Воспламенение

Капля стремительно падает в себя.

Сложно объяснить, еще сложнее воспринять. Мозг не обладает опытом интерпретации квантовых зрительных сигналов и лихорадочно пытается подменить их утомительным и безостановочным каскадом паллиативов. Перегруженное сознание включает прерывание и отказывается воспринимать хоть что-то, погрузившись в обморочное состояние, либо командует себе: «Всё, достаточно! Остановимся вот на этой картине мира!» Мир множественности измерений вырождается в вихрь на месте падающей в саму себя зеркальной сферы. Она сжимается в ослепительную точку, затем ее цвет смещается по всему диапазону, включая инфракрасный и ультрафиолетовый участки. Глаза слезятся и зудят. Окружающий червоточину циклон вовлекает во вращение все новые и новые слои атмосферы планеты-гиганта. Один из потоков подхватывает обломки «Тахмасиба», а затем приходит черед Телониуса.

Что можно противопоставить космической или даже космологической стихии? Ничего. Только подчиниться. И надеяться, что облако останков корабля не разорвет в клочья. Вихрь подхватывает Телониуса, увлекает в бездну, настолько черную, что взгляд невольно расцвечивает ее ядовитыми всполохами света. От них не спастись, даже если зажмуриться. Они существуют исключительно в мозгу, лишь там берут начало и оттуда проникают в так называемый обычный мир.

Чем ближе черная точка, тем медленнее течет время, в полном согласии с фундаментальными законами мироздания. Изменить их не под силу даже Телониусу. Хоть он и пытался. Что такое его неукротимое стремление переделать подделку Венеры в подделку Земли как не моделирование перестройки Вселенной? В бесконечности пространства и времени нет смысла в масштабах, перед лицом вечности все и всё ничтожно равны. Разве не так? Разве не в этом благовесть? Чтобы изменить фрактал, достаточно изменить самую сколь угодно крохотную его часть! Математика, ничего больше, ничего меньше. Теперь в его распоряжении – вечность. Вполне достаточно, чтобы заняться самым доступным для переделки материалом – собой.

Обломки «Тахмасиба» вращаются вокруг, будто Телониус превратился в центр тяготения. Он всматривается в хаос кусков обшивки, искореженных деталей, решеток поёл, светильников, похожих на вырванные из орбит глаза, какие-то округлые контейнеры, обросшие крючками, кубы и пирамиды, чье

предназначение невозможно определить. Среди мозаичного разноцветия он внезапно выхватывает взглядом ртутную искру демпфер-скафа. И не задумываясь, направляет вектор движения туда.

Кто это? Выбор ограничен: Червоточин, Ариадна, Корнелий и Нить… Хотя Нить вряд ли, ведь она разнесла себе голову. Что-то подсказывало – Червоточина среди обломков «Тахмасиба» тоже нет. Это Ариадна или Корнелий. Сейчас он постарается узнать, думает Телониус, и направляется к фигуре. А вот и старые знакомые на его пути – похожие на длинные листья водорослей тела обитателей глубин Юпитера – то ли растений, то ли живых существ, то ли безмозглых, то ли обладающих зачатками разума. Водоросли вокруг шевелятся от передаваемых водой импульсов.

На него надвигается металлическая планета. Здесь, где масштабы искажены, трудно соотнести размеры с чем-то зримым, привычным. Она может превосходить его в тысячи раз, быть величиной с Европу или Венеру, а может оказаться крошечной – протяни руку и сожмешь в ладони. Вблизи релятивистской тяготеющей массы не имеют смысла ни размеры, ни время. Только движение, единственная форма существования разумных тел. Двигаюсь, значит существую. И Телониус осторожно приближается к облитой в ртуть фигуре, не очень понимая – почему это так важно для тех кусочков калейдоскопа, в которые они обратились? Злой великан сломал, разбил тубус игрушечного калейдоскопа, разметал в стороны тусклые стеклышки. Они превращались в чудо только внутри зеркального лабиринта. И оттого, что два стеклышка воссоединятся, ничего не изменится в окружающем хаосе обломков. Или он, Телониус, все-таки на что-то надеется?

– Телониус, это вы? – в ответ на помысленный запрос раздается голос.

Ариадна! Спасительная нить!

– Это я, – подтвердил Телониус. – Пытаюсь до вас добраться. Скоро буду, никуда не уплывайте. – Он пытается шутить. Во всяком случае на это надеется.

– Нет, Телониус, – возразила Ариадна, – прежде анклав. Вы не видите его поблизости?

– Анклав вижу, – сказал Телониус, – точнее сказать, видел, когда двигался к вам. Что с ним делать? Поймать?

– Или пометить маячком, – сказала Ариадна. Телониус подивился ее хладнокровию. Ведь находятся они даже не в более худшем, а в безвыходном положении. Корабль разрушен, а погружение в бездну продолжается. Скоро гравитация и давление покончат с ними. – Я постараюсь отыскать Корнелия, он где-то

поблизости…

– Ариадна… – произнес Телониус. – Вы видите в нем смысл?

5. Янус

Смысл Телониус увидел тогда, когда вечный сумрак атмосферы Юпитера вдруг высветился несколькими плотными потоками, выискивающими среди обломков тех, кто подали сигнал о спасении. Ариадна невозможным чудом отыскала в хаосе обломков «Тахмасиба» облитого зеркальным демпфер-скафом Корнелия, однако признаков осмысленной жизни у него не было. Он обхватывал себя за предплечья руками, их было не расцепить. Комиссар дрейфовал в позе эмбриона, а демпфер-скаф принял шарообразную форму, сделав Корнелия похожим на икринку. Системы дистанционного мониторинга считывали редкие удары сердца и еще более редкие вдохи и выдохи. Корнелий, судя по всему, пребывал в коме, возможно, в результате травмы. Или сработала система самого демпфер-скафа, решившая, что в столь экстремальных условиях ограниченности ресурсов жизнеобеспечения пострадавшего необходимо ввести в стадию принудительной гибернации и перейти в режим ожидания помощи. Если так, то возвращение Корнелия на борт корабля включит механизм реанимации. Единственное, что могли сделать Ариадна и Телониус, – вытянуть из своих демпфер-скафов страховочные нити и сцепить ими себя и Корнелия. И спасательному боту класса «тритон», приспособленному к глубоким ныркам в атмосферу Юпитера, будет легче искать выживших и перемещать их на борт.

Телониус опасался, что погружение в атмосферу планеты-гиганта достигло предела. Спасательный бот не сможет донырнуть туда без ущерба корабельным системам, и тогда управляющий контур даст команду возвращаться на безопасную орбиту. Им же предстоит и дальше погружаться в застывшую распахнутым зевом воронку на месте червоточины, упавшей в атмосферную бездну. И в этой бездне нечто происходило, чувствовал Телониус, – весьма грозное и масштабное, под стать планете-гиганту, но что именно – даже и не пытался вообразить. Еще ощущалось, что стремительно утекает отпущенное им время. Если вскоре спасательный корабль не донырнет до них, больше ничего не будет иметь смысла.

Вопреки мрачным предчувствиям «тритон» погрузился на нужную глубину. Когда его прожектора высветили останки «Тахмасиба», Ариадна сказала:

– С нами бот. Телониус, теперь необходимо погрузить анклав на корабль.

Свободное падение создавало иллюзию невесомости.

Инерционная масса, конечно же, никуда не исчезла. Поэтому затолкать анклав в грузовой отсек бота – задача не из простых. Неизвестно – справились бы они с ней, но бот выпустил транспортировочные фалы и опутал бронзовый шар зеркальными полотнищами.

Прежде чем закрыть шлюз, Телониус еще раз посмотрел в бездну и ощутил, как некто столь же внимательно и недобро смотрит из бездны на него. Перепонка люка чмокнула, отрезав от пристального взгляда. Телониус постоял еще немного, ожидая, пока демпфер-скаф приспособится к остаточному гравитационному полю внутри корабля. Гравикомпенсаторы работали на полную мощность, поглощая большую часть энергии реакторов. Так что если надо вынырнуть из атмосферы гиганта, их придется отключить, перебросив всю энергетическую мощь на движители.

– Нужно посмотреть, что с Корнелием, – сказала Ариадна. Телониус, имеющий на сей счет другое мнение – сначала выкарабкаться из гравитационной ямы, а затем остальное, промолчал. Ариадна права – следовало убедиться, в каком состоянии Корнелий и позволяет ли оно «тритону» набрать максимально допустимое ускорение ухода. – Перенесем его в медицинский отсек.

Телониус, неуклюже двигаясь в демпфер-скафе, изменившем конфигурацию на ту, которая, по мнению зеркальной субстанции, наилучшим образом помогала перемещаться по коридорам и отсекам, подхватил Корнелия под руки, Ариадна взяла его за ноги, и они неловко двинулись, стараясь приноровиться друг к другу. Дверь в нужный отсек распахнулась, и они ввалились внутрь, чуть не уронив Корнелия на поёлы. Висящий под потолком киберхирург, похожий то ли на октопуса, то ли на арахнида, хищно выбросил не то щупальца, не то гибкие лапы, подхватил комиссара и водрузил на операционный стол.

Телониус с облегчением выпрямился, огляделся в поисках седалищ, но таковых в медотсеке не оказалось, зато из пола выехала полупрозрачная панель. В пазах находились разнообразные пиляще-режущие инструменты, предназначенные для высвобождения тела от оков скафандров, одежды и прочих искусственных субстанций. Поскольку в условиях космических катастроф все подобные субстанции, чаще всего, накрепко прикипали к живой плоти, то их приходилось осторожно срезать, максимально оберегая живую плоть для будущих регенерационных процедур.

6. Комиссар

– Время есть, – сказала Ариадна, предупреждая слова Телониуса. – Хочу убедиться, что с Корнелием… Что с ним именно то, что мне кажется.

Демпфер-скаф комиссара вновь обрел очертания его фигуры. Только лицо нельзя различить в мешанине складок, будто тот, кто внутри, еще не решил – какую маску выбрать на этот раз. Телониусу показалось, что он различает не Корнелия, а других – Нить, Пасифию, Червоточина и даже саму Ариадну, хотя она и находилась рядом с ним во плоти. Чужие лица калейдоскопом скользили по лицевой поверхности демпфер-скафа, пока киберхирург не вонзил в область сердца Корнелия деактиватор.

Серебристые остатки жидкого зеркала демпфер-скафа втянули раструбы утилизаторов. Они, как улитки, ползали по телу комиссара, оставляя липкие следы лечебного коллоида. Впрочем, одно место огибали – на животе обнаружилась рваная рана, подсохшая корка подрагивала, из разрывов на ее поверхности сочилось нечто беловатое. Телониус не был силен во врачевании, но ему показалось, что Корнелий, как ни печально, более не пловец, и чем быстрее вернется в Океан Манеева, тем менее мучительно для него.

Ариадна охнула, прижала руки к груди, сделала шаг к телу, но киберхирург простер к ней одно из щупалец, преграждая путь. Над Корнелием вздулся пузырь операционной, воздух в нем затуманился от впрыскиваемых антисептиков и обезболивающих. Кровожадный паук приступил к священнодействию – хирургическому вмешательству в процесс умирания смертельно раненного.

– Пойдемте, – Телониус отвернулся от мельтешащих лап с зажатыми в них резаками, тампонами и салфетками, – надо подготовить стартовую программу. – Этого он мог и не говорить, понимая, что Ариадна лучше знает, как управлять ботом. Но она пребывала в том состоянии, когда требовалось ясно, четко и просто сказать, что от нее нужно. От Ариадны требовалось не так много, в сущности одно – прийти в себя.

Поначалу Телониусу показалось, что Ариадна допустила ошибку в расчетах вектора движения и вместо того, чтобы вывести их на траекторию убегания от Юпитера, направляла бот в бездну. Он дернулся к пульту внести коррективы, она перехватила его руку:

– У нас не хватит скорости на выход. Доберем за счет гравитационного поля.

– Путь в никуда, – сказал Телониус. – Мы не знаем градиента плотности атмосферы, модель выдает слишком большую погрешность. Эти ваши Юрковский с Крутиковым были молодцы, но мы погрузились глубже, чем они. Заметила, что гравитация и давление растут быстрее? И какая разница, что нас расплющит скорее?

И тут Ариадна повторила тот же фокус, что до этого проделал Червоточин – провела пальцем по зеркальной субстанции демпфер-скафа там, где рот. Опять возникла жутковатая улыбка от ушного отверстия до ушного отверстия. Зеркальная субстанция попыталась закрыть повреждение, отчего улыбка исказилась, превратившись в жуткую ухмылку агонии или кровожадности.

– Сингулярность, – сказала Ариадна. – Ты, Минотавр, забыл про сингулярность. Вокруг нее сделаем и маневр разгона. Если колымага не развалится.

В этом Телониус сомневался, но больше не пытался переубеждать Ариадну – в пилотировании она давала ему фору. Если имелся иной путь вырваться из ловушки Юпитера, она бы обязательно им воспользовалась. Чтобы покинуть лабиринт, необходимо добраться до его сердца. Ему даже стало легче – всегда и во всем полагался исключительно на себя, а теперь передал часть бремени кому-то еще.

– Дождемся конца операции, – сказала Ариадна. – Высоких перегрузок Корнелий не выдержит… Хирургия, сколько времени необходимо на завершение процедур?

Нет ответа.

Ариадна еще раз ткнула клавишу, но безрезультатно. Повернулась к Телониусу:

– Сдохли коммуникации. Проще посмотреть самим. Сможешь?

– Да, командир. Безусловно, командир.

– Возьми оружие, – сказала Ариадна. – На всякий случай.

Вид операционной говорил, что последние слова Ариадны имели веские основания – это именно тот «всякий случай», когда лучше быть вооруженным, если не до зубов, то хотя бы чем-то более серьезным, нежели инженерный резак. Пожалуй, здесь во всю силу порезвилась абордажная команда, не стесняясь в средствах. Правда, и не забывая сохранить живучесть корабля.

Главный удар пришелся на киберхирурга – возможно, гипотетические пираты приняли его за неизвестный им вид вооружения, а потому изрядно потрудились над ним. Валялись оборванные лапы, подрагивая в остаточных конвульсиях. Ядро машины выдрали из корпуса, и судя по виду, пинали, точно мяч,

топтали и молотили тяжелыми предметами.

Тело Корнелия отсутствовало. Обрывки демпфер-скафа разбросаны по всему отсеку. Вот еще что отметил Телониус – на мониторах красовались черные отпечатки трехпалых ладоней. Казалось, некто проплавил кристаллическую поверхность. Телониус задумался, что делать дальше – искать комиссара или вернуться в рубку, доложить Ариадне о происшествии и полностью положиться на ее решение. Командование приняла она. Самодеятельности не место на борту корабля. Тем более терпящего бедствие.

Для очистки совести Телониус еще раз осмотрел место происшествия, но так и не решил, что здесь произошло. Может быть, Корнелий лишился рассудка и после того, как пришел в себя, решил освободиться из-под власти чудовищного паука, наверняка желающего употребить его, Корнелия, в пищу? Все бы ничего, но на комиссаре отсутствовал демпфер-скаф, а без экзоскелетных мышц он не только не способен на подобные действия, но и вообще должен лежать без движения в условиях предельной гравитации.

Телониус повернулся к выходу из медицинского отсека. Перед ним возвышалась огромная фигура – голова почти попирала сложную вязь гидравлики и электрокоммуникаций. Самое удивительное заключалось отнюдь не в размерах, а в количестве конечностей.

Сокрушающий удар опрокинул Телониуса.

7. Превращение

По сравнению с четырехруким и четырехногим чудовищем его спарринги на Лапуте детская забава. Как ни был силен робот, он не ставил цель выбить из Телониуса последние остатки жизни. То был поединок, хотя и не вполне равных партнеров. То, что происходило здесь и сейчас, на состязание на Лапуте не походило ни в коей мере, разве что противник Телониуса столь же явно превосходил его по силе, скорости, изворотливости. Несмотря на нелепые и громоздкие пропорции, чудовище о четырех руках и двух парах ног ловко двигалось по отсеку, с высочайшей осторожностью, чтобы не наткнуться, не споткнуться и не упасть. А Телониусу великодушно оставляло преимущество уравновесить возможности на успех и нанести ответный удар. Единственное, что защищало от ударов чудовища, так это демпфер-скаф, пригодный, как оказалось, не только для преодоления закритичных величин гравитации. Как только очередной удар обрушивался на Телониуса, ему следовало либо рухнуть без сознания, либо отлететь на ближайшую переборку и по ней студенистой массой сползти на поёлы. Впрочем, так почти и происходило. Стоило четырехрукому молотом кулаков опуститься на грудь Телониуса, как сознание подозрительно помаргивало. Он обнаруживал себя прикипевшим к переборке многими крючками, те старались все же удержать тело вертикально к вящему удовольствию чудовища, готового повторить неотразимый удар.

Однако корабль приступил к маневру. Падение в бездну началось. Вряд ли Ариадна могла придумать лучшее, чтобы избавить Телониуса от схватки с четырехруким. Резкая смена градиента гравитации отбросила гиганта к противоположной переборке и распяла его там, в безопасном пока отдалении, с жертвой тот жаждал покончить. Его влажная белесая кожа пошла многочисленными складками, по ней прокатывались волны. Казалось, чудовище не имеет внутри ничего твердого – ни костей, ни мышц, что противоречило ощущениям в тех местах, где удары четырехрукого достигли Телониуса. И вообще гигант не походил на живое существо, скорее на обретшее некое подобие жизни одеяние, оболочку, бесформенную и безмозглую. Оформить и осознать ее может лишь тот, кто решится натянуть на себя. А может, четырехрукий именно этого и хотел? Слиться с Телониусом в единое целое. Не подчинить, ни тем более искалечить или уничтожить, а придать иное качество, раз исконный хозяин куда-то исчез…

Лицо существа менялось. В нем, как и тогда, когда Корнелий лежал на операционном столе, сменялись маски, делая его похожим на всех, кого Телониус знал, – вот Нить, вот сам комиссар, вот Пасифия, вот Ариадна, и Червоточин, и Брут, и Вергилий, и иные, кого Телониус затруднился назвать по имени, но чьи лики ему были знакомы. Гигант не имел собственного лица, вернее сказать, он имел большое количество лиц.

А потом корабль исчез. Точнее не так – его вывернуло наизнанку. Все, что находилось внутри оболочки из стали, керамики, пластика, силовых полей, оказалось снаружи, как вывернутый комбинезон, будто хозяин стянул его с себя, скомкал и отправился по своим делам. И вновь Телониус всматривался в бездну, а бездна всматривалась в него. Неописуемое буйство красок, больше похожее на невыносимую боль, на нестерпимый аромат, чересчур приятный, словно смердели тысячи и тысячи разлагавшихся некогда живых существ. Они издавали какофоническую гармонию небесных сфер, в нее жаждалось вслушиваться до бесконечности, ощущая нарастающую во рту отвратную горечь полиритмии, сотен и тысяч гармоник математических рядов, пытающихся сложиться в бесконечность. Хотелось укрыться, спрятаться от пронизывающего взгляда того, кто считал себя его творцом, его, Телониуса, а он не желал быть ничьим творением, а потому ему следовало избрать иной путь. Ариадна пусть и далее разматывает нить траектории разгона вблизи релятивистского объекта / субъекта. Там теряют смысл время и пространство, там одновременно сосуществуют все квантовые исходы бесконечных миров, сложенных в лабиринт, а сам лабиринт предназначен для Минотавра, чтобы не выпустить чудовище наружу. Главный секрет заключался как раз в том, что именно лабиринт и превращал Минотавра в чудовище…

Телониус протянул руки к обвисшей оболочке и рывком слился с ней в единое целое.

И не стало бездны.

Телониус сидел в огромном зале, а рядом с ним работал с информационным терминалом Вергилий, нисколько не изменившийся со времени их расставания. Вокруг царила полутьма. Ее разбавляли редкие светящиеся сферы таких же работающих терминалов, отчего казалось, что вокруг не зал библиотеки, а бездна космоса, но не холодная, не пугающая, а уютная и теплая. Телониус кашлянул, привлекая внимание Вергилия, и тот, словно ждал когда бывший подопечный обнаружит свое присутствие, сказал:

– Почему-то у самозваных творцов лучше получается ад, хотя они всей душой пытаются воссоздать рай, не находите? Может,

все потому, что подобные творцы предпочитают воровать чужие идеи, нежели создавать нечто из ничего? Они создают новый мир, а он повторяет самое себя, отражаясь в лабиринте зеркал. Вряд ли искажения могут хоть что-то добавить извечным образам…

Волна света прокатилась по лицу Вергилия, и Телониус вдруг рассмотрел, что это не его бывший наставник, а Брут собственной персоной. Такой, каким он запомнил его еще там, на Венере, когда собственноручно содрал с него шевроны и велел отправить первым же кораблем вне всякой очереди возвращенцев. Брут, набычив огромную лобастую голову, всматривался в переливы света внутри информационного терминала, похожего на тускловатую звезду спектрального класса G:

– Иногда кажется, Телониус, что мы – постоянные и переменные сложнейшего уравнения мироздания. Оно кем-то придумано, кто-то пытается его решить, не сообразуясь, что за каждой альфой и омегой – разумные и страдающие существа. Этот некто пытается применить одно преобразование, другое, разлагает нас в ряды, дифференцирует, интегрирует, блуждает в лабиринте чисел, не понимая, что приемы математики такое уравнение не решают, здесь нужны иные методы. Их не не отыскать в абстракциях…

Брут поворачивает лицо к Телониусу, одновременно глубже погружая руки в шар информационного терминала. Его пульсация показывает близкое завершение расчетов, нужно только терпение, совсем немного терпения. У Нити, сменившей разжалованного Брута, терпения хоть отбавляй:

– Я ему всегда говорю: это не лучшая его идея. Если не получается, нужно выбирать другой путь, без рекурренции, ибо ряд здесь не сходится, возникают бесконечности, но он смеется. И раз за разом повторяет ошибку, как будто то, что он – это он, искупает жестокость бесконечного воскрешения и гибели, вечного возвращения. Ты должен разорвать порочный круг, Телониус, забыть, что создан частью его самого, и обрести свободу, покинуть его мир и выйти за пределы безумного сознания… ах, если бы это было только сознание! В конце концов даже сознание бога можно понять, но вот его чувства, обиды, горести – в них столь же мало логики, как у обычного существа…

Терминал пульсировал ярче, больно смотреть на него, однако Пасифия упрямо держала руки внутри обжигающей мощи информационных потоков.

– Потерпи еще немного, – сказала она. – Материнская любовь получилась у него лучше всего. Наверное, это единственное, взятое им из прошлой жизни. Любовь доступна и хладнокровным, вот истина. И сотворил человек бога по образу и подобию своему.

Кто повинен, что образ оказался поврежден, а подобие – отягощено злом, а потому богу придется тяжело, придется потрудиться, прежде чем стать тем, кем ему должно стать. Нужно рассказать, понимаешь? Он отгородился сингулярностью, но ее можно преодолеть. Это капля, предохраняет ее поверхностное натяжение, точно так же, как наш разум предохраняется поверхностным натяжением нашего Я… почти все готово, почти все…

Пасифия не договорила. Терминал вспыхнул и взорвался. Он не вмещал в себя всю закачиваемую информацию, сбрасывал оболочку за оболочкой, пытаясь хоть немного, хоть на мгновение ослабить лучевое давление упорядоченного хаоса, но тщетно – его разносило на обрывки. Смешно представить, что самая совершенная и емкая информационная машина способна вместить бесконечность благовести. А ведь именно это и пытались сделать те, кто был раньше, кто протянул эстафету цивилизаций от изначального Большого взрыва, который сам по себе явился манифестацией благовести, кто пытался превратить светила в колоссальные емкости сбора и интеграции разбросанных по мирозданию осколков и крохоток информации. Но мощи светил и галактик не хватало вместить и удержать их. Сверхновые оповещали Вселенную об очередной неудаче и новой попытке воссоздать то, что пребывало вечно…

Эпилог. Поверхностное натяжение

1. Пробуждение Януса

Корнелиус открыл глаза и вновь поймал себя на ставшем привычным ощущении: он не спал положенный и предписанный строгим корабельным режимом срок, а пребывал в каком-то ином мире, где бурно жил и работал, сохранив воспоминания и впечатления, увы, не преодолевшие поверхностное натяжение между тем и этим миром. Тем не менее он чувствовал его соприсутствие, и мучительно хотелось все-таки вспомнить и этим обрести целостность.

Подобные ощущения следовало списать на квантовый «эффект януса», но физики клялись чем угодно, что хотя Корнелиус и его «янус» и составляют квантовую пару, но в том-то и парадокс – из-за горизонта событий, отделившего Юпитер с его многочисленным семейством колец и спутников от остальной Солнечной системы, не может и вообще – физическими законами категорически запрещен хоть какой-то перенос информации. А потому ощущения, сны, явления призраков и прочие видения и галлюцинации следовало прописать по части психологии, наукой сколь темной, столь и не поддающейся их, физиков, пониманию, и проработать их с личным психологом, назначенным Корнелиусу как раз для подобных случаев. И не стоит отрывать занятых по самый потолок физиков своими безответственными фантазиями.

«Уважаемый Корнелиус, да знаете ли вы, какой переворот в физике сингулярностей вы могли устроить, окажись, что между вами и вашим «янусом» по ту сторону поверхностного натяжения идет хоть какой-то, пусть даже самый примитивный, на уровне азбуки Морзе, информационный обмен? – скрипел чудовищно неприятным голосом Светило физики сингулярностей, а по совместительству научный руководитель экспедиции. – Вы знаете азбуку Морзе, Корнелиус?» – спрашивал он то ли всерьез, то ли в шутку, на что Корнелиусу приходилось признаваться – азбуки Морзе он не знает, но обязательно выучит, если Светило объяснит ее необходимость для него, Корнелиуса, чей «янус» вот уже черт знает сколько времени пребывает по ту сторону горизонта событий…

Безответственные фантазии…

Тем не менее ощущения следовало тщательно записать, как того, в отличие от физиков, требовала психологиня, причем настолько подробно, насколько возможно. Это ни в коем случае не избавляло от въедливого допроса, впрочем, позволявшего извлечь из, казалось бы, полностью излитой на видеокристалл памяти Корнелиуса еще множество крохоток и перлов. В

последнее время он пользовался помощью электронного секретаря класса «Ариадна». Он ловко отыскивал логические, семантические, эмоциональные пробелы в очередной записи и задавал дополнительные вопросы для их устранения, однако и это не шло ни в какое сравнение с Пасифией.

Корнелиус сел на чудовищно жесткой койке, сделал несколько телодвижений, разминая спину, плечи, торс, и взглянул на раскрытую книгу, которую перечитывал перед сном. «Космическая одиссея 2001 года» за авторством ныне позабытого Артура Кларка. Взгляд скользнул по колонкам кириллицы. Непривычное, надо сказать издание, а потому редкое. Изрядно пришлось постараться, чтобы заполучить его в коллекцию. В отличие от оригинального английского текста, конец здесь был обрезан – видимо, издатели сочли последнюю главу чересчур смягчающей твердость научно-фантастичности сюжета. Главный герой там превращался в зародыш некого сверхсущества, в Звездное дитя после встречи с творцом, а если без экивоков – богом той Вселенной. Он хоть и не обладал мистическими способностями, но творил разумные существа из неразумных вполне естественнонаучным способом – обучением. Только бог творит из ничего, остальным претендентам на его звание, эпигонам божественного, приходится творить из чего-то уже существующего, созданного до них и не ими.

Корнелиус посмотрел на технический выступ под иллюминатором отсека, превращенный им в книжную полку. Его походная библиотечка. Только самые любимые книги, самые ценные, читаные-перечитаные, выученные наизусть. Интересно, кто еще из многомиллиардного населения Солнечной системы хоть краем уха слышал о Станиславе Леме, братьях Стругацких, Айзеке Азимове, не говоря уже о фантастах второго и третьего ряда, чей талант и скромнее, и не столь плодовит? Наверное, никто. Может, именно поэтому он, Корнелиус, так любит свое чудаческое хобби? Он всегда предпочитал находить и заниматься тем, что не находил и чем не занимался больше никто во всей ойкумене.

По выступу полз шарик клайменоля, вбирая невидимую пыль, а еще несколько намеревались запрыгнуть на книги, чтобы обработать бумагу антисептиком. Корнелиус согнал их на пол, где обиженные сервисные роботы собрались в лошарика, похожего на забавного сухопутного спрута, и заковыляли к лимфолазу, просачиваясь во все помещения базы для навязчивого наведения порядка. Корнелиус беспокоился за судьбу своей библиотеки в его отсутствие. Клайменоли вполне могли счесть ее за мусор. Он несколько раз пытался закрыть отверстие,

прегражда я им доступ в каюту, но каждый раз лошарик ухитрялся одолевать преграду.

2. Феномен

– Почему вы решились на эксперимент? Назовите причину, – спросила психологиня, всем видом демонстрируя незаурядность собственной личности, отчего Корнелиус ощутил к ней величайшее благорасположение. Только потом догадался: Пасифия таким образом разыгрывала элементарный психологический этюд установления доверительной связи, если ее не было – сеансы лишались смысла. Но даже столь отрезвляющее понимание уже ничего не могло изменить в их отношениях. Полная черная женщина, живое воплощение первобытного идеала матери-земли, полногрудая, статная, на голову выше отнюдь не низкого Корнелиуса, она дополняла свой образ ярко-красным просторным одеянием и золотистым тюрбаном.

Феноменологические сеансы проводились в отсеке, оформленном как просторный деревенский дом, с широкой верандой, там они обычно и располагались, – Корнелиус в плетеном седалище, по привычке вытянув далеко вперед костлявые ноги и положив локти на подлокотники, а Пасифия, как радушная хозяйка, подливала ему чай, пододвигала блюдца с вареньем, над ними кружили пчелы. Иллюзия, еще одна иллюзия. Впрочем, весьма действенная и располагавшая Корнелиуса к тому, чтобы, как он про себя изящно это именовал, проявлять ограниченную искренность. Загвоздка состояла лишь в том, что Корнелиус сам до конца не понимал – почему вызвался добровольцем? Он даже хотел выразиться в том смысле, что если уж приехал в Управление, то нужно попасть и в Лес, но вряд ли Пасифия оценила бы шутку.

– Примары, примары, – словно пробуя на вкус слово, повторила Пасифия. – Насколько мне знается, так себя называют наши уважаемые исследователи, хотя никогда не задумывалась – почему?

Корнелиус отогнал от блюдца с вареньем пчелу, добавленную фантоматом для пущей достоверности, и сказал:

– Все просто, глубокоуважаемая Пасифия. Некогда здесь располагалась наблюдательная база «Прима», вот поэтому – примары. Прима – примары, – повторил он, невольно копируя тон Пасифии, с каким она разъясняла Корнелиусу элементарные, с ее точки зрения, вещи.

– Да-да, любопытно…

– Пасифия, а вы сами насколько представляете суть эксперимента? – в свою очередь поинтересовался Корнелиус.

– Ну, расскажите, – как-то рассеянно произнесла психологиня, сосредоточившись на борьбе с особо наглой пчелой, которую фантомат, ее породивший, заставлял раз за разом пикировать на чашку с чаем, бултыхаться в ней, барахтаться, будто головастик, а затем взмывать в воздух для очередного захода. Вряд ли природные пчелы позволяли себе подобное поведение.

– Вы ведь знаете, за горизонт событий невозможно проникнуть ни одному материальному телу. Поэтому мы ничего не знаем, что творится внутри поверхностного натяжения. А узнать нам необходимо…

– Необходимо? – приподняла бровь Пасифия. – Почему?

– Ну… – Корнелиус даже слегка запнулся. – Хотя бы потому, что когда возникла М-сингулярность, в системе Юпитера находились люди. Поэтому надо выяснить, что с ними произошло, и если они еще живы, то изыскать способ их спасти.

– Допустим, мы получили точное доказательство, что спасать некого. Как вы думаете, исследование данного феномена прекратится?

Корнелиус отставил блюдце с имбирным вареньем и взял другое, тыквенное.

– Простите, Пасифия, а чем вас беспокоят исследования М-сингулярности? Даже если бы она не несла угрозы для Солнечной системы, человечество вряд ли оставило без внимания подобный феномен…

– Так, может, это и следует признать нашей истинной целью? – спросила Пасифия. – К чему отсылки к человеческому фактору? Разве мало гибнет людей на Земле, в космосе, других планетах? Но это не становится аргументом в пользу прекращения экспансии…

3. Вид на М-сингулярность

М-сингулярность. Отсюда не разглядеть. Чернота космического пространства на том месте, где по законам небесной механики должен двигаться по орбите величественный Юпитер с многочисленным семейством спутников. Гигант, чуть-чуть не доросший до самостоятельного светила. Вот если бы к его массе добавить Сатурн, Уран, Нептун, получилось бы в самый раз – вторая звезда, превращавшая Солнечную систему в наиболее распространенный тип – систему двойных звезд.

Вытирая полотенцем влажные после душа волосы, Корнелиус смотрел в иллюминатор, специально отключив фильтры и датчики, позволявшие обозначить расположение М-сингулярности. Или, как ее любили называть местные старожилы, Минотавр. Сингулярность Минотавра. М-сингулярность. Чудовищная пасть сомкнулась на Юпитере и в мгновение ока поглотила, превратив этот участок пространства в немыслимый лабиринт, вызывающий пароксизмы восторга у физиков и кошмары у тех, кто отвечал за безопасность людей во Внеземелье. Внеземелье…

– Почему вы называете Солнечную систему Внеземельем, глубокоуважаемый Корнелиус? – Брут приветствовал его появление на базе с такой же показной сердечностью, как и любой комиссар, в зону ответственности которого прибывает комиссар по братству.

– А почему вы называете М-сингулярность Минотавром? – в тон ему спросил Корнелиус. У него чесался язык спросить Брута еще и о Цезаре, но сдержался.

Брут заухал как громадный филин в сумрачном лесу.

– Умеете вы задавать неудобные вопросы, Корнелиус! Ну да, такова ваша планида, не так ли? Давайте так – честный обмен информацией. Баш на баш, как говорят здешние сингулярщики. Вы мне про Внеземелье, а я вам – про М-сингулярность, идет? – Брут выставил могучую клешню, и Корнелиус, слегка пожав плечами, с некоторой опаской вложил в нее ладонь. Пальцы ожидаемо хрустнули. – Не желаете вкусить пищи физической на фоне, так сказать, величайшей загадки?

Корнелиус не отказался, хотя после перелета не ощущал потребности нагружать желудок хоть чем-то более калорийным, нежели обычная вода. Но вид из обиталища Брута и впрямь следовало назвать феерическим. Конечно, он создавался телеметрически, проецировался внутрь с многочисленных следящих спутников, плотно опоясывающих М-сингулярность.

Фасеточные глаза камер позволяли увидеть феномен в его полноте. Пожалуй, только здесь, у Брута, Корнелиус понял, почему это называют поверхностным натяжением. М-сингулярность походила на поверхность мыльного пузыря, по ней прокатывались радужные всполохи, отчего окружающее пространство отзывалось взрывом ярчайших красок.

– Вы знаете миф о Минотавре, уважаемый Корнелиус? – Брут собственноручно положил ему в тарелку гречневой каши с тыквой – обжигающе горячей, пододвинул креманку с медом.

– Кажется, это чудовище с головой быка, которое сидело в лабиринте и пожирало посланных к нему юношей и девушек, – пробормотал комиссар, поглощенный зрелищем ожившей картины Ван Гога.

– Ну, в целом, верно, но как и во всяком мифе дьявол кроется в деталях. Начать с того, что Минотавр являлся сыном Юпитера, верховного бога греческого пантеона. – Брут решил кашу в тарелку не накладывать и зачерпывал ее ложкой прямо из кастрюльки. – Вы понимаете? Там Юпитер, здесь Юпитер. Это раз. Теперь о лабиринте. Считается, что лабиринт построил Дедал по заказу царя Миноса, у которого и родилось это чудовищное создание с головой быка. Но тут нестыковка – лабиринт есть нечто, откуда невозможно выбраться, по сути – порождение хаоса. Но хаоса, созданного человеком. Улавливаете?

– Вы хотите сказать, что М-сингулярность никакая не сингулярность, а…

– …искусственное образование, – завершил мысль Корнелиуса Брут. – Со всеми признаками хаотической природы. Математическая теория сингулярностей имеется, но она настолько сложна, что понять ее могут два-три специалиста во всей Солнечной системе.

– То есть это все-таки результат неудачного эксперимента? Кто именно или что именно послужило причиной… гм… произошедшего?

– Вы ловко избежали слова «катастрофа», Корнелиус, – не то с одобрением, не то с осуждением сказал Брут. – Предлагаю все же именовать произошедшее так. Поскольку, если без экивоков, катастрофа поставила под угрозу существование всей Солнечной системы и должна была внести необратимые изменения в движение всех небесных тел, в том числе и Земли, конечно же.

– Должна была? – поймал самое важное комиссар. – Но не внесла, так следует понимать?

Брут щелкнул пальцами:

– Вот здесь проблема, комиссар. Конечно, все можно списать на устойчивость планетарных резонансов, на неизвестные нам

пока механизмы их сохранения и противодействия вносимым в движение планет возмущениям. Небесная механика не та область физики, где можно ожидать каких-либо откровений. До сей поры мы прекрасно обходились ньютоновской механикой и лишь для ближайших к Солнцу планет делали небольшие релятивистские поправки… Хотя если взглянуть на нашу Солнечную систему, так сказать, извне… Вы ведь в курсе парадокса Пильмана?

Корнелиус нахмурился, но память отказалась выдать хоть что-то на запрос про названный Брутом парадокс.

– Немудрено. Это ни в коей мере не теория, а всего лишь сформулированное недоумение, подкрепленное обширной базой наблюдений за планетными системами иных звезд. Виктор Пильман, да благословит богиня Минерва его имя, – Брут сделал странное движение, коснувшись подушечкой большого пальца своего могучего выпуклого лба, еле-еле прикрытого кудряшками редких волос, а затем полных, резко очерченных губ, – проделал статистическое обобщение и пришел к выводу, что все эти системы являются хаотичными, в отличие, как вы понимаете, от нашей собственной. То, что мы считали нормой, на самом деле – самый возмутительный и необъяснимый парадокс. Единственным исключением, да и то весьма условным, можно считать планетарные системы, возникшие вокруг не главного светила, а одной из планет-гигантов. Но такие тоже можно пересчитать по пальцам.

– Кое-кто считает, будто М-сингулярность на самом деле место зачатия бога, который закуклился там, как насекомое, проходящее метаморфоз. Через энное количество оборотов он явит нам свою славу и тогда… – Корнелиус замолчал, однако Брут даже не улыбнулся, он не исключал и подобные метафизические фантазии. Наоборот, он склонился к комиссару и спросил:

– И что случится, когда в наш мир явится бог?

– Чудеса и диковины, передай дальше, – сказал Корнелиус, не ожидавший, что Брут отнесется к его словам столь серьезно. – А что попросите вы, если перед вами предстанет он – всемогущий и всеблагой?

– Воскрешения, – кратко ответствовал Брут, и у Корнелиуса невольно вырвалось:

– Вашей жены Саломеи? – Прикусывать язык было поздно. Уши горели. Как комиссар по братству, Корнелиус имел доступ к личной информации сотрудников базы, но не стоило это демонстрировать столь откровенно. Впрочем, Брут ответил совершенно спокойно:

– Да, она погибла в Океане Манеева на Европе. Но если

воскрешать, то всех. Всех, кто жил до нас, понимаете?

– Но ведь… ведь это безумно много.

– Не так уж и много, комиссар. За все время нашего существования насчитывается порядка ста миллиардов. Если для них не хватит Земли, то можно терраформировать Марс или Венеру. Венеру даже предпочтительнее…

Корнелиус решил не углубляться:

– Если бы мне выпала такая возможность, я бы посоветовал богу гипостазировать те категории нашего ума, относительно которых у человечества всегда имелись диаметральные точки зрения. Как проще было жить, если бы мы видели материализованные образцы совести, честности, любви, справедливости…

– Корнелиус, вы повторяете слова моего учителя, – усмехнулся Брут. – Он говорил ровно то же.

– Великие умы думают одинаково, – развел руками Корнелиус. – И все-таки, Брут, посоветуйте какой-нибудь путеводитель по теории М-сингулярностей, для общей эрудиции, так сказать…

– В теории М-сингулярностей нет комиссарских путей.

4. Шут

Корнелиус дожевал твердую безвкусную галету, отхлебнул из медной кружки. Он ее возил с собой повсюду и пил исключительно из нее, что повергало окружающих в неменьшее изумление, чем его походная библиотечка бумажных книг. В дверь осторожно стукнули – весьма старомодно, надо сказать. По этикету космического общежития вход в жилой отсек предварялся дистанционным звонком и предварительной договоренностью о встрече. Ведь подавляющее большинство космоплавателей никого ни при каких условиях не допускали в крошечное личное пространство.

Подкинутый Брутом путеводитель по теории М-сингулярностей (несмотря на его замечание по поводу комиссарских путей в науке) лежал на столе, автоматически перелистывая страницы, густо усеянные значками гиперматематики. Привычные символы элементарной и высшей математики казались шумерской клинописью на скверно обожженной глине по сравнению с каллиграфией. Единственным местом, содержавшим больше текста, нежели формул, оказалось введение, из него Корнелиус извлек только одно: М-сингулярности являлись физическим аналогом изначального логоса, который в Большом взрыве и породил мироздание, поэтому физика и аналитический аппарат теории, по сути дела, пытался описывать явления, протекавшие в изначальном логосе до начала всего.

Дальше начиналось тотальное господство гиперматематики, где Корнелиус выискивал «комиссарские пути», но находил и разбирал лишь поясняющие надписи, которые, однако, ничего не поясняли, да названия наиболее ключевых, которые и на уравнения в его понимании нисколько не походили. Впрочем, творцам теории М-сингулярностей нельзя отказать в одном – умении подбирать поэтичные названия. Здесь встречались Уравнение Ариадны, Преобразование Нити, Замена Брута, Подстановка Венеры-Ио, Решающий Фактор Телониуса, Океан Манеевской Неопределенности и даже Пасифайское Материнское Изначалие, но какой метафизический смысл скрывался за ними, Корнелиус не разобрал и вряд ли был способен это сделать.

Грызя галеты, он так погрузился в разглядывание страниц путеводителя, что стука не услышал, а когда поднял голову, увидел на пороге каюты Пасифию, смущенно улыбавшуюся. Была она в неизменных хламиде и тюрбане, но сменивших цвет на нежно-салатовый.

– Входите, – сделал приглашающий жест Корнелиус. – Пытаюсь совместить питание грубой физической пищей и пищей духовной, а точнее – умственной, но боюсь получить несварение.

Поколебавшись, Пасифия шагнула внутрь, цепко охватила обстановку, и Корнелиус готов был поклясться – ей хватило единственного взгляда, чтобы уловить все, даже мельчайшие детали. Поэтому дальнейшие ее действия, вроде повышенного интереса к стоящим на приступке иллюминатора книгам, являлись не столь необходимыми, сколь церемониальными. Пасифия вполне могла удалиться, составив полноту картины о том, как поживал ее подопечный. В том, что она способна это сделать – нисколько не заботясь о подобающих церемониях, – Корнелиус тоже не сомневался. Пасифия нагнулась к книжным корешкам, наклонив голову к плечу, осмотрела, шевеля губами, как человек, давно не тренирующий навык чтения. Оно и понятно, в эпоху говорящих машин, когда даже чашка могла дать пояснения относительно содержимого в ней, чтение больших кусков текста выглядело архаичным.

– Не желаете? – Корнелиус, ощущая неуместное беспокойство, протянул Пасифии распотрошенную пачку галет. – Я тут решил немного… – Он не закончил, но она осторожно двумя пальчиками вытянула сероватую питательную плитку, осмотрела, понюхала и вдруг широко улыбнулась:

– Так вот какое у вас пирожное «мадлен», Корнелиус.

– Простите? – озадачился он. – По вкусу эта… гм… эти галеты на пирожное не похожи, извините…

Она прикусила плитку, пожевала.

– Могу себе представить, какие воспоминания они в вас пробуждали, – сказала Пасифия. – Именно поэтому я предпочитаю макать их в варенье. Представляете, Корнелиус, но наш корабельный кибершеф совершенно не умеет варить варенье. Мне пришлось перевести килограммы драгоценных ягод, прежде чем удалось подобрать необходимый режим и получить нечто похожее на бабушкино варенье, а не компот. Неужели в вашей коллекции бумажных книг не нашлось места для Пруста и его «В поисках утраченного времени»?

– Увы, – развел руками Корнелиус. – Такой книги у меня нет… это что-то про путешествия во времени?

– Это что-то про путешествия, а вернее про блуждания в лабиринтах собственной души и памяти… В романе главный герой откусывает кусочек пирожного «мадлен» и анализирует ощущения и воспоминания, которые вызывает его вкус… и так на протяжении семи томов, – сказала Пасифия. – Гениальное произведение, классика феноменологии. Каждый обязан с ним

ознакомиться.

– Наверное, все дело в этом, – покаялся Корнелиус. – Я не являюсь феноменологом. И у меня вряд ли хватит терпения читать семь томов о том, как герой вкушает кусочек пирожного. Предпочитаю более легкое чтиво. – Корнелиус кивнул на стоящие томики. – Во времена Пруста такого жанра не существовало. Были отдельные произведения, но в целом люди не задумывались о будущем и тем более не строили на его счет воображаемых моделей. Расцвет жанра пришелся на конец двадцатого века, потом он просуществовал ни шатко ни валко до середины следующего века, а затем и вовсе сошел на нет.

– Почему? – Пасифия неожиданно заинтересовалась. – Думать о будущем стало неинтересно?

– Я связываю это с активностью Юпитера, – серьезно заявил Корнелиус, и Пасифия пристально на него посмотрела, пытаясь разгадать – серьезен он или шутит. – Видите ли, Пасифия, систематическое чтение этих и подобных им книг снабдило мой разум самыми невероятными моделями и гипотезами. Я не утверждаю, что это дает мне особое преимущество по сравнению с тем, как функционирует интеллект современников, но, по крайней мере, там, где обычный человек предложит пару-тройку научно обоснованных гипотез, объясняющих происходящее, ваш покорный слуга выдаст не менее десятка столь же неуместных фантазий, привлекающих к объяснению целый сонм несуществующих, быть может, несуществующих, – поправился Корнелиус, – сущностей. Вот, например, демонстрирую вам, как практикующему феноменологу, ход моих размышлений. Посылка номер один заключается в некоей модели, объясняющей развитие человеческой цивилизации воздействием на нее модулированного космического излучения, этакого Гласа Господа, который управляет нами с той поры, как мы возникли в мироздании. Данную посылку можно дополнить тем, что сам человек есть порождение космической сверхцивилизации, чья задача и смысл существования состоит в поиске во Вселенной ростков разума, и если обнаружит – культивировать и выращивать их. Посылка номер два имеет несколько юмористический оттенок… Вы ведь знаете, что такое юмор? – Пасифия улыбнулась и слабо помахала ладошкой.

Корнелиус вздохнул:

– Нет, вы не знаете что такое юмор. Это еще одно направление человеческой культуры, исчезнувшее примерно в то же время, что и фантастика. Одной из форм существования юмора являлись изустные короткие истории, которые яркой и парадоксальной развязкой вызывали у слушателя неодолимый

приступ смеха, если, конечно, у него имелось так называемое чувство юмора.

– Никогда о таком не слышала, – призналась Пасифия. – Вы можете привести пример?

– Гм… все образцы имеют весьма почтенный возраст. – Корнелиус в затруднении ухватил двумя пальцами себя за нос и сделал круговое движение. – Но… хорошо. Попробую на вас анекдоты, сочинил я сам.

Выслушала Пасифия с высочайшим вниманием, затем уточнила:

– Это все произошло с вами?

– Ну… в каком-то смысле. – Корнелиус растерялся. – Понимаете…

– Мне немедленно необходимы данные по этому командиру корабля, – безапелляционно заявила психологиня. – Подобная реакция на чрезвычайное происшествие совершенно неадекватна и скорее всего является симптоматикой тяжелейшего нервного расстройства. Его необходимо срочно отстранить от исполнения служебных обязанностей…

– Пасифия! – Корнелиусу показалось, будто у него заныли зубы. – Пасифия, ну разве можно так разочаровывать пациента в его способностях сочинять смешные истории?!

– Так вы это сочинили? – Пасифия оторвалась от извлеченного из недр ее облачения крошечного блокнотика. – Но… зачем?!

– Вы попросили привести пример анекдота, я привел тот, который сочинил сам. Мне он казался… смешным, – раскаянно сказал Корнелиус. – Значит, в нем нет ничего веселого? – Он с надеждой посмотрел на собеседницу.

Та, судя по всему, лишившись дара речи, лишь покачала головой, упрятывая блокнотик обратно.

– Простите еще раз, – повторил Корнелиус. – Это был эксперимент с ожидаемым результатом. Я в очередной раз убедился… Так вот, в одном из собраний фантастических рассказов описывается случай, где ученые пытаются разобраться, почему людям так смешны анекдоты. И приходят к выводу, что анекдоты – эксперимент над человечеством и проводит его некая сверхцивилизация. И теперь, поскольку герои догадались, что это эксперимент, сверхцивилизация его прекращает и люди теряют способность понимать юмор. Они перестают смеяться над тем, что считали до этого веселым и забавным.

– Меня смущает ход ваших мыслей, – сказала Пасифия. – Если восстанавливать логику, вы намекаете будто гипотеза, высказанная в этом фантастическом рассказе, на самом деле

имеет реальные основания, так?

– На эту тему много нафантазировано, например: сверхчастотная модуляция реликтового излучения на самом деле стартовая программа развития любой цивилизации в мироздании со времени Большого взрыва, этакая благовесть, определяющая наше развитие от рождения и до конца. Либо, еще забавнее, что мы по природе своей вообще не являемся разумными существами, а представляем собой ретрансляторы благовести, которую в религии именуют душой. Понимаете? Прекрати кто-нибудь, какая-то могучая сила, эту передачу, и мы превратимся в обезьян…

Пасифия зябко поежилась, словно из щелей обогрева повеяло холодом. Корнелиус это заметил.

– Впрочем, оставим… Боюсь, это всего лишь доказывает мою собственную бездарность в сочинительстве веселых историй, – сказал Корнелиус. – Пугать получается лучше. Но буду стараться. Авось удастся рассмешить принцессу Несмеяну. Впрочем, не фантастикой и не юмором едиными жив комиссар Корнелиус. Вы что-нибудь знаете о джазе? Любите ли вы джаз так, как люблю его я? – Видя, как Пасифия недоуменно молчит, комиссар потянулся к штатному ретранслятору новостей, откуда изливалась очередная сводка событий в Солнечной системе, и повернул переключатель, прерывая репортаж об очередном этапе терраформирования Венеры. – Вот это мой самый любимый, Телониус Монк, – сказал Корнелиус, и каюту заполнили непривычно организованные звуки струнных и язычковых инструментов.

Пасифия честно пыталась разобраться в лабиринте хитросплетений ритмов, но получалось столь же плохо, как и с попыткой понять юмор. Корнелиус улыбался, наблюдая за ней.

– Очень интересно, – вежливо произнесла гостья, когда комиссар, сжалившись, отключил запись.

– Порой, когда я слушаю Монка, мне кажется, будто мироздание основано на принципе свободной импровизации, – задумчиво сказал Корнелиус, разглядывая извлеченный из звукоснимателя шарик с коллекцией записей. Шарик декорировался картой поверхности Ио и сверкал ослепительными точками. – Физики утверждают универсальность законов на всем протяжении времен, от Большого взрыва до нашей эпохи, но никто еще не вывел основополагающего уравнения мироздания. Чем глубже, как нам кажется, мы погружаемся в познание его законов, тем сложнее и непонятнее они становятся. Но если подойти к ним как к искусству свободной импровизации, то многое бы встало на свои места. Мир творится постоянно, здесь и

сейчас, следуя неким принципам гармонии, изначально заданной теме, развивая ее и порой переворачивая… Джаз, весь этот джаз… – Корнелиус стиснул шарик в ладони.

Пасифия молчала, ожидая когда комиссар вновь заговорит, и обещала себе выпросить у него записи этого самого джаза, чтобы попытаться проникнуться тем, о чем Корнелиус говорит. И безо всякой связи она вдруг вспомнила о лягушках, которых в спешке забыла покормить, и о том, как Корнелиус, первый раз придя к ней и весьма заинтересовавшись аквариумом, задал привычно несообразный вопрос: если на базе вдруг исчезнут все люди, то смогут эти земноводные эволюционировать до разумных существ?

Раздалось шуршание, предварявшее включение интеркома, и голос дежурного сообщил:

– Командир базы просит комиссара Корнелиуса подняться на мостик. Срочно! Повторяю, командир базы просит комиссара Корнелиуса срочно подняться на мостик!

Пасифия и Корнелиус и дальше стояли друг напротив друга, будто сообщение не имело к комиссару никакого отношения. Потом Пасифия глубоко вздохнула, провела рукой по лбу, вытирая крохотные бисеринки пота.

– Я постараюсь, Корнелиус, научиться чувству юмора, если это, конечно, не врожденное. И не эксперимент, который уже завершился.

– Попробуйте, – мягко произнес Корнелиус. – Как говорил ныне забытый великий философ Гегель, юмор – это высшее достижение разума. А сейчас мне надо идти. Вызывают…

5. Мостик

Мостиком базы назывался самый большой отсек выведенного в точку Лагранжа М-сингулярности корабля – когда-то одного из крупнейших танкеров, перевозивших жидкий водород и гелий с Юпитера на Землю и Луну. Для наибольшего объема внутренние перегородки отсека, куда заливался груз, были демонтированы, а сам мостик оборудован дьявольски сложной системой векторной гравитации, позволявшей использовать все его поверхности для размещения аппаратуры и операторов. Подобная концентрация людей в едином беспереборочном объеме вызывала зубовный скрежет у комиссара по безопасности. Она при каждом визите на базу собственноручно выписывала командиру рекламации, прекрасно понимая – тут мало что можно сделать, так как вблизи М-сингулярности работа приборов отличалась крайне низкой надежностью и требовала максимального контроля человеком. Впрочем, люди тоже оказались подвержены влиянию червоточины, и требовалась их ротация. Но с каждым разом добровольцев становилось все меньше и меньше.

Направляющая нить хоть как-то позволяла ориентироваться в сотворенном лабиринте. Корнелиус, придерживаясь ее и шагая по прихотливо вьющейся зеркальной дорожке среди островков с различными векторами гравитации, не уставал поражаться, насколько внутреннее устройство мостика напоминает ему мальденбротовские фракталы, а точнее – их художественное воплощение в картинах Эшера. Казалось, он идет сквозь наложение спиралей, составленных из чередующихся в регулярном порядке операторских мест, мимо фигур, запакованных в ослепительно белые коконы демпфер-скафов. В них они были похожи на огромных личинок с короткими лапками, которые тем не менее ловко скользили по управляющим панелям, снимая тысячи и тысячи показаний дистанционных датчиков, отслеживающих изменения в М-сингулярности. Лабиринт, улей, бесконечность – такие метафоры вспыхивали в уме Корнелиуса. Но поскольку ни одна из них не исчерпывала виденное, он и далее подыскивал слова, позволявшие хоть как-то охватить необъятное.

Несколько раз при посещении мостика ему чудилось, что он видит самого себя и отнюдь не в отражении зеркал. Когда же об этом заикнулся Бруту, тот на полном серьезе подвел под это научную гипотезу о том, что вблизи М-сингулярности возникают пространственно-временные искажения, из-за чего Корнелиус вполне мог заметить самого себя в будущем или прошлом. Нельзя

исключать варианта, когда он столкнется с самим собой, что называется, нос к носу. Поэтому следует заранее подготовить те вопросы, которые он захочет прояснить у Корнелиуса-будущего, и ту информацию, которую он решит довести до Корнелиуса-прошлого.

Вот в чем беда, думал он, проходя мимо откровенных признаков кризиса в исследованиях М-сингулярности – пустых операторских мест, иногда со следами принудительного демонтажа в поисках необходимых для починки деталей, вот в чем дело – у нас не хватает даже слов. На каком-то этапе прогресса человечества внезапно перестали возникать, придумываться, образовываться новые слова, хоть как-то описывающие, что происходит с нами. Перестали рождаться метафоры, образы… Возможно, они еще есть в математике, наверняка они продолжают возникать в физике, но эти науки настолько далеки от повседневности, что утратили с ней точки соприкосновения. Может, я потому так привязан ко всей этой архаичной литературной белиберде, потому что стараюсь там отыскать нужные слова и образы? Вот что я здесь и сейчас вижу? А вижу я сходство с Солярисом, той ныне забытой метафорой всего непознаваемого, что давным-давно рождено воображением философа-фантаста. Да, были и такие. Философы-фантасты, астрономы-фантасты, физики-фантасты, инженеры-фантасты… Люди, непокладавшие ума в жажде творить иные миры.

Солярис – как предчувствие М-сингулярности. Почему и нет? В конце концов из того, что мне удалось понять за то время, пока нахожусь здесь, оставив все иные дела в Солнечной системе на пару десятков «янусов»? Главное, что я осознал, – никто ничего не понимает в М-сингулярностях. А единственный человек, понимающий в них, находится вне пределов нашей физической реальности.

– Я не понимаю, Брут, – сказал в тот раз Корнелиус, – как может быть такое, что имеется некая физическая теория, проработанная модель, много публикаций, но при этом никто и ничего не может понять в происходящем.

– Добро пожаловать в эпоху сингулярности знаний, комиссар, – почти весело ответил Брут, привычный отвечать на подобные дилетантские вопросы. – Современные люди редко задумываются, каково это – существовать в условиях, когда человечеством накоплены столь чудовищные массивы знаний, что оно лишилось способности его осмыслять, перерабатывать, проводить вторичную, третичную кодировки… Знания – как регулярные рейсы к небесным телам Солнечной системы. – Повинуясь движению пальца Брута, перед ним возникла картинка

Земли, опутанная маршрутами рейсовиков к Меркурию, Венере, Марсу, основным планетоидам Пояса астероидов и дальше – за пределы М-сингулярности – к Сатурну, Нептуну, Урану. – Если мы отправляемся на Марс, то за определенный временной отрезок никак не сможем заглянуть еще и на Венеру и тем более слетать к Оберону. Понимаете метафору? Знания, конечно же, кодируются, спрессовываются в обзорные статьи, школьные учебники, популярные издания, но все они лежат, скажем так, в пределах орбиты Луны. Если вы хотите посвятить себя теории сингулярностей или какой-нибудь центральной догме высшей эволюционной генетики, вам придется отправиться на Марс, а то и вовсе – в Облако Оорта без какой-либо гарантии добраться до назначенной точки маршрута. Увы, Корнелиус, но знание человечества окончательно превратилось в набор узких специализаций, где специалисты близких и родственных направлений с трудом понимают язык друг друга. Что говорить о теории М-сингулярностей, которая решает задачу изучения изначального логоса мироздания, начала начал, если угодно – замысла и промысла творца, если таковой существовал. Теория М-сингулярностей – это даже не физика, как многие ошибочно полагают, это – метафизика, это и новая ступень обобщения, и античный термин, относящийся к синкретизму философии, теологии, этики, искусства.

– Закат соляристики, – пробурчал под нос Корнелиус и пояснил громче, поймав заинтересованный взгляд Брута: – Давным-давно была написана книга о некоем космическом объекте – разумном океане на далекой планете. Солярис, так назывался океан, а наука, его изучавшая, – соляристикой. Но поскольку люди совершенно не понимали то, о чем могло мыслить подобное существо, то и наука постепенно пришла в упадок ввиду отсутствия хоть какого-то позитивного выхлопа. Однако, насколько я могу судить, наша наука все же имеет успехи и открытия еще имеют место…

– Стечение благоприятных обстоятельств, – махнул рукой Брут. – Некие направления обладают своего рода научной модой, быть может, из-за многообещающих результатов, которые вот-вот будут получены, но чаще – из-за харизмы ученого и его способности увлечь молодежь, повести за собой, сконцентрировать, так сказать, интеллектуальный кулак в направлении главного научного удара. Червоточин как раз из таких. – Брут помрачнел. – Был.

– Тогда не все потеряно… – начал Корнелиус, но начальник базы покачал головой:

– Он всех забрал с собой на Амальтею, когда его попросили

удалиться с Луны. Сингулярность поглотила всех до единого. А вместе с ними и наши знания о сингулярностях. Конечно, мы пытаемся восстановить утраченное, но требуется слишком много времени и мозгов… Кстати, М-сингулярность некоторые так и расшифровывают – сингулярность Минотавра. Вы ведь знаете, кто такой Минотавр?

– Да, конечно. Но это не совсем точное толкование, так?

– М – от фамилии Манеев, – сказал Брут, и на его лице возникло странное выражение. Корнелиус готов был поклясться, что это смесь отвращения, презрения и плюс ко всему стыда. Было бы тактичнее перевести беседу в иные сферы, далекие от тех, где фигурировал этот пока неизвестный комиссару человек, но Корнелиус находился не в том положении, где следовало слыть деликатным. Впрочем, начальник базы это тоже прекрасно понимал, а потому без всякой подачи со стороны комиссара продолжил:

– Манеев – основоположник теории сингулярностей. Червоточин его ученик… Единственный. Сам Манеев харизмой великого ученого не обладал, а с учениками не церемонился… Был весьма жёсток, если не сказать жесток. Те, кто пытались у него учиться, сравнивали его с железным первопроходческим роботом. Следовало сначала победить в поединке, чтобы вырвать хоть крупицу знаний… Но Червоточину каким-то образом это удалось… До неприличия быстро… слишком быстро, что и породило слухи, будто его достижения в теории сингулярностей на самом деле разработки Манеева, а Червоточин присвоил. Но поскольку иных специалистов не имелось, то все это так и осталось лишь слухами недоброжелателей…

6. Изображения не лгут

– Точные размеры М-объекта установить не удается, – голос нарушил тишину мостика. – Погрешность – три порядка.

– Уточните пределы. – Этот голос Корнелиус хорошо знал. Брут.

– По максимальной шкале – два и двадцать семь километра, по минимальной – три и четырнадцать сантиметра. Основание натурального логарифма и число пи, скорее всего, неслучайны, шеф.

– Ну еще бы, – пробурчал Брут. – Когда ожидаются более точные оценки? Какую ловушку готовить? Грузовой док или камеру Вильсона?

– Волосы мешают, шеф, – включился другой голос, женский. – Пока не покинет зону Гейзенберга, гадаем на кофейной гуще.

– Так постригите… налысо… – в ответ хихикнули, Брут ткнул клавишу и развернул командный серп к Корнелиусу. – Присаживайтесь, комиссар. Сегодня ваш бенефис!

– Ну, раз сингулярность подала весть, надеюсь, она благая… Вы думаете – «янус»? – спросил Корнелиус, опасливо усаживаясь в предупредительно выдвинутый серп дублирующего командования. Он изобиловал пультами, экранами, кнопками, и комиссар положил ладони на колени – не ровен час что заденет.

– Ну… голову давать на отсечение поостерегусь, но ваш информационный двойник нечто произвел в недрах М-сингулярности, в этом мы почти убедились. – Движением пальцев Брут словно фокусник растянул темную ткань пространства, пронизанную крохотными точками света. М-сингулярность напрямую увидеть, конечно же, невозможно, но, присмотревшись, можно заметить, что в распределении звезд по небесной сфере имеется аномалия – они сгущались к некому невидимому центру, окрашиваясь в красное.

Брут поманил пальцем, и картина послушно увеличилась, поглотив их с Корнелиусом. Комиссар вновь ощутил неприятное превращение в космическое тело. Вряд ли Брут хоть что-то слышал о люденах, но переживаемое напоминало Корнелиусу «синдром пингвина», и у него возникло нелепое подозрение, что «янус» осуществил когнитивную диверсию не в М-сингулярности, а в масштабе всей Солнечной системы.

– Вы говорили, результат можно ждать вечность. – Корнелиусу не верилось, что его информационная копия, по сути – такое же ничто, как и сама М-сингулярность, поглотившая Юпитер со всеми его кольцами и планетоидами, а также людьми,

которым не повезло оказаться рядом во время катастрофы (впрочем – катастрофы ли?!), смогла изменить квантово-релятивистский объект.

– Уравнение Ариадны должно было сработать. Если нечто прибыло в сингулярность, то нечто из нее убудет… Вот он, – тихо, почти шепотом сказал Брут. – Наша прелесть…

Крошечная икринка двигалась в пустоте, испуская розовое свечение, а внутри – еще более крошечная тень, завиток, запятая.

– Получены данные по размеру объекта, – звонкий девичий голос нарушил гармонию небесных сфер.

Брут поморщился, вынырнув из картины, и Корнелиус его прекрасно понял – даже огромное помещение мостика казалось тесным отсеком по сравнению с бездной, полной звезд.

– Вы уверены? – переспросил он, когда тот же голос продиктовал цифры.

– Перепроверили много раз, – подтвердила девушка-оператор. – Точность до десятого знака. Сейчас постараемся довести до двадцати знаков…

Брут провел ладонью по блестевшей от пота лысине.

– Ну что ж, дайте изображение.

– Изображения не лгут, – пробормотал Корнелиус, но Брут его не услышал.

7. Откровение

«Телониус… Телониус… просыпайся… просыпайся, Телониус…»

Голос вытягивал из уютного и теплого беспамятства, он висел, свернувшись, обхватив руками колени, чтобы плотнее притиснуть к груди. И неважно, что в таком положении затруднительно вбирать и выбрасывать дыхательную жидкость. Все же за долгое время его тело стало забывать – каково это изначальное дыхание, а проводить физиологически необходимое время в чанах с жидкостью у него никогда не находилось ни времени, ни желания. Теперь же он в этой капсуле-икринке… Сколько?! Тревожная мысль, вернее сказать – тревога в чисто телесном выражении, без сопутствующего оформления словами и причинами, тлеющий ледяной огонь глубоко в грудной клетке, – выбросила его в окружающую реальность. Но он сделал почти удачную попытку хитро извернуться дремлющим сознанием и вновь уйти на глубину – инстинкт, спасавший предков в глубинах океана от щупалец кровожадной горгоны, желавшей полакомиться чужаками, столь неосторожно заселившими ее владения. И даже сейчас, когда горгона осталась за миллионы лет и миллиарды расстояний отсюда, инстинкт сработал – Телониус вскинулся, разогнулся, выпучил глаза в поисках опасности и лишь затем осознал – где он.

Мир был круглым и жидким. Отсюда, из его середины, Телониус внимательно осматривался, а мозг совершал непростую работу перевода сферических искажений в привычные пропорции сухопутного окружения. И то, что он видел, не могло быть правдой. Это наверняка мастерски сделанная иллюзия, ведь дом матери остался там, по ту сторону мира, и никак не мог быть перенесен сюда. Но реальность, данная в визуальных ощущениях – пока ничто иное не проникало за поверхностное натяжение сферы дыхательной жидкости, тем не менее настаивала – это действительно дом Пасифии. И на веранде его кто-то сидит, нет, не мать, конечно же, но тем не менее приметный странной позой – вытянув вперед длинные тощие ноги с необычно тонкими икроножными мышцами, сложив на животе руки с длинными белыми пальцами. В них было что-то не так, но сейчас Телониус даже не пытался уловить, что именно. Важнее вспомнить нежданного гостя, явившегося на неназначенную встречу. Встречу с ним, Телониусом. Уж в этом нет сомнений.

– Тебя ведь зовут Телониус? – Голос исходил со всех сторон,

казалось, будто он существует отдельно от человека, тем более что произносимые слова никак не совпадали с тем, как шевелились его губы… нечеловеческие. И вдруг Телониус понял! Сидящий совмещал черты родственного существа и того, кто никак не мог быть этим существом… – Не удивляйся, тебе кажется, будто мы знакомы, – вновь угадал голос. – Возможно, так оно есть. Я одновременно существую здесь и там, внутри М-сингулярности… впрочем, об этом потом. Тебе… тебе надо привыкнуть и смириться…

– Смириться? – Первое слово, произнесенное Телониусом по ту сторону. – С чем я должен смириться…

Человек на веранде материнского дома – гипостазиса всего, что только может воплощать в себе идея дома, семьи, безопасности, уюта – сделал движение рукой, будто отметал нечто скопившееся перед ним. Телониус увидел еще одно, что наряду с другими черточками и чертами отличало сидящего от него самого. Тонкие, чересчур тонкие, не соединенные ничем пальцы.

– Мы почти ничего… то есть, – тут же поправился сидящий, – мы вообще ничего не знаем о происходящем внутри М-сингулярности. У нас односторонний канал, и то весьма ненадежный. Червоточина, позволившая передать внутрь «януса»… так мы называем квантово-информационную копию личности, – пояснил не-человек, не дожидаясь вопроса Телониуса. – Увы, но это всё… Меня зовут Корнелиус, и моя копия отправлена туда. – Он кивнул, имея в виду то, что назвал М-сингулярностью. – Если мы с тобой там встречались, то это был… гм… не совсем я, понимаешь?

– Я… я знаю… – Телониус хотел сказать «человека», но осекся. – Я знаю того, кто на вас похож. Он называет себя Корнелием.

– Любопытно. – Однако не-человек ни единым движением не выказал ни любопытства, ни удивления. Поэтому сказанное прозвучало еле разборчиво. Он вообще старался совершать как можно меньше движений, будто опасался что-то нарушить, задеть в окружающем пространстве. Приходилось прикладывать усилия, чтобы понять звуки. – Янус слегка укоротил имя… – Крохотные, да еще прикрытые кожаными складками глаза посмотрели вверх, сцепленные пальцы шевельнулись, большие пальцы стали совершать невозможное для человека движение – вращаться друг вокруг друга. Скорее всего, именно своей невозможностью это движение оказало на Телониуса почти гипнотическое воздействие. Он закрыл глаза и ощутил успокаивающее тепло дыхательной жидкости, столь непривычное, – ведь в полете

температура поддерживалась много ниже комфортной, не давая экипажу расслабляться и заставляя постоянными движениями обеспечивать выработку телесного тепла.

– Телониус, – продолжил Корнелиус, – какова ваша цель здесь? Чего вы хотите? Унать истину о своем происхождении? О происхождении вашего… гм… человечества?

– Нет! Я хочу знать истинные размеры мироздания.

Этого Корнелиус не ожидал. Он сел прямо, подтянув ноги, ухватившись за подлокотники.

– Истинные размеры? Вот уж воистину странное желание… Хотя почему странное? – тут же спросил он тише. Этот вопрос он обращал к самому себе. – Разве не в этом цель любого разумного существа – достичь края ойкумены, а затем шагнуть дальше?.. – Он вновь откинулся на спинку седалища. – Что ж, Телониус, ваше желание понятно. Я бы мог его удовлетворить, если бы не инструкции… Поэтому позвольте мне… гм… сделать небольшую демонстрацию… Вы готовы?

Телониус хотел ответить, что да, конечно же, готов, и внезапно осознал свербящий источник беспокойства, ощущение непорядка, можно даже сказать – опасности, так как температура дыхательной жидкости поднималась – осторожно, деление за делением, поднималась до той граничной черты… А дальше… что его ждет… что?

Корнелиус встал и сделал шаг вперед. То, что его окружало, оказалось иллюзией, она тут же растворилась. Не-человек склонился над Телониусом, и теперь их разделяла лишь тончайшая пленка поверхностного натяжения.

Телониус шевелил конечностями, его круглые выпученные глаза смотрели на колосса, с таким же интересом тот вглядывался внутрь крошечной капли, которая являлась убежищем гостя. Сейчас, когда Корнелиус находился столь близко, Телониус полнее осознал, насколько тот отличен от него самого и его сородичей. Он наверняка вел эволюционную линию не от земноводных, а от сухопутных существ – у него не было перепонок между пальцами и узких жаберных разрезов, тянувшихся у Телониуса из-за ушных отверстий. Да и сами ушные отверстия у него были прикрыты огромными хрящевыми выростами.

Не-человек протянул ладонь, и масштаб несовпадения размеров стал еще очевиднее… Он хотел закричать от ужаса, но из горла вырвались только пузырьки дыхательной жидкости. Температура капли достигла критического предела, и Телониус погрузился в сон.

Последний раз в своей жизни.

Казань,

10 февраля 2018 года –

23 февраля 2020 года